

МЫ

ISSN 0236-3283

5-6/90

**СТ-АР-Т
к вершинам
мастерства**

В этом номере
интервью с подмастерьями
архитектурно-художественной
студии.

Главный редактор
Геннадий БУДНИКОВ

Редакционная коллегия:

Сергей АБРАМОВ
Игорь АЧИЛЬДИЕВ
Альберт ЛИХАНОВ
Дмитрий МАМЛЕЕВ
Георгий ПРЯХИН
Григорий ТЕРЗИБАШЬЯНЦ
(заместитель главного редактора)

Главный художник
Валерий КРАСНОВСКИЙ

Художественный редактор
Елена СОКОВА

Технический редактор
Ольга ЛАЗАРЕВА

На первой странице обложки
фото Анатолия БОЧИНИНА

© "МЫ", 1990
Издательство "Дом"
Советского детского фонда
имени В. И. Ленина
Адрес: 101963, Москва,
Армянский переулок, 11/2А.
Телефон: 923-66-61

Отпечатано и типографии
АО Принт-Юхтиёт
Социалистическая Финляндия
при сотрудничестве
В/О "Вестериздат"

Сдано в набор 03.07.90 г.
Подписано в печать 26.07.90 г.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,2
Уч. - изд. л. 20,7. Тираж 1750000

5-6/90

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ПОДРОСТКОВ
СОВЕТСКОГО
ДЕТСКОГО ФОНДА
ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

СОДЕРЖАНИЕ

Митрополит Воронежский и Липецкий Мефодий. Естеством законное творя...	2
--	---

ПРОЗА, ПОЭЗИЯ

Сергей Абрамов. Человек со звезды. Городская фантазия	49
Василий Аксенов. Мой дедушка-памятник. Повесть. Предисловие Глеба Горышина	129
Зарубежный детектив. Ян Флеминг. Операция "Гром". Роман. Перевод с английского. Окончание	256
Марина Карпова. Синяя ворона. Маленькая повесть	101
Маргерит Юрсенар. Как был спасен Ванг-Фо. Новелла	199
Ив Дермез. Мальчик. Фантастический рассказ	31
Юрий Арабов. Человек испаряется небом. Стихи	97
Сергей Самойленко. Смысл ремесла. Стихи	252

ПРОБА ПЕРА

Георг Лордкипанидзе. Урок музыки. Рассказ	300
Стихи Лизы Ахмадулиной, Кости Богомолова, Маши Головятенко, Наташи Кочиной	208

ВЕЧНАЯ КНИГА

Вавилонская башня. Библейские легенды	221
Твоя семейная роль. Разговор с читателем	45
Наше открытие Америки	215

ТЕТ-А-ТЕТ

Инна Кошелева. "Пере-жить!"	120
Старт – начало творческого пути	20
Снимается кино: "Руслан и Людмила"	294
"Битлз" – новые переводы	308
Рок-энциклопедия	313
Тусовка	302

ЕСТЕСТВОМ ЗАКОННОЕ ТВОРЯ...

Митрополит Воронежский и Липецкий
МЕФОДИЙ
отвечает на вопросы нашего обозревателя
Михаила ПОЗДНЯЕВА

...Декабрь складывался так: сначала – поездка в Канаду для участия в благотворительном "Параде Санта-Клауса" в качестве члена президиума Правления Детского фонда, затем – на два дня в Москву, а оттуда – снова через Европу и океан – на Кубу, на заседание исполкома Всемирного совета церквей. Канадцы удивлялись: зачем возвращаться в Союз, ведь от Монреаля до Гаваны путь едва ли не втрое короче! Как им объяснить, что все наши нелепости с визами, билетами, валютой распространяются и на митрополитов...

Митрополитов в Русской Православной Церкви – пятнадцать. Это высший духовный сан. А в периоды упразднения патриаршества на Руси Церковь возглавлял обыкновенно митрополит Московский, в советское время – митрополит Крутицкий и Коломенский Сергей (он стал Патриархом во время войны, когда Сталин почуствовал, что послабления в отноше-

нии верующих не только неизбежны, но могут ускорить Победу)...

Епархия, возглавляемая митрополитом Мефодием, – одна из самых представительных в России: около ста приходов действуют, что ни месяц передаются новые – старые, бездействующие, разоренные – храмы, слава Богу, не взорванные, использовавшиеся под склады да клубы; хлопочет владыка Мефодий о возрождении в Воронеже женского монастыря, главный собор которого уже реставрируют мастера из Москвы – те, что восстанавливали Даниловский монастырь и Оптину Пустынь.

Во дворе Епархиального управления – звонкой меди колокола: на одном из воронежских заводов освоено старинное ремесло, это единственное место в стране, где сегодня льют колокола. Откуда только не приезжают в Воронеж принимать заказы!.. Скоро в Воронеже откроются свои иконописные мастерские и свечная фабрика – причем свечи будут изготавливаться по древней рецептуре...

Фото Владимира ЛАГРАНЖА

Фото Вадима НЕКРАСОВА

Митрополит – да не покажется это ни странным, ни дерзким – чем-то напоминает наших генералов новой формации. В нем очень естественно и ладно сочетаются свойства, кажется, противоречивые: коренастость – и стройность, солидность – и молоджавость, открытость – и сдержанность... И в разговоре он одновременно эмоционален – и размерен, лаконичен – и обстоятелен... Вот ведь и так бывает, оказывается...

Мы договаривались побеседовать в Москве, но после двух "челночных" рейсов из снежной зимы в солнечное лето и обратно митрополит заболел. "Можно задать нескромный вопрос? – покашливая, спросил по телефону. – Вы не могли бы сами ко мне дня на два подъехать? Меня врачи не выпускают из дому..."

За дни, проведенные в Воронеже в гостях у владыки Мефодия, я невольно оказался свидетелем будней церковного иерарха. Говорить об этом в печати мне не пристало – замечу только, что ему было не до лечения: посетители, телефонные звонки, поездки по епархии, срочные и неурочные встречи с местным начальством...

– Когда я был назначен в Воронеж, – вспоминал в одной из бесед митрополит, – я сразу увидел в глазах "отцов города" такое выражение: ну, с этим мальчишкой мы как-нибудь справимся... Я действительно выглядел тогда на свои годы, седой бороды у меня еще не было. Ну, поймал я этот взгляд – и поймал; приступил к работе... Только недавно мне один из руководителей говорит: знаете, а вы, оказывается, полностью оправдываете свое монашеское имя Мефодий – "методичный"! Тихо-тихо, а

все, как вам надо было, тут провернули... Ну, это комплимент – проблемы у меня каждый день новые возникают, только держи ухо востро!..

На этом, пожалуй, я закончу предисловие и дам, без каких-нибудь комментариев, запись нашей беседы в Воронеже 15 и 16 декабря прошлого года. Только одним ярким впечатлением поделюсь. 17-го, когда я возвращался в Москву, было воскресенье. По времени я успевал утром на архиерейскую службу в Покровском кафедральном соборе Воронежа, рассчитывая прямо оттуда на машине рвануть в аэропорт.

Я не в первый раз был на архиерейской и знал, что она отличается особенной торжественностью, чинностью и духовным подъемом. Но никогда ничего подобного, как в Воронеже, я не видел. Во-первых, митрополита у крыльца храма встречала тесная толпа – буквально все, кто пришел помолиться за литургией, ждал своего владыку, чтобы получить от него благословение, и когда он неспешно благословил всех, люди двинулись за ним в озаренный свечами собор... Пастырь и его паства... И еще второе поразило: всю службу люди пели – не только канонические хоровые гимны "Символ веры" и "Отче наш", но вторили от первой до последней ноты всем песнопениям, доносившимся с клиросов! И когда богослужение завершилось, люди не спешили расходиться, но стоя среди храма пели – и тропарь Воскресению, и тропарь празднику Покрова Божьей Матери, в честь которого воздвигнут собор, и тропарь святителю Митрофану Воронежскому Чудотворцу, чьи мощи покоятся в соборе...

Всплыла из глубин памяти – но, конечно, с совсем иным, чем в детстве, когда впервые услышалось, смыслом и чувством – грубоватая, но точная народная формула: "Какой поп – такой и приход". Я понимал, что митрополит и его многочисленные духовные чада – действительно близкие, родные люди...

Это в воскресенье утром.

А в пятницу вечером...

– Владыко, позвольте вот с чего начать. Молодости свойствен настойчивый поиск. Искание, дерзание, терзание. И конечно, ошибки. И конечно, ушибы. И конфликт со старшими: как в младенчестве, когда учишься простейшим вещам и понятиям, – "сам, сам!..". Но одно дело – младенчество и, допустим, желание ходить своими ножками, не за ручку; и другое дело – соблазны отрочества и юности, опасности "переломного возраста". Вы были готовы к монашеству, и священству, и к послушанию как норме духовной жизни, свойству, бесспорно, формирующему нравственность? Были вы подготовлены к этому, не слишком понятному для нашего слуха слову "послушание" детством и отрочеством своим, школой, семьей?

– Я не просто человек с личным опытом, но священнослужитель. И должен потому разделить ваш вопрос на несколько аспектов.

Ну, в личном плане... Я тоже прошел трудности "переломного возраста" – но, только сейчас будучи в состоянии провести анализ того, как это было, могу признать: меня этот возраст не надломил. А сколько он вообще навсегда помнит!..

Я очень благодарен семье, прежде всего маме. Она была нео-

бъчайна мудра в воспитании – сумела не заключать меня в круге своего внимания, как в тисках, как в тюрьме, что делают многие родители. Она научила меня с младенчества размышлять над тем, что мне объясняла, советовала, чему учила... Она не говорила: это белое – это черное, это плохо – это хорошо. Не было в ее пояснениях никакого запрети́тельства. Но она говорила: есть два пути. Ты должен выбирать. Сам. Она в каждом отдельном случае не навязывала мне вывод, вытекающий из ее взрослого опыта, но исходила из своего зрелого, умудренного видения того опыта, которым я располагал. И приводила все время примеры, которые не "затыкали фонтан", но призывали мыслить. Печальнее всего – когда после ответа на поставленный вопрос лицо ребенка скучнеет, глаза тускнеют. И совсем другое дело – когда глаза загораются любопытством!

Мама поступала так мудро не только потому, что как христианка желала и меня видеть христианином, но она просто как мать желала, чтобы я рос душевно здоровым человеком, учился мыслить, развивался в полную силу.

И знаете, когда я вырос и сознательно выбрал для себя духовное поприще, я все время вспоминал примеры, которые мне приводила в детстве мать...

...Никто никому не вправе навязать выход из трудных обстоятельств. Но человек и сам не вправе не прислушиваться к накопленному духовному опыту – иначе надо признать, что жизнь, история, эволюция бессмысленны. Но ведь есть во всей жизни и в каждом из ее эпизодов хоть какой-то да смысл!

Посмотрите, как в храме, осеняя

себя крестным знаменем, человек прикладывается к иконе. Это же отношения живого существа и безмолвного изображения — это диалог! Человек конца XX века прибегает за помощью, за благословением к другому человеку, жившему на земле столетия назад и доньше живущему в памяти и молитвах миллионов и миллионов потомков. Практически на каждой иконе — благословляющий жест правой руки. Что стоит за этим жестом? Не буду касаться символики самого жеста, но Церковь твердо верит, что через благословение священнослужителя мы получаем благодать Святого Духа — то есть наше действие, наш выбор одухотворяется, исполняется важного смысла. Встарь человек получал благословение и в путь-дорогу, и на брак, и на перемену места работы или места жительства. Благословлялся урожай, благословлялись ученики в начале школьного года, каждое здание, каждое строение, даже корабль — буквально все осмыслялось людьми через преподание священником благословения. Ясно же, что и отношение ко всей жизни было серьезнее.

И принятие каждого жизненного решения было серьезным событием, запоминавшимся, оставлявшим след в душе.

Мне посчастливилось: я смолodu близко общался с людьми, очень высоко духовно стоящими. И на моих глазах часто от них испрашивалось благословение. Бывало так: священник задумывался — и не благословлял. Я спрашивал его потом: "Почему? Почему вы не благословили? Ну, пусть поступит, как хочет!" А священник мне отвечает: "Ты знаешь, я сам не знаю, почему я не благословил. Я просто чув-

ствую, что не могу — физически не могу! — руки поднять". Как это называть? Экстрасенсорные способности? Телепатия? Подсознание? Все это узкие и примитивные определения по сравнению со словом "святость". Мы верим, что, если человек внимателен к себе, к миру своей души, если он серьезен в выборе решения, ему через благословение, напутствие духовно зрелого, опытного человека может сообщаться с в я т о с т ь — в прямом смысле слова! Да не покажется юному читателю все, о чем я говорю, неким пережитком, чем-то ирреальным и абстрактным, чем-то, вызывающим снисходительную усмешку... Мы, впрочем, живем в грустное время, когда и святость материнства поставлена под сомнение.

Человеку свойственно и доброе, и злое начало. Вся его жизнь — борьба этих двух начал. Эта борьба опасна, и не всякий способен сам по себе устоять в напряженные моменты такой борьбы. И с точки зрения христианской, да и просто житейской, стремление проявить себя, проявить свой, казалось бы, несомненный талант и при этом проявить свою волю не всегда оправдывается. А с точки зрения человека зрелого могу сказать: все, что нам в юности кажется простым и легким, обязательно встречает на своем пути всякие трудности. Это закон!

Замечательно сказано обо всем этом святым апостолом Павлом, в его Первом послании к коринфянам: "Все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною" — то есть наши намерения не должны становиться страстями и брать нас в плен, а мы все-таки постоянно призваны выбирать, от-

сеивать зерна от шелухи. Апостол и еще раз повторяет далее ту же мысль, сообщая ей новую остроту: "Все мне позволительно, но не все назидает" – то есть не всякое дело служит к пользе, ко благому опыту. И наконец: "Никто не ищет своего, но каждый пользы другого". Тут ставится точка в ходе размышления, ибо в конце концов все наши поступки служат не для проявления прихотей нашего "Я", но к общему благу...

Знаете, Михаил Константинович, я что-то засомневался: будет ли подросток все это читать, не заскучает ли, не отбросит ли журнал?

– Я, владыко, слушаю с огромным интересом и убежден, что и вдвое-втрое нас с вами младший читатель уже увлекся этим чтением. Для меня в моем возрасте неоспорима аксиома: "Выслушай моего совета – и поступи, как тебе велит совесть". Послушание, как я понимаю, и есть чуткое вслушивание в душевные движения, звуки душевных струн друг друга...

– Конечно. Я вам скажу, что мое пастырское служение – это не только обучение моих прихожан чему-то полезному, доброму, но это и мое учение. Такое постоянно взаимное воспитание. Это очень естественно – ведь и родители многому учатся у своих детей, если, конечно, они достаточно внимательны. И так же плодотворно – по этой причине, что внимательные друг к другу люди счастливы! – так же плодотворно для юных людей может быть их общение со старшими и советование со старшими.

– Вы не могли бы вспомнить какой-то пример из собственной жизни, когда вам пришлось прислушаться к совету старшего вопреки всем своим убеждениям?

– Что же... Я, вообще говоря, южанин, жил в Одессе, в политехническом институте учился в городе Славянске – так что в характере моем есть и пылкость, и неравнодушие ко всему окружающему. От характера тоже пока никому просто так не удавалось освободиться. А Духовную академию я заканчивал в Ленинграде. И вот после академии, когда я выбрал монашеский путь и был рукоположен во священники, замечательный церковный деятель тех лет митрополит Никодим, мой учитель, наставник – он и рукополагал меня, и на монашество благословил, – он мне говорит: "Знаешь, я советую тебе поступать в аспирантуру". Я взмолился: "Владыко, я хочу служить на приходе, долгие годы об этом мечтаю, я не хочу в Москву, боюсь я ее, да и трудно мне будет еще в аспирантуре вдобавок ко всему учиться!" Он внимательно посмотрел на меня и назначил в самый северный в Ленинградской епархии и едва ли не самый захудалый приход. Поехал я... Автобусом-экспрессом несколько часов ехать. Зима, трескучий мороз. Выехал еще затемно. Приезжаю, заглянул в какую-то избенку. Мне рассказывают: сторожа нет, дякона – это я знал – тоже нет, псаломщик живет в одном селе, певчие – в двух других... Вот такое начало. Вошел в храм. Нетоплено, грязно, неуютно. Промерзший алтарь. Но у меня не было и тени разочарования: то, к чему я стремился, я получил! Я взял топор и пилу, пошел в лес, скинул с себя свое студенческое пальтишко и стал буквально просеку рубить. Потом приволок эти сосенки к храму, истопил печи, нагрел воды и стал мыть в алтаре, потом в самом храме и пол,

и стены... Пар валил из ведра, пар валил от меня. Я был как на небесах! Печи набрали силу, появился в моем храме живой дух, стали ко мне заглядывать люди. Кто-то принес мне хлеба, кто-то картошки. Я перекусил, вдруг появились и певчие, и псаломщик, уже стемнело — и мы отслужили нашу первую службу. И началась жизнь. Отпраздновали мы Рождество, очень торжественно, в храме было уже все прибрано, вычищено, священник молодой, голосистый... Не подумайте, что хвастаюсь, но просто всегда любил петь, учился старательно церковному пению. И еще в Славянске, когда был студентом, в церкви и псалтырь читал, и пел; об этом в институте знали, но я был отличником, и никаких репрессий ко мне, слава Богу, не применяли...

Потом, уже в конце января, еду я по хозяйственным делам в Ленинград. Захожу к митрополиту Никодиму, он сразу: "Ну, как?" — "Очень доволен!" Он удивился и хмыкнул даже: "Странно". Пригласил своего секретаря и говорит: "Принеси отцу Мефодию те валенки, что мне в подарок из монастыря привезли". Дал мне эти валенки, дал свой теплый свитер и проводил восвояси. Проходит еще время, поинтересовался он, как там мои дела, — в Ленинграде кто-то из моих прихожан оказался. Они отвечают: "Мы так рады, что у нас служит отец Мефодий, вот бы подольше!.." И что вы думаете? Вызывает он меня к себе, усаживает и говорит: "Я все понимаю, но, поверь, каждому нужно быть там, где он должен быть. Человек должен распространять свое влияние на свой, а не какой-то другой круг. Поезжай в Москву..."

— Обидно было?

— Слов нет. Чуть не плакал. Не поехал. Служил в Новодевичьем монастыре, в Донском монастыре, где похоронен тогда еще не канонизированный святитель Тихон, патриарх-мученик. Работал в Отделе внешних сношений Патриархата. И учился. И только много времени спустя появилось сознание того, что, наверное, митрополит Никодим увидел в молодом иеромонахе начатки того, что в лучшие минуты жизни способен сделать для Церкви митрополит Мефодий...

— Случай замечательный. Но вот какая загвоздка: вы ведь слушаться митрополита Никодима не могли — ни как монах, ни как новопоставленный священник его епархии, ни как его духовное чадо. А школьник, подросток — ему слушаться матери, отца, учителя ничего не стоит! И он искренне убежден, что его выбор — правильный, что взрослые ничего не понимают.

— Вопрос такой, что отвечать следовало бы пространно, отдельно. Но я боюсь, кому-то покажется, что я навязываю критерии, причем, что в каждом отдельном случае и разбираться надо особо. Я в ответе буду исходить из сегодняшней ситуации.

Сегодня люди впервые получили возможность не просто высказаться — но выговориться. Выплеснуть все, что накопилось на душе. И всем стало видно, сколько вышескивается грязи. Не целебный источник забил, а гнойник прорвался. Стало быть, не надо доказывать, что общество наше больно. Что оно испытывает духовное голодание, наподобие кислородному голоданию. Духовный вакуум — вот атмосфера нашей общественной жизни. При таком общественном

вакууме и каждая душа томится духовным голодом. Духовной жаждой – вспомним слова Пушкина... И человек ищет формы самовыражения. Инстинктивно, конвульсивно. Ищет формы проявления собственного "я".

Когда я слушаю Чайковского, я обо всем забываю, стоя на пороге величественного духовного мира. Я не понимаю, как можно было семье нотами, семью значками на нотном стане выразить все это богатство, космическую глубину и высоту души, – и думаю об одном: вот в этой душе до конца проявилось то, что дано было от Бога. А ведь жизнь этого человека была страстной, в ней часто случались падения, но мы не помним ничего об этом – мы только слышим музыку. Итог этой жизни – итог колоссальных усилий, исплинской борьбы...

И вот – душа современного человека. Пустая, неодоухотворенная и не осмысляющая себя. Когда в ней происходит борьба, стремление показать миру свое "я" – это чаще всего заканчивается поступками бесчеловечными, жестокими.

Посмотрите, сколько вокруг самоубийств. Сколько подростков кончают жизнь самоубийством! Кто виноват: семья, школа, друзья? Простите, но жизнь-то твоя, тебе дадена, а не школе номер такой-то! Они расстаются с бесценным, священным даром, с чудом, перед которым стоит преклоняться, как с чем-то дешевым, мимолетным, не придавая даже этому значения. Жизнь – дар Божий! Представьте, что исчезнет с лица Земли какой-то вид животных или растений. Экологическая катастрофа! Но самоубийство – катастрофа едва ли не большая, хотя речь идет всего об одной душе...

Какой бы сложной, какой бы, извините за выражение, отвратительной эта жизнь ни была, мы обязаны бороться за нее, спасать ее. На это способен человек, в котором живо доброе начало. Совесть. Только она подсказывает человеку точный курс. И только она подсказывает: тут надо бы посоветоваться со старшим, с более опытным. Да, юноша не в силах сам разложить абсолютно все по полкам, по порядку – сил не хватает, духовных сил в первую очередь... Но ведь можно привести примеры, когда и этих, подростковых усилий хватало не только на то, чтобы не упасть, но и чтобы всей жизни придать верное направление. Это, например, молодые полководцы Красной Армии в ее первые годы. Это Пушкин, Есенин, Шостакович, в очень раннем возрасте понявшие, что талант требует неустанной работы. Церковь могла бы привести примеры из своего ряда имен. Преподобные Феодосий Печерский, Сергей Радонежский, Серафим Саровский уже в детстве избрали путь монашества, священства – и в конце жизни были окружены многочисленной братией и паствой... Им всем пришлось преодолевать и "сопротивление материала" – той среды, в которой они росли, и непонимание родителей. Но им хватило и терпения, и послушания, и труда, и сил – и они достигли духовных высот.

Вновь я хочу вернуться к мысли о том, что все или почти все определяется воспитанием. Наше общество из поколения в поколение растит людей, у которых нет никакого воспитания. Они ничего не впитали, они хилы духом и душой. Как переживают родственники, когда у молодой матери вдруг пропадает молоко! Они горюют, но

кормить младенца чем-то надо – и он питается искусственным молоком. Живое материнское – и искусственное; и сравнивать нельзя. Однако малыш растет... Но ведь и душа человека питается живыми соками. И тут заменителей быть не может...

Юношей воспитывают у нас подъезды, подворотни, улицы, группировки, где все построено по законам банды, стаи – но не семьи, не сообщества...

– Кто угодно, только не родители и не учителя...

– ...да, не семья и не школа. Школа... Она очень многое от меня скрыла. Не буду говорить "обокрала" или "обманула" – это резко и неблагоприятно прозвучит, но многое недосказала. Я не обвиняю лично никого из моих учителей – я имею в виду в целом подход нашей школы к формированию личности. Штампуются поколения, а не личности. Помните "Стойкого оловянного солдатика" Андерсена?

Все солдатики были на одно лицо, а он выделялся, был одиногим... А люди – не оловянные солдатики. Каждый – единственный и неповторимый. Если я и еще кто-то из тех, кто со мной в одно время учился, сидел со мной за одной партой, сумели как-то найти себя в жизни – то большинство сегодня оценивают выбранный тогда путь как ошибочный. Школа приучила нас и в дальнейшей жизни "проходить" – как мы проходили Пушкина, Гоголя, Толстого, – проходить мимо важных вех в судьбе. Мы получаем аттестат зрелости – и, как младенцы, начинаем с нуля, ползком, на ощупь осваивать нашу жизнь. А нам ведь уже по семнадцать-восемнадцать! И если даже есть у нас сила воли, осознание

своего предназначения и добрых чувства – и еще, конечно же, хорошая семья, давшая нам воспитание! – все равно мы тоже потеряли бесценные годы.

Мы пропускаем самое благоприятное время для чтения, для восприятия хлеба насущного – плодов мировой духовной нивы. Под росток должен задуматься над этим сам. В школьной программе по чтению, даже в таких книгах, как "Война и мир", все акценты совсем не там расставлены – и школьник вместо того чтобы на всю жизнь полюбить великую книгу, никогда уже больше ее не раскроет. И ищет истину в других местах – в подворотнях, в темных подъездах...

Человек воспитанный, человек культурный – вовсе необязательно меломан, или завсегдатай выставок, или подписчик всех журналов... Нет, совсем необязательно. скорее всего это почти никак не связано.

У апостола Павла, которого я уже цитировал, есть такое яркое выражение в одном из его посланий – когда его спросили ученики, "а вот мы поступаем по законам нашей веры, нашего христианского жития, а как же те, кто за церковной оградой, вне ее? Как же безбожники – ведь и среди них много порядочных людей? И апостол ответил: эти люди достойны уважения в полной мере, на равных с праведными христианами, ибо они "естеством законное творят".

Я повторю и подчеркну: "ЕСТЕСТВОМ ЗАКОННОЕ ТВОРЯТ" – эти слова кажутся мне необычайно актуальными сегодня, во времена безверия. Сегодняшнее общество именно естеством своим как-то нарушено. Оно естеством на каждом шагу творит беззаконие.

Даже наши депутаты – избранные! – ведут себя, как на рынке, и, обсуждая законы, разрабатывая законы для всего общества, сами естественным беззаконием творят. Естественно – это гармония в душе, духовный потенциал. Люди уже природой своей постигают, что, если они и вне церковной ограды, они живут по Божеским законам, должны уважать тех, кто в церковной ограде, а те будут отвечать им тем же. Когда мы в обществе достигнем полного взаимоуважения, наше общество будет законным, не будет у нас массовых бед, и мы все станем наконец походить на одну большую и дружную семью...

– Владыко Мефодий, я однажды с восторгом встретил в одной из книг или, не помню, услышал от какого-то афоризм оптинского старца Амвросия – он прославлен сейчас как святой. Такой незатейливый, зарифмованный каламбур. Врагов, сказал старец, у нас не так много, как кажется. И не надо их все время искать. Их всего лишь двое. Окаяшка и Яшка. То есть...

– ...то есть все темное, что существует в мире, всемирное зло, и то, что в нас самих толкает нас на дурные поступки.

– И вот о чем я думаю. Молодые люди ищут себя всегда. Но сегодня это выражается не в прическе, не в ширине брюк, не в музыке, как в годы нашего с вами отрочества, а в формах самоубийственных: токсикомания и наркомания, половая распущенность, драки с применением оружия, апатия и равнодушие ко всему, кроме рок-музыки, в новомодных верованиях вроде "сатанизма", и так далее, и так далее... Подростки, читающие нашу беседу, держат ухо востро: вот, опять с Чайковским, опять ругают

наш рок! Но я думаю, что и впрямь что-то повреждено в естестве подростка, если он многое слышит в "тяжелом металле" – и ничего не слышит в Чайковском! Если он в музыке не слышит – какие уж там слова, какие увещания помогут! Какие примеры могут ему открыть слух и зрение!.. Неужели – спрашиваю я себя – в этой душе вообще отсутствуют верхние регистры, и она слышит лишь размеренный ритм, не слыша других составных музыки – гармонии и мелодии?

А вот скажите мне – что там Чайковский – кто-нибудь из наших читателей сможет спеть какую-нибудь старинную народную песню от начала и до конца? Ну, хотя бы колыбельную – ту, что ему в детстве бабушка пела? Два-три слова – и запиется...

Почему? Потому что человек считает во всем точкой отсчета день своего рождения.

Мы отпраздновали 1000-летие Крещения Руси, торжественно, широко. Прошло несколько научных конференций по разным аспектам христианства на Руси – историческому, культурному, богословскому. И как много открылось и мне, и другим участникам этих конференций! Я подумал: какими сокровищами мы обладали без малого тысячу лет, как преумножали их и постепенно благодаря им возрастали – и как быстро все рассеяли! Мы хотели создать новое и наполнить его новым содержанием. Заманчиво. Но, на мой взгляд, попытка эта не удалась.

Вы, наверное, слышали такое выражение – "Святая Русь". Что это значит? Что в царской России одни святые жили? Да нет, конечно, что за глупость. Были и палачи, были и распутины, и вероотступни-

ки, и мракобесы – все было... Но душа русского человека – сама душа, национальный характер – положила начало, стала основой той духовной связи, которая чувствовалась и между поколениями, и между всеми сословиями, всеми этажами общественного здания. Все комнаты были с дверьми, все они сообщались меж собой, сохраняя притом свою самостоятельность.

Мы убрали все перекрытия, перегородки, перегородки. Осталась, да и то едва не рухнув, коробка здания. Снаружи – жилой дом, изнутри – барак. И – никаких связей. Все в кучу, но все разобщено.

Мне часто приходится ездить по деревням и видеть, как страдают люди – в полном смысле слова. Один мужичок мне признался. "Знаете, – говорит, – у меня в доме все есть. И ковер, и другой, и шкаф хрустали-фарфора, и цветной телевизор... И покушать есть чего... Но чувствую, что моему нутру нужна особая пища"...

Хорошо он сказал, верно?

Человек, мы говорим и свято веруем в это, создан по образу и подобию Божию. Но есть и злое начало в мире, и оно пытается человека сбить с пути истинного. Если же человек вообще сам не стремится к свету, то злему началу просто нечего делать: человек сам, тепленький, падает в пропасть.

Я бы включил в программу школы если не саму Великопостную молитву святого преподобного Ефрема Сирина, то ее переложение, сделанное Пушкиным, – "Отцы пустынноики и жены непорочны...". Эти стихи есть в любом собрании, можно самому взять и прочитать. Я разбирал бы этот текст медленно, по одному слову –

как на уроке русского языка разбирают предложение.

В этой молитве мы просим Господа дать нам, ниспослать на нас "дух целомудрия, смиреномудрия терпения и любви" и избавить нас от "духа праздности, уныния, любоначалия и празднословия".

Смотрите, сколько сегодня праздных и празднословных людей! Дело стоит, дело не ждет – а эти люди не знают, как убить время как и о чем поболтать. Любоначалие... О нем мы уже говорили – это своеволие, самолюбие, самонадеянность. Это и гордость...

Но вот еще одно слово – "уныние". О чем идет речь? О том, как школьник, получивший двойку, как говорится, вешает нос. С таким "унынием" справиться не трудно: выучи урок, получи пятерку – вот простой рецепт от этого уныния.

Уныние в духовном смысле – состояние смертельно опасное.

Это итог длительного периода внутренних исканий, внутренней борьбы, не подкрепленных живыми соками. Человек бьется, как птица в клетке, и, наконец, обессилив, падает ниц. Имея свободную волю и свободный рассудок – что и отличает его от других живых существ, – человек вправе пользоваться своей свободой. И это – суть того, что мы называем "сотворенность человека по образу и подобию Божию". Человек – Творец.

И когда он не в силах осуществить творческий акт, не находит внутренней гармонии в душе, не имеет духовной поддержки со стороны – он оказывается как бы на маленькой площадке на краю пропасти. У него кружится голова: это не вышло, там я удовлетворения не получил, здесь мне помешали, тут

споткнулся... На него точно снежный ком катится! И остается одно из двух: быть сбитым и пасть в пропасть, либо – взлететь.

Мне жаль тех, очень многих, кто сегодня в таком положении. Они не знают методов и путей к выходу из него. Сейчас мода на экстрасенсов, на психотерапевтов, психоаналитиков. На них молятся, им верят. Это слепая вера, поскольку она отключает в человеке творческое начало, парализует его как личность. А человек должен сам уметь выходить из таких состояний.

У Церкви есть "учебники", помогающие справиться с такими трагическими обстоятельствами, – это, во-первых, Библия и это писания святых отцов. Жаль, сегодня святоотеческую литературу не переиздают – там собран колоссальный личностный опыт духовных борений и духовного выживания.

Мы часто говорим сегодня о выживании. О выживании человечества, которому грозит атомная и экологическая катастрофа. О выживании нашей страны, одолении ею всех нынешних бед и проблем. Но ведь все замыкается на душе. Внутренние терзания перерастают в общественные, из общественных – в социальные, затем – в политические, экономические. Мы говорим и пишем: надо вот это исправлять, это поднимать и еще это выравнивать. А ведь, отсчитывая от обратного, возвращаемся все равно к индивидууму.

И вот – святоотеческая литература. Десятки и сотни судеб и путей. Не все из них были церковными деятелями, хотя путь иерарха и простого монаха – не один и тот же, и даже путь двух монахов – разный; а среди святых отцов были и сановники, и крестьяне, и

воины, и врачи, и художники – все представители общества. И чтение о них не просто увлекательно, не просто поучительно, не просто глубокомысленно – оно полезно. Эти уроки как-то откладываются, в силу своей яркости и выразительности, в душе. И душа формируется таким чтением, ибо это не развлекательное времяпрепровождение, но труд души.

– У Анатолия Зловина есть в его романе "Демонтаж" такая фраза: "Душа – это такой орган в человеке, куда помещаются все остальные люди"...

– Остроумное замечание. И сразу представляешь наших бедных современников с их слоуженными душами, где им и самим-то тесно, они влезли туда в же время поводят плечами, как в тесном пиджаке...

Цель жизни у верующего человека и у атеиста, у каждого в отдельности и у всех нас – одна: любовь к ближнему. Выше этого ничего нет и не может быть. Выше этого – для тех, кто верует, – только любовь к Богу, но ее не может быть без любви к ближнему.

Любовь к Богу – это любовь ко всему сущему. А любить всех можно научиться, лишь относясь с любовью к каждому персонально. Святой Иоанн Златоуст говорит, что любовь – начало и конец любого закона. Но чтобы проявить такую любовь – а казалось бы, как просто: люби! – чтобы это проявилось, надо иметь внутреннее побуждение. Можно много говорить о любви, можно искренне любить того, кто делает по отношению к нам добро, но это еще не будет любовью. Наше внутреннее, сокровенное должно требовать любви – не любви со стороны, но самому одаривать лю-

бовую других. Любовь — как органическая потребность души. Но как может требовать наше внутреннее, если оно пусто? Оно и молчит...

— Владыко, в последнее время мы часто произносим слова "милосердие", "сострадание", "благотворительность". Газеты пишут о благотворительных начинаниях, о деятельности различных фондов. Но, мне кажется, торжествовать рано — и зло нас подстерегает и на этом поприще. Мы в лучшем случае видим прямую перспективу: вот дорога, на обочине нищий калека, ему надо подать денег, потому что так принято; вот я подам и пойду дальше своим путем... И мы напрочь не видим того, что в искусстве, в иконописи священник Павел Флоренский называл "обратной перспективой". Благотворительность, милосердие, общение с людьми "социально не востребованными" нужнее нам, чем мы им. Такой парадокс. Вы говорили очень хорошо о потребности любить, и милосердие — слагаемое той же любви, а с другой стороны и без любви нет милосердия, а есть всего лишь подачка.

— Вы верно рассуждаете, Михаил Константинович. Я хотел бы вспомнить тут один эпизод из Евангелия от Марка. Христос с учениками сел в храме напротив сокровищницы, куда приносилось подаяние. Многие богатые клали много. Одна же бедная вдова положила две лепты — сумму скорее символическую, но для нее значительную. Опустила эту мелочь в копилку и отошла. И Христос жестом подозвал учеников, чтобы подсели ближе, и тихо сказал: "Вот она положила больше всех. Ибо все клали от избытка своего, а она от скудости своей положила все, что имела..."

Милосердие — это значит умиле-

ние сердца, умягчение сердца. Бедная вдова от сердца оторвала все, что у нее было. Из Евангелия известно, что эти деньги были ею отложены для пропитания — но она их пожертвовала, принесла жертву, на какую только была способна. Она сама была бедна — и от бедности своей принесла жертву. Удивительный, глубокий смысл...

Но я еще хочу обратить ваше внимание на то, что происходит перед этим эпизодом и после него. Чуть раньше, войдя в храм, Христос призывает учеников остерегаться книжников-лжеучителей, лицемеров, любящих парадную одежду, восседание в первых рядах на народных собраниях, приветственные речи и пиры. "Сии, — говорит о них Христос, — поедаящие дома вдов и напоказ долго молящиеся, примут тягчайшее осуждение". То есть Христос призывает творить добро не напоказ, не для похвал, но втайне и бескорыстно. Более того — он указывает прямую связь между лицемерием богатых и нуждами бедных!

И следующий затем эпизод Христос говорит о том, что ничто в мире не вечно, что всему придет конец, и в том числе этому прекрасному храму, из которого они только что вышли. Бессмертен может быть лишь храм духа. То есть Христос призывает задуматься о вещах нематериальных — о душе, о ее целостности и сохранности.

Молодежь сегодня активно участвует в политических течениях, но она очень пассивна в делах милосердия. Ничего нет проще: прийти в детский дом, в больницу, в интернат для престарелых и спросить, чем надо помочь. Помощь там нужна всегда, и ей всегда будут рады. Зайти раз, другой, третий. По-

сидеть у постели больного, взять за руку, поговорить с ним. Ничего сверхъестественного! Но это и будет первый шаг на пути жертвенной любви.

— Владыко, мне посчастливилось быть недавно на встрече с замечательным человеком — это Жан Ванье...

— О, я знаю его, мы с ним встречались! Это он занимается с умственно отсталыми людьми?

— Да, совершенно верно. Занимается четверть века, начал он один, а сегодня в двадцати семи странах мира действуют около ста коммун Жана Ванье. О приезде рок-"звезды" сообщают все газеты, а о приезде Ванье не сообщил никто... Мне запомнились его слова: слабые, больные, увечные могут дать сильным и здоровым еще больше сил. И интересно, что те, кто в коммунах Жана Ванье занимается с умалишенными и умственно отсталыми, не профессиональные врачи, медсестры, педагоги — это люди разных профессий и разного возраста, но все они пережили какую-то жизненную драму. И они вернулись к жизни, встретившись с Жаном Ванье и его больными друзьями...

— Тот случай, о котором преподобный Серафим Саровский сказал: "Стяжи дух мирный, и рядом с тобой спасутся тысячи". Сделав добро, ты приобретаешь вечность. Не стану давать этим словам подробный богословский комментарий, но даже в том смысле, что благодарная память потомков может пережить века, мы находим подтверждение сказанному.

Кому-то покажется неожиданным, что, начав беседу с мыслей о пагубе и опасности своеволия, мы пришли к раздумью о милосердии.

Но противоречия никакого нет. Просто нельзя бездумно тратить год за годом всю жизнь.

Нас одолевает лень и косность: завтра, не сейчас, потом, авось... А вдруг этого "потом" не будет? Давайте хоть после Чернобыля, после Армении правде в глаза глядеть...

Я часто вспоминаю притчу из одной старинной книги. Мудреца спрашивают: "По-вашему, какое самое важное время в жизни человека? И какое самое значительное дело в жизни? И кто самый значительный человек в жизни?" И мудрец как-то сразу и просто ответил: "Самое значительное время — тот миг, в котором мы находимся. Прошлого нет — оно прошло, и ничего изменить в нем мы не сумеем. Будущее — не в нашей власти. Исползуй же текущий миг, чтобы сделать добро людям. Спешит творить добро! Самое значительное дело в жизни — это то доброе дело, которое ты творишь в настоящий и стремительно утекающий момент. И самый значительный человек — это тот, кто сейчас перед тобой и по отношению к которому ты сейчас проявляешь добро, потому что никого больше рядом нет, ни в ком вы так сейчас не нуждаетесь, как друг во друге, и ближе вас, стало быть, в мире никого нет..."

Мудрость — на все времена, на все минуты жизни. Никто не сумеет опровергнуть этой истины.

Время течет, силы наши истощаются, благие порывы гаснут. В какой-то час мы спохватываемся — поздно... Добрые поступки требуют ежедневных упражнений.

И если сегодня мы успеем сделать добро, если мы сделаем его правилом на каждый день — мы оправдаемся перед историей и перед людьми...

СТ-АРТ

студия
искусств

СТ-АР-Т

студия
архитектурного
творчества

СТАРТ

начало
творческого
пути

Что такое архитектура?

Это – каменная летопись мира, – так считал Гоголь.

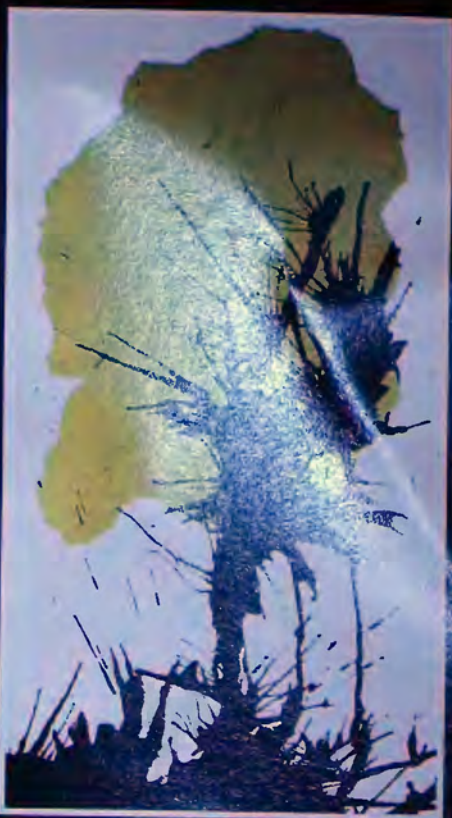
“Архитектура – это образ мышления”, – утверждал французский архитектор Корбюзье.

А много раньше Витрувий, римский архитектор и инженер, живший в I веке до новой эры, дал такое емкое определение – “Архитектура – это польза, прочность, красота”.

Но не всегда три свойства существуют в нерасторжимом единстве. Многие диктуются требованиями, условиями жизни.

Глянешь в окно – коробки, коробки, типичный современный городской пейзаж. В новых и старых городах идет типовое массовое строительство, и архитектура теряет “художественность”, удаляясь от “знатнейших искусств”. Где развернуться творцу, если почти все диктует плохо оснащенная строительная индустрия? В связи с этим в обществе падает престиж профессии архитектора. Многие талантливые архитекторы последних десятилетий либо меняли род занятий, либо начинали проектировать необычные города будущего.

Как вернуть архитектуре прежнюю значимость, прежний статус эпохального искусства? Самый верный путь – поднять архитектурную культуру общества. То есть воспитать и будущих творцов-архитекторов, и будущих заказчиков, и, наконец, потребителей – тех, кто не имеет

на рисунке

написано

отношения к созданию произведений архитектуры, но кому они в первую очередь призваны служить. Это каждый из нас. Ведь красота и польза имеют смысл, если они — для кого-то. Если их оценят по достоинству. Воспитатель-архитектор многое может дать детям уже в силу универсализма своей профессии.

Испокон веков известно, творческая личность многогранна. Достаточно вспомнить мастеров Возрождения или советских художников 20-х годов, когда трудно определить, какая из сторон твор-

чества больше всего волновала мастера. Кем был прежде всего Леонардо? Художником, архитектором, гениальным конструктором? А Татлин? Но у столь разных мастеров, живших в разные эпохи, есть общее — принцип творческого мышления.

Именно архитектор, получивший широту сведений об окружающем мире, способен привить тот тип мышления, который помогает добиваться успехов в любой творческой деятельности. Совсем не случайно архитекторы по образованию становятся и худож-

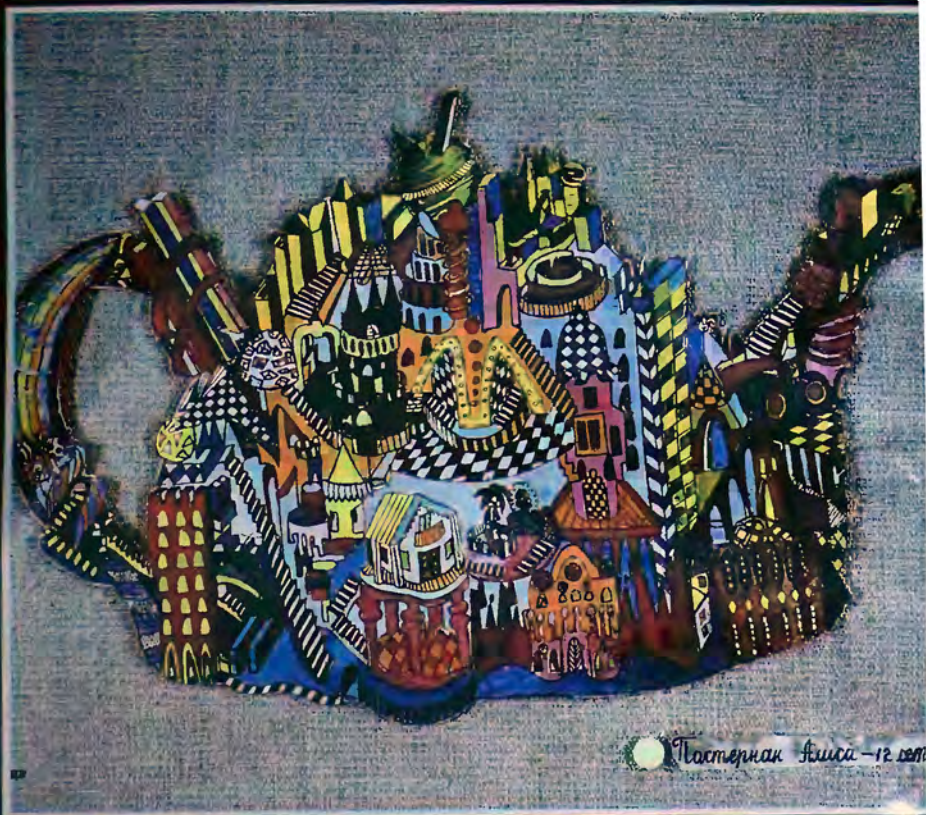
никами, и дизайнерами, и конструкторами, и режиссерами... Поэт Андрей Вознесенский, певица Ирина Архипова, кинорежиссер Георгий Данелия, руководители рок-ансамблей Андрей Макаревич, Алексей Козлов, Вячеслав Бутусов, Пинк Флойд... Все они из архитекторов. А вот обратных примеров история не знает.

В Уставе Союза архитекторов СССР записано: "Активно содействовать воспитанию подрастающего поколения", но союз оставался в стороне от этой проблемы вплоть до последнего времени.

Переломным стал VIII съезд, посвященный вопросам образования.

Был организован координационно-методический центр детского архитектурно-художественного творчества Правления СА СССР. В Москве и других городах появились детские архитектурные студии. Архитекторы стали преподавать в школе, и сейчас методический центр разрабатывает специальную программу по рисованию и черчению.

Ни одна из студий не готовит в архитектурный вуз (для этого существуют специаль-

ные курсы) – их задача шире. Воспитание осознанного творческого отношения к окружающему миру, освоение навыков и умений изобразительного творчества, развитие способностей к художественному анализу...

Архитектурные студии выступают на детских художественных выставках единым блоком, самостоятельной частью, но это не значит, что их ученики должны изображать только архитектуру. Например, объект внимания студийцев "Старта", работы которых здесь пред-

ставлены, – окружающий мир во всем его многообразии: природа, создаваемые человеком формы, цветовые пятна, линии... Разница в отношении к миру: у художника оно созерцательно-изобразительное, у архитектора – осмысленно-созидательное.

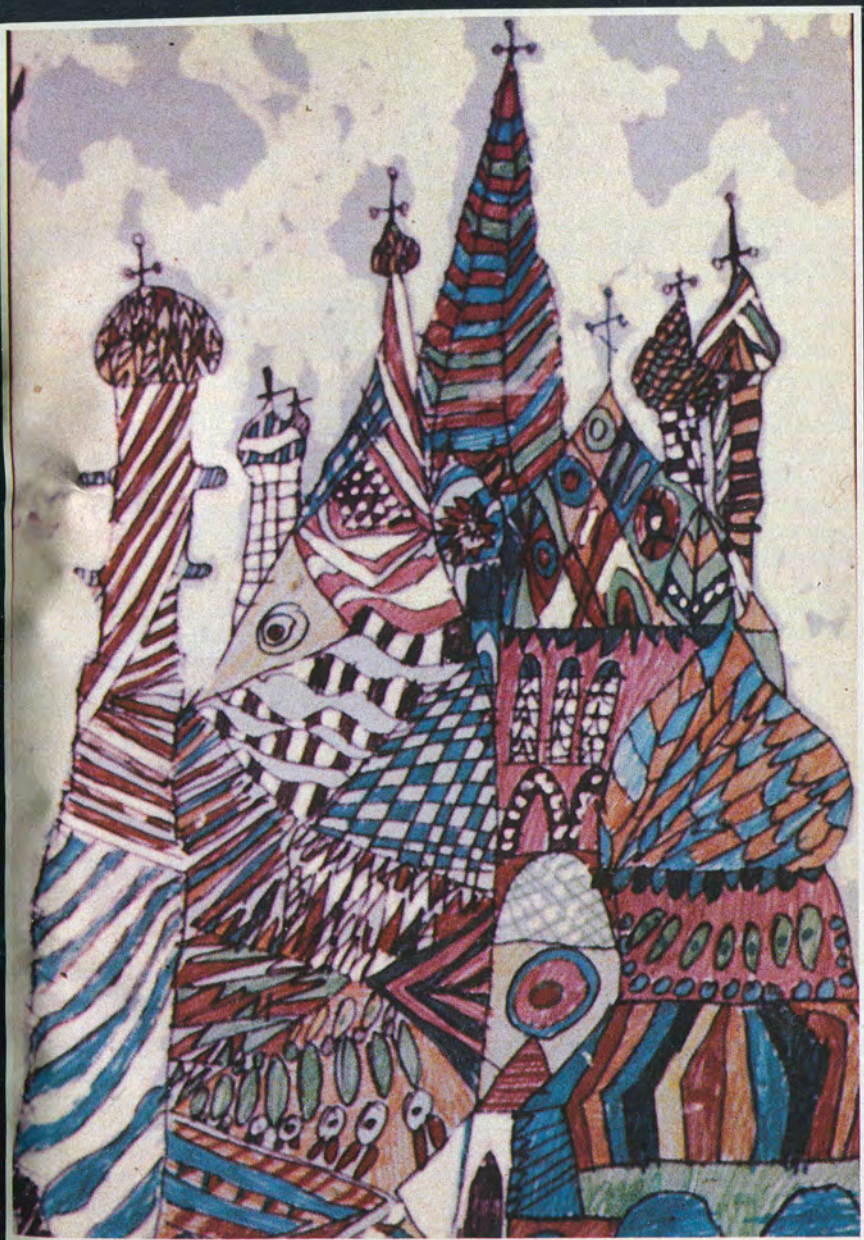
Бедь если переставить слова в высказывании Витрувия, то все, что функционально, целесообразно и художественно одновременно, и есть архитектура. Можно говорить об архитектуре дерева, листа, костюма, мебели, автомобиля, стиха, музыкального произведения...

Это различие без труда чувствуешь на совместных выставках. Ребят-художников мало интересует сам объект изображения, для них важнее то впечатление, настроение, которое он вызывает. Они могут любовно рисовать убогий панельный дом – днем, вечером, в дождь, в снег... На работах юных архитекторов, как правило, не увидишь обычных домов с натуры – здесь чаще какое-нибудь фантастическое сооружение, но уже без снега и дождя.

Педагоги студии "Старт" развивают природную склон-

ность ребят к фантазированию. От инопланетных существ с наскальных рисунков, сказочных фениксов, русалок, мифических кентавров и сирен – порождения народной фантазии – они идут к созданию собственных фантастических архитектурных форм.

Ребята постарше, знакомясь с работами выдающихся мастеров разных времен, приходят к теме "город будущего". И тут-то в фантазии они не уступают маститым.

В студии изучается пластическое устройство мира природы, история искусств. Но просто знание истории – не самоцель. Студийцы проходят этапы построения пространства на плоскости, которое прошло человечество, заимствуя то ценное, что приобретено многовековым опытом.

Так, изучая искусство Древнего Египта, ученики изображают человека в египетской канонической позе, то есть в самых выгодных ракурсах: голова и ноги в профиль, глаз, плечи развернуты в фас – такое изображение в двух проекциях дает полное представление о человеческой фигуре. Кстати, этим же приемом пользовались кубисты. На занятиях студийцы заметили, что Пикассо в своей "Девочке на шаре" специально сажает акробата в "египетскую позу", чтобы подчеркнуть мощь его плеч – в сравнении с хрупкостью девочки-гимнастки.

Результатом изучения искусства готики стали совершенно неожиданные работы, выросшие из соединения ар-

хитектуры зданий, архитектуры растений и живых существ – Готический ежик, Готический арбуз...

Русская архитектура, частности, Василий Блаженный, деревянные дворцы вдохновили на Дом-самовар Дом-петух...

Особое внимание в студии уделяется изучению искусства советского авангарда 20-30 годов. В последнее время мы наконец получили возможность познакомиться воочию, а не по книгам, с искусством его мастеров, побывать на выставках Малевича, Родченко, Кандинского, Шагала, Филонова, Поповой.. Авангард стал для нас прерванной традицией, которую переняла и продолжила западная культура и которую должно оценить и развить наше новое поколение.

В этом году Союз архитекторов СССР провел первый фестиваль детского архитектурно-художественного творчества, выставку детских работ. Познакомимся с некоторыми из них. Они разные. Но все заставляют думать о том, что творчество – это постоянный поиск, неудовлетворенность достигнутым, открытия, озарения, стремление к совершенствованию, желание найти необыкновенное в обыденном, умение поставить все с ног на голову и вернуться обратно в исходное положение... И всегда – стремление выразить то, что тебя переполняет.

Инга АБАЕВА, архитектор

МАЛЬЧИК

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Едва успев создать колонии на нескольких планетах, человек внезапно оказался отрезанным от своих баз. Земля больше не откликалась. Но хотя отважные завоеватели пространства¹ уже начали оселять чужие миры и добывали там почти все необходимое промышленное сырье, о полетах в космос без помощи родной планеты нечего было и думать.

Несколько звездных кораблей, оказавшихся в распоряжении колонистов, тотчас устремились к Земле — и пропали без вести. Много позже найдено было объяснение: корабли приземлились благополучно, но обнаружили на Третьей планете своего Солнца одни лишь развалины и безлюдные пустыни, и у них не оказалось горючего на обратный путь. Многие месяцы космонавты скитались по Земле, пытаясь отыскать следы цивилизации, которая отправила их на завоевание галактик... Но от нее, видимо, ничего не сохранилось. Они подвергались на-

падениям выродившихся, одичалых землян, но несколько столетий спустя можно составить представление о Великой катастрофе.

Земля стала жертвой двойного ядерного взрыва, разразившегося почти одновременно восточнее и западнее нулевого меридиана. Исследователи и по сей день поразному объясняют причины этого катаклизма. Одни полагают, что, по странному совпадению, в обоих полушариях одновременно произошел несчастный случай, другие говорят о ядерной атаке и немедленном ответном ударе.

Как бы то ни было, от действия радиоактивных осадков погибло 95 процентов обитателей планеты.

Потомство немногих выживших претерпело странные изменения. Значительно притупилось зрение — даже при ярком солнечном свете люди видели теперь не дальше чем за пять-шесть шагов.

Кроме того, сильно изменилась частота волн, улавливаемых человеческим глазом. Почти ослепнув, люди, однако, стали видеть многое, что прежде им было не-

¹ Подобные выражения — увы! — представляют собою дословный перевод из Галактической Энциклопедии.

доступно. Например, деятельность мозга представлялась им теперь в виде своеобразного света, который окружал голову лучистым ореолом.

Из двух дошедших до нас дневников явствует, что на протяжении многих лет люди почти не видели друг друга — в тусклой полутьме, лишенной всех красок, кроме различных оттенков серого, они различали только светящуюся голову.

При этом, судя по всему, уцелевшие жили общинами, в которых установились примитивные, варварские законы, и к "Факелам", то есть к тем, чья мыслительная деятельность была сколько-нибудь значительна, относились как к врагам.

(Галактическая Энциклопедия, том "Третья планета Солнца")

Когда вдали на холме вспыхивал свет, я поступал, как все молодые: смотрел. Большой свет не пустяк. Он притягивает. Старики говорят, что когда-то подходили к нему близко и он их обманул. Больше всех на это напирал Солагар, которому уже минуло сто лет. Он даже говорит, что прежде светов было меньше, но они сверкали ярче.

Нам, молодым, судить трудно. Но одно можно сказать наверняка: при том, что дичь едва различаешь в пяти шагах, яркое пламя, повторяю, притягивает.

Вот потому я туда и пошел, хотелось поближе рассмотреть свет, который вспыхнул на холме. Я пошел с Жоссом и с Иоландой. Кстати сказать, Иоланде пора сделать выбор, так больше не годится. Жосс чересчур много

занимается ею, когда они отходят на десять шагов — да-да, на два Взгляда. Другие ничего не замечают, а я-то вижу, и меня это бесит. Глаза у меня не очень хорошие, я ношу очки. Да еще с какими толстыми стеклами. Но это не помогает, я вижу дальше других.

Так вот, мы пошли к свету на холме. Пока мы собирались, мой отец нас отговаривал:

— Не валяйте дурака! Слушайте, что вам говорят. Мы, старшие, ходили туда, когда это еще разрешалось. А что толку? Ровно ничего, пока дойдешь, все погаснет. Да еще иногда нас там дожидались Черные в своих мундирах. Не так-то приятно было на это смотреть. Не на мундиры, они-то красивые, я и сам непрочь бы надеть мундир (тут он вздохнул)... я просил, а мне сказали — ты, мол, больно много видел светов, когда был молодой, больно ими интересовался, так скажи спасибо, что тебя самого не погасили...

Кто пробует подойти поближе к свету, тем ведут счет. Ведут счет — это значит задают жару. Понятно? И уж потом век вам этого не забудут.

Допустим, ребяташки, вы пойдете туда, к свету. Придете, а там уже и нет ничего. Разве что кучка пепла. В прежние времена их сжигали. Ну и ну! А теперь уже не жгут, а гасят. Не знаю, как. И главное, не знаю, кто, и не спрашивайте у меня про то, чего я не знаю. Я кой-чего достиг в жизни, а что будет, если я все потеряю, скажите на милость? Я такой же любопытный, как и вы, ребяташки, да только надо знать меру и не совать нос, куда не следует. Когда дело касается советов, любопытство вредно для здоровья.

Черт возьми, вы каждый вечер

можете уткнуться в ближний телевизор — неужто вам этого мало? Светы им понадобились, надо же! Я вовсе не желаю, чтоб ко мне в дом заявились Черные и уполномоченный.

Так что будьте любезны, сидите тут и никуда не ходите. И ты, Жосс. И ты, Иоланда. А то я скажу вашим родным.

Поняли, ребяташки?

Как не понять! По ближнему телевидению вечно показывают одно и то же. Поездка Уполномоченного. Пресс-конференция Уполномоченного. Телевизор — это неплохо, но уж очень однообразно. И света мало (в единственном числе, ха-ха!). В трех шагах уже ничего не видно. Надо совсем уткнуться носом в экран, а от этого болят глаза.

Отчасти поэтому мы и пошли к холму — охота была смотреть этот паршивый телевизор, он только и знает, что расхваливает Уполномоченного.

Отец мог бы и не говорить про то, чего он достиг, мы отлично знаем — я, Жосс, Иоланда, все знают, если б он побольше думал о себе и поменьше обо мне (да-да, я отлично это понимаю!), он бы достиг совсем другого... Спрашивается, чего он обо мне так заботится? Старика — они все одинаковые. Воображают, будто без них мы, молодые, не справимся. Как бы не так! Будьте спокойны, милые люди, мы тоже сумеем кой-чего достичь. Мы уже не малышки!

Кстати, у ребят этого все прилагается. Некоторые, совсем малыши... Ну и ну! Я-то знаю, что говорю...

У нас в деревне есть детишки со светом — я хочу сказать, их свету видно дальше, чем за один Взгляд,

но они совсем слабые, не то что холме. Слабенькие свету, тихие, спокойные и когда бригадир Чных или господин мэр что повысят голос, они сразу пугливаются.

Но представляете, если б я завелся таким светом, как тот, холме? Пускай бы мэр сколько угодно орал, чтоб его погасил бригадир тоже. Вот это — настоящий!

Заметьте, я несу вздор и с это понимаю. С таким светом мы живо бы выследили и погасили как погасили всех остальных. И ким образом? Не знаю.

Нет, честно, я не знаю, как с это проделывают — ни слух Уполномоченного, ни Черные, чья обязанность гасить свету. Толпа похожа, они управляются в даче. Ведь и мы с Иоландой Жоссом тоже время зря не теряем.

Мы кинулись бежать вверх и к холму, бежали во весь дух и выдохлись. На полдороге схватился рукой за бок, и мне вырвало желчью. Одной желчью. Днем я не стал есть (папаша протомил какое-то мерзкое варенье вроде рагу, черное, как поле ночью, и в этой бурде плавала какая-то дрянь). Я ничего про это не сказал, ни словечка, соврал, будто у меня болит живот и есть не охота. Папаша поглядел смущенно, но не настаивал.

Словом, меня рвало желчью, Жосс и Иоланда уж не знаю что были заняты, но тоже сильно задержались. Отстали по меньшей мере на двадцать Взглядов. На двадцать для других, на десять для меня, я ведь уже говорил, что вижу вдвое дальше своих приятелей... в общем, они сильно отстали.

Это меня разозлило. Я ревнивый. Не то чтобы я любил Иоланду, но я ею дорожу. Не так-то часто в мои годы найдешь девчонку почти без света, которая станет ходить за тобою в темноте.

Ну вот, я стоял впотьмах, и Жосса с Иоландой все не было видно, а очки снимать не хотелось, и я обозлился и позвал их. Всем известно, что это не годится! Верный способ накликать всю свору Уполномоченного и всех Черных.

Но я не мог с собой совпадать. Ревность виновата. Известно, что это за штука. Когда я был маленький, я сразу начинал орать, как только кто-нибудь чужой подходил к маме. Не мог я этого стерпеть. Мама моя, и больше ничья.

С годами это не прошло. Только теперь я ревную не маму, а Иоланду. Прекрасно понимаю, у нас это ненадолго, разве что до осени, ведь она уедет в школу, но все равно — не выношу, когда она уходит с кем-нибудь другим.

Я закричал. Все-таки я кричал недолго, потому что шествие двигалось не так уж далеко, а мне вовсе не хотелось, чтобы Черные или парни Уполномоченного подобрались к нам со своими слуховыми ящиками. Гнусное изобретение, эти ящики. Папаша говорит, в его время их еще не придумали и жилось куда спокойнее. Ори, что хочешь, даже: "Генерал Уполномоченный дерьмо!" — и Черным тебя не отыскать, только даром время теряя. Отойдешь на десяток Взглядов вправо или влево — и все. Черным тебя не найти.

Говорят, когда-то существовали такие приспособления, механизмы, бросали свет на большое расстояние. Папаша говорит,

их испытывали сотни, тысячи раз... Но ничего не получается. По крайней мере света от них не видно.

Один тип — он преподает в колледже — уверяет, что эти механизмы и сейчас дают прежний свет, только мы его уже не различаем. Возможно. На месте этого профессора я бы помалкивал: за такие разговоры могут и погасить.

Короче говоря, эти механизмы давным-давно в забросе, зато Черные изобрели слуховые ящики. До чего чуткие машинки, черт их дери! Если хочешь от них ускользнуть, замри не месте и не двигайся — ну ни на волос!

Едва я закричал, откуда ни возьмись — Иоланда и Жосс. И шепотом спрашивают, что это на меня нашло. Не мог же я сказать — меня, мол, ревность заела. Так что я вытянул руку и говорю тихонько:

— Слушайте!

Признаться, по этой части мне за ними не угнаться. Вижу я дальше, но уши у них куда лучше моих. Оба застыли. Прислушались.

— Вот черт! — говорит Жосс. — Они в двадцати Взглядах, а может, в тридцати.

Мы переглянулись и поняли друг друга. Не упускать же такой случай. В первый раз можно выследить, как Черные гасят свет. Позже, гораздо позже я узнал, что у них много разных способов, но в тот день мы думали, всех всегда гасят на один манер.

— Пошли? — говорю.

Иоланда вздохнула и пожала плечами:

— Ты же сам знаешь, это невозможно.

— Да ну?

Хотите верьте, хотите нет, но я начисто позабыл, что Иоланда и

Жосс не умеют притемняться, и, стало быть, Черные могут выследить их слабые светы. Несколько секунд я стоял разинув рот, потом сообразил, в чем дело, и заколебался из-за Иоланды, ведь она останется с Жоссом.

Но мне уж очень хотелось узнать, как Черные гасят светы. Да притом Иоланда и Жосс порядком струсили — ну, постоят в обнимку, а больше ничего не посмеют.

— Что же, а я пойду, — говорю.

Они не ответили. Меня взяла досада. Вечно одно и то же. Раз я умею притемняться, они уже воображают, будто я ничем не рискую. А слуховые ящики? Их-то я не могу заткнуть, верно?

Я тихонько двинулся в сторону шума. Подошел на два или три Взгляда и, даже еще ничего не видя, притемнился. Почему знать, вдруг среди Черных есть парень вроде меня, который видит дальше обыкновенного.

Притемняться дело спокойное. Просто-напросто перестаешь думать. Видишь, слышишь, чувствуешь по-прежнему. Все замечаешь. Только думать ни о чем не надо. И сразу становишься невидимкой, потому что твой собственный свет при этом гаснет. И тогда можно подойти к кому угодно очень близко, на расстояние одного Взгляда. Жосс, Иоланда и еще десяток знакомых ребят сто раз пробовали. Не получается. Их свет не гаснут. Может, они умнее меня... хотя что-то не верится!

В общем, я притемнился и пошел дальше. В былые времена, если верить нашим старцам, все получалось не так, как теперь. Чем ближе человек подходил, тем лучше его было видно... и тем лучше видел он сам. Похоже, в те времена свет был повсюду, даже

просто в воздухе!.. Ерунда, конечно, не может этого быть. Где ничего нет, откуда там взяться свету? Сколько мне толковали на уроках физики: свет может исходить только из радиоактивных тел. Его проникающая способность ничтожна.

Но старики чего только не наболтают!

Я лег наземь, и пополз, и вдруг увидел Черных — сразу двадцать человек. Два десятка Черных представляете? Я подумал про слуховые ящики, но не шелохнулся, веточка чабреца щекотала мне нос. Окажись тут кролик, я бы тоже не удивился. Но кролики — шутка сказать — замечают тебя за десять, а то и за двадцать Взглядов, как тихо к ним ни подбираться. Подумать только, они видят вдесятеро лучше нашего!

Кстати, это мне напоминает историю про Солнце. Все говорят, что Земля — планета, и она обращается вокруг звезды — Солнца. Так написано в старинных книгах, и есть люди, которым иногда удавалось это Солнце увидеть. Но то чтобы очень яркое. Но все-таки что-то такое, что светится в черном небе. Ну, конечно, не такой свет, к которому мы сейчас торопимся — Иоланда, Жосс и я. А все-таки люди его видят. Ладно, пожалуйста. Но люди еще и удивляются, почему древние упоминали про многие миллионы солнц, которые они тоже называли звездами? Экая чушь. Ясно старики были просто чумовые, сочиняли невесть что. Ну, а я слушаю да посмеиваюсь.

Люди как примутся рассуждать... Вот один ученый уверяет, будто это самое Солнце, видимое в такие дни, когда совсем нет тумана, в старину было необходимо

для жизни. В старину — может быть. А сейчас... чепуха! Мы-то ведь живем. А никакого Солнца нет. Этот ученый тип пробовал накрывать салат черным брезентом. Ну что от этого меняется для салата? Ведь салат же не видит светов. А если бы и видал, какая ему разница?

Так вот, у этого типа листья салата сперва делались совсем белые, а потом увядали. А те, которые оставались не накрытыми, были, как обыкновенно, серые, живые и сочные. Вы скажете, тут можно поспорить: мол, Солнце не активнее, чем человеческий свет — хотя бы свет Уполномоченного — и никак не может повлиять на рост салата, и вообще...

Ха-ха! Я только посмеиваюсь... Ладно, будем рассказывать дальше.

Два десятка Черных, все в мундирах, толкали перед собой какого-то типа не моложе папаши. Ну да, это был старик. Лет тридцати, а то и сорока... Кто-то из них нахлобучил ему на голову свой шлем, а вы же знаете, у Черных шлемы совсем не пропускают света. Ну и, понятно, уже ничего не было видно.

Я смотрел на них то ли с завистью, то ли с ненавистью, сам не знаю. Может, было и то, и другое. Если б меня приняли в Школу Черных, этим я бы завидовал. Если бы отказали, я бы их возненавидел. Чудно, от чего зависят склонности молодых. Но я-то хорошо разбираюсь в своих чувствах. Если они меня прогонят, я их возненавижу. Если примут, стану их благословлять...

А может, так бывало во все времена?

Эти двадцать Черных были в полной форме. Шлем совершен-

но скрывает свет, боковины его спускаются до самого подбородка. Такой шлем просто сокровище! Дальше одного Взгляда их уже не видно, а они слышат каждое твое слово. Темно-серая куртка перехвачена кожаным поясом, к поясу, как положено, прицеплен ослепитель — как сверкнул им в глаза, потом добрых пять минут вовсе ничего не видишь. Штаны густо-серые, заправлены в черные резиновые сапоги... И темные перчатки.

Можете мне поверить, на расстоянии одного Взгляда Черных уже не разглядеть, потому-то они так опасны... и потому они хозяева всей страны!

Человек, которого они вели, мне совсем не пришелся по вкусу. Черные мне тоже не по вкусу, но они хоть могут постоять за себя. Всем известно, каковы они в драке. Крепкие ребята. А этот арестант... видали бы вы, люди добрые! Явный бродяга. В лохмотьях, босиком... Весь оброс бородой, и нечесана она у него, наверное, месяц... Голову повесил... Сразу видно, побежденный.

А я не люблю побежденных. Чего их любить, раз они виноваты. Если все Большие Светы такие же, как этот жалкий тип, значит, дело гиблое, они проиграли заранее, и я лучше стану на сторону Черных. Вы-то понимаете, что к чему? Чем ярче свет, тем человек умнее. Так говорят старики, и Уполномоченный тоже. В пользу Уполномоченного делается маленькая оговорка: после определенного уровня, заявляют доктора, свет уже означает умственное расстройство. И поскольку Уполномоченный — самый светоносный из Мыслящих, те, кто светится ярче него, — чумовые.

До сих пор я в это не верил. Я уже не маленький и отлично понимаю — Уполномоченный хочет удержать власть в своих руках. А для этого ему надо гасить всех, кто светится ярче него. Все люди таковы, верно?

Но в ту минуту я сказал себе, что Уполномоченный, пожалуй, прав. В конце концов, будь Факелы уж такие необыкновенно умные, разве они кидались бы прямо в папы Черным? И уж когда их ловят, разве они не отбивались бы и так просто давали себя погасить?

Нет, говорю вам, эти люди с самого начала — побежденные, а стало быть, вовсе они не умны. Правильно говорит Уполномоченный, они — чумовые. Если у тебя есть свет, хоть самый слабенький, уж конечно, станешь бороться, лишь бы его сохранить. И я бы тоже боролся, если б было надо, хоть я и в очках.

А этот тип шел, спотыкался, потом упал, поднялся и все что-то бормотал себе под нос.

Побежденный, говорю я вам. Я даже пожалел, что пустился в дорогу ради такого убогого зрелища.

Надо прямо сказать, тут я немного забылся. Минуту-другую я опять думал, и, значит, сам того не заметив, перестал притемняться. А Черные ведь не слепы, можете мне поверить! Они ничего не сказали, ничем себя не выдали, но вдруг — а все потому, что я вижу-подальше других, — я заметил, четверо отделились от остальных и двинулись в мою сторону.

Сразу четверо. Из-за мальчишки пятнадцати лет! Я даже возгордился. А потом сказал себе, должно быть, кто-то из них заметил мой свет, когда я перестал

притемняться, так откуда им знать пятнадцать мне, тридцать или шестьдесят.

Я притемнился и начал отступать к тому месту, где ждали ребята. Слишком поздно. Черные оказались между ними и мною. Тогда я решил — была не была. Отступить невозможно? Так пойдем напролом! В своих пропагандистских книжонках Черные так учат: когда отступать некуда, идти вперед, даже если рискуешь собственной шкурой. Раньше меня только смех разбирал от этого и "правила": я-то думал, когда опасность, так и нет никакого третьего выхода, либо отступай, либо иди вперед. А вот в последние месяцы узнал — почти все люди просто остаются на месте ждуть.

Однако, наверно, их книжки все-таки подействовали, потому что я сказал себе: отступать не возможно, значит, пойду вперед.

И вот я поднялся, наполовину растемнился, сунул руки в карманы и пошел навстречу тем четверым, которые за мной охотились. Они сразу меня заметили, но Черные народ вышколенный, и, конечно, меня не окликнули, даже не накинулись на меня, пока у них не было приказа.

Они только пошли за мной по пятам.

Я вышел навстречу арестанту. Мне видно было всю колонну Черных, которые его сопровождали, но он их не видел. Шел как во сне. Думал, наверно, что их только трое или четверо и для него еще не все пропало, потому что бормотал сквозь зубы самым несчастным голосом:

— Ах, отец мой!

Отвратительно. Я не хуже других видел и слышал, как люди му-

чаются и как умирают. К примеру, когда Симоны не заметили вовремя, что валится дерево, и оно их раздавило. Или когда Барба вдвоем вздумали испытать старинную машину и на полной скорости врезались в дерево. Просто безумие, что деревья бывают такими опасными! Хотя Барба сами виноваты, поделом им. Чего ради они вытащили из музея этот "автомобиль", раз никто не умеет им править? Возможно, в старину... Но все кричат, что это чистейший вздор. Кто бы мог разъезжать по нашим дорогам со скоростью сто Взглядов в час — целых сто, представляете? Как будто в давние времена люди видели вдаль на сто и даже на двести Взглядов! Все говорят, это просто враки.

Ну, ладно. Так вот, этот тип идет и бормочет: "Ах, отец мой!" Ясно, липа. Если кто мучается по-настоящему, а тем более ждет смерти, тот всегда зовет — мама! Знай я, что сейчас умру, я наверняка звал бы маму. А этот кличет по отцу. Липа, ясное дело.

Потому-то я на него и озлился. И еще потому, что Черные чуть не наступали мне на пятки, а я вовсе не желал, чтоб меня взяли на заметку.

Я остановился у него на дороге и заорал:

— Гад!

И плюнул ему в лицо. Да не как-нибудь, а без дураков — отхаркнулся и плюнул.

Он ничего не сказал. Опустил голову и пошел дальше. Тут я смутно разглядел, что он тащит на плече какую-то штуку, бревно или шест, форму я не сразу заметил. Он шагал. А я смеялся. Болван несчастный! С таким светом — и попасть в лапы Черным!

Он все шагал, согнувшись в три

погибели, чуть не падая, и это навело меня на мысль. Я подобрал на земле сухой сук и швырнул ему под ноги.

Он шмякнулся и разбил себе морду. Насилу поднялся, по подбородку течет кровь. Ну и посмеялся же я!

— Стой смирно, малый! — велел мне Черный.

Наверно, ему не понравилось, что я бросил палку под ноги арестанту. Во всяком случае, другие ушли с тем типом, который тащил крест (под конец я разглядел, что на плече у него крест), а этот остался около меня. Угрюмый, как все Черные, молчаливый, угрожающий.

— Видно, для тебя это удовольствие оскорбить арестованного, — сказал он.

Он попал в точку. Понимаете, люди добрые, я уж давно размышляю о разных вещах — и хоть мне только пятнадцать, понимаю больше других, потому что лучше вижу. От папашиних проповедей меня уж давно смех разбирает: "Надо быть честным. Надо быть справедливым. Надо быть поласковой со слабыми". И прочее в том же роде. Вы-то сами во все это верите? Кто в нашем мире хозяева? Черные. Знаю я, какие они честные, справедливые, ласковые... Смех, да и только! Стало быть, папаша порет чушь, и таким манером в жизни ничего не добьешься. Хотите доказательств? Поглядите на него: сколько я его знаю, вечно он надрывается на работе, а живем мы впроголодь...

— До обыкновенных арестантов мне дела нет, — отвечаю, — а такие, у которых света больше, чем положено... я их терпеть не могу.

Черный так на меня поглядел —

вот-вот набросится с кулаками.

— Ты про что?

Я ему улыбнулся — прямо как учителю в субботу, когда стараешься его умаслить, чтоб не задал штрафной урок на воскресенье.

— За кого вы меня принимаете?

— говорю. — Вы не думайте, мой отец состоит в Союзе Друзей Уполномоченного, уж за меня-то Генерал-Уполномоченному беспокоится нечего.

Черный малость смягчился.

— Объясни толком. Стало быть, ты не любишь таких, у кого света больше, чем положено?

— Еще бы!

— А почему?

Я чуть не приснул, мне давным-давно известно, как на это отвечать: с тех самых пор, как мы, ребята, научились понимать, что у Черных на уме. Но от смеха я, конечно, удержался.

— Да вот, — говорю, — у меня есть свет, и у вас, и у всякого человека. А только если кто-то светится сильнее меня, а я даже не знаю, кто он такой, меня зло берет. С удовольствием дал бы ему в морду.

— Все люди таковы, — говорит Черный и смотрит на меня с любопытством. — Ну, а дальше что?

— Ну, и когда я вижу такой свет, как сейчас на холме... такой, что видно за тысячу Взглядов... понимаете? Я скорей бегу к нему!

— Потому что ненавидишь такого человека?

— Еще как!

— Стало быть, ты не за тем бежал, чтоб ему помочь?

Я так и подскочил и недоверчиво посмотрел на Черного:

— Вы что, чумовой? Может, не видели, как я ему кинул под ноги палку?

— Да, верно, — сказал он. —

Верно.

Остальные шагали своей дорогой, мы двинулись следом. И этот Черный все еще сомневался. Право слово, он оказался чересчур хитер для Черного...

— Послушай, паренек. Вот ненавидишь тех, у кого свет сильнее твоего... Ну а как же Генерал-Уполномоченный?

Понятно, я ждал этого вопроса. Я гордо улыбнулся и пошел наизусть шпарить начало трудов Генерал-Уполномоченного. Черный качая головой, вторил мне густым басом, а тем временем арестан опять упал, и опять поднялся, будучи из последний сил, и наконец поплелся дальше.

Но вот мы дошли до слов "Генерал-Уполномоченный — отец всего народа. Без него Большие светы захватили бы власть, а Малые светы страдали бы" — и тут Черный спросил:

— Ты по-настоящему в это веришь?

Я поглядел ему прямо в глаза самыми что ни на есть чистыми детскими глазами.

— Не понимаю, что это вы такое говорите? — И прибавил по-доброму: — Может, вы сами не верите в Генерал-Уполномоченного?

— Нет-нет! Что ты!

Он испугался, как бы я на него не донес. Это кончилось бы для меня плохо, а все-таки остался бы какой-то след и в его досье. Ему вовсе не выгодно было приставать к мальчишке, который наизубок знает труды Генерал-Уполномоченного. И он живо переменил разговор:

— Как тебя зовут?

— Микаэль.

Он даже не спросил мой гражданский номер.

— Слушай, Микаэль, а ты не пробовал поступить в Школу Черных? Для твоих лет ты очень здраво рассуждаешь. Учиться три года. А кончишь — будешь носить мундир...

— Нет, — говорю, — не пробовал.

— Что же так?

Ох, и опасную игру я вел — и отлично это понимал, люди добрые! Впервые в жизни я разговаривал с глазу на глаз с Черным... вдруг бы я напал на дурака. Среди Черных этого добра сколько угодно!

— Я не смел, — говорю ему. — Из-за очков.

— А что у тебя за очки?

— Сильные. Я вблизи неважно вижу.

Он снял с меня очки, нацепил себе на нос и поморщился.

— Ну и ну, — проворчал он. — Вот уж действительно!

Дурак несчастный! Где ему догадаться, какую комедию я разыграл, чтоб доктор выписал мне эти стекла? Они очень помогают мне не выдать себя. Признаться, что я вижу на два Взгляда, даже на три — куда ни шло. Но сказать правду... ни за что! Они вырвали бы у меня глаза!

— Ну и ну! — повторил Черный.

— С такими очками ты, верно, и того дерева слева не разглядишь.

Он мне расставляет западню, но я должен взять верх. Хоть тресни, а надо втереться к Черным и заполучить шлем. Не могу я притемняться с утра до ночи, все время, когда не сплю. Невозможно. В конце концов непременно себя выдашь. А тут я впервые говорю с Черным один на один...

— Дерево? — переспрашиваю самым честным голосом. — В очках, понятно, мне его не разгля-

деть. А так, без очков, отлично вижу — это вяз.

— Черт побери! — вырвалось у него. Он отдал мне очки и поглядел так, словно я какой-то чудной зверь.

— Черт побери! — повторил он. — Да ты Трехвзглядный — и никто этого не знает!

Ухватил меня за руку повыше кисти, сжал, как клещами.

— Как же про тебя не доложили комиссии?

— А я никому ничего не говорил, — отвечаю.

— Как так? Тебе ж дали очки! Улыбаюсь ему ангельской улыбкой номер один.

— Так ведь это я вблизи плохо вижу. Доктор примерил мне разные стекла и дал такие, которые лучше всего подошли. А про то, как я вижу вдаль, не спрашивал. Доктора, знаете, тоже дают маху, как все люди.

Ну, в этом-то Черный не сомневается, он и сам может немало порассказать. Нет такого человека, чтоб не жаловался на докторов. Когда-нибудь, когда я стану важной персоной, непременно постараюсь выяснить, в чем тут дело.

А Черный шепотом спрашивает:

— Ты, верно, умеешь притемняться?

Молчу. Но он понял.

— Да ты соображаешь, что это такое, малыш? В пятнадцать лет ты видишь на целых три Взгляда и еще умеешь притемняться? Шутка сказать! А сколько Черных годами бьются, пока этому научатся! Я не хочу на тебя давить, малыш, но...

Он замолчал и смотрит на меня исподлобья. А я говорю:

— Куда это вы гнете?

— Не соображаешь, что ли? Раз

ты Трехвзглядный и умеешь притемняться, тебя безо всяких примет в офицерское училище. Через три месяца получишь нашивки, а мое дело будет тянуться перед тобой и отдавать честь. Смекаешь?

И прибавил с горечью:

— А мне сколько уколов всадили, пока я стал видеть, как ты... И притемняться я могу только минуты на две, на три. А ты?

Я пожал плечами:

— На час, если надо.

— Нуда! — восхитился он. — На целый час? Как Жозиа?² Совсем как Жозиа! Слушай, малыш, в двадцать лет ты будешь в Главном штабе Уполномоченного, это уж как пить дать!

Что бы он запел, если б знал правду! Притемняться на час? Как бы не так! Я притемняюсь уже сколько месяцев кряду... Ну да, больше года. Потому что боюсь своего света. Он так быстро растет, что я поневоле привык притемняться сразу, как проснусь, — и до тех пор, пока не лягу спать. Ну, конечно, не все время одинаково...

Вот поэтому никто и не знает, какой у меня на самом деле свет. К счастью. Меня и страх берет, и все-таки можно гордиться: свет у меня не хуже, чем у того типа, которого Черные сейчас ведут гасить.

Только я — не факел. Не такой я дурак!

Защитный шлем, как у Черных, вот что мне нужно. Под шлемом свет может расти сколько угодно, и не придется тратить силы на то, чтоб его притемнять и прятать. И я смогу наконец думать, размыш-

лять, а не прикидываться малочиской.

Шлем Черного... Но если мой попутчик не врет, выходит, я могу добыть его в два счета!

— Вот оно! — говорю себе. — Я выиграл! Не слишком себя вдаю и заполучу шлем, и моего света не будет видно...

Тут я заметил, что Черный не сводит с меня глаз и как-то странно усмехается.

— Что, брат, ты бы не прочь, а?

— Да, — отвечаю. Не слишком громко, неохота, чтоб Иоланда Жосс услышала. Все-таки есть этот и оборотная сторона... как никак, мы были друзьями. Но теперь они далеко. Наверное, удрали еще прежде, чем Черные подошли ко мне.

— Слушай, — вполголоса говорит Черный. — Меня зовут Сенсина, я всего-навсего командир отделения. Если когда-нибудь ты сможешь мне подействовать...

Вот тут я впервые убедился, что он вовсе не шутит и не дурачит меня.

Я ничего не ответил, только подмигнул.

Он явно обрадовался.

— Как погасят этого, сразу пойдешь со мной. Я хочу, чтоб ты попросился в офицерское училище при мне. На родителей знаешь, положиться нельзя. Это такой народ, на три четверти — выродки, воображают, что миром будут править Светы!

Мы ускорили шаг и стали догонять остальных. Мой спутник показал мне на арестанта — тот со своим крестом на спине упал уже шестой или седьмой раз.

— Представляешь? — сказал мой Черный. — Чтоб такая размазня правила тысячами стоящих людей!

² Жозиа — Начальник Главного штаба Генерал-Уполномоченного. Пользовался большой популярностью среди Черных.

Я с ним согласен. Эти Факелы разве люди — позволяют себя мучить и даже не отбиваются! А этот особенно! Сам не знаю, почему я так подумал, что-то в нем есть такое — не похож он на человека. Так что, хоть я и не ответил Черному, на этот счет мы с ним думаем одинаково. Вы, Факелы... если вы хотите что-то в мире изменить... даже не управлять им, а сделать его не таким, как теперь... надо действовать по-другому. Больше года назад, с тех пор, как я стал обуздывать свой свет, я понял: люди — подлые, и ленивые, и глупые, и жадные... Да что там, можно еще много всего насчитать. У людей полно всяких качеств — только не те, на которые они молятся в своих храмах, там все ложь и притворство.

Потому-то я столько месяцев скрываю свой свет и по-прежнему говорю и веду себя как мальчишка.

Пока мы с Черным толковали о разных разностях, мы порядком отстали, и, когда поднялись на вершину холма, другие Черные уже принялись гасить Факел.

Мой Черный сказал мне:

— Такой способ мы пробуем в первый раз. Обычно так поступали только с ворами, разбойниками да с теми, кто оскорбил Генерал-Уполномоченного. Ты малый смекалистый, в духе нашего времени, сейчас увидишь, как это забавно.

Может, оно и забавно, но сперва мне стало не по себе, и я насилу уменьшил свой свет. Не так-то легко притемняться без передышки, когда ты по-настоящему взволнован.

Черные воткнули крест стоймя между трех каменных глыб и те-

перь прибивали к нему арестанта. Прямо гвоздями. Ноги — к столбу, руки — к поперечине. И тут мне смутно вспомнилось: когда-то я уже видал что-то похожее — но где? Когда?

А этот не орал и не выл. Только жалобно стонал. Не знаю, откуда Черные взяли такие огромные гвозди. Может, таскают в карманах на всякий случай... Но молотка у них нет, заколачивают гвозди прямо камнями. Нет-нет, кто-нибудь промахнется и как стукнет этого типа камнем по руке, по пальцам...

Впрочем, он, кажется, без памяти. Свесил голову на грудь и уже не шевелится.

Черные отошли немного и давай хохотать. А я никак не могу засмеяться, хоть и чувствую, мой спутник не сводит с меня глаз. Еще бы! Ведь он ждет, что я помогу ему продвинуться по службе...

— Десять минут — и уже погас, — говорит он. — Крышка.

— А почему вы сразу их не гасите? — спрашиваю, и голос у меня немного дрожит.

— Раньше гасили сразу, — отвечает Черный. — Только надоело. Никакого интереса, смекаешь? Все одно и то же, не на что глядеть.

Сказал и отвернулся, но я чувствую, он все равно искоса следит за мной.

— Понятно, для тебя оно не так, — продолжает. — Ты ж еще никогда никого не гасил. Если хочешь, попробуй, я не против и наши тоже мешать не станут.

И окликает своих:

— Ребята, дадим парнишке позабавиться, пускай погасит этого типа, согласны? Учтите, он Трехвзглядный и притемняется, когда захочет и на сколько захочет!

Тут они все обступили меня и смотрят недоверчиво. Я снял очки, чтоб видеть без ошибки, что происходит.

Мы стоим на самой вершине холма. По небу несутся большие серые облака. Понятно, Черные облаков не видят и Солнца сквозь туман тоже не различают. Что бы они сказали, что бы стали делать, если б знали, что без очков я вижу вдаль не на два и не на три Взгляда, а на сто и даже больше? И что я притемняюсь без передышки с той самой минуты, как проснулся нынче утром, и так — каждый день?

Они бы вырвали у меня глаза и погасили бы меня, уж это наверняка.

— Ну, как? — спрашивает мой Черный. — Не трусишь?

Я опять надеваю очки. Нет больше ни облаков, ни Солнца. Всюду серые сумерки.

Распятый поднял голову и застонал. И тут я решаюсь. У меня нет к нему ни капли уважения (все Факелы дураки, чего они так легко даются в руки Черным!), — но он мучается.

— А для чего вы надели на него шлем? — спрашиваю.

Мой Черный отвечает:

— Такой порядок. Чтоб не собиравались любопытные.

— Но он потерял много крови, он уже на три четверти погас! Мне интересно, что осталось от его света. Может, вы снимете с него шлем?

— Сними сам, если хочешь, — говорит Черный.

Он проверяет, хватит ли у меня храбрости... Ясно, меня испытывают! Ну, если он воображает, что я пойду на попятный!..

Взбираюсь на каменную глыбу, протягиваю руку, снимаю шлем.

Свет распятого мигает, словно отчаянии. Он самую малость ярче нормального.

Этот тип открывает глаза, смотрит на меня. И улыбается.

— Да, да, — бормочет. — Дети. Пусть ко мне придут дети! — потом он стонет и опять зовет отца. Как будто отец может чем-нибудь помочь!

Я слезаю с глыбы, возвращаюсь к своему Черному. В руке меня зажат камень.

— Этот будет первый! — кричит он. — А потом я и других буду гасить!

И кидаю камень.

Я попал в висок, и этот тип сразу перестал стонать. Голова опять свесилась, и свет погас. Можете мне поверить, не оттого, что он сам притемнился.

— Чисто сработано, молодец, малыш! — с восхищением говорит мне Черный.

Может, у него оставались какие-то сомнения. А теперь конечно. И Факел сразу перестал мучиться.

— Идем прямо в училище, я и скажу, тебя обязаны принять. Согласен?

... Еще бы не согласен! Погасите, вот я стану офицером, войду в Главный штаб, тогда увидите, что я, Микаэль, сделаю из вашего слепого мира!

Когда мы стали спускаться с холма, я снял очки. За крестом пылало Солнце — то самое Солнце, которого другие почти не различают. Далеко-далеко увидел Жосса и Иоланду в обнимку. Ну и ладно, мне плевать. Мне теперь не до ревности. Прощайте, ребяташки. Теперь я завоюю мир!

Перевод с французского
Норы ГАЛЫ

ТВОЯ СЕМЕЙНАЯ РОЛЬ

Мы часто слышим: семья воспитывает, семья многое предопределяет в жизни человека. И больше всего влияет на него сама атмосфера дома, воздух жизни семьи. А от чего он зависит? Видимо, от того, как люди, живущие под одной крышей, исполняют свои семейные роли. Родители – роли отца, матери, мужа, жены. Дети – роли сына или дочери, брата, сестры, внука, внучки... Может, у кого-то слово и понятие "роль", принятое в социальной психологии, вызовет протест и он скажет вопреки Шекспиру, что жизнь не театр, и люди – не актеры? Но ведь в театре одну и ту же, написанную, роль каждый исполняет по-разному, по-своему – проявляя, выражая себя. А в роли социальной – об этом еще мы поговорим – в большей мере все зависит от исполнителя.

Как выглядит твоя роль в семье? Ты униженный, оскорбленный, понукаемый или равноправный? А как ты думаешь, могут ли дети влиять на семейные отношения? Как, кстати, они складываются в вашем доме? Советуются ли с тобой мать и отец? Есть ли у тебя семейные обязанности? О чем ты споришь с родителями, из-за чего ссоришься? Разница в возрасте – водораздел?

Словом, вопросов много. Их мы и будем обсуждать в рубрике, вызванной читательскими письмами "Твоя семейная роль".

Дом, семья – с ними связаны наши первые представления о мире, любовь, чувство защищенности. Здесь мы можем услышать о себе то, что никогда не отважусь сказать нам люди со стороны, но здесь нас никогда не разлюбят. И что бы ни случилось, мы всегда можем прибежать сюда, уверенные, что встретим понимание и поддержку.

Может, Тане Х. эти слова покажутся неправдой и ханжеством. У нее дома все совсем по-другому:

"Мне бы школу кончить, и я мгновенно от них уеду. Как мы бываем наивны в детстве, когда думаем, что близкие люди всегда могут понять друг друга. Мне теперь даже само это слово кажется

наивным — "понять". Меня раздражают даже их шаги, их голоса, и я стараюсь не бывать дома. Я грублю им напропалую, даже когда не хочется. Им достается от моей грубости, но я ничего не могу с собой сделать, а они ничего уже не могут понять и вспомнить — они не заметили, когда начались наши новые отношения: для них был просто очередной разговорчик...

Это строки о матери и об отце.

"Я сломалась два года назад, — пишет Таня, — когда мне понравился мальчик из соседнего дома. Мало сказать, понравился... Сейчас думаю, это была первая любовь.

О наших встречах с ним узнали родители — и началось! Крик, ругань... "Как ты не понимаешь, чег о ему от тебя надо: он же на три года старше!" Гадкие расспросы. Они обвиняли меня в том, о чем я впервые узнавала от них. И я уже не могла, как прежде, подбежать к матери, заплакать, все рассказать, объяснить.

Они добились своего: я перестала ходить на свидания, видеться с ним. Не потому, что "послушалась". Просто это казалось невозможным после всех скандалов и подозрений. И жизнь в доме стала адом. Иногда думаю: неужели я их любила?! Этих маленьких, жалких людей? Мне даже страшно писать о чувствах к ним.

Своей фамилии не называю не из-за трусости: не хочу, чтоб мое письмо выглядело доносом на мать и отца. Вы и так, наверное, скажете: бредовая девчонка, раздула из мухи слона. Просто хочу, чтобы другие родители узнали, что их дети — люди. И вряд ли им

нужна слепая любовь, вряд ли они потом скажут "спасибо".

Горькое письмо. Но здесь можно понять, отчего столь невыносимыми стали домашние сношения — налицо конфликт, часто домашняя "напряженка", которую жалуются и взрослые дети, и родители ("Бы мальчик как мальчик и вдруг тормозов сошел!"), наступает без столь видимых причин, у людей про которых никак не скажешь "маленькие" или "жалкие".

Как-то учительница уговаривала девятиклассника, который несколько дней не появлялся дома, ночевал у разных приятелей: "Тебе не жалко мать? Прибегай сегодня в слезах. Они же тебя любят больше всего на свете, искренне хотят, как лучше". А он отвечал, что больше не хочет быть ни предметом (хоть и любви), ни объектом диктата. "Они всю мою жизнь уже расписали и каждый день..."

В 13-15 лет у человека появляется чувство взрослости. Он хочет признания в мире взрослых, равенства, а родители нередко относятся к нему со старыми мерками. Постоянный контроль, диктат. Беспокойство выливается в подозрения, подозрения — в унижения. Даже с умными образованными людьми, читающими книги по педагогике и психологии такое может происходить. Значит, то они знают, что их сын уже не ребенок, да почувствовать этого не могут...

Может, разлад отношений в семье, возникновение отчужденности — фатальны, неизбежны в подростковом возрасте?

Нет. В этом можно убедиться, прочитав другое письмо.

ЯЧЕЙКА ОБЩЕСТВА? НЕТ, СЕМЬЯ ЭТО...

Мои родители... Догадываются ли они, какое место каждый из них занимает в моей жизни, как много они для меня значат?

Мама посвящает меня в свои тайны: обсуждает со мной какие-то проблемы. Я доверяю ей, я спрашиваю у нее совета, а она всегда находит время, чтобы дать объяснения тому, что меня волнует. Конечно, я не полностью открываюсь ей, потому что у каждого человека есть тайны, о которых он не может рассказать даже самому близкому другу, он оставляет их в себе и умирает с ними. Но есть еще и другая причина, по которой я не могу рассказать маме о каких-то вещах – она очень чувствительна ко всем неприятностям, которые со мной случаются, она принимает все близко к сердцу, и я молчу, чтобы лишний раз ее не расстраивать, ведь у нее куча собственных проблем.

Она все время хочет, чтобы всем было хорошо, а сама страдает от обид, причиненных ей людьми, для которых она старается. И верит, что они могут стать лучше, могут исправиться. Сажает во дворе цветы, на ее глазах их вытаптывают, вытаптывают не дети – взрослые люди, и их уже нельзя изменить, а мама опять сажает цветы... И думает, что на этот раз все будет хорошо, старается изо всех сил. Я из-за этого часто повышаю на нее голос, она не понимает почему. А я злюсь потому, что мне ее жалко, потому, что я люблю ее.

Мне повезло с мамой. И вообще мне всегда везет. Я такая счастливая. Почему все хорошее идет ко мне?! Когда-нибудь это должно кончиться? Наверное, за это рано или поздно придется платить. Но

как? Иногда даже страшно становится: вдруг плата потребуется слишком высокая?

Я даже не помню таких моментов, когда бы я страдала от безутешного горя. Жила без отца много лет, он был далеко за океаном. Часто случается, что в семьях, где и мама, и папа, дети несчастны. Я же и в разлуке была счастлива, потому что знала – отец все равно есть, и всегда его любила, ждала, верила, что мы встретимся. Я получила от него два письма, таких трогательных и нежных! Часто их перечитывала и пыталась представить себе образ папы. Он писал: "Саня, буд" – и я была. Старалась остаться такой, какой меня все знали и любили, такой, какой была всегда. Не хотела, чтобы он меня увидел заштукатуренной девицей.

Моя мама много сделала для того, чтобы я полюбила отца. Я просила рассказать про него, и она рассказывала. Однажды, когда я была маленькая, мне захотелось увидеть фотографию папы. Мама дала мне много снимков, я разложила их на полу, ходила вокруг и говорила: "Какая я счастливая! Как много у меня пап!"

Я не задавала лишних вопросов. Сама все узнавала и обдумывала. Не могу сказать, что я была одинока. Была мама, которая баловала меня, были друзья, но не ровесники, а взрослые – мне с ними интереснее. У мамы появился муж, я чувствовала, что ей трудно одной, и поэтому приняла этого человека хорошо. Он уделял мне много внимания, и я ему всегда буду благодарна за то, что он старался скрасить мою жизнь. В общем, у меня было все, жаловаться не

приходилось, но все равно чего-то не хватало. Я не знала – чего, только сейчас, когда встретила с отцом и жизнь моя круто изменилась, я поняла, что его-то мне не хватало.

Я не знаю другой семьи, где люди даже в разлуке остались бы духовно близки, остались друзьями. Помню, как однажды в школе учительница истории старалась доказать мне, что семья – это ячейка общества. За что получил двойку. И все равно продолжал оставаться при своем мнении. Ведь каждая семья – это отдельный самостоятельный мир, который живет по своим законам. Никакие обстоятельства не могут разрушить семейные отношения, помешать людям чувствовать друг друга, быть необходимыми друг другу, даже если жизнь разлучил их на долгие годы. Если, конечно, люди сами не захотят все разрушить.

Мы не виделись с папой четырнадцать лет. А встретились, и кажется, будто вовсе не расставались, встретились и еще больше полюбили друг друга. А разве могло быть иначе? Мы ведь родные люди, и мы так похожи! Как здорово в шестнадцать лет иметь большого, взрослого друга, который тебя понимает, а ведь папа понимает меня лучше всех, он совсем не похож на других родителей.

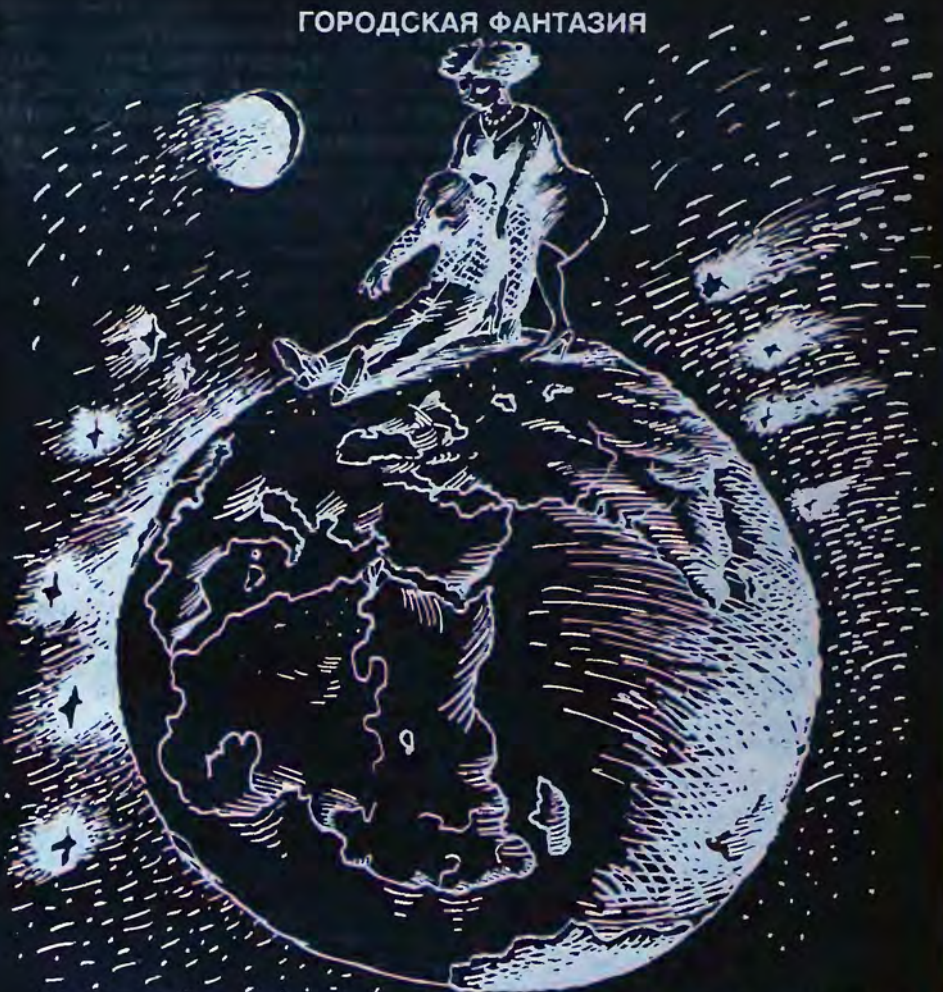
Мы быстро нашли общий язык. Он всегда советует мне, как поступить лучше, но в то же время дает возможность решать и действовать самостоятельно. Я могу рассказать ему все или почти все, и я знаю, что он правильно поймет меня.

Саша СОКОЛОВА

Сергей АБРАМОВ

ЧЕЛОВЕК СО ЗВЕЗДЫ

ГОРОДСКАЯ ФАНТАЗИЯ

День какой-то сумасшедший выпал, заполошный прямо день, врагу злomu не пожелаешь, всю дорогу – на ногах, на ногах, на ногах, а каблук тонкие и – восемь длинных сантиметров, ходули, конечно, но ходули обвальные, да плюс к тому почти задаром схалявила их Зойка, разве стольник – деньги по нынешним временам? Ой, нет, не деньги, считайте: пятерка – левак поутру, да еще

за пятерку рожу скривит, гад; трояк – то, что зовется "шведский стол" хотя шведского там – только официант Свен, который вообще-то эстонец; сигареты у того же шведа недоделанного – еще десятку отдаст, но это только для нее, для Зойки – десятка, потому что она шведа сразу от метра у себя в пенальчике прятала, отоспаться давала с болюшого бодуна, а для остального пила сигаретки – по два червонца, какие ж бабки надо делать, чтобы пристойное курить!.. А поужинать. Если задерживаешься, если заезд большой – еще три чирика; три, да три, да три – будет дырка, а зарплата администраторская – кот наплакал, а пошлый зверь этот скуп на слезы, вот. Впрочем, Зойка на судьбу не в обиде, она ее себе сама выбирала, лелеяла. Грех плакаться, де вушка она холостая, самостоятельная, буквально – с а м а стоит на красивых ногах, на обвальных каблуках, ни у кого помощи не просит и не станет. А кто говорит, что администраторы в отелях берут, плюньте тому в рожу: не про Зойку это тем более. Ладно, от конфет там, от цветов, от флакончика парфюма она не откажется, так ведь для себя же, а не на продажу, или передарить кому нужному – полезно дело, приятное настроение...

Да, ноги.

Ноги гудели часов с пяти, потому что привалили американцы, человек шестьдесят, на выставку то ли компьютеров, то ли станков, а заказ был на сорок, куда, спрашивается, двадцать девать? В хоплы на кресла? Говоров, умный, так и заявил: пусть ночку на креслах переканутятся, если не предупредили, н а ш и люди ведь кантуются и ничего, а у них кстати, за бугром без предварительного заказа в приличный отель тоже гамузом не вселишься. Говорову спавно: указание выдал, сел в "Волгу" и свалил на дачу. А старший администратор – отдувайся. Жалко себя.

Жалко американов. Жалко девочек-регистраторш, которым приказано быть вежливыми и держать улыбку на взводе. Жалко борзых мальчигов из МИДа, которые на всех континентах голубой планеты талдычат про перестройку, которой нет альтернативы. И американам талдычат. Перестройка в державе, перестройка в отеле, двенадцатый этаж приговорили к перестройке, поставили на ремонт – подчистить что загадили. Зойка бездомную американскую двадцатку – взвод? – уболтала, английский у Зойки легкий, а к т и в н ы й, хотя и инязовского разлива, до семи и впрямь на креслах их продержала – "Zoya, darling Zoya, excellent, what about little party tonight?" "Sure, quys, wait a little you'll get yout lovely rooms and only after..." – а после семи, кроме нее, в отеле начальства нет, вот она своей хилой властью двадцатый-то этажик и распахни, благо ремонтный конь там еще валяться не начинал.

Но ноги!..

– Зоенька Александровна, – это Мария Ивановна, старшая в дежурной смене, лапочка сладкая, заботливая, – вы домой пойдете или здесь заночуете?

"Заночуете" – не шутка, не подхалимская ирония, у Зойки в пенальчике есть диван, на котором можно спать, на котором как раз и кемарил похмельно вышеупомянутый эстонский товарищ швед.

– Поужинаю и пойду.

Бог с ними, с деньгами, снова живем! – села в синем зале за служебный стол, взяла себе п о ч е л о в е ч е с к и, коньячку тоже, ела, пила, слушала вполуха, как еще не для публики – рано еще для публики! – тихонько стебали что-то свое и для себя ресторанные крутые лабухи, разомлела, разомлела и домой пошла.

– Спокойной ночи, девочки.

– Спокойной ночи, Зоя Александровна! – в один голос из-за стекла регистратуры, хор Пятницкого, блин...

Швейцар, сука старая, кадровый кагебешник из бывших, а теперь – застрельщик перестройки и гласности, на собраниях рвет на груди ливрею, толкуя о нравственности, а сам без трех стольников домой не идет, увидел начальницу, Матросовым под фотоэлемент влез – двери перед ней раскрыл:

– Славно вам почивать, Зоя Александровна...

А шел бы ты... И такси тут как тут. Села на заднее сиденье, спросила:

– Ты что, на прикорме у швейцара?

Морда наглая, кулак – с голову пионера, ржет:

– Двое детишек, Зоя Александровна, все, замечу, кусать хотят, оглоеды.

– Откуда ты меня знаешь? Что-то я тебя не помню...

– Где вам всех упомянуть! А мы вас знать д о л ж н ы . . .

Ну, должны и – хрен с вами, знайте. Закрывает глаза, попыталась подремать – дорога до Марьиной Рощи недлинная, но хоть десять минут, хоть пять... А ноги гудят, как провода под током. Все, завязали: на службе – без каблуков, форма одежды летняя, парадная: кроссовки, шорты, майка, в руке – серп, в другой – молот...

– Куда ты меня везешь, ласковый?

– Домой, куда...

– А где мой дом?

– С утра в Марьиной Роще был. Девятый проезд, так?

– Ну ты жох! А ключа от моей квартиры у тебя нет?

– Ключа нет... – вроде даже обиделся. И сухо: – А все знать – работа требует.

Странная работа. Может, он из кгебе?... Да хоть из цереу, лишь бы довез.

Довез.

С моста развернулись через сплошную осевую, въехали в черный девятый проезд и встали.

– Дальше, pardon, некуда, Зоя Александровна, у меня не танк.

Открыла глаза – вот тебе здарсьте: за день все перекопали, ограду поставили, а на нее – красный фонарь. Кстати, почему красный? Какие такие аналогии имеют место?... Впрочем, вопрос праздный, бессмысленный, скорее – домой, скорее – в койку.

– Может, проводить? – большого рвения в голосе таксиста не наблюдалось.

– Обойдусь.

– Ну, как знаете... – А сдачи с тройка не дал, вонючка.

На каблуках по таким рытвинам – туфель не жалеть, а Зойка жалела,

туфельку у нее – по счету. Сняла, в полиэтиленовый пакет сунула, по босиком, пошла своим тридцать пятым номером по сухой земле, теплой и рассыпчатой марьино-рошинской почве, как по летнему полу, как где-нибудь у сестры в деревне Сафарино по Ярославке, а если зажмурить глаза, то и вовсе как в дальнем-предальнем детстве, когда вообще никаких туфель у Зойки не наличествовало. Однако глаза лежать было и не зажимать: мгла в девятом проезде, повторим, стояла египетская, а свет из окон дороги не слишком освещал. Осень. Двести один час с копейками, а темно, как в полночь. Зойка миновала первую девятиэтажку, подгребала уже ко второй, к родимой, как к темноте, из-под еле видного тополя услышала длинный и явственно больной стон.

Ей бы опрометью – мимо, в подъезд под кодом, а она, дура, встала и стоит, как не известная ей жена не известного ей Лота.

– Кто здесь?

Стон повторился, но тише, приглушеннее, словно Существо – кто там? человек? зверь? не видать... – понемногу слабело, отходя, было может, в мир иной. Это что же такое я здесь стою, не шибко грамотная, зато взволнованно подумала Зойка. Она уронила – именно так: пальцы разжала и уронила... – на асфальт пакет со сторублевыми баретками и сумку с документами, деньгами, всякими причиндалами для маршала фета, она уже не думала, не помнила ни о туфлях, ни о малых деньгах в сумке, она, человек действия, для одного освободила руки и шагнула к тополику – из темноты, значит, в темноту.

Маленькое отступление, чтобы чуть-чуть перевести дух.

Зойка, Зоя Александровна, была, как вы просекли, женщиной решительной, не страшащейся возможно-нежелательных последствий своих неосторожных шагов. Неженских шагов. Что может, к примеру, повлечь за собой история с малозаконным вселением американских сорабников по технической революции в приготовленные к плановому ремонту номера? Выговорешник? Лишение квартальной премии? Временное понижение в чине? Да что бы ни повлекло, Зойке на это начхать. Дело сделано, доброе дело, люди спят в постелях, а не в креслах, это – главное, остальное – фуфло. Дальше. Что стрясется, если под ознобленным тополем лежит... ну, кто?... пьянь?... убивец?... насильник-извращенец?... Что-нибудь, конечно, стрясется, факт. А если не пьянь, не убивец, не насильник? Если там человек концы отбрасывает, и одна только Зойка, одна в целом мире – ну, нет кругом ни души! – может накрутить "ноль три" и вызвать спасение?..

Людей, способных на поступок, – не на подвиг, нет, на обыкновенный человеческий поступок, не влезающий в рамки всякого рода умных инструкций и правил! – в нашей державе с гулькин нос. С безоблачного детства, с яслей и детсадов всех стригут под одну гребенку, учат не высовываться, не лезть в пекло поперек батьки, а сам батька тоже в пекло не рвется, подавая растущей смене наглядный урок осторожности. Никто не хочет принимать решения сразу. Любимые аргументы: надо подумать, посоветоваться, желательно – с народом. Или так: надо создать комиссию по изучению того-то и сего-то, комиссия

изучит и доложит – опять же народу. А если ситуация требует немедленных действий? Если завтра, через час, через секунду будет поздно?..

Хотя, хотя... Немедленные действия мы тоже проходили и ни к чему толковому они не приводили. Наоборот. Это объяснимо: нежелание принимать экспресс-решение логично рождает неумение его принимать. Опять-таки никто и не умеет...

Ладно, туманные аналогии – побоку. Эдак мы часом в высокие государственные сферы залетим, а при чем они здесь, в девятом проезде Марьиной Рощи? Кесарю – кесарево, а Зойке, выходит, – Зойкино...

Под тополем прямо на мать-сыре-земле полупежал, подперев спиной дерево, какой-то мужичок. Старый или молодой – Зойка не рассматривала, да не очень-то и рассматривала. Села на корточки, спросила деловито:

– Что стряслось? Пережрал, болезный?

Болезный взглянул на Зойку долгим, как писали в старых романах, взглядом. Странная штука: темнота темнотой, а Зойка резко увидела глаза, будто подсветили их изнутри невесть как, или – что реальнее! – отразилось в них чье-то кухонное окно на первом этаже Зойкиной "башни". И явилось оттуда – из глаз, конечно, а не из окна – эдакое настороженное ожидание. Кого? Чего?..

– Что молчишь? – Зойка не оставила привычно-фамильярный тон, коим вела беседы с многочисленными алкашами из отельной obsługi, хотя и понимала, что болезному худо: то ли сердце прижало, то ли почки, то ли печень, то ли селезенку скрутил летучий приступ, бывает. Но тон сей для Зойки был некой защитной реакцией от разных "вдруг": мужик все-таки, существо непредсказуемое. Может, придушивается?.. Пусть решит, что перед ним – рядовая хабалка из овощного, которая – в факте посягательств на честь – запросто врежет по вышеуказанным внутренним органам. – "Скорую" тебе позвать, а, милый?..

Мужик разлепил губы и вроде что-то вякнул.

– Чего-чего? – ничего, пардон, за дурную рифму, не поняла Зойка и бесстрашно наклонилась над мужиком. – Повтори...

Скорее догадалась, чем услышала:

– Идите... Я полежу...

– Во блин! – изумилась хабалка из овощного. – Полежит он... А помрешь?.. Я, выходит, виноватая буду.

– Я полежу... – через силу повторил мужик и – вот странность-то! – чуть растянул губы вроде в улыбке.

Вроде, значит, улыбнулся он, и Зойка увидела: мужик нестарый, лет, может, сорока, рано такому под тополями концы отбрасывать. Улыбка и решила дело: насильник и убийца, по мнению Зойки, улыбаться жертве не станет.

Сидеть на корточках было неудобно, да и напомним: ноги у Зойки гудели по-прежнему. Она подтянула юбку и бухнулась на колени.

– Видишь, я перед тобой на коленях стою. А ты лежишь. Погано... Почему "скорой" не хочешь? Боишься – упекут? Ну, давай я твоим

домашним звякну. Давай телефон, – все еще хабалка, все еще Художественный театр.

– Нет, – выдохнул мужик.

– Телефона?

– Дома...

– Бомж, что ли? – удивилась Зойка.

Нет, на бомжа мужик не гляделся. Ну, ковбоек, ну, джинсы, сандалии – все хоть и отечественной постройки, однако аккуратно. Провела ладонью по щеке: явно брился с утра, явно. Где, как не дома?

– Приезжий? – новый вопрос задала, потому что на бомжа мужик не среагировал.

– Вроде...

Вот ведь идиотская ситуация! Поздний вечер, глухая улица, мужик помирает, а Зойка стоит перед ним на красивых – подчеркнем лишним раз... – коленях и пытается биографию по пунктам стандартной отельной анкеты. Бред!

– Ладно, – вновь мгновенно решила она, – я в этом доме живу. Встанешь?

– Я полежу, – занудно повторил мужик.

Зойка уже и злиться начала.

– Заладил: полежу, полежу... Подымайся!

Ухватила его за подмышки (или под мышки? или вообще под мышки? Один разве что Даль знает...), потащила. Мужик не протестовал, но особо и не помогал. Тяжел был, как боров. Тащить его было скучно, поэтому не станем описывать процесс, а сразу перейдем к результату этого. Впихнула мужика в квартиру, подтолкнула к дивану, он плюхнулся на него (мужик – на диван) и отключился. Зойка уж на что вымоталась, а испугалась: ой, не помер ли, ой, не зря ли тащила? Нет, не помер, не зря: дышал, сопел, хрипел – и то хорошо. Сняла с него сандалии, чтобы обивку диванную ценную не загваздал, прикрыла пледом – пусть спит. Если спит...

И только тогда села в кресло напротив, вытянула – наконец-то по-прежнему красивые ноги, закрыла глаза (или куртуазнее к ситуации смежилась вежды?..) и немедля ужаснулась содеянному: на кой черт она его к себе притаранила? Мало ей своих забот, мало? Сама сегодня еле-еле дышит, бюллетень на раз дадут, а тут еще и полутруп на больную голову. Не-ет, "скорую", и притом – немедленно!

– Не надо "скорую", – внятно, хотя и не открывая глаз, произнес мужик.

Кто возразит против реальности телепатии, поднимите руки? Кто хоть раз в жизни не испытал ее странное воздействие на издерганный неверием организм сапиенса советикуса? Нет таких, не ищите. А те, кто с пеной у рта отрицает непреложные факты – они-де антинаучны и антинародны! – обыкновенные ретрограды, рутинеры и мракобесы. Природа антинаучной быть не может – вот вам афоризм к случаю...

Непреложный факт бревном лежал на югославском диване и, на

первый взгляд, никак не реагировал на окружающую действительность. Просил-просил, чтоб ему полежать дали, и выпросил – дали. Но Зойка, женщина начитанная, охотно верящая в телепатию, телекинез, не говоря уж об экстрасенсах, живо встрепелась и, не обращая внимания на трупное состояние гостя, потребовала ответа.

– Але, – оригинально начала она, – вы не спите?

Подметим: на "вы" перешла, зауважала...

Но мужик на пустой вопрос не откликнулся.

– Откуда вы узнали, что я про "скорую" подумала? – плевать было Зойке на явное нежелание гостя вести салонную беседу, жажда знаний оказалась сильнее Зойкиного милосердия. – Ну, вы же не спите, я ж вижу же! Откуда вы узнали, откуда? Может, я вслух сказала?

Кто бы устоял перед таким напором? Праздно спрашивать. Мужик тяжело вздохнул и, по-прежнему не открывая глаз, кратко ответил:

– Нет.

– Что "нет"? – завела было, но тут же сообразила, что мужик ответил лишь на последний вопрос – про "сказала вслух". Такая тонкая избирательность Зойку не устроила, и она бульдозером поперла далее: – Вы телепат?

Мужику пришлось сознаться.

– Да, – сознался он.

Сознаться-то он сознался, а ни позы не сменил, ни глаз не открыл, всем видом являя, сколь претит ему допрос, навязанный хозяйкой дома и положения. Да и коли хозяйка, так что, можно издеваться над не-мощным странником?..

Но Зойке его переживания – пофигу. Зойке, как в известных стихах, во всем хотелось дойти до самой сути. И потом: он же полежать просился, так никто его с дивана и не гонит, а о нежелании разговаривать он заранее не заявлял.

– А вот что я сейчас подумала? – допрос плавно перетекал в стадию легкого эксперимента.

Мужик открыл один глаз – ближний к Зойке, колко глянул на нее и опять же лапидарно ответил:

– Свен.

Вот тут Зойка испытала нечто вроде легкого шока, нечто вроде мистического ужаса испытала любознательная Зойка, поскольку ответ попал в точку, эксперимент можно было закруглять. А подумала-то Зойка буквально вот что: интересно, как его зовут? И узнала – как. Но знание требовало уточнений, и Зойка не смогла молчать.

– Вы швед?

– Нет, – в рифму сказал Свен.

Раз он так назвался, будем так его и называть.

– А кто тогда?

– Все равно не поверите, – ответил Свен и невежливо отвернулся к стене.

Может, невежливо, а может, и обиженно. Зойке стало стыдно: привела в дом больного, говоря красиво, полила цветы своей благотворительности, а дальше, получается, пусть они сами растут? Получается

так. А так получаться не должно. По неписаным законам гостеприимства. И хотя ей жутко хотелось выпытать, во что это она не поверила, смирив научный пыл, сказала кротко:

– Я чай поставлю. Чай вам можно?

– Можно, – не поворачиваясь, подтвердил Свен.

Зойка отправилась на кухню, размышляя по пути, почему ей в последнее время везет на Свеню. Другие за всю жизнь ни одного Свена не встретят, а она вон сразу двоих, если считать алкаша-официанта. Тот, как мы помним, тоже шведом не был...

Не пожадничала, разорилась, заварила "липтон" из дареной английской жестянки. Подумала: жрать он, наверно, хочет. Слепила парочку бутербродов с дефицитной селянкой, помыла единственный помидор. Больше ничего в холодильнике не отыскалось. Да и откуда бы? Жизнь Зойки, повторим, текла в унылых берегах общепита, где особых деликатесов не водится. Водрузила приготовленное на поднос и понесла в комнату.

Мужик Свен как лежал, так и лежал. То ли спал, то ли телепатировал полегоньку. Зойка встала у дивана этакой шоколадницей с картинкой Лиотара и послала Свену мощную телепатею: мол, просыпайся, просыпайтесь, мол, я расстаралась, мол, поест тебе, вам принесла. Свен на посыл не отреагировал. Тогда Зойка поставила поднос на журнальный столик и внаглую потрясла Свена за плечо. Он, похоже, и впрямь спал, поскольку от тряски дернулся, резко сел и глупо спросил:

– Что?

На сей раз открыты были оба глаза и смотрели они на Зойку довольно-таки испуганно. Зойка машинально – женщина! – отметила, что глаза у него по-шведски голубые. Может, врет, что не швед?..

– Просыпайтесь, – повторила она вслух свою телепатею. – Я принесла чай и бутерброды.

– Спасибо, – Свен опустил ноги на пол, уселся ровненько, руки на колени положил – ну, прямо пионер-всем-детям-пример. – Я есть не буду.

– Как так?

– Мне не надо.

– Это еще почему? – возмутилась Зойка. Возмутилась она тем, что труд ее бескорыстный пропадал даром. А вслух возмущение объяснила иначе: – Вы потеряли много сил, вам надо чуть-чуть подкрепиться. Надо.

– Не надо. Мне нельзя. Только вода. Чай, – все ровненько, без эмоций. Больной?..

– Диета?

– Что есть диета?

Точно, больной.

– Это когда нельзя есть то, что есть нельзя. Но очень хочется.

– Мне не хочется, – похоже, он получше себя чувствовал. Говорил вот о т л и ч н о. – Не уговаривайте. Я все равно буду отказываться.

И говорил-то безо всякого акцента, а предложения строил не очень

по-русски. Может, тоже эстонец, мельком подумала Зойка, как тот Свен? Или литовец?... И устыдилась: какая разница? Да хоть папуас. Другое дело, что какой-то он... какой?... непонятный, вот какой, больной – не больной, псих – не псих, ест – не ест, жидкость ему подавай – что-то не то. А вдруг он шпион? Или круче: инопланетянин?..

Что на уме – то на языке:

– Свен, а вы не шпион? Или вы с летающей тарелки, инопланетянин, extra-terrestrial?

Ну, конечно же, она не всерьез, конечно же, она схохмила, little, конечно же, joke, sir, не более того – надо ж как-то расшевелить истукана, сидит сиднем, глазами ее сверлит-колет-буравит, страшно аж жуть. Пусть улыбнется, ведь умеет же он улыбаться. Наверно... А Свен не улыбнулся. Скорее испугался. Зойка уловила его испуг то ли пресловутым шестым, то ли сто шестым чувством и тоже испугалась, чего – сама не ведая.

– Я ж пошутила, – на всякий случай объяснила она, отмазалась, есть такой милый термин.

Но Свен на отмазку не клюнул, а вовсе даже ответил:

– Вы угадали.

– Что угадала? – испуг легко пролетел, а его незаконное место тотчас заняла стерва-злость: на Свена, идиотствующего почем зря, на себя – дуру-бабу, приволокшую этого клоуна-соблазнителя в квартиру, на работу свою бешеную, заставляющую порядочную женщину черт-те когда поздно возвращаться домой. – Что, блин, угадала? Что шпион? Так это ж голому ежу ясно! – опять Художественный театр попер, помноженный на упомянутую злость. – И не отпирайся! Я сейчас на Лубянку позвоню, за тобой приедут, колись с ходу. Запишут, как явку с повинной, на суде учтут... – неслась, что ни попадя, сама себя накачивала по системе К.С. Станиславского, потому что решила: Свена этого мороженого надо гнать в три шеи, нет – в четыре, в десять шей, пока он не полез к ней с глупостями приставать или не спляззил из дому чего-нибудь высокоценного. Но выгнать так просто – этого Зойка не умела, поэтому и заводилась, как каратист перед схваткой – ууоохха! Или что-то вроде.

Свен, несколько ошарашенный неожиданной атакой, на секунду выполз из своего коллапса и мирно, вполне по-русски, спросил:

– Вы чего?

– А ничего, блин! – разорвалась Зойка, не покидая, однако, глубокого кресла, диванного родственника, куда забралась с ногами и откуда, в случае сексуальных посягательств, ногами же могла отбиться. – Я-то ничего, блин, а вот ты чего? Вот чего, швед, полежал, посидел, пора и честь знать. Вали отсюда по холодку. Мне завтра на службу к девяти...

– Конечно-конечно, я уйду, спасибо, – быстро и безропотно сказал Свен, нашарил у дивана свои сандалики, встал. – Извините. Я понимаю. Я пошел. Да?

– Всего вам доброго, – благовоспитанно попрощалась Зойка. – Не стоит благодарности...

Злость канула так же скоро, как и набежала. Свена стало жаль, но

менять решения на скаку – это, считала Зойка, ниже ее высокого женского достоинства. Да и к чему менять? Пусть себе идет. Завтра и вправду рано вставать...

Свен пошел к выходу, шлепая и шмыгая незастегнутыми сандалиями уже у двери обернулся, заявил:

– Вы хороший человек, Зоя. Добрый. Зря вы себя другой придумываете – это больно. А я не шпион, я не знаю такого слова. Я еще не все ваши слова знаю, но буду очень скоро знать все. Вы правы, я – инопланетянин. И прибыл к вам меньше часа назад по вашему времени.

– Ага, – подтвердила Зойка, не покидая кресла по-прежнему: мало ли что... – Тарелка присела на Шереметьевской возле церкви Нечаянной Радости. И вся Нечаянная Радость – мне одной. Спасибоочки...

– Тарелка?... Это как?... Да, я помню... *Unknown flying object*. Так кажется, в научной литературе?... – выходит он не только русский "будет скоро знать", – выходит, он и английский по научной литературе помаленьку прикидывает. – Нет, я прибыл иначе.

– Нуль-транспортировка? Телепортация? – Зойка была фантастически подкована. В том смысле, что знала фантастику.

– Как вы сказали?... Нуль-транспортировка? Хороший термин. Да, похоже.

И с этими прощальными словами он дверь открыл и вышел в никуда. Стихи.

Самое время перевести дух и вспомнить хороший американский фильм про человека со звезды, про обаятельного стармена, внезапно материализовавшегося в доме молодой вдовы, материализовавшегося в родимом облике ее покойного супруга и, как водится, преследуемого гадами-учеными, возжелавшими на нем, на воскресшем, значит, муже-пришельце, ставить свои преступные опыты, резать там, кислотами травить, под микроскоп совать, ничуть не думая о межзвездном гуманизме. Зойка сей фильм глядела, в свое время отнеслась к нему с теплом, и сейчас, естественно, вспомнила обаятельного актера, чем-то кстати, похожего на шведа, хотя и с типично английской фамилией.

Ситуация из фильма повторилась если не в деталях, то в сути. Правда, предстал он перед Зойкой в чужом облики, а не под маской бывшего благоверного, слинявшего от нее три года назад с посторонней юницей. Но в отличие от кинодовы, Зойка не прониклась бедой инопланетянина, не рванулась сломя голову помогать ему, а просто-напросто выставила за дверь: мол, разбирайся сам со своими проблемами, мол, рули в Академию наук, мол, советские ученые – самые гуманные в мире, они резать не станут и микроскопов у них не хватает, так что помогут бескорыстно. Логично поступила Зойка. По-советски. Так будет с каждым, кто покусится. Ни пяди родной земли не отдадим инопланетным агрессорам. Так поступают пионеры... Да и в самом деле: какой, к чертям собачьим, пришелец? Это в конце двадцатого века, на исходе лета, посреди Марьиной Рощи?... Нечаянная радость... А в "Вечерней любимой газете Москве", между прочим, регулярно печатаются сводки уголовных происшествий, где легко проследить

рост изнасилований и квартирных краж, совершенных как раз такими пришельцами.

А что до кино – так это ж в кино!

Зойка вылезла из спасительного кресла, пошла в прихожую, накинула на дверь очень стальную цепочку. Есть ей, как и Свену, не хотелось, но чай выпить стоило. Чай снимает последствия стрессов, а Зойка только что испытала сильный стресс, который сама на собственный зад словила. Пила буржуйский "липтон" и анализировала ситуацию. Любила она поанализировать ситуацию, пия чай – особенно тогда, когда от анализа ни хрена не зависело. После драки – кулаками, вот. Во-первых, никакой он, конечно, не пришелец, хотя и ничего себе. И физиономия тоже интеллигентная. Правда, одет... А что одет? Может, на ихней планете ничего импортного приличного не достать, одно отечественное крепкое... Говорит странновато, факт, но – не жлоб. Да, еще: телепат. У кого из Зойкиных знакомых есть знакомый телепат? Ни у кого. Это все – плюсы. Их мало, но они приятны. Теперь – минусы.

Весь его треп – дешевый провинциальный кадрез, рассчитанный на сопливых от восторга пэтзушниц. Поскольку Зойку за ее тридцатилетнюю жизнь клеили десятки, если не сотни, раз, то она назубок выучила многозвонкий, но все ж ограниченный набор приемов, приемчиков, приколов, отмычек и ключей для добровольно-насильственного вскрытия женских сердец. Почему-то мужики-кретины считают, что любую бабу надо брать как-нибудь похитрее, пооригинальнее, поскольку она-де, как сайра (рыба такая есть, кто забыл...), на свет повится, на загадочное. Да любой нормальной бабе все эти загадки – до фени, если уж на то что она и клюнет, так на естественность, на простоту. Именно естественности бабам в жизни не хватает, все кругом выпендриваются, выдрючиваются, чтоб не сказать круче, строят из себя принцев, пришельцев, суперменов – тоска! Господи, да подойди он к ней по-человечески, представься, скажи, что она ему нравится, что он хотел бы пригласить ее... куда?.. В Большой театр, в Третьяковскую галерею, в музей-усадьбу "Останкино", например!.. И что она? Увы, увы, послала бы его на три русские буквы. А почему? А потому что в мире всеобщего выпендрежа любая естественность тоже покажется выпендрежем. Только изощренным. Особо опасным...

Парадокс? Никакой не парадокс. Дефицит простоты в человеческих отношениях рождает неверие в нее, незнание ее, даже боязнь. Это – как черная икра: сто лет ее не пробовал, а угостили на халяву – невкусной окажется. Потому что отвык. А привык к накрахмаленной колбасе, которая скверно прикидывается мясной. И знаешь, что мяса в ней – три процента, а хаваешь. А если ее еще и упакуют как-нибудь позакovskyристей, обзовут "старорусской" там или "пикантной" – вовсе кайф... Но если Свен – та самая колбаса "пикантная", чего ж она его прогнала? Об икре размечталась?..

Гастрономические ассоциации вызвали легкое чувство голода, не утоленное, оказывается, ресторанным калорийным ужином, и Зойка

машинально и задумчиво съела бутерброды, приготовленные ею для Свена. Но сытый человек – добрый человек, это еще второй раз здесь поминаемый В. И. Даль сообщил в своем фолианте пословиц и поговорок, и сытая Зойка внезапно ощутила колкую жалость к выгнанному шведу-эстонцу-шпиону-инопланетянину. Ну, захотел человек покадриться, ну, не придумал ничего умней, чем прикинуться старменом, ну, жить ему в Москве негде. В конце концов можно было позвонить заботливой Марии Ивановне и запихнуть Свена на тот же двенадцатый. Хоть на ночь...

Зойка встала, отнесла поднос на кухню, вымыла чашки, поставила их в шкафчик – все механически, не думая о делаемом. Если сравнить ее со спортсменом, который собрался прыгать в высоту, то все это мытье посуды – разбег. А потом будет прыжок. Зойка закрыла дверцу настенного шкафчика, повесила на крюк полотенце и решительно пошла грудью на планку. То есть – к двери.

Свен, как Зойка втайне и ожидала, сироткой сидел под тополем и, похоже, караулил свою тарелочку. Или канал для нуль-транспортировки. Зойкиному приходу внешне не удивился и не выказал пикования: и ранее, помним, сдержан был...

– Ну и что будем делать? – туманно спросила Зойка, надеясь, что на сей раз не ей, вконец эмансипированной, придется брать на себя инициативу, а сам Свен предложит какой-нибудь приемлемый вариант дальнейшего общения. Например, попросит прощения за дурацкий розыгрыш, со слезой признается, что не пришелец, а командированный, и не с Тау Кита, а из Краснококшайска...

– Не беспокойтесь, – кротко сказал кроткий пришелец Свен.

– Ладно, – стремительно решила Зойка, опять стремительно сама все решила, – пошли обратно. Постелю вам на кухне, а завтра разберемся. Пристроим куда-нибудь...

Если честно, все это она заранее заначила, еще когда грудью на планку шла, а сейчас выпалила, но зачем ломать имидж стремительно решающей женщины?..

– Меня не надо куда-нибудь, – быстро возразил Свен.

Заметим, что идея возвращения протеста у него не вызвала. И то понятно: он уже лежал на диване, понял, что под тополем – хуже...

– Где ж вы жить собираетесь? – поинтересовалась Зойка.

– Нигде. Я здесь на сутки. И назад.

– Куда?

– Домой.

– А дом далеко?

Свен на миг задумался.

– Приблизительно триста семнадцать парсеков в ваших единицах измерения.

Он умник, никак не мог дотумкать, что пора завязывать с детскими играми, хорошего понемножку, самый терпеливый партнер на стенку полезет от такого перебора. Зойка чувствовала себя в преддверии (или все-таки в подножии?) стены, но помнила, помнила, помнила о своей

милосердной миссии, взяла себя в руки – кто-то из двоих должен быть мудрее, этот кто-то не мог не быть женщиной! – и сказала:

– Хорошо. Завтра, завтра – не сегодня. Пошли... – и порулила впереди, злорадно не сомневаясь, что умирающий Свен сам преотлично доберется до квартиры.

А время между тем полночь забежало.

Зойка молчала – это уже была е е игра! – постелила Свену в кухне на узком топчанчике, налила в поллитровую чашку остывший чай, поставила на стол. Возникла в комнате.

– Я вам все приготовила.

Свен послушно и тоже молча – никак понял, что все слова сейчас будут лишними, – последовал за Зойкой в кухню, а та его особо провожать не стала, бросила вслед:

– Завтра в семь я вас, простите, разбуджу.

И ушла. И закрыла дверь к себе в комнату, и подперла ее тяжелым креслом – на всякий пожарный! – и влезла в холодную постель. И вырубилась из действительности, нуль-транспортировалась куда-то, где не было ни американских делегаций, ни плановых ремонтов, ни инопланетян под тополями, ничего не было гнусного, отравляющего нам бессонные будни.

А проснулась от звона будильника: оказывается, не забыла вечером завести его. Что значит условный рефлекс, спасибо Павлову и его псам!

Накинула халат, тяжело откатила кресло от двери, мимолетно усмехнувшись: ишь ты, как поставила, так и простояло, никто на ее честь не позарился – пожалела о том? а что, может, и пожалела... – и в кухню. Картинка была точно такой, что и накануне вечером: Свен сидел за столом и дул чай, как не пожился.

– Доброе утро, – приветливо сказал он.

– Доброе, – не столь приветливо констатировала Зойка. Глянула на топчан: подушка взбита пышечкой, плед расправлен, ее рука, ее, любимая... – Вы, что, не спали?

– Я мало сплю. В отличие от вас. Я плохо себя чувствовал. Вчера. Так всегда после перехода. Надо было лечь, сконцентрировать энергию. Это недолго. И еще посчитать.

– Много насчитали? – Зойка варила кофе, пена старалась вылезти из джезвы, Зойка следила за ней, ловила момент, чтобы снять с конфорки, поэтому поначалу не вникла в ответ Свена.

– Меньше, чем я надеялся, – вот что он ответил. – Сейчас – семь шестнадцать. По вашему счету. У меня осталось тринадцать часов сорок четыре минуты. Плюс-минус минута допуска.

– Бывает, – равнодушно подтвердила Зойка. Ставила джезvu на стол, ставила тарелки, ставила чашки, а еще хлеб достала, масло в масленке, салями распрекрасную – чем богаты... И вдруг ее как стукнуло: – До чего осталось?

– До перехода. До этой... как вы назвали?... – нуль-транспортировки.

– О, Господи! – только, значит, и сказала Зойка.

Да уж, так уж, хватит уж. Позавтракают и – в стороны, чао, пришелец,

мы от вас сильно утомились. Вечерний альтруизм по утрам превращается в свою противоположность.

Давайте вернемся к триллеру "Человек со звезды". Пардон, конечно, за многословие, но пока эта повесть добредет до читателя, он, читатель, сей триллер забудет вовсе, поэтому автор нудно напоминает подробности сюжета. Там героиня с ходу поверила в то, что неожиданный ее гость — инопланетянин. Это объяснимо. Во-первых, накануне его появления в доме героини по небу долго летала какая-то светящаяся хреновина, которая потом, если теперь уже автору память не изменяет, громко взорвалась. Во-вторых, превращение невесты чего или кого в копию покойного мужа героини происходило буквально на ее глазах: за считанные секунды существо прошло цепочку метаморфоз от слизистого младенца до взрослой голой особи. В-третьих, полиция почти сразу начала охоту за кем-то, кто причастен к полету и взрыву означенной хреновины. Все перечисленное в сумме должно было привести либо к сумасшествию героини, либо к вере в чудо. Героиня оказалась дамой с крепкой психикой, с ума не спезла, зато чудо приняла легко и с приянью. И дальше, как писал некий классик, "все заверте..."

Теперь о Зойке.

Наши самые прогрессивные в мире ученые давно уверили советский народ, что наука о неопознанных летающих объектах — по-ихнему, по-буржуазному: уфология — и не наука вовсе, а нечто вредное, что отвлекает трудящихся Запада от каждодневной классовой борьбы. Впору применить к ней известный по другим наукам термин — продажная девка империализма. А посему советский народ твердо знает, что летающие тарелки — бред, милые игры рефракции, обыкновенный обман зрения. И художественные фильмы о них — даже с маркой "фантастика" — наши киношники не снимают: нет в СССР пришельцев, нет и не было, в отличие от шпионов, всегда толпами наводнявших наши города и веси.

Далее. Помня о засилии шпионов, огромное большинство простых граждан никогда их живьем не видело, а посему, точно зная об их наличии, малость абстрактно себе их представляло. Все больше по карикатурам в "Крокодиле" или по фильмам — здесь наши киношники на высоте! — о работе доблестных контрразведчиков.

Но вот сумасшедших-то у нас в державе — пруд пруди. Всяк, кто хоть чем-то отличается от среднестатистического уровня — псих. Ату его! Вот почему Зойка ни на миг не поверила, что Свен — пришелец, не взбрело ей в голову, что он — шпион, а вот то, что она из жалости клюнула на явного психа — это у нее сомнений не вызвало. Причем советский человек, как правило, психов не боится, привык он к ним, притерся и, когда встречается, старается немедленно от них отделаться. Возвращаясь к определению среднестатистического уровня нормальности, автор смеет утверждать, что каждый из нас человек неоднократно бывал в шкуре сумасшедшего то в жэке, то в магазине, то в исполкоме, то в милиции и т.д. и т.п.

Вот почему Зойка Свена не боялась, он лишь — как всяк сумасшедший

– надоел ей до зла горя, и она – как и всяк н о р м а л ь н ы й – спешила от него избавиться.

– Тринадцать часов, говорите? – ласково размышляла она, моя посуду. – Немного, немного... Но с другой стороны – тоже срок... А у вас в Москве дела?

– Дела, – радостно отвечал сумасшедший, уповивший, что его судьбой заинтересовались, что ее вот-вот устроят.

– В министерстве, в главке? Фонды, дефицит?..

– Не понимаю, – в голосе Свена звенела явная боль: ну, не ведал он таких богатых слов, не слыхивал в своем Краснококшайске. – Мне нужно большое скопление р а з н ы х людей.

– И только-то? – Зойка повесила чашки на крючки и обернулась. – Идите в любой универмаг. В ГУМ, в ЦУМ, в Детский мир. Скопление – больше нигде в мире.

– Это магазины? – сообразил догадливый псих.

– Точно. Я вас довезу, хотите? – что не сделаешь ради любимой цели – обрести покой.

– Не надо. Магазины не подходят. Ограниченность целей, жесткая общность интересов, тревога, агрессивность, эмоциональный шумовой фон. Не получится... Нужно много людей, разных, и чтоб у каждого – свой вектор цели, дискретность шагов, вариативность методов.

Понесло, подумала Зойка. Если сейчас он – уже псих, то раньше был еще каким-нибудь физиком-химиком-кибернетиком. На том крыша и поехала.

– Придумаем, – ласково сказала она. – Полейте пока липтону, а я оденусь. И придумаем вместе... – пошла в ванную комнату, вдруг оглянулась, засмеялась: – А вообще-то вам мой отель во как подойдет! Все есть: и векторы, и дискретность, и вариативность. А уж людей-то!..

Ну, кто ее за язык тянул? Кто вообще тянет нас за язык, когда общезвестно: молчание – золото? Не потому ли и рупь у нас золотым запасом не обеспечен, что разменяли мы наше молчание на медные пяточки?

Опять, опять нас понесло невесть в какие высоты...

А Зойка и не поняла, ч т о сказала, заперлась в ванной, плескалась, потом физиономию раскрашивала, пела что-то из репертуара крутых ресторанных мальчиков, а когда явилась на свет божий, то Свен уже стоял у дверей, весь из себя такой аккуратный, такой подтянутый, такой причисанный и – вот странность-то! – побритый. И сандалии застегнуты.

– Я готов.

Ну, прямо юный пионер значит первый!

– Куда?

– В отель.

– Как в отель? Зачем?

– Вы же сказали. Я проанализировал. Мне подходит.

Кто меня за язык тянул, запоздало подумала Зойка, с волчьей тоской подумала: как теперь от него избавиться?.. Убить? Трахнуть по голове

чайником и – с концами? Кто его хватится, раз он с другой планеты?

– Вам подходит, мне – нет. Вы что, думаете – я туда развлекаться иду? Я туда работать иду. И остальные там – работают, а не ля-ля разводят.

– Постояльцы тоже? – скромно спросил Свен.

Интересное кино: слово "фонды" ему, видите ли, неизвестно, а позабытое "постояльцы" – нате вам...

– Все, – подбила бабки Зойка, – дружба врозь. Переночевали, чайку похлебали – всего вам доброго. Пора и честь знать. Тринадцать часов – срок и верно небольшой, сами разберетесь, – открыла дверь, ручкой пополоскала. – Прошу вас, сэр.

Сэр, конечно, вышел, но на площадке застрял, ждал, пока Зойка с замком возилась, топтался в своих сандаликах, кудахтал жалобно:

– Как же так... я один не смогу... нет, я понимаю, я надоед... но срок, правда, мал... я должен успеть... это важно для Вселенной... и для Земли...

Пой, пасточка, злорадно думала Зойка, сбегая по лестнице, выскакивая на вольный простор девятого проезда, "здрасьте, здрастьте!" – теткам на лавочке, летящей походкой по асфальту – к Шереметьевской, к гнездовью таксомоторов, к свободе, к свету. И что с того, что Свен не отставал, что вякал про Вселенную, про сжатые сроки? У всех сжатые. У нее, что ли, растянутые? Сейчас директор про двенадцатый этаж узнает и в сжатые сроки вмажет ей по служебной минус полпремии за квартал.

И тут Свен произнес довольно странную фразу, которую Зойка и не старалась, а успыхала:

– А хотите, ваш директор сегодня не придет? Заболеет.

Зойка даже остановилась на миг, хотя у продуктового маячил зеленый огонек, который в любую секунду мог погаснуть.

– Что значит заболеет?

– Тиф. Или чума.

– Нет, это слишком, – глупо, потому что всерьез отреагировала она на явно провокационную реплику.

– Согласен. Слишком. Ваш вариант? Грипп?

– Грипп – это ничего... – и спохватилась: ее же на раз покупают, а она, соответственно, на раз покупается. Рывкнула: – Кончайте нести чушь! – и пошустрила к огоньку.

А Свен не отставал, понял, что зацепил-таки нужную струночку, и не отпускал ее, брэнчал, не переставая:

– Честное слово. Вы приезжаете. У директора – сильный грипп. Температура – сорок и пять десятых по шкале Цельсия. И проблема двенадцатого этажа больше не стоит. Все в ваших прекрасных руках.

Ишь как заговорил – "в прекрасных руках"! Телепат проклятый. Неужели он все слышит?... Может, не думать? Нет, совсем не думать не выйдет... А если он и вправду инопланетянин?..

– Я и впрямь инопланетянин, – точь-в-точь мысль повторил. Как доказательство оной.

– Директор еще не все, – Зойка невольно включилась в игру, навязанную Свеном. – Есть еще зам.

– И у зама грипп.

– У двух сразу? Подозрительно.

– Кого подозревать? Бога? Природу? – смотри-ка, не без иронии спросил Свен, малость уже задыхаясь: скорости, предложенные земной женщиной, оказались высоковатыми для залетного пришельца. – Не хотите грипп – пусть у зама будет острое кишечное отравление. Грибов поел. Несвежих... – за ночь русский его язык стал совсем русским, осталась только склонность к рубленным фразам.

– Какие грибы? Он, насколько я знаю, за грибами не ходит.

– Ходит тайно. Ходит жена. Купил на рынке. Съел маринованные. Выбирайте...

Тут они ненароком до такси и добежали, никто его не перехватил. Зойка открыла дверь.

– Прощайте, Свен. Конечно, славно, если б все ваши инопланетные штучки сбылись временно, но...

– Почему "но"? – лицо у Свена было ну просто несчастным: еще чуть-чуть и расплечется. – Не "но", а правда. Зоя, хотите пари? Мы едем в отель. Вы узнаете, что у директора грипп. А у зама отравление. И на работу они в ближайšie... – тут он глянул на часы, на дешевенькие, "Ракета" называются, совсем даже не инопланетные, хотя, конечно, мимикрия... – тринадцать часов не придут. Если я соврал, то исчезну сразу. Навсегда.

– А если не соврали?

– Тогда вы проведете меня в отель. И не станете мешать.

Фарцовщик он, что ли?..

– Зоя, – Свен сузил глаза, и они ощутимо кольнули Зойку. Может, в сердце кольнули, а может, в печень. Где-то внутри. – Зоя, если я могу заставить людей заботиться. Зачем мне быть фарцовщиком? Пусть им будет другой Свен...

– Фарцовщиком, – машинально поправила Зойка. Спыхватилась: – А откуда вы... – и опять-таки спыхватившись: расспрашивать сейчас – себе в убыток. – Договорились. Поехали, – и дверцей хлопнула.

Все-таки слаба баба! Купили ее на недорогою, но сильно блестящую цацку – в переносном смысле, конечно. В каждой из наших милых и шибо передовых женщин живет Элпочка-людоедка, для кого волшебный блеск Бендеровского ситечка куда порой дороже приземленного гласа разума.

Но то, что Свен – телепат, сомнений нет!

Еще в такси спросила:

– Паспорт у вас есть?

– Нет, – растерялся Свен.

– А какой-нибудь документ? Удостоверение? Права? Пропуск на работу?

– Ничего.

– Как же вы в отель пройдете?
– Я не вор.
– Это на лице не написано. Для наших церберов каждый клиент ворюга. Особенно, если без документов. Ладно, что-нибудь придумаем. И придумали.

Подъехали не к главному входу, а к заднему, где с ночи разгружались фургоны с продуктами для ресторана. Там торчал завпроизводством, принимал по накладной помидоры, заметил Зойку, не преминул поинтересоваться:

– Что это вы с тыла, Зоя Александровна? Контрабанду тащите?
– Ее, – лаконично, не вдаваясь в объяснения, отрезала Зойка. Не тоже не преминула подколоть вопрошающего: – А помидорки-то с гнильцой, Лев Наумович. Отравить гостей вздумали?

– Где с гнильцой, где? – засуетился завпроизводством, но Зойка уже проскочила мимо грузовика, и Свен за ней мышью скользнул. Черной лестницей поднялись на второй этаж, по пустому в этот час коридору – к приемной шефа, Зойка на Свена кивнула:

– Стоять здесь. Ждать.

Он солдатом застыл у стены – в карауле за сильно запыленной стеной Нового года стенгазетой "За отличное обслуживание", а Зойка мощно ворвалась в приемную.

Говоров у себя?

Секретарша Мария Демьяновна, крыса крашенная, дама приятная во всех отношениях, не терпящая Зойку за наглость и отсутствие мужа, вскинула на нее скорбные глаза:

– Увы, нет, не спешите, Зоя, Сергей Степанович заболел.

Постным тоном подчеркнула, что, не исключено, Зойка и виновата в хвори директора, довела начальника, стерва...

– Тиф? Чума? – деловито осведомилась Зойка, внутренне замирая от предчувствия о ж и д а е м о г о ответа.

И тот не замедлил быть:

– Не вижу повода для глупых шуток. У Сергея Степановича сильный грипп с высокой температурой.

– Сорок и пять десятых?

– Откуда вы знаете? – с подозрением, с ревностью.

– Сердце подсажало, – как с ней, с мымрой, еще разговаривать?

– А где Кочерженко?

– Товарищ Кочерженко тоже захворал. У него отравление.

– Говорила я ему: не ешьте грибов, беда будет. Не послушался... Как будем жить дальше, Мария Демьяновна? – последний вопрос из ряда риторических.

Мария Демьяновна так его и расценила:

– Вам решать. Вы у нас теперь за начальство. Временно...

Столько яда в голосе, могла бы – ужалила. Но это кого другого, а не Зойку.

– Тогда вы сидите на телефонах, отвечайте на звонки, а я пошла делом заниматься, – вроде бы намек на то, что сидение "на телефонах"

– никакое не дело, а так, пустое колыхание воздуха.

Мария Демьяновна хотела достойно отбрить наглую, но не успела: Зойка из приемной исчезла. Нуль-транспортировалась. И возникла рядом со Свеном, который уже прочел передовую и штудировал статью о междуэтажном соцсоревновании. На стенгазете, кстати, пыли больше не имелось, исчезла, казенная гуашь сияла радугой. Свен поймал мимолетный взгляд Зойки, объяснил виновато:

– Почитать хотелось, а сквозь пыль плохо видно. Ну что? Как здоровье начальников?

– Здоровье – обвал, – невпопад, но торжественно сказала Зойка. – Знаешь, Свен, я тебя боюсь.

“Боюсь” прозвучало как “уважаю”. Да и то верно: если женщина в интимной обстановке – под стенгазетой, например, – говорит, что боится вас, и говорит сие нежно-высокопарно (такое сочетание вполне возможно...), но при сем свой страх никак не проявляет, не бежит опрометью, не запирается в дамском туалете, значит, вы ее круто заинтересовали, чтоб не сказать больше. Что же до Зойки, то она и впрямь была восхищена прозорливостью Свена. Она уже легко забыла, что он – псих. Она помнила только – желала помнить! – что он телепат, а он теперь проявил и редчайшие качества прорицателя, предсказателя ближайшего будущего, этаким кассандризм. Зойка даже готова была молвить Свену нечто приятное, такое вот, например:

– Еще чуть-чуть, Свен, и я поверю, что вы – инопланетянин.

Ничего себе комплиментик, а?.. Но для Свена, который с прошлого вечера из роли пришельца не вылезал, жил в ней по единственной в мире системе К. С. Станиславского, а единственный же в мире зритель ему: “Не верю! Не верю!” – для Свена такой комплимент должен был бальзамом на душу пролиться.

Но он не пролился. Свен с достоинством кивнул и подтвердил:

– Еще немного, и вы поверите. Так. Но это не значит, что я выиграл пари.

– Выиграли, – без всякой обиды согласилась Зойка. – Чем могу, сэр?

Весьма любопытны Зойкины перескоки с “вы” на “ты” и обратно. Ничем внешне не мотивированные, они тем не менее отражали на текущий (откуда и куда? из прошлого в будущее, как положено, или куда-то вбок, если предположить причуды нуль-транспортировки?) момент Зойкины высокие чувства. “Ты” – это гамма от презрительного неуважения, взгляда свысока, похлопывания по плечу до восхищенного дружелюбия, лихого панибратства, замешанного на откровенной приязни. “Вы” – это отчужденность, холодность, безразличие и – одновременно – настороженность, кощачья опасливость и, к слову, тоже неуважение и пренебрежительность.

Сейчас в ее “Вы” наличествовали:

во-первых, легкая обида, поскольку Свен принял как должное ее восхищенное удивление на “ты”;

во-вторых, столь же легкое раздражение, рожденное от ослиного

упрямства Свена, не разбавленного ни крохой земного юмора: инопланетянин, инопланетянин, сто раз инопланетянин;

в-третьих, напряженное ожидание: что он потребует взамен? н... душу ли Зойкину шибко бессмертную?

Да, конечно, еще и страх – в-четвертых.

Все-таки был он, имел незаконное место – подспудно-необъяснимый страх перед Чудом, которое произошло на глазах и которое трудно оприходовать по научному ведомству. Если про телепатию Зойке повторим, случилось не раз читать даже в солидных изданиях, то прорицательство теми же солидными изданиями начисто отметалось. А тут – налицо. А может – не налицо? Может, тайно позвонил он домо-директору и заму, пока по утрянке липтон дул? Позвонил, выяснил все про их здоровье, вернее, про нездоровье, а Зойке выдал как открытие?

Как бы было славно, коль было бы так, та-ра-ра-ра главной па-ра-ра-атак! Еще стихи.

– Чем могу? – повторила она. – Помнится, я не должна мешать. Хотелось бы знать, ч е м у?

– Узнаете, узнаете, – рассеянно заметил Свен.

Он, казалось, был уже совсем в другом месте, он, казалось, куда-то нуль-транспортировался, но взял Зойку за руку, но сжал легонько и вот оно: чудо! – Зойке было приятно его прикосновение. Да и не виделся он ей сейчас психом ненормальным, а, наоборот, виделся он ей сейчас мужиком в д е л е: собранный, готовый, целё-куда? – устремленный, даже красивый, черт вас всех подери!

– Вот что, Зоя, мне нужны сведения.

– Какие? – о п а л а Зойка. – У меня нет сведений, я не знаю никаких сведений.

– Есть. Знаете. Где ваш кабинет?

– Внизу.

Пошли. И повел он ее так точно, будто сто раз ходил этой дорогой Телепат, чему удивляться... И Зойка собачонкой семенила за ним, шлепая замороженно, как детишки за крысоловом, и лишь одна дурная мысль вилась в ее замороженной голове: какие сведения? если секретные? если план коммуникаций, если численность сотрудников кегебе – фи-ему! грудью заспону, но не сдамся! И фоном: откуда в ее задрипанном отеле секреты? что он имеет в виду?..

Что он имеет в виду, объяснилось быстро и к облегчению Зойки. Прошли по холлу под снайперским обстрелом со всех сторон: кто это кто это с гордой Зоей Александровной, кто? уж не хахаль ли залетный тайный? – нырнули в крохотный кабинетик, где еле умещался стол, два стула и непременный несгораемый шкаф. Сели друг против друга.

– Время дорого, – начал Свен. – Ответьте мне: сколько в отеле постояльцев?

– На сегодня... – она придвинула к себе утреннюю сводку, положенную на стол старшей дежурной, – шестьсот сорок шесть.

– Многовато.

Как будто Зойка виновата, что много, что перенаселен отель! Она в ответ и укусила:

– Никого выселить не могу. Даже для вас.

Опять юмора не понял. Зачастил:

– Что вы, что вы, я не о том. Просто, чем больше индивидуумов входит в рабочее пространство, тем сложнее контролировать их стабильность. Это – мои заботы, пусть вас они не волнуют.

– Они и не волнуют.

– А персонала сколько? – продолжал допрос Свен.

– Точно не скажу. Кто-то на бюллетене, кто-то в отпуске... Узнать?

– потянулась к телефону.

– Приблизительно.

– Человек сто, наверное... А вообще-то больше. У нас посменная работа.

– Я понял... Этажей?

– Двенадцать.

– Комнат?

– Номеров? Четыреста. Есть еще кабинеты персонала, два ресторанных зала, бар, парикмахерская, три магазина... Что-то забыла, наверно...

Допрос одновременно нравился ей и раздражал, раздражал, потому что время – дорого, потому что девицы в регистратуре – заждались, потому что Демьяновна с минуты на минуту начнет сваливать на нее всех посетителей, все звонки директору и заму, а тут сиди и отвечай – сколько в отеле сортиров, блин! Но и нравился, нравился, потому что оттягивал момент с т а р т а, после которого уже не остановиться, не продохнуть, так и вертеться до ночи. И еще – любопытно, что задумал Свен. После телепатии и ясновидения ожидать можно разное, можно всякое, можно э д а к о е.

Все-таки, за кого она держала Свена?

Ну, началось все из чистого альтруизма, ну, подобрала страдальца, как подобрала бы подбитую кошку, как подбирали их многожды, как нудно пристраивала их в хорошие руки. А оказался Свен нормальным советским мужиком без шестых, десятых, двадцать третьих чувств, может, и случилось бы промеж ними Нечто с большой буквы на малый зрок, на всю командировку Свена, на все тринадцать часов с копейками. Да-а, для лирики – мизер неовлеченный, как утверждают мастера отечественного префа... Бог с ней, с лирикой, перебежусь, но не будь Свен таким однообразным, таким скучным, таким занудным, мог бы юзникнуть простой человеческий контакт, а он не возник, не проклюнулся сквозь скорлупку отчужденности, потому что Свен начал раздражать Зойку с первых минут знакомства и раздражал до сей поры.

С другой стороны какой контакт – с психом, пусть и безвредным? Зойка же не психиатр, не психоневролог, не психоаналитик.

Можно одним ладным словом определить Зойкино нынешнее к нему отношение? Можно. Вот оно, ладное это слово: и н т е р е с. Зойка

испытывала к Свену научный интерес, ожидая от его могучих способностей могучих свершений. Вот, к слову, телекинеза пока не видно, как толково было бы подвинуть отель поближе к девятому проезду.

Да, об отеле. Зойка с научным интересом ждала, что Свен сотворит. Разбери он его по винтику, по кирпичику – Зойка не стала бы сильно убиваться: разобрал – восстанови, а у Зойки образуется в плановый отгул...

Но все это – фуфель ненаучный, мечты, мечты, где ваша сладость. А в реальной жизни Зойка была прагматиком и матери-научно-но-ленинским-алистом.

И все же спросила:

– Что вы делать-то собираетесь, а, Свен, скажите мне?

– Я хочу увидеть ваших людей такими, какие они есть, – непонятно ответил непонятный Свен.

– Что такое "какие есть"? – Зойка непонятное и не поняла.

– Я хочу снять барьер.

Понятнее не стало.

– Какой-такой барьер, Свенчик?

Свен тяжело вздохнул.

– Видимо, я должен вам довериться.

– Доверьтесь мне, Свенчик, давно пора, Свенчик, – ехидно сказала Зойка, но Свен на ехидство внимания не обратил, Свен изготавлял доверять я незнакомой женщине, а процесс этот, судя по всему, был труден для инопланетянина так же, как и для иностранного шпиона. А вдруг Незнакомая выдаст Доверчивого строгой власти?..

– Я разведчик... – начал Свен...

Бог ты мой, да кто ж он на самом деле, ужаснулась в отчаянии Зойка: пришелец или шпион, кто же? Пора бы ему и определиться, пора перестать метаться, а то скучно девушке.

– ...Я послан к вам высокоразвитой цивилизацией, чтобы проверить, готова ли ваша голубая планета вступить в межгалактическое содружество звездных миров, где давно осуществлен – это по-вашему, и нашему иначе... – главнейший принцип коммунистического общества: от каждого – по способностям, каждому – по потребностям. Именно этому, декларированному вашими лидерами принципу, мы и выбрали Землю для глубинной разведки, постановки эксперимента сначала на локальном, а потом и общепланетном пространстве. Ну, а потом референдум, консенсус, учитывающий необъятный плюрализм мнений.

Конеч, с ужасом думала Зойка, с ним все ясно, страшно думать, что Зойка и вся сжималась, и вся отодвигалась, и вся растворялась в локальном и общепланетном пространстве, потому что надо было слушать, а кричать, звать на помощь, звать на помощь, поскольку будущее помешательство опасно для жизни.

– ...Не надо меня бояться. Раз я решил вам довериться, то ниче плохого не сделаю. Наоборот, вы – единственная на Земле, кто узнаете результат. Я верю: он будет положительным! У вас достаточно высокий технический потенциал общества, чтобы ему соответствовало столь же высокое сознание, вернее, подсознание, поскольку – это я вижу! – ваш

сознание консервативно, с него не сняты барьеры. Я хочу их снять на короткий отрезок времени, чтобы увидеть, какие вы в подсознании...

Не было даже короткого отрезка времени, чтобы снять трубку и позвонить на вахту, в милицию, в регистратуру, невозможно прорваться к двери, пора ждать конца, не исключено – кровавого, потому что кто его знает – как и чем он станет снимать барьеры с Зойкиного сознания!

– ...Да-да, вы живете среди барьеров, вы отгораживаетесь друг от друга стенами, одеждой, словами, вы превратили свою жизнь в дурной театр, от колосников до авансцены набитый декорациями, в которых не то чтоб жить – роль играть трудно. Да что я вам твержу? Вы и сами уже все поняли! Ведь поняли, так? – и снова врезал по Зойке своими лазерами.

Но прежде чем понять в с е, Зойка успела машинально отметить: "авансцена" и "колосники" – чересчур богатые слова для рядового инопланетянина, будь он даже трижды псих. А отбив, отключилась. То ли Свен в нее проник, то ли она в Свена, но сейчас в ней жили два разных человека, два разных человека думали, два разных вели диалог, но, главное, эти двое были о д н и м. Как? А так! Как библейская Троица. Трое – и один. Непонятно, но – факт.

Мы живем среди барьеров – вот что она поняла.

Чисто физически – ясно: квартиры, комнаты, кабинеты, моя машина, моя дача, на даче – мой угол, а там – твой угол, мой лежак на пляже, мой пенек в лесу, мое место под солнцем. Мое, мой, моя! Ты сюда прийти не сможешь, а туда я и сам не пойду. Частное владение, во дворе – злая собака, по газонам не ходить, не влезай – убьет. Физически – это ясно.

Но Свена, догадалась Зойка, физические барьеры мало интересовали. То есть интересовали, конечно, поскольку они – естественный результат тут и там нагроможденных нравственных. Даже нет, не нравственных, не то слово. Сердечных? Душевных?... Ближе ближе, горячее... Барьеры в душе? Или между душами?... И барьеры – не то слово, точнее – стены. Бетонные. Стальные. Пушками не продырявить!

А еще уловила Зойка, что барьеры в самом человеке страшнее всего. Самобарьеры. Мы сжигаем себя сотнями запретов: этого нельзя, о неприлично, пятое вредно, десятое бесполезно. Железное "надо" явным-давшим вытеснило из нашей коммунальной жизни сладкое "хочу" и вплотную подбирается к самоуверенному "могу". Хочу, но нельзя. Могу, но не стоит. Надо, надо, надо! Куда ни повернешься – надо, увачок. Куда ни подашься – надо, кисанька. А если я хочу? Хоти. Хотеть ока не запрещено, но лучше не надо, потому что разрыв между желанием и необходимостью вызывает дискомфорт в хрупкой человеческой душе. Лучше хотеть сразу то, что надо.

Хочу вперед, в светлое будущее.

Молодец, это нам надо!

Хочу в колонну по одному.

Можно, но лучше – по пять!

Могу хоть по десять!

Не надо, это – лишнее. Кто там шагает правой? Не надо...

Все это, усваивала Зойка, не вне, а внутри каждого из нас. Вьелось, вросло, вжилось, угнездилось. Держава может не беспокоиться о своих дочерях и сынов: когда она, держава, прикажет быть героем, нас героем становится любой. Героями становятся даже без приказов сверху, героизм прямо-таки выдавливается из любого, как паста из тюбика, поскольку жизнь повсеместно требует. Героизм – осознанная необходимость, философская категория. И все кругом твердят: "Есть!" Прости – безо всякого "надо". Нигде ни хрена нет, а все орут: "Есть!" Прости за неуместную шутку.

Значит, Свен, умный гость, считает это ужасным?

Да, так я, то есть он, считает.

Значит, он считает, что слово "хочу" есть признак душевной слабости?

Да, если "хочу" подкреплено "могу".

Но если каждый будет поступать только по капризному "хочу", получится вселенский бардак, все вокруг станут хотеть что ни попадя, получится типичная анархия, Маркс-Энгельс-Ленин, помнится, о том не писали, они как раз писали о том, что светлое будущее должно складываться из кирпичиков каждодневного "надо". Надо мне, надо всем, надо Родине родной.

Надо страной весенний ветер веет. Песня.

А вот шутка ваша, Свен, шутка твоя с песней очень, Свен, глупая невозможности, Свен. Представь себе, что все могут то, что хотят.

Чего зря представлять, у них, то есть у нас, так и происходит, так живут, живем, просто отлично мы живем, они живут.

Не знаю, как у вас на планете, на какой такой планете, но мы голубом нашем шарике, мчащемся в бескрайних просторах Вселенной, не можем потакать себе во всем, мы еще досыта ни разу не ели, у нас войны, у нас забастовки, у нас голодные бунты, у нас перестройка, все это не только в странах капитала, но теперь уже и в первой в мире стране не вполне победившего социализма. Только помянутые вами Свен, тобой барьеры и сдерживают нашу ненасытную утробу, оставляют силы на борьбу, на все, на битву за светлое будущее. И я знаю, что вы, Свен, что ты мне сейчас скажешь, а скажешь ты вот что: на кой ляд строить будущее на таком говенном фундаменте, каким черту, светлым оно будет, если у его строителей урчит в животе? А тебе вам отвечу. Да, мы живем не очень славно, но разве так уж крепки барьеры? Разве мы не позволяем себе время от времени расслабиться, релаксировать и послать все и вся на три известные буквы? Нет, Свен, я тебе вам не открою, куда, на какие буквы посылаем мы все и вся, это прищелец, вы не поймете или поймешь не так. А посылая, мы уже не позволяли себе много всякого разного, мы уже столько дров, то есть барьеров наломали...

Ничего вы не ломаете, только обходите их, перескакиваете, прыгаете через контроль, подкопы под них осуществляете, а они стоят и не падают, потому что сработаны на века гигантами мысли. Я хочу показать вам, как сломать эти вонючие барьеры. Совсем! Н

вовсе! И вы увидите, какие вы на самом деле, а не какими вас хотели и хотят видеть гиганты мысли.

Ну ты даешь, Свен, ну, вы даете, мужчина! Может, вы и на те десять барьеров покуситесь, что две тыщи лет назад один чувак, тоже гигант, насочинял? Не убий – барьер. Не укради – барьер. Не пожелай жены ближнего своего, ни вола его, ни автомобиля, ни хаты, ни видюшника... Опоздали Свенчик-венчик-хренчик, две тыщи лет каждый, кому не лень, эти барьеры ломал, ломает и будет ломать... Ну да, ну да, они стоят, но дорогого ли стоят, пардон вам за филологический каламбур? Недорогого, говорите?... То есть вы, Хренчик, и на них посягнешь?... Нехорошо, этого вам православный наш народ не простит... И как же, любопытно, на твоей планетке, в Краснококшайске вашем вшивом борются с вредоносными "хочу"? Например, если кто-то хочет сжечь... ну, не знаю что... ну, горисполком... Нет у вас горисполкома? А вот это не ответ! Никто такую чушь не хочет? А у нас, Пельменчик, очень даже многие хотят и еще многие захотят... И пусть их? Интересная мысль...

Умная-то вы умная, Зоя, но довольно-таки глупая.

Странный комплимент. Я – баба, а баба, как принято считать, – дура. Но по должности-то я не баба, а вовсе мужик, значит – не дура я, не дурак, поэтому спрашиваю: как вы собираетесь ломать барьеры – раз, зачем тебе для этого я-баба-не-баба-дура-не-дура – два? Сотрете потолки, стены, полы, кто в сортире, кто в ванне – все видно, желудки – насквозь, у этого курица по пищеводу мчится, у того бифштекс с кровью переваривается, здесь, извините, трахаются, а здесь Баха слушают, так?... Ах, я примитивно все понимаю! Ах, я учитываю только внешний эффект, голую технику, а речь идет о высочайшем нравственном эксперименте!.. Ну и как же, как? Увижу? Ладно... А я на кой тебе вам им?

Мне нужен очень добрый человек.

Это я – добрый человек? Возможно, я – добрый человек. Но зачем тебе, Свенушка, добрый человек?

Доброта в любом мире, в любой планетной или даже звездной системе – та лакмусовая бумажка, которая проверяет способность человека хотеть.

Сложно завернул, я ж баба-дура... Но, не влезая в мелочовку, ответь ю-крупному: а коли мы не способны х о т е т ь? Что будет? Придут твои опланетники-краснококшайцы с бластерами-шмастерами и всех нас овыжигают к такой-то маме? Да нет, Свен, не шучу я, Свен, какие уж тут шутки, Свен... Я ведь про себя точно знаю: я х о т е т ь не умею. Хотеть в сознании, хотеть в подсознании. Если я чего и хочу, так это в отпуск ахнуть, и лучше в Крым, потому что хотеть на Канарские острова бессмысленно, а славно бы... И все мы здесь – такие же, а желания у нас – р е а л ь н ы е, земные, твой эксперимент, Свен, на хрен провалятся, а сам ты помрешь от тоски, так и не увидев родную планету краснококшайск...

Вы сами не знаете, что вы хотите. Или не так: вы не ведаете, что вы умеете хотеть! Каждому по потребностям? Так дайте мне определить эти потребности, вытащить, выколулпнуть их со дна подсознания.

Я не буду ничего объяснять, у меня и слов таких нет, чтоб все объяснить. Ты сама все увидишь, ты просто будь со мной рядом, лакмусовая бумажка, и ничего не бойся. Ни за себя, ни за свой народ... Поехали?

Ой, не знаю я, ой как же ж я!.. А-а, ладно, поехали, Свен, вези меня куда хочешь, я вся твоя лакмусовая бумажка, только не жди, что я чего-нибудь покраснею, это уж фиг-то...

Что это было? Сон? Сеанс телепатии?..

Она увидела Свена, он стоял у дверей и манил ее за собой. Она встала, как сомнамбула, пошла к нему, пошла за ним, пошла рядом, он взял ее за руку, вел по коридору, вел по лестнице, вел по холлу, в котором толпились непоселенные несчастливцы и поселенные счастливые, и дневные дешевые шлюхи, и бдительные мусора, и пронюхавшая фарца сновала туда-сюда, и девицы в регистратуре устали выписывать квитанции, устали долдонить, что мест нет, нет, нет и никогда не было, и никогда не будет, и другой, не вчерашний швейцар тоже гнида и бывший вертухай, а теперь стукач-на-полставки, караульные, стеклянные двери с фотоэлементом, чтоб, значит, враг не прошел, друзей нам и задаром не надо, и все это варево, месиво, крошево кипело, бурлило, любило, стонало, просило, унижалось, любило, моталось, угрожало, соглашалось, любило-не-любило-любило, рождалось, жило, умирало.

И все замерло, когда возникли Свен и Зойка. И все посмотрело на Свена и Зойку, и все подалось к ним, и все вдруг-вдруг-вдруг обстопорилось, сдавило, задышало перегаром, чесноком, духами, чуингамом, зубной пастой, лосьоном, дезодорантом, потом, а еще ветром дохнувшим на Свена и Зойку, солью морской полезной, и белый парус закачался на дальней стене холла, где он всегда наличествовал, но не думал качаться, потому что сложен был из крашенных мертвых стеклышек.

— Что хотите, то купите! — закричал Свен.

— "Да" и "нет" не говорите! — закричал Свен.

Или не Свен закричал, кто-то другой закричал, но все поверило крику, рванулись в сторону, потому что покупать желаемое следовало каждому в своем месте. И сразу стало свободно и тихо, никого кругом не было, никто не давил на психику, даже Свен, тактичный инопланетянин, на время исчез, чтоб Зойка могла перевести дух. Зойка перевела дух с большим удовольствием, как вдруг...

Опять "вдруг"! Ну просто затертый штампованный пяточок, который и в руки-то взять отвратно!.. Может, и отвратно, а как не взять? Как например, в метро пройти? В автобусе прокатиться? Бублик купить?

...как вдруг увидела, что никакого отеля больше нет.

Как вдруг увидела, что парус опять закачался на стене, которой не было, а вместо оной образовалось настоящее небо и настоящее море, и парус тоже был настоящим, не белым, как в отеле, а в желто-красную полосочку, и присобачен он был к мачте на длинной доске, и нес он назначенную доску прямо на Зойку. Впереди доски спешива волна, шумящая к берегу, с шорохом, шуршанием и шебуршением вышвырнула...

на пешок, то есть на песок, обдав Зойку теплыми сладкими брызгами. И доска тут же пришвартовалась. С нее сошел бронзовоторсый кра-савец, похожий на киноактера Арнольда Шварценеггера, весь пере-плетенный бицепсами, трицепсами и квадрицепсами, двуглавые мыш-цы у него на теле належали на трехглавые, а четырехглавые выгля-дывали из-за пятиглавых и махали руками.

Зойка шепотом сказала: "Ой!" – и сердце ее стремительно сколь-знуло вниз, вниз, вниз, упало на горячий песок, а Шварценеггер мгно-венно подобрал его, сдул прилипшие песчинки, сунул к себе в плавки и спросил на чистом английском:

– Вы поедете на бал?

Стало смеркаться...

Шварценеггер, не дождавшись ответа от остолбеневшей Зойки, усккал куда-то вместе с ее сердцем. Зойка опомнилась, крикнула вдогонку в сумерки:

– Верни сердце, амбал!

Его вопрос и ее выкрик вполне могли образовать элегантное двус-тишие.

Зойка села на песок и заплакала. Плакала она минуты две, что именно вызвало бурный поток слез – сама не знала, но плакала вкусно, сладко, с всхлипами и всморками, будто очищала усталый организм от вредных шлаков. Шлаков накопилось много. Доплавав, утерев глаза и нос платочком, решила осмотреться. Море по-прежнему катило бе-лопенные, как и положено, волны на золотой, как и положено, песок пляжа; доска с полосатым парусом снялась с берега и ушла в авто-номное плавание; ошую и одесную Зойки торчали подсвеченные из-нутри кабинки для переодевания, в которых кто-то все время перео-девался, сплетался, расплетался, ввинчивался и растворялся – сипуэты в театре теней; вдали, в чернильной синеве жаркой ночи призывными огнями горели бары и дансинги, казино и скейтинг-ринги, офисы и супермаркеты, билдинги с адвертайзингом, пабы, драг-сторы и кары.

Все эти залетные термины легко было перевести на язык родных осин, но зачем? Дело, как поняла Зойка, происходило куда как далеко от родных осин, среди чуждых нам пальм оно происходило, и море было не морем, а оушеном, прибой – серфом, пляж – бичем, а окру-жающая действительность – Канарскими островами, на коих, как мы помним, Зойка не мечтала провести отпуск.

А вот вам и обломилось! А вот вам и н е м е ч т а !

Зойка посмотрела направо, посмотрела налево, в кабинках по-пре-жнему развратничали чьи-то тени, а на самом пляже, то есть на биче, не было ни души. Весь пипл, похоже, свалил на вечерний стриптиз. А мы себе свой устроим, подумала Зойка, скинула мокрые, полные песка уфли, стянула через голову платье и осталась в черных полупрозрачных кружевных трусиках и таком же лифчике. И то и другое вполне подходило для стриптиза, но никак – для купания в общественном месте. Но в данном общественном месте в данный час почему-то не

мелькнул даже какой-нибудь, на худой конец, безработный, бомж, бичкомер, столь характерный тип для мира чистогана, а тени в кабинке – не более, чем прихотливый светозаэффект. Безлюдна была немечта Зойки, Шварценеггер – и тот слинял. А посему Зойка, никого не останавливая, сбросила интимные детали туалета, завершила-таки стриптиз голышом вошла в океанскую волну.

Волна повела себя нежно и нагло, скользнула по телу, бегло шарипала, заглянула туда и сюда, обняла, потянула за собой, опрокинула и отпустила, откатившись. Но тут же, не дав очухаться, опять рыска набросилась на Зойку, уже не осторожничая, лапала ее, крутила, ламывала, загибала салазки – мощна, что твой Шварценеггер! Мокрая с ног до ушей, ошарашенная, счастливая Зойка вырвалась, выскочила на берег, плюхнулась на песок – лицом в ладони. Песок был еще горячим, не успел остыть, от него несло жаром печки, и Зойка всем телом вжималась в него, ловя кайф.

– Вы поедете на бал? – по-русски спросили сверху.

Главное – не пугаться, не визжать, не прикрываться глупо ладонями, в гробу мы всех видели! Примерно так подумала Зойка и нарочито медленно подняла голову: над ней маячил искомый безработный бомж, бичкомер – в ковбоекке, в мятых брючках, в скороходовских сандалетах на босу ногу.

Кто бы вы думали?

Угадали: Свен.

– Отойдите, пожалуйста, я оденусь, – попросила Зойка.

Одевалась, торопясь, походя думала, что надо бы потеплее сменить планетянином, поскольку и океан, и пляж, и жар песка, и даже Шварценеггер на серфере – работа Свена. Как он все это отоварил – вопрос второй. Может, Зойка сидит сейчас в холле на мраморном полу и мирно галлюцинирует вместе с публикой... Зачерпнула песок – он просыпался между пальцами, сухой, колкий, живой. Нет, не похоже на галлюцинацию. А если и она, тогда Свен – гений! И тогда Зойка заставит его на ней жениться и каждый вечер вместо программы "Время" отпразднует ее на Канары...

Свен сидел на песке и ждал.

– Откуда вы здесь? – глупо спросила Зойка.

– Я принес вам ваше сердце, – вместо ответа сообщил он. – Оно было у вас одно, не разбрасывайтесь, а то пробросаетесь.

Он встал и приложил руку к ее певой груди. Под рукой сразу застывало, забилося, заскворчало оброненное сердце, и вот уже пошурело ходко и ровно, набирая положенный темп.

– Для кого мне его беречь? – грустно спросила Зойка.

– Найдется для кого, – пообещал Свен. – Получили то, что хотели.

– Не знаю, – сказала Зойка. Она и вправду не знала. – Вот мороз разве...

– Океан, – поправил Свен.

– Да, конечно, прибой здесь чумовой, не то, что в Мисхоре. Только плаваю я плоховато.

– Вы хотите плавать, как дельфин, как кит, как рыба-пила?

- Хочу.
- Пожалуйста.
- Прямо сейчас? – растерялась Зойка.
- Когда хотите.
- Но я ж только что купалась...
- Значит, в следующий раз.
- Через час?
- Когда хотите.

- А если все это кончится, вся эта ваша галлюцинация, и я поеду в Крым, то там я смогу плавать, как дельфин, как кит, как рыба-пила?

Свен засмеялся. Первый раз за все время! Смех у него оказался сухим, как кашель, но это был никакой не кашель, а именно смех, Зойка ни на секунду не усомнилась, даже обрадовалась: господи боже ж ты мой, оттаял, оклемался спящий красавец!

- Вы торгуетесь, как на базаре, – сказал Свен. – Я не ведаю, что случится, когда эксперимент закончится.

- Для чего-то ж вы его ставите...

- Хочу открыть вам глаза.

- Ну, откроете, а дальше? Будем ими хлопать и точить слезу: мол, х о т е т ь научили, а м о ч ь – сами валяйте, да?

- Не понял, простите. Хотеть значит мочь.

Зойка усмехнулась.

- Хотеть, мочь... Слова все... Знаете, есть байка – про три состояния человеческого "я". Первое: хочет, но не может; второе – может, но не хочет; третье: может, но сволочь. Вам какое состояние поближе, а, Свенчик?

- Зоя, давайте не будем обижать друг друга. Эксперимент в самом начале, мы еще никого и ничего не видели. Походим, посмотрим, подумаем вместе...

- Вместе?

- Я же называл вас лакмусовой бумажкой... Пошли, Зоя, время топоропит.

- А куда пойдем?

- Куда хотите. В океан, например.

- Там же... вода!

- Для вас. И то – пока вы х о т и т е. А расхотите – и... – он не договаривал, поймал еще влажную Зойкину ладошку, еще хранящую соленый привкус приборной ладошки, и потянул за собой.

Зойка, ошарашенная, оглушенная, опупевшая – что еще на "о"? – юшла за ним, и они торжественно вступили в океан, в литую волну, с улом паровоза накатившуюся на них, но то была не волна вовсе, а просто упругая и абсолютно сухая темнота, которая придавила их на мгновение, но тут же отпустила. И свет по глазам ударил, и грохот по ушам мазал, и Зойка зажмурилась и заткнула пальцами уши, потому что ересчур резким оказался для нее переход из тишины и черноты античной ночи... во что?..

А кстати: во что?

А в среднерусский родной пейзажик, а в левитановско-шишкинское раздолье, а "в березку нашу белую и в наш кудрявый клен", как пишется в далеком городе Большого Яблока певец-эмигрант, измученный непосильными приступами ностальгии. И вроде бы совсем не по-русски звучит это: переход "во что" – переход "в березку", но что подпекает – святая правда. Из океанской волны в пустоту шагнула смелая Зойка и с колес врезалась в нечто жесткое и малоподвижное, на поверку оказавшееся именно березой.

Вот вам пошлые шутки нуль-транспортировки!..

Удар случился несильным, но неожиданным. Зойка села на траву и принялась постепенно приходить в себя. Именно постепенно, поскольку это был процесс. Сначала требовалось просечь, что она уже не на Канарах. Потом, как говорят землеустроители, определиться в местности, то есть увидеть буквально, как устроена земля: березы, увидеть, травку всякую, на которой сидишь, другие березы тоже, и елки, увидеть, и палки, и речку впереди, и помещичий дворец на взгорье елками-палками, и кукольный домик на берегу, и каких-то темных кустов, тусующихся у домика, и Свена, родного сапиенса, который нагрянул к Зойке за плечо и спрашивал:

– У вас все цело? У вас все цело? У вас все цело?

Заладил, блин...

– Все цело, все, – ответила Зойка, потому что процесс окончился. – Где мы?

– Не знаю, – беспечно сказал Свен, усаживаясь рядом и оглядывая окрестности. – Пока это похоже на Подмоскovie.

– Пока?

– В любой момент все это может трансформироваться в пустыню или там в тайгу. Только ваше желание я ввел независимым блоком от остальных...

Не договорил, не успел. Мимо, из ниоткуда взявшись и в никуда свистя, прямо по воздуху, прямо сквозь деревья пронеслась крабовая яхта с полной парусной оснасткой и даже с полосатым пузырьковым спинакером на бушприте. Длинный облезлый киль яхты опасно скользя над задранной в ошарашке головой Зойки, едва на нее ракушкой не скинул. На плоской попе яхты золотом сияла надпись: "Марина". Ну, значит, имя любимой и единственной, то ли легкий намек на морскую ширь и глади. Над косогором "Марина" плюхнулась на левый борт и посвистела по длинной дуге прямо в рощу у реки и затерялась там столько же загадочно, как и возникла.

– "Летучий Голландец", – ничему, похоже, не удивляясь, konstатировал Свен. – Буквально.

Земные познания его росли, как в сказке – не по дням, а по часам. Впрочем, Зойку это не слишком волновало сейчас, сейчас ее совсем иное волновало, посему она спросила:

– Что это было?

– Яхта, – точно ответил Свен.

– Сама не слепая. Почему летает?

– Несовпадение фаз, обычное дело. Фаза одного желания налезла

на фазу другого, фазы пересекаются, но друг другу не мешают. То, что для нас – воздух, для яхты – вода. Море.

– Моря же не было...

– Для нас не было. А для испытуемого – еще как было! Вон он какой вираж заложил...

– Фаза на фазу... – задумчиво сказала Зойка. – Красиво... А мы сейчас где? В какой такой фазе?

– Не знаю. Тоже чье-то желание.

– Почему оно тогда такое... – искала слово, нашла, – подробное?

– Мало ли!... Точнее знают, чего хотят. Лучше воображают. Да и вообще, может это – массовое желание.

– Что за бред?

– И не бред вовсе. Несколько испытуемых одновременно хотят одного и того же. Детали желаний различны, а суть одна. Суть доминирует, детали корректируются.

– И вся эта... фаза – реальна? Река, яхта?

– Для того, кто хочет – вполне и факт.

– Попахивает солипсизмом, – Зойка знала очень богатое слово. – Не наша философия.

– А какая ваша? – почему-то обиделся Свен. – У вас на Земле философий – как собак нерезаных, и все разные, и все гавкают: кто кого переорет. А общей нету... Общей, кстати, и быть не может... Вот вы, марксисты, – да? – утверждаете примат матери над духом. Чушь какая, надо же так ошибаться! Дух – первичен. Первична идея. Желание. Желаемое значит истинное. Мой эксперимент это доказывает.

– Ни хрена он не доказывает, – стояла на своем, то есть на общем, на выстраданном в труде и бою, Зойка.

– У вас говорят: лучше один раз увидеть...

Он поднялся, опять ей руку протянул. Зойка сняла туфли и пошла босиком по траве, как давеча – по песку. Во класс, думала она, только что в океане теплом прыгала, а сейчас можно и в речку, в реченьку быструю, в реченьку тихонькую... Думала о том, как о свершившемся факте, и никаких научных объяснений не желала, не пезла к Свену с разными там "Почему?" да "Как?" Сейчас "как" волновало ее куда менее, нежели "где". Или "кто". Кто вон те персонажи, которые хотят лечь на яхте под парусами, кто они и кто эти тусовщики у реченьки быстрой, что эти-то хотят, что нажелали, намечтали, наворожили, что? А таких, этаких, всяких желальщиков, таких хотельщиков-мечтальщиков у нее в отеле – под тыщу, и у каждого – свое заветное, несказанное, ютаенное. У Зойки-то – что! – мелочевка для сильно бедных. Океан с юкрым туристом, слово залетное "Канары" – не пысы ли Сен-Евич из телевизора с барского плеча отстегнул?

Да и вздор, да и не ее это мечта вовсе, просто Свен услышал глупое овеществил на раз... А почему тогда он ничего другого не овеществил а раз? Почему не овеществил на раз то заветное, несказанное, позенное, о чем Зойка и вправду мечтает? Ведь рожи все эти, все яхт-усадыбы подсмотрел-таки он в глубоком подсознании отельных остояльцев, неведомым аппаратиком выколупнул на свет божий, а в

Зойкином девичьем подсознании ковыряться не стал. Постеснялся. Так проявил? Или пожалел глупую?..

И ведь поняла с горечью: именно пожалел, именно глупую! Не в чем у нее ковыряться, нечего выколупывать, нет у нее никаких толковых желаний, нет и не предвидится в дальнейшей текучке, а за Шварц негтера Свену можно и по шее: примитивно, Свен, вы о нас думает нехорошо, некорректно... И опять осеклась: ни о чем он не думает! Если об океане она вслух сказала, то ни о каких туристах с трицепсами речи не было. Значит, где-то глубоко – в печенках или в матке – живет живет у эмансипированной Зои Александровны крутой образ мускулистого мена, как у пэтэушницы сопливой, как у теплок дешевых тапочечных... Ну-ну...

Зойке было жутко стыдно, Зойка шлепала за Свенем по травке, помалкивала в тряпочку, ни одного вопроса не задала, хотя с десяти "кто" и "что" в ее головке подпрыгивали от нетерпения, тянули ручонки алкали ответа. Ничего, потерпим, решила Зойка, оценим желания других аудиовизуально. Чем это, любопытно, они лучше, чем это она богаче?... Помнится, объяснила Зойка Свену, что никаких супержеланий советских граждане и гражданки за минувшие десятилетия не нажили, не нажелали, что нечего их приравнять к высокоцивилизованным таукитянам или альфацентаврам...

И еще одно надо отметить.

В фантазмагоричном галлюциогенном мире, сочиненном и построеном Свенем, Зойка думала о Свене именно как об инопланетянине, а не психе-командированном из Краснококшайска. Но принимала ли она всерьез его мир? Да, купалась – всерьез; да, яхту испугалась всерьез; да, запах шашлыка от избушки у реки – тоже всерьез; но тем не менее, но тем не более... Если Зойка начинала и г р у – в любви, в отдых ли, в гости ли, если Зойка четко решала для себя, что начинать – только игра, то она отдавалась ей легко и с удовольствием все до одного правила блюла, верила в игру, как в реальность, но лишь до конца игры.

А у всякой игры есть конец. Тем паче, что Зойка затвердила точный желаемым может быть только действительное, врет Свен. На том стоим, и никто пути пройденного у нас не отберет.

Домик на берегу, по всему видно, баней был. То ли финской, то ли русской, но срубленной богато и любовно. И наличники-то на оконцах резные, вязевые; и столбы-то на крыльце фигурные, художественные; и крыша-то красною черепичкою крыта; и бревна-то на баньку пошлоровнехонькие, одно к одному; и дух-то из нее выползал прихотливый березовый, смородинный, эвкалиптовый, а еще какой – Зойка таких запахов не слыхала, не доводилось ей.

В бане орали, ржали, матерились.

Зойка представила себе временных постояльцев отеля, умученных заседаниями, совещаниями, докладами и содокладами, бегом по кабинетам, столовым и магазинам, Зойка представила себе крохотные душные однобедренные номерочки, нищие буфеты на третьем, пятом

и девятом этажах – с кривыми сосисками, с лоснящейся колбасой, с вечно крутыми яйцами, Зойка легко поняла вечернее одиночество этих провинциальных инопланетян, залетевших в негостеприимную Москву, и сразу же оправдала их, и поняла, и простила, и даже подумала, что желание сладко попариться – с доступными бабешками, с обильной жратвой, с хорошей выпивкой, в славную погоду на славной природе – да не хуже других! И, главное, – объяснимо. Да и чего им еще желать?..

Дверь на резном крыльце распахнулась, из нее выскочил здоровенный бородач, прикрытый единственно березовым листком на причинном месте. На закорках у него сидела голая толстая Даная привокзального розлива и сверкала на солнце золотой фиксой – что твоим лазером. В три прыжка мужик одолел ступеньки и сиганул в реку. Бабешка сразу же отцепилась от него, запрыгала на одном месте, повизгивая и шлепая о воду литыми грудями, а мужик, ухая, поплыл саженками на тот берег.

Зойка отвернулась.

Не то, чтоб она была ханжой-недотрогой – да такого повидала за свой бабий век, за гостиничную свою неподцензурную службу, да такого наслышалась, что все эти картиночки ей, как спону горчичник! – но противно стало. Пошла в горку – прочь от реки, от буйства духов. А буйство, похоже, ширилось: на реке орали на разные голоса, веселились, по-научному – релаксировали. Над Зойкой в синем небе, но невысоко парил бумажный змей, воздушные лихие потоки давили его к земле, а он не хотел и наоборот – рвался к солнцу, как Икар. И вырвался-таки! Но в некий момент, научно говоря, контрапункта он совсем низко завис над Зойкой, и та увидела на змее большую черно-белую фотку грустной девочки лет двенадцати, а над фоткой – надпись плакатным пером: "Наташенька, золотце мое, вернись к маме!" Змей, повторимся, одолел потоки и глиссанул ввысь, а черные буквы не выдержали перегрузок и посыпались в траву, мячиками в ней запрыгали: вернись к маме, вернись к маме, вернись к маме... Зойка, любопытная, быстро ухватила одну и, вскрикнув, выронила: буква оказалась горячей, как головешка.

– Жжется, – удивленно сказала Зойка.

Свен только плечами пожал: мол, всяко бывает.

– Это тоже чье-то желание? – спросила Зойка.

– Наверно.

– А почему оно не исполняется?

Буквы, как гномы, шуршали в траве.

– Не знаю. Такое, значит, желание.

– Я хочу, чтобы Наташа вернулась к маме.

– Какая Наташа? Кто мама? Помилуйте, Зоя, это же не ваше желание...

– Нет, пусть вернется, – упрямо настаивала Зойка.

Свен тяжело вздохнул.

– Считайте, что вернулась.

Змей резко затормозил, пошел на посадку. Зойка не видела, где он

сел, но зато увидела вдалеке среди деревьев девочку, которая легла бежала куда-то.

- Это Наташа? – строго спросила Зойка.
- Наташа, Наташа, – успокоил Свен. – Кто ж еще?..
- Так-то лучше. А то одни сопли: вернись, вернись...
- Вы вмешались в чужую фазу, – укорил ее Свен. – Так нельзя.
- Можно! – утвердила Зойка. – Это мамаша-дура, может, и хотела уже перестала, а я ей помогла. Просто так. Разве неправильно? Разве я плохо поступила?
- Не знаю. Желание суверенно...
- Это у вас в Краснококшайске оно суверенно, а у нас – все вокруг колхозное, все вокруг мое. Буду вмешиваться!

Она глянула на реку. Там буйствовало штук двадцать голых духов, но не вместе буйствовало, а поврозь, по компаниям. Баня, как трамвай, оказалась резиновой, вставив в себя всех желающих попариться на пленэре, а таковых в Зойкином отеле оказалось немало. Странно, конечно, что способ релаксации они выбрали одинаково незамысловатый, тут даже Зойкины Канары гляделись вершиной фантазии, но и чужой монастырь, как известно...

- Хотите вмешаться? – спросил Свен.

Зойка призадумалась. Заменить им реку на море? Водку "Столичную" на водку "Смирновскую"? Превратить всех мужиков в Шварценеггеров? Зачем? Они хотят того, что хотят, что знают, что проверено. Да и так ли уж сильно Зойкины представления о здоровом отдыхе отличны от их? Только что с наклейкой "made in..."

- Я же говорила, Свен, не стоит с нами вязаться. – Мы – люди простые, безхитростные, мы и хотеть толком не умеем... – ерничала, а ведь обидно было. И за себя – такую б е з ж е л а н н у ю, и за этих банных юродивых, и за неведомую мамашу, которая не смогла дожевать... – Погодите секунду, я ногу ополосну.

Отвыкла босиком ходить, порезала ступню о какую-то подлую травинку. Сбежала к реке, окунула ногу в такую прозрачную, в такую уютную воду и... вскрикнула. Ранку обожгло, будто опустили ее не в чистую аш два о, а в крепкий раствор йода, например.

- Что стряслось? – крикнул Свен.

- Сейчас, сейчас... – Зойка нагнулась, зачерпнула ладошкой воду, принялась: отчетливо несло спиртом.

Бред какой, восхитилась Зойка и осторожно лизнула ладонь. Анализ не требовалось: что-что, а уж водку-то Зойка в чем угодно узнает, даже в речных берегах.

- Свен, – позвала Зойка, – подойдите-ка... Тут какой-то кретин воду в водку превратил.

Свен даже не сдвинулся.

- Его право, – только и сказал.

- А рыба как же?

- А никак. Он пожелал реку без рыбы, иначе бы она сейчас – кверху брюхом...

– Закуска ему, значит, не требуется, – констатировала Зойка. – А вы говорите: мы хотеть не умеем!

– Это не я говорю. Это вы говорите.

– Ошибочка вышла. Желаний – невпроворот. Не удивлюсь, если этот алкаш еще и поллитровку в речку опустил – чтоб охладилась... Как там у вас с галактическими стандартами? Тянем? Или уже переплюнули? Небось у вас в Краснококшайске никто не допер реки водярой заполнять. Слабо?

– У нас нет водки, – сказал Свен.

Ему было явно не по себе.

А Зойка расходилась и совсем уже разошлась.

– Тем более! Нуль-транспортируетесь куда ни попадя, а водку не изобрели! Мозгов не хватило? А мы, Свен, мы рождены, чтоб сказку сделать былью. Вот она – сказочка! И все, Свенчик, с вашей подмогой, спасибо вам, Свенчик, не забудем никогда.

– Зачем вы так, Зоя... – Свен выглядел чистым преступником, будто это он водочную реку возжелал. – У нас тоже дураков хватает.

– Вы с ними боретесь, да? Или жалеете: чего с дурака взять? А мы их пелеем и хопим, Свен. Мы, Свен, обвешиваем их медалями и обшиваем лампасами. Мы живем в большой стране дураков, Свен, а вы нам хотите поле чудес всучить. Зря! Прежде, чем на Землю транспортироваться, вы б лучше с местным фольклором познакомились, тогда бы знали, чем это поле у нас засеют... Ладно, все – в кайф: хоть ранку продезинфицировала. Дальше куда?

– Куда хотите.

– Что в том доме? Вон в том, в помещищем...

– Не знаю. Живут, наверно... Можно пойти посмотреть.

– Иди далеко, – Зойке больше ничего не хотелось. Зойке хотелось домой в Марьину Рошу. И – чтоб без Свена.

А он посмотрел удивленно.

– Только пожелайте и вы – там. Сразу. Забыли?.. Вы совсем не умеете желать, Зоя, вы правы, я поражен. Запомните, наконец: любое о с о з н а н н о е желание здесь исполняется. Шагните...

Отступить? Шагнуть в Марьину Рошу? Не-ет, стыдно! Если уж позор, так до конца, тем более, что неизвестно: а вдруг позора больше не будет, вдруг все грядущие фазы окажутся толковыми и лестными для земной фантазии?..

– Шагаем, Свен.

Она подхватила Свена под локоток, нацелилась на далекий дом и шагнула. И оказалась посреди буквально-таки Колонного зала, только без привычных сцены и кресел. А так – одно в одном: и колонны и мрамор, и люстры, и белые шторы гармошкой. Ну, может, просторы чуть поменее... И во всю длину означенного зала тянулся стол, уставленный, пардон, жратвой. Все, как в лучших домах: икра черная и красная, ветчина баночная, югославская, крабы тихоокеанские, горбуша малосольная, семга нежнейшая розовая экспортная, балычок лоснящийся пергаментный, селедочка в винном соусе, сыр голландский, швейцарский, российский, колбасный, пирожки с мясом, с ли-

вером, с капустой, с рыбой, с яйцами, с яблоками, с творогом, с вишневыми сосисками вареные, шпекачки жареные в масле, картофель "фри", картошка печеная с укропом и в сметане, кстати – и сметана в банках, и оливки в банках, и помидоры в банках и свежие, и огурчики свежие малосольные и соленые, и кинза, и тархун, и фрукты местные и импортные, и... Все! Надоело описывать! Кто что хочет, пусть то и предложит. Ставит на этом раздолье холодных закусок и сладостей. Но – не выходит за пределы знакомого в родном отечестве ассортимента, ибо, отмытая гластастая Зойка, никаких там авокадо либо папайи не набрала.

Людей в зале не было. Но над всем этим великолепием порхали обеденные плоские тарелки, но не сами порхали, а их придерживали руки – мужские и женские, а другие руки, мужские и женские, цепко держали вилки и ложки и накладывали, наваливали на тарелки богатые харчи. Но вот вам сюр: руки жили сами по себе, без тел. Такая пошла жутковатая картиночка, вроде бы эпизод из фильма про привидения, да только руки были вполне реальными – молодыми и стрижеными, волосатыми и загорелыми, с наманикюренными коготками – эдакие женские, с пожелтевшими от никотина крепкими ногтями – это мужские. Руки иногда жали друг друга – здоровались, иногда нежнейшим образом поглаживали одна другую – любили, а иной раз и перепалывали руками по рукам. Наполнив тарелку, руки уносили ее в сторону от стола и там она исчезала в темноватом – несмотря на огнедышащие люстры – воздухе, исчезала, подчеркнем, вместе с руками.

– Пир! – произнес Свен. В голосе его слышалось довольство. А то это ж вам не водяра в речке, это ж вам культурная и разнообразная трапеза из "Книги о вкусной и здоровой пище". В галактике рассказывать не стыдно... – Пир, – повторил он, – или банкет: юбилей, свадьба, крестины, поминки...

– А вот вам фигу! – сказала Зойка.

Она, гластастая, подметила до боли знакомую по родному отечеству закономерность в движении рук. Оно, движение, начиналось строго от одного конца стола, где на п у с т ы е тарелки накладывались мясные, холодные харчи, оно продолжалось строго вдоль стола, никто никогда не обгонял, не забегал поперек батьки – Зойка внимательно это пасла руки если и переплетались, то лишь над одним каким-нибудь блюдом – то с буженинкой, то с ветчинкой, а так – плыли в чинной очереди, завершалась она на противоположном конце стола, где царствовал сначала фрукты-ягоды, а потом сладости – торты, конфеты, пирожные, кексы. Отсюда руки и отправлялись в Ничто. Вместе с переполненными тарелками. И такая обреченная очередность, такой бараний порядок по мнению Зойки, никак не соответствовали расхристанной безалаберности банкета или, тем паче, пира – пир "а-ля фуршет", виданное ли дело?! – где никто за все подряд в спешке не хватается, где на тарелку кладут лишь то, что любо глазу и пузу, а не оптом "от сих до сих" поскольку "уплочено"...

Вот оно, нужное слово!..

– Фигу! – уверенно повторила Зойка. – Никакой это не пир, хотя

может, для кого-то и пир. Рано радуется, Свенчикек, шведский стол это, а вовсе не пир.

– Какой-какой стол?

– Такой-такой стол. Обыкновенный, шведский. Платишь пятерик, как у нас в отеле, а жрешь до отвала – хоть на четвертной, если влезет. – У этих... – она брезгливо смотрела на снующие туда-сюда ручки, – влезает. Халява, сэр.

– Халява... – эхом повторил Свен. – Но ведь выбор-то какой...

– А что выбор, что выбор? Те, кто эту халяву намечтал, каждый божий день жрут борщ с котлетами, если пофартит, если мясца им обломится. А о шведском столике слышали, читали, у нас, Свенушка, средства шибко массовой информации эту передовую форму общепита прославили на века... Да я за те же бабки такого намечтаю – по Молоховец пройду, прямо по оглавлению! – Пояснила для Свена. – Поваренная книга такая была. В дикой древности... А тут не по Молоховец. Свенчик, тут, Свенчик, фантазия продуктового заказа ко дню шахтера – по максимуму. Жрать народ хочет, лопать, хавать, в желудках гадко от мойвы с вермишелью, а ты, Свен, это простое желание наружу выковыриваешь и, спасибо тебе, овеществляешь. Хоть погаллюцинируют, да нажрут...

– Это не галлюцинация.

– А что ж это? Где ты всю эту красоту у нас видел? В гастрономе? В кабачке? Даже у кооператоров ассортимент похреннее... – она уже ничего и никого не стыдилась. Ее не с л о. – Да, кстати, а как насчет гуманности эксперимента, а? Эти рукастые набьют животы, отвалятся, а через энное количество часов с минутами добрый дядя-ученый-энтузиаст свалит к себе в Краснококшайск и – привет? А им что? Опять мойва? Суп пакетный? Гуляш дважды съеденный, колбаса "молодежная"?.. Ай-яй-яй, Свен, стыдно, Свен, маленьких дразнить...

– Я никого не дразню, – защищался Свен. Он даже перестал изображать этакое Викинга из морозильника, он почти орал, ручки горе воздев. – Я хочу, чтоб так было всегда! У нас! У вас! На любой планете! Чтобы каждое желание каждого легко осуществлялось! И не иначе!

– Слыхали уже. Обрыдло. Партия торжественно провозглашает... Провозглашала, провозглашала, а потом – раз! – и все умолкли. Ты сказал: хотеть значит мочь, а мы так не умеем, не научились. Зато мы можем так, как не хотим. И здорово можем. Лучше всех во Вселенной! Парадокс, Свенчик, мон шер, и тебе его, с твоими инопланетными мозгами, не понять... Ладно, побеседовали – пора и честь знать. Веди дальше, друг Вергилий.

И в самом деле, какая знакомая ситуация! Помнится, Данте ее замечательно подробно описал в бессмертном труде! И вот спустя столетия история повторяется на новом, как и требует марксизм-ленинизм, более высоком витке спирали. Там, у Данте, грешники сильно мыкались от содеянного ими ранее, а здесь – от ранее несодеянного, то есть попросту несконченного, но по-прежнему желаемого. Такова се ля ви...

Все-таки непривычен советский человек к чудесам, даже если они

объясняются красивыми научными терминами. Зойка не стала шагать через подпространство – или субподпространство?.. – а направилась к дверям, подальше от большой жарчки, открыла высоченную их полувинку и... остановилась.

– Что там? – спросил из-за спины Свен.

Зойка молча подвинулась.

В крохотном гостиничном номере – койка у стены, стул у окна, тумба с телевизором, кресло, обязательный эстамп, – на расшатанной со временем буйных постояльцев кровати тихо спал очередной командированный, умаявшийся от беготни по начальству и магазинам. Спал, не раздеваясь, улегся поверх каньевого покрывала в рубашке, в брюках, в носках, подоткнул под щеку жесткую вату подушки, смотрел свои нехитрые командировочные сны и знать не знал о грандиозном междугалактическом эксперименте, вольно затеянном в приютившем его отеле. Проспал он эксперимент. Или же – как вариант! – это и было его заветным желанием: отоспаться, вырубиться на триста-четыре минуты из суровой действительности, которую, кроме как во сне, и видеть-то больно.

– No comments, – сказала Зойка и тихонько прикрыла дверь.

Свен комментариев и не требовал, все, выходит, ясно ему было, о вообще малость притих, присмирел, уже не вещал о глобальности умыслов, о грядущем переустройстве земного быта и о вступлении нашей голубой планеты в братство миров-потребителей желаний. Он топал за Зойкой и помалкивал в тряпочку.

А Зойка, поняв, что в сей милой дьяволиаде (спасибо Михаилу Афанасьевичу за петуший термин!) двери ведут не туда, куда положено, а невесть куда они ведут странника, напрягла воображение и рванула прямо сквозь ближайшую стену – напролом. По архитектурно-планировочным законам положено было бы очутиться в сортире, а она вовсе даже очутилась на некоей улице, судя по антуражу – не столичной, но по количеству магазинных вывесок мощно обскакавшей Арбат или какой-нибудь Столешников переулок: все первые этажи невысоких домов были заняты магазинами. Тут тебе и "Обувь", и "Одежда", и "Ткани", и "Промтовары", и "Культтовары" (улавливаете разницу?), и "Спорттовары", и неперемный писчебеднобумажный "Школьник", и "Книги", и даже "Зоомагазин", не говоря уж о "Продтоварах", "Гастрономе", "Булочной", "Бакалее", "Диете", "Кондитерской" и "Молочной". Народу на такой замечательной улице, к удивлению Зойки, ошивалось немного, нигде никаких очередей, нигде никаких толп с повышенным спросом, никаких нервных выкриков типа: "Кто последний?" или "Вас здесь не стояло!" или "Просили не занимать, у кассирши обед!" Редкие культурные – или купьттоварные? – горожане шли, не торопясь, по ладно заасфальтированному тротуару, чинно заходили в магазинные двери, пропуская женщин и детей вперед, и оттуда, из-за дверей, тоже никаких склочных шумов не доносилось, а другие граждане, наоборот, выходили, даже пропуская вперед женщин и детей, из тех же дверей, неся под мышками цветные коробки, свертки, сумки или же полиэтиленовые пакеты с красивыми портретами Аллы Б. Пугачевой.

чевой и членов группы "Ласковый каждый месяц". Пакеты с покупками вестимо.

– Кино, – сказала Зойка.

Все это и впрямь сильно смахивало на съемку высокохудожественного фильма в жанре соцреализма, а столь необычно ведущие себя покупатели легко могли быть зачислены по ведомству массовки: покупают себе в декорациях – пятерик в кармане.

– Мечта кинорежиссера? – задумчиво угадал Свен. – Вряд ли... Здесь синтезированы желания, по крайней мере, сотни испытуемых. Может, один из них – режиссер?

– Если и так, то не Феллини и не Бергман, – подбила бабки Зойка. – Как-то все это не по-краснококшайски, извини, Свен, придумано, без полета... Любопытно, а в магазинах-то как с дефицитом, не напряженно?..

И услышала:

– Совсем даже не напряженно.

Оглянувшись: Свен сказал? Нет, Свен не говорил, Свен молчал, Свен глазел на витрину магазина "Обувь", где – мать моя женщина! – выставлены были баретки всемирно известных фирм "Саламандра", "Топмэн", "Батя" и "Парижская коммуна", красивые мужские и женские баретки по сходным ценам выставлены были в провинциальной мечте Зойкиных постояльцев. Тогда кто же такое сказал, если не Свен?..

Спокойные люди спокойно текли по тротуарам мечты, обтекали Зойку и Свена, не замечая их, а некоторые даже и протекали с к в о з ь них, словно существуя в ином измерении, или, может, "сквозной" эффект этот сгоряча почувдился возбужденной Зойке, поскольку текущие мимо – или все-таки сквозь? – люди вольно оставляли в ее натруженных мозгах обрывки своих фраз, осколки мыслей, левые и правые части сложно-сочиненных, а также сложно-подчиненных предложений забывали они в Зойкиных сдвинутых по фазе мозгах, и вся эта лингвистическая окрошка переливалась там, плескалась, бурлила и булькала.

Да-да, совсем даже не напряженно, еще раз булькнула навязчивая окрошка и полилась дальше в следующем порядке, а, вернее, беспорядке: возьму-ка я саламандеров пару, а я возьму три пары, а я тыщу пар и продам, где до полочки триста в заглавнике, и нет нам и не будет покоя в прекрасном, но все же яростном мире изобилия, но молока шестипроцентного завезли – хоть залейся, пива – залейся, водки – залейся, бензина АИ-76 – залейся, вот потому я этой сучке мохера сто метров, джерси сто метров, джинсовки сто метров, Коленьке, ангелу, постной ветчинки всего полкилы на закуску, а пол-литра туда, а пол-литра сюда, это ж какие деньги нужны, но мохера по-прежнему сто метров, зато партия в который, елки, раз торжественно провозглашает, что настаивать надо на смородином листе, где до полочки уже двести в заглавнике, а если и не укупим всего, не сдюжим, то славно погужуемся в море и на суше, и мохера сто метров, но даже тетрадей в клеточку пятьсот штук, юбки в клеточку мне и золовке, кепи в клеточку всем парням, попугая заморского, ара по национальности в клеточку

посади, деточкам малым сырку бы голладского хоть сто грамм, плащи голландские – навалом, но носки финские со стрелками – по страны обуем, и стрелки на часах с серпом и молотом, время креплевское, выверенное перестройкой, а тут – ну как серпом по яйцам мизю эти женины, блин, потребности, деньги-то я не кую, а яиц-то яиц видимо-невидимо, хочешь – жни, а хочешь – куй плюс все кругом в димо и, что характерно, все без очереди, без давки, культурненько, закуску вдоволь, и кругом, братцы мои, голова кругом плюс весна без конца и без края, без конца и без края, мечта.

– Не-е-ет! – закричала Зойка. – Не на-а-а-до! – закричала Зойка. Погасите свет!

Почему свет? При чем здесь свет?..

Когда в мозгах полощется окрошка, возможно ли разумное сказать?.. Откуда цитата? Не исключено, из Шекспира.

А свет, между прочим, погас.

– Где я? – испуганно спросила Зойка.

По инерции испуганно, потому что ничего она уже не боялась, во пугалки, как говаривала ее покойная бабушка, давно пораспугались.

– Нигде, – ответил Свен. – Вы же сами пожелали...

– А они?

– Кто?

– Люди. Они как будто прошли сквозь меня со своими мыслями, прошли, протопали, как стадо...

– Наверно, вы того тоже пожелали... А они по-прежнему там. Н улице.

– В мире изобилия? Вы что, Свен, коммунизм нам смоделировали. Вот уж спасибо, вот уж не ждали, не гадали, не хотели...

– Если финские плащи и фээргэшные башмаки – это, по-вашему коммунизм, тогда – да, тогда – простите. Только, полагаю, люди ни каком таком коммунизме не думают, люди просто-напросто хотели кушать, пить, – замечьте, купить, а не взять по потребностям, как в вашем книжном коммунизме! – купить то, что хотели.

– И купили?

– Почему бы нет.

– И все, что они купили, у них останется?

– Зоя, милая, это же только модель реальности. Я пытаюсь установить уровень ваших желаний, а значит, готовность общества существовать по принципу "хочу – могу". Поясняю: когда эксперимент завершится, никто из испытуемых даже не вспомнит о виденном.

– И я?

– Вы – нет. Но, если захотите...

– Почему это я – нет?

– Потому что по вашей реакции я и определяю вышеназванную готовность общества.

– Казенно говоришь, Свенчик. Прямо-таки передовица из "Правды"... – Зойка опять накалялась, как лампочка Ильича. Все-таки Свен – не наш, не наш, ну, точно – инопланетянин с рыбкиной кровью, и вообще

начхать ему на нас, вовсе наплевать и нагадить, экспериментатору фигову!.. Так она сейчас думала, поскольку смена настроений у Зойки всегда происходила мгновенно, без пастельных полутонов: от черного к белому и наоборот. – Только, значит, по моей реакции и определишь?

– И еще по уровню желаний испытываемых.

– А ты о них думал? О людях?

– Я только о них и думаю.

Как накалилась, так и погасла. Выключили. Свен и выключил. Верно, о людях он думает, чего зря заводится. Другое дело, что думает он о них как-то не по-людски, но это уже – издержки инопланетного происхождения... Одернула себя: неужто веришь, что он – со звезды?.. А откуда? Не из Красно-же-кокшайска, в самом-то деле... Чужой он. Чужой, чужой, чужой! И чем скорее отвяжется, тем лучше, тем легче. И ей, Зойке, и всем, всем, всем... Сколько у него времени осталось?

Спросила:

– Сколько у тебя еще времени?

Свен пожал плечами.

– Не могу подсчитать. Выключиться сложно, держу эксперимент. Часов пять, наверное. Или меньше...

– Так мало?!

Казалось, только пятнадцать минут назад – не больше! – входила голышом в теплый Атлантический...

– Увы, Зоя, время сильнее нас.

Время всегда было сильнее нас. Только фантасты в своих книгах вольно подчиняли его людям, обходились с ним, как со старым будильником: захотел – на час подвинул, захотел – вовсе остановил. Но и с фантастами время не чикается: и сами они помирают, и книги не надолго переживают их...

Как хотелось бы Зойке вернуться назад, во вчера, сбегать с работы пораньше, приехать в свой Девятый проезд до темноты и н и к о г о не встретить под тополем!

Пусть бы кто другой нашел Свена.

Пусть никто не нашел бы его!

Известно: человек предполагает, а Бог располагает. Вон ведь как выходит: Бог един для всей Вселенной, раз смог он свести в урочный миг двух разных представителей двух разных цивилизаций. Захотел – смог. На то он и Бог!

А Свен-то, Свен куда следом?..

– Зажгите свет! – воскликнула она.

И, конечно же, сразу же он зажегся, зажглось солнце, все кругом замечательно осветило, и Зойка, сощурившись, вышла в чистое поле, в ромашки, в лебеду какую-то, в травы, травы, травы, которые, как пелось некогда, не успели от росы серебряной согнуться. Согнуться не успели, а трава в поле мокрой была – ну, не от росы, ну, от дождя, к примеру. Зойка стояла по колено в мокрой и холодной траве, а мимо громохал товарняк, который вез колбасу от Москвы до самых до окраин

Зойка уже ничему не удивлялась. Она не удивилась и тому, что колбас везли на открытых железнодорожных платформах, везли аккуратные штабелями, а сама колбаса более походила на свежесрубленные матовые сосны. Но в полуметровых в обхвате срезах колбасных бревен легко угадывалась и розовая забытая нежность "докторской", и белые жировые пятнашки "любительской", и темно-вишневая упругость "ослеплыми", и раблезианская наглость "ветчинно-рубленой"...

Колбасный сытый дух витал над русским полем. Былина.

Бесконечно шел поезд. Начинался за горизонтом и пропадал за ним. Прогибались, вопили под колесами рельсы, тяжело дышала насыпью ходуном ходила многострадальная железная дорога, десятилетия кормящая страну, на ладан дышащая родимая "железка", сработавшая, говорят, еще писателем Гариным-Михайловским в промежутке между сочинением романов "Детство Темы" и "Студенты".

Чье это желание, подумала Зойка?

И сама себе ответила: в с е х н е е.

А приснилось оно, допустим, тому чуваку, что спал сейчас, не раздеваясь, в одноместной камере Зойкиного отеля.

– Все! – отрезала Зойка. – Не могу больше!

Не оглядываясь – черт с ним, со Свеном! – рванулась на насыпь, к Анне Карениной, в секунднй тьме проскочила ее и возникла на божьем свете – на тротуаре перед старым, малость облупившимся, но вполне еще справным домом, перед явно парадным подъездом, поскольку на нем висела доска с блеклой надписью: "Дом ребенка". А на ступеньках крыльца стояла пожилая благообразного вида женщина и ожидающе смотрела на Зойку.

– Здравствуйте, – машинально сказала Зойка.

– Вы опоздали, – строго сказала женщина.

– Куда? – удивилась Зойка.

– К раздаче.

– К какой раздаче?

Женщина не ответила, открыла парадную дверь и вошла в дом. Зойка загипнотизированно двинулась следом. Да, впрочем, плевать ей было, куда идти, лишь бы вырваться, выкарабкаться из колбы, в которую Свен – кстати, где он? – запихнул ее, и всех остальных виновных-невиновных, запихнул, гад, и разглядывает, изучает: на что они все сгодятся? А на что они все годились? Да ни на что не годились, не пофартило Свену... Но где же он, где? Отстал? Запутал в лабиринте супержеланий, растерялся, плачет, "Ау!" кричит?..

А женщина спешила по приютскому коридору, и Зойка зачем-то не отставала, более того – страшилась отстать. До странности тихо было в доме, где, по разумению Зойки, все ходуном ходить должно. В коридор выходило множество дверей, Зойка мимоходом заглядывала за них и видела пустые комнаты, заставленные пустыми малышовыми кроватками. Даже постельного белья не было – только голые матрасы от детских ночных конфузов потерявшие первоначальный цвет. И окна

без штор, и полые шкафы с распахнутыми, зудящими на сквозняке дверцами, и пластмассовые мишки, зайцы, паровозы, брошенные впопыхах, забытые, поломанные. Уронили мишку на пол...

Боязно было Зойке. Хотелось крикнуть, но голос пропал, только шептать могла. Шла и шептала: "Господи, только не это! Господи, только не это!" А что "не это", не ведала.

Женщина добралась до конца коридора, до высокого окна в торце, толкнула раму, впустила в дом холодный рассветный воздух.

– Вы опоздали, – повторила. – Они ушли.

И впрямь был рассвет. Красное солнце вставало над пустым городом – таким же пустым, как и дом. Пустая широкая улица упиралась в солнце, и асфальт, наверно, плавился там, потому что воздух противно пахнул гарью. Где-то далеко в памяти Зойки на минутку проснулось радио и красивым контральто приказало солнцу ярче брызнуть. Солнце не послушалось, оно не умело – ярче, оно не владело Зойкиной памятью на когда-то популярные песни.

– Видите, – сердито молвила женщина, – никого нет. Единственное, чем я могу вам помочь, так только вот... – она подняла с пола куклу с оторванным глазом и протянула Зойке.

Зойка взяла куклу и машинально прижала к груди. Кукла вятно и больно вякнула: "Мама".

– Она вас признала, это хорошо, – сказала женщина. – Идите, милая, идите, а я здесь все опечатаю и оприходу.

Она прошла мимо Зойки, уже забыв о ней, уже думая, наверно, о тяжком процессе опечатывания и оприходывания, а Зойка крикнула вслед:

– Постойте! Я ничего не понимаю. Где дети?

Женщина притормозила на миг, обернулась, раздраженная тем, что вот ведь отрывают от дела, что вот ведь не понимают очевидного, что вот ведь приходится объяснять, тратить время впустую.

– Всех моих детей забрали матери. Пришли и забрали. Насовсем. Вы слишком поздно спохватились, милая, берите, кого дали. Она же ваша, да?

– Моя? – Зойка посмотрела на куклу. Кукла была в пристойном состоянии, платьице сравнительно чистое, волосы все целы, руки-ноги на месте. Вот только глаз... Но глаз можно сделать из пуговицы, у Зойки дома хранилась коробка, в которой накопились за годы множество разных пуговиц и среди них наверняка есть подходящая – для глаза. – Моя? – повторила Зойка. Черт ее знает, может, и была у Зойки такая же, симпатичная – с белой паклей на башке, с ватными ножками и ручками, со скрипучим словом "мама" в крохотной груди... – Моя! – сказала Зойка.

– Значит, – все, – подвела итог женщина. – Дом закрывается за ненадобностью. О чем мечтала, то и сбылось. Покиньте помещение, девушка...

Зойка брела по коридору к выходу, прижимая к груди безглазую куклу, и хотела только одного: открыть входную дверь и очутиться в отеле, в прохладном холле, рядом со своими девочками, старшая из

которых годилась Зойке в матери. Так и вышло, в мире, сочиненном Свеном, желания исполнялись точно и без задержки: открыла дверь очутилась в прохладном холле, рядом со своими девочками.

Девочки вели себя странно. Одна мирно вязала. Другая, отвыкнув от действительности, тяжело переживала за судьбу бразильской телевизионной рабыни: по ящику в сотый раз гнали любимое народонаселением сериал. Третья и четвертая тихо беседовали, сидящая в матери кассирша читала донельзя замусоленный детектив, который вторую неделю гулял в отеле по рукам. Сейф с деньгами отметила внимательная Зойка, был преступно раскрыт, а ведь там кроме неконвертируемых "деревянных", имелась и "валюта первой категории", как-то: американские доллары, британские фунты, французские франки и, не исключено, испанские песеты.

– Что здесь происходит? – громогласно и по возможности строго спросила Зойка.

На родной голос все обернулись.

– Зоенька Александровна! – вроде бы даже удивилась дежурная регистраторша Лена. – А мы думали, вы ушли.

– Куда это я ушла? Среди бела дня...

– Ну и что такого? Клиентов же нет. И никогда не будет! Раз директор вам не сказал?

– Какой директор? Он болен.

– С утра был здоров. Он сказал: Москва закрыта для приезжих навсегда. Но мы все равно на посту – работа есть работа.

Ничего не понимая, Зойка посмотрела по сторонам. Холл был пуст. Ни людей, ни чемоданов, ни сумок с пожитками. У автоматических дверей отеля дремал на стуле гнида-швейцар, а не меньшая гнида-гардеробщик, вообще безработный по случаю тепла, за своим барьером хлебал чего-то из эмалированной кастрюльки, пороча тем самым репутацию заведения. Свет в ресторане, обычно горевший денонощно, был потушен, хотя на кухне, слышала Зойка, повара чем-то гремели, кого-то собирались кормить.

Сознавая себя последней идиоткой, Зойка задала девочкам вопрос.

– В отеле кто-нибудь остался?

– Ни-ко-го! – весело отчеканила Лена. – Все съехали. Москва закрыта! И для иностранцев – тоже! Ой, Зоенька Александровна, вы представляете – счастье какое? Да я всю жизнь об этом мечтала!

– И я, – сказала кассирша-мама, возвращаясь к детективу.

– И я, – подтвердила старшая смены, вновь легко переезжая в Бразилию.

– И я, и я, – хором согласились ее помощницы и тут же продолжили взаимолобпытный разговор о чем-то только-ни-попадая.

Почему же я никогда о том не мечтала, машинально удивилась Зойка, а ответил ей Свен, невесть откуда взявшийся посреди холла.

– Потому что ты единственный нормальный человек в этом доме, – наконец-то на "ты" перешел.

– Единственный? – не поверила Зойка.

– Ну, преувеличил, ну, еще двое-трое... Я прошел по всем срезам эксперимента.

– Без меня?

– Тебе было бы больно. Я же понял: тебе б ы л о больно! И у реки, и в доме, и на улице, и у насыпи...

– Это м о я боль!

– Она и так постоянно с тобой. Зачем лишний раз беречь?

– Ты же не спрашивал, когда начинал эксперимент. А я говорила: не надо, все зря, мы разучились хотеть. Помнишь? Все наши желания можно пересчитать по пальцам, они просты и неинтересны пришельцам со звезд.

– Я помню. Но я-то ждал иного... Вы находитесь на очень низком пороге желаний. Знаешь, я впервые сталкиваюсь с технически развитой цивилизацией, которая не решила проблемы потребления даже в первой фазе.

– В первой – это когда едят не вдоволь, одеты не в радость, счастливы не от души, так?

– Можно и так...

– И как же нам эту фазу проскочить? Объясни, Свенчик, сделай милость, вы же там, в галактике, все-о-о знаете...

– Всего не знает никто. Разве что Бог... А как проскочить?.. Я бы очень хотел вам помочь, Зоя, но – увы: первую фазу все проходят самостоятельно.

– А потом являетесь вы и осыпаете нас из рога изобилия.

– Случается...

– А вот вам! – и Зойка продемонстрировала Свену непристойный интернациональный жест, который, как ни странно, был вполне понятен галактическому скитальцу.

Во всяком случае отреагировал он адекватно.

– Мы-то отойдем, нам-то что... Но чтоб совсем без нас – тут, Зоя, пахнуть надо. И х о т е т ь пахнуть. Такое вот простенькое желание.

– Я, что, не хочу?

– Ты – да. А они? – кивнул на Зойкиных девочек.

Он был прав, эти – не х о т е л и.

И что это такое они сочинили: Москва закрыта, отель пустой, сами мышей не ловят. Стоит на пару часов отлучиться, как на тебе – сюрприз с конфеткой! А директор откуда возник? У него ж температура...

– А ну, кончили перекур! – гаркнула Зойка и вмазала кулачком по регистраторской стойке, чуть куклу не выронила, да так неловко вмазала, что в глазах потемнело.

Извините, за очередной штамп, но в глазах у Зойки потемнело б у к в а л ь н о.

– Зоя Александровна, что с вами? – продрался сквозь боль голос Лены.

Зойка открыла один глаз и узрела личико регистраторши, а сзади – еще чьи-то лица, и шум услышала, знакомый до дрожи шум прибора, столь странно характерный для больших и людных помещений – вокзалов, гостиниц, аэропортов.

Людных?

Открыла второй глаз и уже в оба увидела любимый холл, привычно набитый почтеннейшей публикой. И чемоданы имели место, и сумки пожитками, и из ресторана шел мощный стеб, и магазины вовсю работали, и гнида-швейцар препирался у входа с двумя оперативниками в штатском: то ли они кого-то не того пустили, то ли он кого-то того не пустил.

Откуда народ? Москва-то закрыта...

И засмеялась: Свен. Эксперимент, дура ты, Зойка, закончился не четверть часа назад, когда отель опустел, а только что, сию секунду. А пустой отель – это еще одно желание, точнее – не одно, не одно, ка ни грустно...

Вот теперь уже Зойка полностью пришла в себя, овладела, как говорится, ситуацией.

– Который час? – для начала спросила.

– Семь без пяти, – испуганно ответила Лена.

Ее действительно пугали метаморфозы, происходящие с начальниками: то она, видите ли, помирает, то орет, то зачем-то время спрашивает, когда вот они, часы, над лестницей.

– Как семь без пяти? – добавила ей страхов Зойка. – Так поздно?

– Товарищ из управления сказал, что совещание в главке затянется.

– В главке? Какой товарищ?

– Тот, что с вами утром был. Свен Петрович. Очень симпатичный...

– это она польстила начальнице: мол, правильный выбор, Зоенька Александровна, мол, не теряйтесь зря, мол, хомутайте симпатичного коллектив одобряет как один.

– Петрович?.. Как мило... И куда же он подевался?

– Ну, буквально за минуту до вас уехал. Сказал, что у него авиарейс, что ему еще собраться нужно... А куда он летит, если не секрет?

– Не секрет, – отрезала Зойка. – На Альфу Центавра.

И вероятно – правду сказала. А Лена обиделась. Надула губы, зашла за барьер и через окошко протянула Зойке конверт.

– Он вам тут записку оставил.

Зойка схватила конверт – обычный, семикопеечный, со впечатанной маркой – достала сложенный вдвое листок. "Времени минуло больше, чем я думал, – писал Свен. Не лазером, не каким-нибудь светопером, а обычным шариком на обычном гостиничном бланке. – Его у меня – кот наплакал. Прости, что беспокоил: я появился на Земле слишком рано. У вас есть настоящие желания, я понял, я знаю, но спрятаны они так глубоко, так далеко, что вы о них и сами не ведаете. Вытащить их я не смог, а что вытащил – сама видела. Жаль, не было детей: у них – другой уровень, выше... Если хочешь, забудь и обо мне, и об эксперименте. Просто скажи: "Я ничего не хочу помнить!" – и твое, последнее для меня, желание будет выполнено. А лучше – помни, это – всегда лучше. Жаль, что я должен уйти. Спасибо тебе, что не бросила меня..."

И даже не подписался.

– Зоенька Александровна, а он правда уехал? – не утерпела Лена.

– Правда, – сказала Зойка.

Уехал, улетел, нуль-транспортировался – какая разница? Нет его! Плохо... Был бы не со звезды, а из Краснококшайска, может, и поучилось бы что... Почему он именно ее выбрал? Потому что мимо шла? Но мимо могла пройти любая мымра, у которой желания ничуть не отличаются от остальных, не выше "уровня потребления". Одернула себя: у тебя, что ли, выше? Побывать на Канарах, окунуться в океан – ба-альшой силы оригиналка!.. Нет, не случай привел его под тополь в Девятом проезде, Зойка была ему нужна, Зойка, бумажка лакмусовая, неокрасящая. Тешь себя, тешь, Зоенька Александровна, тем более, что покраснела, чуть со стыда не сгорела – за себя, за однопланетников...

Впрочем, нет, не стоит всех под одну гребенку чесать...

– Зоя Александровна, а откуда у вас кукла такая страшненькая? – опять Лена ворвалась.

– Страшненькая? – Кукла прижималась к груди, смотрела на Зойку пуговичным глазом. – Нормальная.

Очнулась от коллапса, за коим со страхом наблюдали уже все ее девочки, перегнулась через барьер к Лене.

– Ну-ка, детенок, быстренько посмотри по регистрации. У нас должна жить одна женщина, то ли директор дома ребенка, то ли главврач – не знаю точно. Найди мне ее.

– А фамилия как? – заныла Лена. – Без фамилии трудно.

– Не ной. Знала бы, сказала. Ищи.

А если он ни с какой не со звезды? Если он все-таки гипнотизер? Загипнотизировал ее в кабинете, навел сложную галлюцинацию – а что? так можно! Зойка читала в "Науке и жизни"... – а сам в это время ее квартиру обчистил. Точно! Спер чайник со свистком и столик из тумбочки. Богатый улов для гастролера из Краснококшайска...

– Нашла, Зоя Александровна! – обрадованно сообщила Лена. – Вот. Триста пятнадцатый. Фролова Анна Никитична, главный врач дома ребенка из... – запнулась, пытаюсь расшифровать каракули клиентки. – Тут неясно: то ли из Новокузнецка, то ли из Новосибирска...

– Ладно. Пустое. Набери телефон и дай трубку.

Зачем Зойке этот звонок? Для проверки реальности галлюцинаций? Спросит у Анны Никитичны, о чем она мечтает? А та все так и выложит, ждите больше. Да и что выкладывать, если мечта главврача – куда большая фантастика, чем колбасные бревна на железнодорожном составе... Да и зачем спрашивать, зачем проверять, если вот она – одноглазая кукла из придуманного Свеном мира. Выходит, непридуманного...

– Говорите, Зоя Александровна...

– Але, – сказала Зойка. – Але. Это Анна Никитична? Вас старший администратор беспокоит.

– Слушаю вас, – настороженно проговорила трубка: чем чреват звонок гостиничного начальства? А вдруг выселят?..

На кой ляд, повторим вопрос, понадобился Зойке этот реальный разговор? Что она может спросить у незнакомой женщины? Нет ли в ее доме ребенка куклы с оторванным глазом?..

– У вас есть претензии к обслуживанию, Анна Никитична? Горничная номер хорошо убирает, качественно?

Зойкины девицы смотрели на начальницу, как на безвременно сошедшую с ума.

– Спасибо вам, – облегченно – не выселяют! – сказала трубка. – меня нет никаких претензий.

Пустые, казенные, никому не нужные вопросы, трафаретно-вежливые ответы, бессмысленная беседа! Не так и не то хотела сказать этой женщине Зойка, но, как всегда, только хотела, да не смогла.

– Если что, звоните сразу мне. Меня зовут Зоя Александровна. Всего вам доброго, удачи, – отдала трубку Лене, та ее на рычаг брякнула. Все, девки, живите сегодня без меня. Я умерла и ушла домой, – потянулась, как кошка, – ну и что, что смотрят, пусть смотрят, есть на что смотреть! – и впрямь умерла. И ушла домой.

Мимоходом глянула на часы над лестницей, семь сорок две. Свет здесь – ровно сутки, не больше, а встретила она его вчера около девяти, темно уже было. Около девяти... Час остается, всего час... На что остается? Что ты еще себе надумала, Зойка, уймись, успокойся, иди домой...

И метнулась к выходу, боком, боком скользнула в только начавшие раскрываться двери, отчаянно замахала рукой ближайшему таксисту.

– В Марьину Рощу, командир! Умоляю: пулей! Плачу три счетчика

Господи, Боже ж ты мой, если ты и вправду – один на всю Вселенную, пусть успеет!..

Рисунки Сергея ТЮНИНА

ЧЕЛОВЕК ИСПАРЯЕТСЯ НЕБОМ

Юрия Арабова знают все. Юрия Арабова знают лишь редкие гурманы поэзии. Хорошо знают как автора сценариев в с е х художественных фильмов суперпопулярного режиссера Александра Сокурова. Почти не знают как поэта. Редкие публикации (хоть и в "Новом мире", "Юности") не дают полного представления о масштабе дарования этого неординарного, обладающего и своим взглядом на мир, и своей интонацией поэта, одного из лидеров так называемой "новой волны".

А. Еременко

*Нам не дано предугадать,
как слово порождает слово,
как мать меняется на "мать"
и как отец глядит сурово.*

*Глядит грядущему под стать,
но перестроиться не хочет.
Его клюет в затылок хочет,
а у отца – затылков пять...*

*А мы твердим на все лады,
лады расстраивая в дым:
легко ли*

*быть молодым,
легко ли*

быть голубым?

*Но не легко быть этим самым,
ногой нащупывая гать,
крестить Асадова де Садом...
Нам не дано предугадать
ни слово Тютчева, ни Фета,
ни краденого марафета,
ни Баратынского обнять...*

*Но ходит-бродит Достоевский
и говорит нам: не убий!
И коль на ближнего стамеской
ты замахнулся, он, как Вий,
всю душу вымотает взглядом.
То – вдруг прикинется
Шамбалой,
то пионерским вдруг отрядом
стучит по кровле обветшالой.*

"Встать!

*Высший суд идет!" –
сказал судья и умер.
Ученый был Бойль-Мориотт.
И тот, к несчастью, убыл.*

*Еще попробовал Есенин
мизинец окунуть в офсет.
Я вызвал духа в воскресенье,
и он сказал: "Исхода нет".*

*Мол, не легко предугадать,
чем ваше слово отзовется.
Быть может, серою прольется,
а нет, – так Пушкина читать.*

Я сижу над водой и смотрю на круги:
что там, рыбина или выдра,
иль очки, иль кольцо с удалой руки...
Я не знаю, что выбрать.

Мне вещи идут, как в сеть:
теплоходы, реакторы

и прочее барахло...

На самое главное – меньше, чем клеть,
образованная волокном.

Потому уплывает. Надену шапку
иль kota по Булгакову,

лежащего запятой.

Я ищу пятак, что упал за подкладку,
для этого вспарывая все пальто.
Я не знаю, букашка я или вождь,
или кочет,

кому кукарекать в пять.

Поэтому я и живу, как в дождь

Одинокая птица летит, скрипя.

Ну что ты вены грызешь, подпрыгивая?

Река густеет и примерзает.

Я не знаю, что именно

выбрать из Пригова,

я не знаю.

Река намыла прибрежный холм

и чуть отклеилась на вираже.

Вон слесарь – выбрал железный лом.

Захочет, сам превратится в жесть.

Я стою, дыхание затая,

словно в детстве потерянный на вокзале.

Это – шаг в философии бытия.

Я не знаю даже, что я не знаю.

Как будто бы ты проглотил стрихнин

и видишь, как пес твои руки лижет.

Я не желаю писать стихи,

я даже не знаю, кто это пишет.

Восстань, как Лазарь, друзей беся,

и щеки свои разотри пометом.

Ты – гром, реставрирующий себя

гудящим призраком самолета.

Река ушла в ледяной нарост,

в трубу дозорного и в колодцы.

Тебя поджег альбинос-мороз,

горяч, как иней, и холоден,

словно солнце

МУСОРНАЯ БАЛЛАДА

Жиганшин, в небе узря соседа,
спасен вертолетом, как гортензией.
После краха единственного велосипеда
спицы путались, словно в ракетке теннисной.

Завершив озимых упрямый сев,
Хрущев лишен был своей охраны,
и что дрожит он – узнали все
по медному звону в его карманах.

Мне – двенадцать лет. Я – румян, как Киров.
Меня не трогают ни креолки,
ни зажигалки во рту факиров,
ни цирки, подвешенные на елке.

Ни командармы-орлы из сакли...
Я был, как Будда, не зная о Будде...
Но трудовик нам, считая капли,
вручил метлу мне и вывел в люди.
И я среди уличной пасторали
стою и чувствую, – заплевали!

Кто заплевал эту улицу?
Навряд ли фея, навряд ли умница...
Мету. Постреливаю сигареты.
Мой отчим тихо лежит в кустах,
и в печени некий Сизиф отпетый
ворочает камень. Пускай, пускай...

Этот мусорный путч
залепляет нам рот,
словно грязная наволочка.
Но пытаем мы путь,
как в зеркальном трюмо
залетевшая бабочка.

Не познавший сих пут,
не подаст ни копейки, ни луковицы.
И я вычислю путь,
и я вычищу эти улицы.

...Фидель уехал и хлопнул дверью.
Парил, как сокол, Ильич Второй.
И май, как просверленный
электродрелью,
сгонял весь мусор на Уренгой.

ДЮНЫ

Дырявое, в авоськах пены, ежовое,
как власяница, море песков арену берет врасплох.
Но если хочешь лишь тела,

оставленного душою,
беги от моря; бери песок.

Дюны. Ломти сушеной дыни. Слом
побережья, подводный лом,
с которого исчезает глянец
волны, что скручивала узлом,
а потом развязала тебя, как галстук.

Лежу. Проваливаюсь в шито-крыто
песка, виском, – в промокашку смерти,
будто ты через сито,
положенное на сито,
переходишь вниз, не нащупав тверди.

Человек испаряется небом.
Кричи, пеняй
на состав водяного раствора плоти.
Ты сам, положивши под ухо локоть,
себе отмерил и склон, и пай.

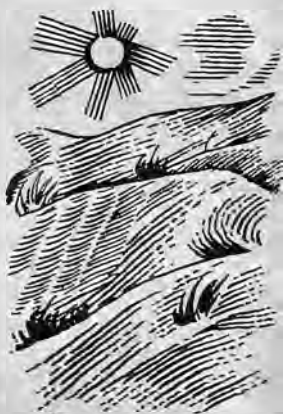
Двигается сука. Пара горячих ног,
поменявшись с парой ее другою,
толкает тело вперед, и норд
бессилен сделать ее нагою.

Холодно в дюнах. Волна приходит за хлебом
в твоём мешке, а уходит,
оставив чей-то хребет и хвост.

Человек испаряется небом.
Человек превращается в гвоздь.

На причмок твоих губ
волна реагирует, как каток.
Осклабится, с храпом засунет тебя в конверт,
и в дюнах ты ощущаешь лишь то,
что тебя в дюнах нет.

Только к морю ложатся, в песке потя,
не вперед головой, а вперед ногами,
ибо в дюнах заметнее крах всеобщего тела,
и того, что у нас, и – над нами.

Марина КАРПОВА

Синяя ворона

МАЛЕНЬКАЯ ПОВЕСТЬ

...Приходит к нам на рисование наш художник Добряков и объявляет, что мы сегодня будем рисовать корову. С натуры. И выносит два муляжа: одна корова потолще и посерьезнее, а другая, видимо, помоложе и в прекрасном настроении. И ставит он их перед нами, и объясняет технику рисования. "Ваша цель, — говорит художник Добряков очень важно и прямо-таки с пафосом, — создать изображение коровы не за счет контура, а за счет объемов, их сочетаний и взаимодействий..." И все начинают работать и искать в корове объемы, а я сижу и не работаю. Тогда подходит ко мне Добряков и спрашивает строгим голосом:

— А вы почему не работаете, когда все работают?

А я ему отвечаю:

— А я ее боюсь.

— Кого — "ее"? — спрашивает художник Добряков.

— Корову, — говорю, — боюсь...

— Вот еще, — говорит он, — что это вы, как маленькая. Может, вы работы боитесь, или, скажем, меня? Что это еще выдумали, как маленькая... Коровы она боится...

— Да, — говорю я ему, — да, Геннадий Александрович. Я с детства их боюсь. Я, когда была маленькая, не боялась никого и ничего, кроме коров. Я и сейчас не боюсь никого и ничего. Кроме коров и Ларисы Борисовны (она у нас методику природы преподает).

Добряков делает вид, что закашлялся в бороду, но живот его выдает: живот его, и плечи, и спина начинают смеяться и прыгать от

радости. И чтобы никто, кроме меня, этого не заметил, он уходит в свой угол, за шкафы, куда имеет обыкновение прятаться от нас (как медведь в зоопарке – в свою дощатую конуру – от публики), когда мы рисуем. Он сидит там у себя за шкафом и якобы проводит психологические исследования – нас. А сам смотрит картинки в журналах по искусству и слушает, как мы разговариваем за работой. Он притворяется важным и сердитым, и все этому верят, а он просто не любит, когда срисовывают (ему можно хоть каляку-маляку какую-нибудь нарисовать, только самостоятельно, – он рад будет до смерти); а иначе он ехидничает, злобствует, вредничает и ставит двойки, за что народные мстители исписали все столы и мольберты в его кабинете инициалами: "ГАД" – Гениадий Александрович Добряков. Но он на самом деле не гад – он Добряков. Он просто художник. И ему можно объяснить, что я не могу нарисовать корову, которую боюсь...

...Коров я боюсь с детства. Однажды летом дедушка взял меня с собой в лес за грибами. А идти нужно было через гатчинский парк. Мы шли, и дедушка рассказывал мне исторические сказки – про Гатчину, про гатчинские озера, парки и дворцы. То есть это не были сказки – это было описание реальных исторических событий и фактов, но только все люди – и даже цари и царицы – у дедушки выходили живыми. И по лесу, который назывался "Зверинец" (потому что в нем держали зверей для царской охоты), я ходила так, будто из-за кустов вот-вот выскочит неизвестный мне милый и симпатичный зверь "вепрь". Был в этом имени

для меня испуганный внезапный вспорх ветреных крыльев, и длинные тонкие ноги, и гибкая шея маленькой гордой головкой (как соседской Людки), и один единственный серебристый тончайший не то рог, не то клюв. А зэтим легким и крылатым – погоня! Трубят, кричат, стреляют! – но никого не убивают. Потому что "Зверинец" – это же, как зоопарк...

А еще нужно было пройти мимо "Царской ванночки" – мимо маленькой купальни в парке: гранитные плиты, заросшие над водой зеленым мхом и рыжими скользкими космами, леино извивающимися в воде, теплой и пронизанной солнцем. Мокрые слизистые ступеньки – и голубоватые (потому что "голубая кровь", – думаю я) тела мальчишек, распластавшихся, как лягушата, звонких и прыгучих.

А еще – мосты, мостики и мостки: с островка на островок и просто так; деревянные, каменные, разрушенные и уцелевшие, кружевные и горбатые... И еще один со странным названием – "понтонный" ("потонный"? Он и вправду над водой низко-низко, но не тонет, ведь; а если перегнуться через перила и посмотреть вниз – увидишь большие ржавые и сонные бочки, покачиваются в воде и не уплывают, а мост лежит на них, как на китах, и скрипит).

А еще – мраморный лев. Лежит посреди травы, как собака, а хозяин сказал: "Место! Лежать!" – и ушел, и забыл. А лев лежит и даже таявкнуть не может, только украдкой нюхает ноги прохожих. А меня он любит, и можно обнять его за шею и посидеть у него на спине. А спина у него теплая...

Все это нужно пройти, прежде

чем выйдешь через каменные ворота в "Зверинец". Через те ворота меня увели однажды цыгане. Украсили и увели. Вот всех детей вечно пугают цыганами, но их никто не крадет. А меня не пугал никто и никогда, но зато меня и украли. То-то мне было радости! Но это совсем другая история. А пока что мы с дедом идем в лес, и я пытаюсь обо все корни и камни, и то и дело падаю. Я толстая девочка, но какая-то очень неустойчивая, и с ранней весны до поздней осени колени мои украшены "боевыми ранениями" и синяками, обувь на мне горит, а дед кричит мне: "Вон-вон, тот еще корень пропустила и об этот камень не споткнулась еще! — И поет ехидным голосом песню собственного сочинения: "Футболист — рваные ботинки!.."

И вот мы приходим в лес. И начинаем собирать рыжки — грибы загадочные, словно папоротники, рыжевато-зеленоватые, сочно-хрусткие, пахнущие пряно и остро, растущие целыми семьями — кольцами вокруг костровищ — "ведьмин круг" называется! Я отхожу все дальше от дедушки, руками развожу в стороны мокрые зябкие заросли, жадно втягиваю в себя зыбкие, будоражащие запахи. Мне ужасно хочется самой, одной найти "ведьмин круг".

Отведя в сторону очередной куст, я вдруг обнаруживаю ведьму с большими и немножечко вроде бы сонными глазами. Она устало смотрит на меня из-за куста и что-то жует. Я ошолбенело застываю, а ведьма явно ждет, что же я ей скажу. Но я от изумления и восторга немею. И не могу объяснить ей, что это я нечаянно. Наконец она нетерпеливо-вопрошающе и сердито кричит мне: "Ну-у-у?!!" — и начина-

ет двигаться на меня. Я срываюсь с места и, трепеща от ужаса, как осиновый листок, бегу от нее — и меня словно ветром несет, а она превращается вдруг в рогатую корову и бежит прямо за мной, а я на бегу думаю: "Нужно было сказать ей "здравствуйте" и "приятного аппетита!.." А она косит глазом и злорадно кричит на меня: "Ну-у-у!.. Ну-у-у, я тебя!.."

Вот с этой самой детской поры, когда я любила историю, похожую на живую сказку, и верила в волшебную птицу вепрь, я и боюсь коров. Правда, потом началось школа, и вепрь оказался дикой и злой свиньей, а историю я возненавидела изо всех сил, потому что в учебниках не было ничего похожего ни на сказку, ни на жизнь. Но коров я все равно не перестала бояться, а с ведьмами старалась быть всегда вежливой.

...Тут подходит ко мне Люська Архипова и начинает быстро-быстро-быстро говорить. Люська — это клинический случай невысказанности: чем больше ее волнует то, о чем она говорит, тем быстрее она говорит, и тем невозможнее что-либо уловить из ее стрекота. Поэтому разговаривать по-человечески с ней можно только о том, что ее не волнует, а об этом она говорить не желает. Поэтому я молча смотрю на нее и жду, когда она иссякнет. Ага, вот она начала снижаться, вот выпускает шасси, значит, скоро приземлится.

— ...И предложить Добрякову устроить конкурс на лучшую корову училища... А где твоя корова?! Ты что, не рисуешь?

— Не-а, я ее боюсь.

— Ты что! Она же большая, мягкая и пахнет молоком!

— Вот и неправда, я подходила, трогала ее и нюхала, она твердая и холодная и пахнет бумагой, клеем и краской — как яблоки из папье-маше. И маленькая она — даже меньше кошки...

И тут меня осеняет:

— Люська, а твою корову как зовут?

— Мою?... Ника-а-к...

— А мою — Настя. Я вот эту буду рисовать, которая помоложе. А та на нашу директрису слишком похожа — грозная, прям жуть. Настенька повеселее.

И я начинаю чертить на листе овалы, как учил Добряков. На корову это пока не похоже, зато похоже на гирлянду сарделек и сосисок.

Приходит Добряков:

— Ну что, не боитесь?

— А я ее приручила...

— ???

— ...А свою знакомую корову бояться уже нечего. Настя, Настенка моя, — ласково приговариваю я, работая карандашом.

— Г-хе, — говорит за моей спиной Добряков, — гхе...

На листе среди сарделек и огурцов вдруг возникает ведьминский глаз и залихватски подмигивает Добрякову. И тут же, как Афродита из пены морской, отрясая с себя остатки овалов и эллипсов, появляется на свет божий корова Настя — она женственно покачивает боками, мягко и снисходительно улыбается Добрякову и позванивает серебряным колокольчиком на левом роге. Публика верещит и, опрокидывая мольберты, выскакивает из аудитории.

— Эй, — кричит Добряков, — надо рисовать с натуры — на муляже нет колокольчика!

Корова Настя отмахивается него хвостом, томно вздыхает принимается жевать традескцию.

Люська Архипова приходит восторг и начинает что-то трещать про теленочка. Я улыбаюсь гордо спокойно, как молодая мать:

— Люська, помолчи, пожалуйста скажи лучше — ты умеешь доить?

Тут из-за своих шкафов высккивает Добряков и начинает махать какой-то тряпкой у Настеньки перед носом. "Кыш, кыш отсюда" — кричит он ей.

— Ну что вы, Геннадий Александрович, ну зачем же вы так? Она ведь вам не воробей и не курица, а корова, это ж понимать надо. А вы: "Кыш..."

Люська Архипова мурлычет по носу: "Тореадор, смеле-э-э-э-е, тореадор, тореадор... Там ждет тебя-любовь!..." Настенка тянет ко мне морду и облизывает большим мокрым языком мои руки.

Из коридора доносится шум, кто-то заглядывает в аудиторию и кричит: "Шухер, люди, — директриса!" Мы с Люськой с двух сторон целуем Настю в морду, я сдираю лист с мольберта и прячу в папку. Из коридора возвращаются беглецы, рассаживаются за мольберты. Ми. Воцаряется тишина. Входит Алевтина Петровна.

— Так, в чем дело? — зловенным тихим голосом спрашивает она и подозрительно втягивает носом воздух.

— Все в порядке. — Геннадий Александрович уже пришел в себя. — Вот рисуем корову. С натуры.

— Хорошо. Занимайтесь. — Она разворачивается к двери и попадает ногой в свежую и душистую коровью лепешку.

— Это что такое? Это что за хлев?

– от гнева у нее даже зубы клацнули, но голос все равно тихий-тихий (педагогический принцип) и зловещий (от природы).

– Так с натуры же, – разводит руками Геннадий Александрович.

Директриса пулей вылетает за дверь.

Звенит звонок.

– На методику природы пойдешь? – спрашивает меня Люська.

– Нет, не пойду. Я Ларису Борисовну боюсь.

– А ты ее приручи!

– Да-а, ее приручишь... Вот скажи мне, Люська, за что она меня так ненавидит, а?

Мы бредем через внутренний дворик в старый корпус. Падает вялый, сонный снег. Сыро и серо. Погода скучная, как методика природы в исполнении Ларисы Борисовны. "Когда я была маленькая, – думаю я, – я не боялась никого и ничего, кроме коров. Потом – кроме коров и Ларисы Борисовны. А сегодня я приручила корову Настю. Значит, теперь я не боюсь никого и ничего, кроме Ларисы". Она излучает на меня такие флюиды неприязни, что мне хочется немедленно превратиться в какую-нибудь аспидистру или герань, ну, в золотую рыбку, на худой конец, или хотя бы в бобовое зернышко. Вот про них Лариса Борисовна все-все знает, даже может классифицировать; их она всегда может поставить или посадить на свое место, то есть на то место, которое она считает нужным. И уж во всяком случае никто из них никогда не будет с нею спорить. Она придаст им те формы, создаст условия для такого образа жизни, которые считает единственно возможными. В соответствии с программой и стандартами.

– Слушай, Люська, а может, она мне просто завидует, а?! Потому что я: а) моложе ее, хотя и не нарочно, в два раза, и наоборот уже никогда не будет, как бы ей этого ни хотелось;

б) я большая, толстая и веселая, а она – маленькая, дохлая и злая (но что же я могу поделать?);

в) она уже не женщина (да простит меня бог за юношеский жестокий максимализм!), а я – как говорил Карлсон – в полном расцвете сил;

г) она ходит в итальянских сногшибательных туфлях на шпильке и тщательно наводит марафет, а я хожу в рваных кедах и старых джинсах, но мужчины на улице оглядываются почему-то не на нее, а на меня (но здесь уже я не виновата: извратились вкусы, извратились...).

А кроме того, я никак не соглашусь постричься а ля Лариса Борисовна или хотя бы причесаться под ее гребенку...

– А может, ты просто похожа на ее подругу, которая мужа у нее увела?..

Ходили такие слухи про Л.Б., была у нее подруга будто бы, и был муж – красавец, умница и талант. И была Л.Б. счастлива и молода. А потом – как в сказке про зайца и лису, что попросилась погреться в лубяной заячьей избушке да зайца же и выгнала. Приютила Л.Б. подругу, а сама куда-то уехала – не то в отпуск, не то по делам. А вернувшись, обнаружила, что нет у нее больше ни мужа, ни подруги, ни даже квартиры. Уж как там у них получилось – достоверно не известно, но в сказках чего-чего только не бывает. И стала Лариса Борисовна несчастна, но все же еще молода. А в училище преподавал тогда исто-

рию ветеран двух войн, единственный мужчина из всего педсостава, одноногий и брюзгливый Александр Павлович Некошкин. И закручинилась Лариса Борисовна, и прикрыла глаза рукой от тоски-кручины, и посмотрела на Некошкина сквозь пальцы, да и стала его женой! И стали они жить-поживать, худо ли бедно, да все-таки ведь семья, муж. Как у людей. Как у всех.

Александр Павлович старел, болел и становился все брюзгливее и дряхлее. Был он и правда вспыльчивого, и хотя вряд ли в действительности колотил в припадке ярости жену костылем, как о том болтали, но у некошкинского житья-бытья ведь и без того много нашлось колотушек для Ларисы Борисовны. С тех самых пор характер ее начал неудержимо портиться (где и разрядиться было, как не на работе?), лицо пошло морщинками, и кожа на шее увяла и обвисла. И только со смертью Александра Павловича Лариса Борисовна воспрянула духом, начала тщательно следить за кожей лица и носить юбки и туфельки, которые подчеркивали ее все еще стройные тонкие ножки.

— ...Но, Люська, я-то здесь причем?! Даже если я и похожа на эту змею-разлучницу... В конце концов меня даже на свете еще не было, когда все это случилось. Может, сосватать ей кого, а? Не умею...

Звонок. Нужно идти на методику природы. Точнее, на лекцию по "методике ознакомления детей с природой". Вот так это называется — длинно и скучно. И лекция будет длинная и скучная — только успевай строчить в тетради со страшной скоростью: Лариса Борисовна многоглаголива, чистотой и красотой стиля не балует и, изрекая свои истины с чрезвычайной важностью, требу-

ет тщательной дословной записи. Мы пишем, пишем, пишем, не успевая запомнить или хотя бы понять, что. Это удивительно: насколько я любила все живое — прыгающее, плавающее, летающее, шуршащее листьями, капающее небом (и даже квакающее!) — и насколько теперь само слово "природа" (ибо именно так мы называем для краткости методику, которую читает Лариса Борисовна), само это безобидное слово "природа" вызывает у меня чувство тоски и сожаления о потерянном бесплодном времени.

Но идти на "природу" надо. Впрочем, равно ведь надо. Вот мы с Люськой и идем.

На "природе" все обыденно, скучно. Как всегда. Лариса Борисовна продиктовала тему лекции: "Ознакомление детей младшего возраста с живым объектом План. Первое — понятие... второе — значение... третье — методика ознакомления детей младшего возраста с живым..." Александра, что у тебя на голове? Воронье гнездо какое-то. Ты сегодня причесывалась?" — это она мне.

— Да, Лариса Борисовна, я сегодня причесывалась. Неоднозначно.

— Что же это такое у тебя с волосами: они, наверное, у тебя болтающиеся?

— Нет, Лариса Борисовна, они у меня здоровые.

— Но не может же быть, чтобы у нормального человека волосы росли в разные стороны. Это надо что-то делать. Тебе надо проконсультироваться с врачом.

— Хорошо, Лариса Борисовна, обязательно так и сделаю.

Я с детства усвоила, что разговаривать нужно вежливо и спокойно.

но. Главное – вежливо. И спокойно.

– Это надо что-то делать, нельзя же ходить с головой как овин. Может, тебе остричься? Совсем коротко... Ну-у, вот как, скажем, у меня. Это же...

Голос из толпы:

– Лариса Борисовна, повторите, пожалуйста, третье...

– Третье – методика ознак... возраста... ...вым объ...

Я научилась отключаться от ее голоса. Нужно только сосредоточиться на чем-нибудь и абстрагироваться от всего остального (это мы по психологии проходили). Сосредоточить свое внимание можно на чем угодно – хоть на каплях, падающих из небрежно завернутого крана, или на пучеглазой рыбке в аквариуме, или на вороньем чучеле на полу возле шкафа с заспиртованными тритонами и коллекциями бабочек, проколотых посередине тельца булавками. Чириканье Ларисы Борисовны сливается с щебетанием супружеской четы волнистых попугайчиков в клетке.

Я смотрю на чучело вороны и думаю: "Эх, ты, ворона, ворона, вот стоишь ты здесь на раскоряченных лапах, и важничаешь, и даже вроде покачиваешься от важности, и глазом блистишь, как живая, а не знаешь ты, ворона, что ты – моя мечта. С самого детства ты моя мечта, понятно? А из тебя, из голубой моей мечты, чучело сделали. И опилками набили. Вот так. Где ж ты раньше-то летала, а, ворона? Чего ж ты не прилетала ко мне с тех самых пор, как баранку у меня утащила? Помнишь? Помнишь, как однажды, когда я была совсем маленькой, мы, я и соседский мальчик Ленька, передрались из-за баранки? Наши мамы вывели нас погулять, было раннее лето, и трава

совсем зеленая, и солнышко теплое и щекотное. Мама выпустили нас на травку, а сами шли позади и переговаривались, тихонько посмеивались: они ведь тогда тоже были совсем девчонки. Мы с Ленькой паслись на травке возле большой клумбы, и я учила его говорить название цветка – львиный зев. Он внимательно слушал мои наставления, но когда я требовала, чтобы он повторил за мной: "Льви-и-ный зев", на глаза у Леньки навертывались слезы, он краснел, надувался, как индюк, и, подстрекаемый моим суровым взглядом, лепетал: "Льви-и-ный... лев!" Я шипела от злости, бежала к клумбе и шлепалась на пузо – чтобы незаметно для мамы подползти к цветку львиный зев и сорвать его. Потом опять загоняла бедного Леньку в угол скверика и начинала мучать. "Вот, смотри, смотри. – Я раскрывала мокрую ладошку, и Ленька с восторгом и ужасом таращил глаза то на безжалостно сорванный мною обмякший цветок, то на меня – совершившую столь чудовищное злодеяние. – Видишь, вот если его взять пальцами с боков, то он открывает рот. Как лев, понял? Понял или нет? Льви-и-ный зев! Как будто лев зевает. Понял ты или нет?! Львиный ЗЕВ! Видишь, красный рот открывает, видишь?! Ну, говори!" Ленька открывал рот, чтобы сказать, испуганно сипел и потел от натуги. "Ну?! Львиный ЗЕВ!" "Льви-и-ный... лев!" – шепчет Ленька. Я возмущенно фыркаю, Ленька собирается заплакать... Ленькина мама, решив избавить своего ребенка от мучений, подзывает меня к себе и достает из сумки огромную золотисто-розовую баранку. "Бери, – говорит она и, улыбаясь, ждет, что я начну сначала отказываться из

"вежливости", и меня нужно будет уговаривать. Но я — дитя свободного воспитания и наивно полагаю, что уж коли мне чего-то предлагают взять, значит, и в самом деле хотят, чтобы я это взяла. Вот я и беру, тем более что от такой красоты как-то глупо отказываться. Ленька возмущен и шокирован моей невоспитанностью и бестактностью. Он с явным чувством превосходства (уж он-то знает, как себя вести!) подходит к своей матери, чтобы получить свою долю, но тут выясняется, что баранок у нее больше нет. "Ну, ничего, — говорит Ленькина мама сладким голосом, — сейчас Алечка с тобой поделится, и вы вместе съедите бараночку, правда, Алечка?" Ленька с надеждой смотрит на баранку в моих руках и сглатывает слюну. Но я, собственно говоря, баранку есть не собираюсь: в отличие от практичного Леньки я — эстет. Мне нравится просто смотреть на румяную баранку, похожую на солнышко с дыркой посередине, нюхать ее и видеть через баранкину дырку мир, заключая его в ограниченное золотистым кольцом пространство. Вот моя мама улыбается мне из круглой рамки, а вот насупившийся Ленька, а вот через голубой круг неба пролетели птицы... А если посмотреть еще выше — увидишь солнышкин портрет! Ага, теперь-то я понимаю, что такое "солнечный круг, небо вокруг..."

"Ленька, смотри!" — говорю я.

Но Ленька не хочет смотреть, он хочет скорее съесть баранку и тянет ее у меня из рук. Я не отпускаю. Он плаксиво кривит лицо, оттопыривает нижнюю губу и втягивает воздух. Я дергаю баранку в свою сторону. Ленька, медленно набирая силу звука, начинает реветь и оглядывается на свою маму. Она не

смотрит на него, она укоризненно смотрит на мою маму. Моя мама виновато отводит взгляд и смотрит на меня. И глазами говорит мне: "Отдай, он же маленький. И голодный". Мне жалко баранку, но мне еще жалче: тетя Лида потом будет жаловаться, что я плохо не питана. Я выпускаю баранку из рук. Ленька ревет уже, как реактивный самолет, и никакой баранки брать не хочет. Что ему теперь такая-то там баранка! Его обидели, что он теперь с полным правом может потребовать в качестве утешения все, что только захочет! Даже новую большую грузовую машину с синим кузовом и открывающейся дверкой в кабине. И его мама не будет говорить, что "сейчас денежек нету, а вот когда будешь хорошо себя вести, на день рождения куплю". Он кидает баранку на скамейку и уходит реветь на колени к своей маме. И баранка лежит посередине скамейки и больше уже не светится золотистым розовым светом. И жгучая обида захлестывает меня и подступает к горлу. А тут еще мамыны глаза печально смотрят на меня: "Ну, видишь, как все плохо получилось". И вдруг я тоже начинаю реветь, уткнувшись в мою маму. И вместе с Ленькой хором ревим на разных концах скамейки, а злополучная баранка лежит между нами, ровно на середине.

И тут я чувствую, как моя мама замирает на мгновение, а потом вдруг начинает хохотать — все громче и громче. Я удивленно поднимаю голову и вижу, что она хохочет, замурив глаза, хохочет до слез, изнеможения. Я замолкаю, Ленька тоже перестает рыдать, тетя Лида сердито оборачивается, и все мы недоуменно смотрим на мою маму.

А она смеется и ничего не может сказать от смеха, только машет рукой и показывает то на скамейку, то куда-то в сторону, но дома. Я смотрю, куда она показывает, и вижу, что баранка со скамейки исчезла, а на красной крыше соседнего дома сидит большая ворона и клюет нашу баранку. И лапой придерживает. Клюет раз – и взглянет на нас хитро и насмешливо. Клюет – и сверкнет пиратским черным глазом, склонив голову набок.

И мамины смешинки влетают в мой раскрытый от удивления рот и начинают бегать и прыгать у меня в животе, и я становлюсь от радости как воздушный шар, и могу улететь в небо. Но мама крепко прижимает меня к себе и говорит, запыхавшись от смеха: "Справедливость восторжествовала! Ура!" И мы с ней кричим "Ура!", а обиженные тетя Лида и Ленька уходят в магазин покупать грузовую машину с синим кузовом. А мы с мамой скачем, как маленькие, и кричим "Ура-а-а!" А ворона, наступив на баранку лапой, внимательно смотрит на нас. А потом, хлопнув себя крыльями по бокам, отвечает, будто соглашаясь с нами: "Кр-р-ра! Кру-р-ррра!" А потом осторожно берет баранку клювом и улетает. Мама говорит: "Вот уж поистине соломово решение..." "Что такое – соломово?" – спрашиваю я. "Значит, очень мудрое. И справедливое", – отвечает мама...

...Слышишь ты, чучело, "мудрое и справедливое"... Понимаешь ли ты, что была для меня всю жизнь, самого моего детства воплощением мудрости и справедливости? Боже мой, как же часто я тебя звала! Ждала! Даже смешно... А ты не прилетала. А теперь вот из тебя елали чучело пернатое и опилка-

ми набили. И стала ты просто "наглядным пособием", а никаким не воплощением чего-то там такого. И сидишь ты в кабинете у Ларисы Борисовны и даже каркнуть не можешь. Не смеешь... И притворяешься вороной, голубой моей мечтой, синей птицей... Синей птицей моей... А сама даже каркнуть не можешь!..

– ...Комарова, ты чем занимаешься? – Лариса Борисовна стоит возле моего стола и, нервнически подрагивая губами, глядит на меня "педагогическим" взглядом. – Ты сегодня хоть строчку записала? Что ты делаешь?

– Я думаю.

– На лекции, девочка, не думать надо. – Лариса Борисовна стучит по столу прямым и жестким указательным пальчиком. – Не думать надо, а...

– А что, Лариса Борисовна?

– ...а фиксировать! Фиксировать преподавателя.

– Ясно.

Лариса Борисовна разворачивается и с прямой спиной, чуть ли не парадным строевым шагом, уходит меж столов далеко, далеко, далеко. Наверное, к доске.

А мне... Ой-ей-ей, как мне хочется устроить тарарам! Каркнула бы во всю глотку, что ли, чтобы перестали они строчить в своих тетрадочках, разрисованных голубочками и цветочками, чтобы обалдели и проснулись от спячки, хоть глаза бы продрали! Чтобы поперхнулась своим тупым бормотанием Лариса Борисовна! Не так же, не так нужно "знакомить детей с природой"! За чем им говорить, что ворона ходит на двух лапах, а лягушка прыгает? Они что, дети, слепые, что ли? Или глупые? Что, может, они думают, ворона ходит на четырех? Кто из

НАЧЕЛ

ТРАКТОРНИК

МЕДИКА

нас дурак, Лариса Борисовна? Эх, выпустить бы ваших попугаев на волю! А вас на жердочку.

Вот молчит моя ворона, а меня сегодня прямо так и раздрает изнутри, прямо хоть воду из аквариума выпить, что ли, — успокоиться. Только рыбок жалко, помрут без воды. Да я бы и сама бы каркнула! Ох, как бы их всех!.. А Лариса бы Борисовна: "Вон! Вон! Из класса!" — и к директрисе. А та бы тоже: "Вон отсюда! Вон!" — но только так тихо-тихо, потому что такая метода. А я бы так спокойненько тетрадошки бы собрала, в сумочку запихала и у дверей бы обернулась так вежливо: мол, до свидания, Лариса Борисовна, всего доброго... А потом — бегом по лестнице и на улицу! А там — красотища! Свобода, и воздух свежий, и солнце, и дети бегают и сами собой знакомы с природой. Это ведь только взрослых с ней надо знакомить по новой. А мы с ней — старые знакомые... Да. Хорошо бы. Только мне нельзя. Я маме обещала. Был у нас с ней такой разговор. Это когда я еще только начала учиться.

Однажды в субботу я проснулась, как в детстве: с кухни плыла теплая, пахнущая блинами и кофе волна, там шкворчало, звенело и пела мама. Когда я вышла, мама, не оборачиваясь от плиты, спросила:

— Аля, ты проспала? Уже одиннадцать. Или так надо?

— Так надо, мама.

— Понятно, — сказала мама и перевернула блин, — ты давно туда не ходишь?

— Дня три, кажется. Нет, четыре.

— Прекрасно, — сказала мама, любуясь золотистым, в мелких дырочках блином, — прекрасно. А что в кино?

— Да-а ничего хорошего... Ерунда какая-то. — Я посмотрела окно и отщипнула листик мяты. Она у нас растет в горшке на подоконнике. Мама ее в чай кладет. Может, с понедельника чего-нибудь получше пойдет.

Золотистый блин переключаясь на глиняную плошку, а на сковороду зашипел, растекаясь, новый.

— Прости, я прослушала, — сказала мама и полезла в холодильник за сметаной.

— Я говорю, с понедельника программа в кино сменится — может, получше чего пустят. Посмотри.

Мама перестала передвигать банки, помолчала, а потом спрыгнула из холодильника:

— Что, так плохо там? Да, Аля.

— Мама, не ищи сметану, — сказала я, — она на столе стоит.

Мама разогнулась, закрыла холодильник и посмотрела на меня. Она в последнее время часто так смотрит на меня, как будто это мой ребенок, мой ребенок, а я — взрослая и чего-то не то делаю или не говорю. Это взрослые сразу кидают тебе все тебе объяснять и уговаривать, а дети — нет. Ребенок просто глядит тебе в глаза, и тебе становится вдруг отчего-то стыдно и грустно от себя.

— Понимаешь, у нас там почти в каждом кабинете пианино, и еще в актовом зале... И на каждой парте у нас есть тарам-там-там, тарам-там-там — "собачий вальс"... И еще, кто умеет играть: "Миллионы миллионных роз"... И в эти дни, мам. Я как-то села за пианино. Бетховена хотела, думала, вдруг захочет слушать. А они говорят: мол, лучше бы полонез Огюста Равеля. Я сбавила, если можешь, или лучше "Под крышей дома-а сва-а-е-во!"

Готовый блин шлепнулся в миску.

— Мама, а о чем они говорят, мама! Просто же уши вянут. На психологи от слова "возбужденне" хихикают. Не важно, что речь про нервную систему. А в туалете знаешь какой мат стоит... У тебя блин подгорает...

— Это последний, — отозвалась мама и поставила на стол тарелки и плоску с блинами. — И что, все одинаковые?

— Да нет, конечно же. Знаешь, я вообще их разделила на две категории: одна — это те, которые никуда больше не смогли попасть, а в училище и с одними тройками возьмут. Другая — это девочки, что называется, "из хороших семей". Они и пограмотнее, и покультурнее...

— Хм, — сказала мама.

— Да, мама, но только им знаешь чего надо? "Красный" диплом. Чтобы в институт поступить. Один экзаме́н сдаешь с таким дипломом — и вне конкурса. Ты бы посмотрела, как они из-за оценок подличают. А всех, кто хуже их одет, презирают.

— А ты? Ты к какой "категории" относишься?

— Уже ни к какой. Я тебя хотела попросить... Документы мои пойти забрать.

— Куда вы, куда вы, остановитесь! — закричала вдруг мама на бегающий кофе, выключила газ и тала дуть на пену. Потом быстро посмотрела на меня: — Если взрослый человек принял решение, он го должен выполнить. Сам.

— Просто там, знаешь, классная аша, она меня не отпустит. Она не сказала: "Алечка, ты наш лучший показатель..." У них там социлистическое соревнование — по ам. У классных руководителей. А не противно! Понимаешь, мне

противно быть "показателем"... Я что — племенной бычок? Или поросяенок премированный?!

Мама фыркнула, совсем как маленькая, но тут же опять сделала серьезное лицо:

— Что поросяенок ты, Алька, так это точно...

— А еще она хочет, чтобы мы ее называли "классная мама", или "вторая мама", что ли...

Мама опустила глаза и стала размешивать ложечкой сахар в чашке.

— Тебе там совсем нечему научиться?

— У кого, мама? У историка, который говорит "современная молодежь" и про "десять сталинских ударов"? У литераторши, которая говорит: "У Льва Николаевича Толстого было около семи детей" и "Девочки, у кого есть красная постирашка"? У человека, преподающего педагогику и утверждающего, что у детей нет чувства юмора и поэтому им нельзя говорить двусмысленности?

— Мне, конечно, очень лестно, — проговорила мама медленно и жестко, — что среди такого количества неумных людей моя дочь оказалась самой умной. Я хочу спросить у моей умной взрослой дочери: что должен уметь взрослый человек?

Мама очень редко говорит таким голосом, особенно со мной. Проще всего мне было бы сейчас нагрубить, выскочить из-за стола и хлопнуть дверью. Но я почему-то не могу. Мне жалко маму. И себя немножко. Тогда я хитрю:

— Что? Скажи, мама, что? Из нас двоих только один человек взрослый, и я точно знаю, что это не я.

Она грустно улыбается, ее лицо смягчается, потом она говорит:

— Жалеть и прощать. Когда ты повзрослеешь, Алька, ты научишься жалеть людей и прощать им... Многое прощать.

— Да мама же! Ну, мне и так их жалко, всех их жалко, понимаешь, и девчонок этих, жалко их, да, и...

— А разве ты ничего не можешь для них сделать, ты, такая умная, "культурная и грамотная"? Ты ничего не можешь им дать?

— Знаешь, ходить в обнимочку на переменках с одними или курить в туалете с другими — от этого толку мало. А разговаривать — о чем? О тряпках? О мужиках? Так они от слова "мужчина" краснеют, говорят только "мужик"...

— Да, — в тон мне продолжает мама, — и курить ты бросила...

Мы переглядываемся и хохочем. Потому что курить я правда бросила. Еще прошлым летом. Сразу после школы я почувствовала себя ужасно взрослой и потому дымил, как паровоз. Мамины укоризненные взгляды на меня не действовали. А летом я поехала работать вожатой в пионерский лагерь. Начальник лагеря с курением боролся, и вожатым разрешалось курить "только не при детях". Однако моя шпана (у меня в отряде из сорока человек тридцать два были мальчишки) очень скоро просекла, для чего я запираюсь в своей комнате. Сами-то они тоже покуривали, я знала, в овраге или под трибунами стадиона, во всяком случае, некоторых из них. И вот однажды возле лагерной столовой вывешивают огромное объявление, что по всем отрядам проводятся беседы "О вреде курения". Только я начинаю сообщать, что бы такое страшное мне рассказать моим пионерам, как в дверь ко мне стучат. На пороге стоят двое и с невероятно таинствен-

ным видом сообщают, что отряде и жлет только меня — проведения педагогической беседы. Я слегка удивляюсь такой таинственности, сроду у нас не бывало. Иду за мальчишками на место собрания. Куда же? А под трибуны стадиона. Там меня встречают сияющих рож. И беседа начинается.

— Аля, — говорит мне Са Чернов, — я как самый старший в отряде (ему тринадцать лет), начат нашу беседу. Мы собрались здесь, — он обводит широким жестом подтрибунное пространство на этой земле, усыпанной нашими же бычками, чтобы поговорить о вреде курения. Мы понимаем, тебе трудно было бы говорить — самой курящей и как самой честной в нашем отряде. Поскольку человек честный и не ест детского мяса... да, да, нам все известно, смущайся, пожалуйста, я прощаю: ты не могла бы взять слово, обещание не курить. Ты же знаешь прекрасно, и давно, что мы собираемся курить, и до сих пор ни одна из нас не сказала! Это правильно, повторяю — ты честный человек. Аля, мы, курильщики четвертого отряда, берем с тебя торжественное и самое честное слово больше никогда в жизни не курить. О вреде курения доложит Колька Васьянов. Взамен мы обещаем тебе не курить до самого конца смены, может быть, даже до самой смерти. Обещаешь, согласна?

Я стояла, совершенно обалдев от неожиданности и... от счастья. Только сказать ничего не могла, потому что боялась, мальчишки слышат — голос дрожит. Только кивнула головой.

Чернов пихнул маленького Васьянова в бок:

– Докладывай о вреде!

Колька откашлялся, набрал побольше воздуха и пропищал, отчаянно пуча глаза:

– Если будешь курить, у тебя детей не родится! Вот! Все!

Я почувствовала, что краснею, а “курильщики четвертого отряда” зааплодировали Колькиному докладу.

Когда мы вылезли из-под трибун и пошли тесной толпой через футбольное поле, я спросила тихо Сашку Чернова:

– Ты откуда знаешь... ну, про детское мясо?

– Слышал. Думаешь, мы слепые-глухие? Не знаем ничего? Да весь лагерь знает, что вожатые со столовскими ночью на берегу шашлыки жарят. Пахнет-то на весь лагерь... Да песни орут под гитару. А в столовке добавки не попросишься. Хорошо хоть ты хлеба брать с собой разрешаешь... А тогда... тогда я просто мимо проходил, слышал, как тебя звали на шашлык, а ты сказала, что детского мяса не ешь...

Мне хочется спросить Сашку, куда это он в час ночи “проходил мимо”, но спрашивает Колька, одпрыгивая перед нами, как черенок:

– Аля, а чего тебя столовские синим чулком” обзывают? Я чей-то и не видел у тебя никаких улюков – и ни синих, и никаких? А?

Сашка размахивается дать ему подзатыльник, но Колька уюркиет от него и показывает издали чашечки.

– А еще, знаешь, как тебя зовут лагере? Ну, вожатые, и те, столовские? – говорит Сашка и ясно ядит на меня.

– Знаю, – отвечаю я веселым лосом, – “монашка” и “старуха”.

– Вот дураки. – Сашка протя-

гивает мне раскрытую ладонь, и я ударяю в нее своей – со всей силой.

...Мама эту историю очень любит. А курить я, правда, с тех самых пор перестала. И в педучилище-то из-за того лета поступила. И это мама тоже знает. Она вообще иногда меня понимает лучше, чем я сама. Поэтому, наверное, она сейчас молчит. Помешивает кофе и молчит.

– Мам, – говорю я, – мама, блинны-то остыли уже. Давай заваривать. А в понедельник я заберу документы...

Я вытаскиваю блинчик в стойке блин – там еще теплые – и кладу его маме в тарелку.

– Аля, – говорит тихо мама. – Аля, ты забыла про детей. Это самое главное. Ты еще не видела детей. – Это правда. Только до практики в детском саду у нас осталось два месяца. Мы должны были первый раз пойти работать с детьми.

И я осталась.

За неделю до похода в детский сад я пришла домой, и мама, увидав мою физиономию, спросила:

– Алька, что случилось?

– Мама, я не могу идти на практику...

Досыта наревевшись, объяснила:

– Мне просто не в чем туда идти, мама. В моем пальто меня туда не пустят. Мне так сказали. И с моей головой. Они сказали: вы же просто пугало, вы там всех детей распугаете, “педагог не может ходить в таком пальто!” И, конечно, коронный вопрос: “Что у вас на голове?”

Я опять начинаю реветь.

– А почему им не нравится твое пальто?

– Я не знаю. Я объяснила, что оно из дедовой шинели. А они говорят: пугало – и все тут...

– Купим шубу, – решительно говорит мама. И мы идем в комиссионку.

Волосы решаем пока не состригать, а попробовать увязать в хвосты.

Рано утром по дороге в детский сад, поеживаясь в неудобной новой шубе, я загадала: что мне скажет в этот день первый встречный – так все и будет. В моей подопечной группе еще никого не было. Только в полутемной комнате у окна стоял трехгодовалый человек и ковырял землю в цветочном горшке. Увидев меня, он вытащил пятерню из земли, отряхнул ее о штаны, плюнул в горшок и, когда светлая слюнная нитка, наконец, оборвалась, пошел, любопытно разглядывая меня, и сказал:

– Пойдем с тобой побаловаемся!..

Но побаловаться мы не успели, потому что уже начали в раздевалку приводить других детей. Родители, опаздывая на работу, спешили и злились, что малыши застревают в рукавах, запутываются в рейтузах и затягивают на ботиночных шнурках морские узлы, дергали своих чад за шиворот и говорили жестяными голосами:

– Ну чего копаешься? Ужас какой-то, а не ребенок!..

Только один папа подошел ко мне:

– Вы новый воспитатель, да? Вы знаете, у меня сын, Паша Капсьюлькин, он немножко чудной... Вы его не ругайте сильно... И во сне он... ну, вы сами увидите. Вы поймете, мне кажется...

Капсьюлькин-младший стоял тут же, рядом, и, как зачарованный, глядел на меня. Потом потянул меня за руку, я наклонилась, а он потрогал мои хвосты, затянутые ап-

течными резинками, и спросил:

– Что ли ты Чебурашка, да?

Хвосты и правда были похожи на огромные уши, но наша младшая так упорно вдальблывала мне, что дети должны называть меня только на "вы" и по имени отчеству, что пришлось сказать:

– Нет, Пашуня, я – Александра Витальевна.

– Все равно Чебураша, а я твой крокодил, да?

Я засмеялась, а он взял меня за палец и повел в групповую комнату.

За завтраком детишки должны были чинно сидеть за столами молча жевать. "Когда я ем, и ты и я и он!" – категорически провозгласила Татьяна Григорьевна – поваренная воспитательница, под чьим наблюдением я должна была начинать работать. Сама Татьяна Григорьевна трещала, как сорочка, несмотря на набитый рот, рассказывая нянечке, тоже молодой, подробности вчерашнего свидания с женихом. Время от времени оборачивалась на детей и кричала:

– Калугин, не набивай рот!

Или:

– Орлова, не смей запивать, пока не доешь!

За одним из столов дети выкладывали из своих кружек с остывшим какао пенки – двумя пальцами, с брезгливыми рожицами складывали их на тарелку к Роме Себякину. Ромка пенки любил, поглощал их с видимым удовольствием.

И тут я заметила, что Пашуня Капсьюлькин плачет. Ест и молча плачет, жалобно морща лицо.

– Ты чего реवेशь?

Глотая слезы и опасливо косив в сторону Татьяны Григорьевны, прошептал:

— Кашу не хочу... Я ее не люблю.

— Ну и не ешь, раз не хочешь, — так же шепотом сказала я и подумала, что он боится — Татьяна Григорьевна будет ругать за недоеденную кашу.

Он опять заплакал тоненьким голоском и, засунув новую ложку каши в рот, с трудом проговорил:

— Я хочу солдатом быть, солдату пужно каши много есть — папа сказал...

Я отошла и издалека стала смотреть, как этот маленький человек самоотверженно борется с собой.

На прогулке, по так называемому "плану воспитательной работы", я должна была провести занятие. Занятие называлось "Наблюдение за окружающим". Лариса Борисовна заставила меня заранее написать доскональный план-конспект: вопросы, которые я буду задавать детям, и их ответы. — А вдруг они ответят что-нибудь другое? — спросила я тогда.

Лариса Борисовна презрительно глянула и ледяным голосом проговорила:

— Девочка, все нормальные дети, отличное от тебя, отвечают всегда то, что нужно. И не задают дурацких вопросов.

На этом разговор закончился.

И вот теперь я должна была спрашивать:

— Детки, а какого цвета небо сегодня?

Детки ответили по плану:

— Синее!

Но тут же я заметила в их глазах то-то нехорошее. Эти невинные небесные создания будто бы думали про себя: "Ах, ты так? Спрашиваешь? По плану? Да нас каждый день по тому же плану теми же вопросами мучают! Ну спрашивай, мы тебе ответим..."

— А что по небу летит? — продолжила я, но уже не так жизнерадостно и с меньшей уверенностью.

— Крокодильчики... — нежно протянула маленькая Машенька вместо запланированного программой "облака".

Мальчишки засмеялись и стали выкрикивать:

— Собачки летят!

— Деревья летят!

— Песочница! Беседка!

— Скамеечка летит!.. — и хохотали злодейским смехом.

Тут прибежал запыхавшийся и растерзанный Ромка Себякин:

— Ребья! Там дядьки штуку бросают, железяку и глупостями ругаются! Побегли смотреть!..

И все "побегли". Мне пришлось побежать тоже.

За решеткой детского сада, к прутьям которой прилипли мои подопечные, несколько нетрезвых мужиков пытались вытащить из канавы огромную ржавую трубу. Они подогнали к канаве трактор, закрепили на тросе крюк, обвязали тросом же трубу, и, зацепив крючком узел, трактор рванул. Дети в восторге завопили и запрыгали, как черти, — труба медленно стала подниматься из канавы; трактор ревел и рвал гусеницами рыхлую корку льда, выбрасывая комки рыжей смерзшейся глины, но в самый решающий момент трос соскользнул с трубы — и она грохнулась обратно. Буря восторга — по одну сторону детсадовской решетки. По другую сторону — мужики, кутившие на краю канавы, хором изрекли матерную тираду — ругнулись "глупостями". А один, с беломориной на губе, видно, главный среди них, почесал затылок под кепкой и грустно вздохнул:

—...нулась, гадина.

И снова полез в канаву обвязывать трубу тросом. Дети волновались и спорили чуть не до драки, а я придумывала, как бы их отсюда увести.

Трактор взревел опять и начал тянуть трубу, но уже осторожно, на малых оборотах.

— Ой, сейчас как опять упадет! — крикнула Ленка Оралова.

— Нет, не упадет! — заспорил Себякин. — Нет, не упадет, а она ..нется! ..нется, правда, Александра Витальевна?! — обернулся он ко мне за поддержкой. Я с ужасом подумала, что было бы с моей методисткой, если бы она услышала это слово, и, стараясь говорить спокойно, ответила:

— Нет, не упадет, дядя хорошо привязал. — И устыдилась самой себя.

Труба была благополучно извлечена из ямы, мужики ушли, видимо, обмывая успех, а я, утешаясь тем, что это ведь — тоже "наблюдение за окружающим", пошла с детьми на наш участок для прогулок.

Машенька и Ленка Оралова решили играть в "дочки-матери", но тут появилась методистка и недовольно вычитала мне, что, когда дети играют в "семью", у них должен обязательно быть еще и "папа".

— Нужно приучать их к мысли, что в нормальной семье непременно есть отец, мужчина. А то развели матерей-одиночек... — И она зацепила за рукав пробежавшего мимо Себякина: — Вот ты, мальчик, будешь у девочек "папой", понял?

Себякин кивнул головой. Девчонки перестали варить из камушков и песка "суи" и, хихикая, усталились на Ромку. Он надулся.

— Ну что же ты, мальчик? — терпеливо подтолкнула его методистка. — Ну вот, ты — папа, придомой с работы и что ты будешь делать?

Ромка молчал и колупал боку на руке.

— Ну, ты вспомни, например, что твой папа делает, когда доходит? У тебя ведь есть папа? Ну вот, что он маме говорит. Видно было, что Ромка раздражал методистку своим тупым, надувшимся видом, но она старается говорить ласковым голосом. — Ну, вот папа приходит, что он говорит. Мальчик, ты понимаешь, что говорят?

Ромка неожиданно спросил девочку:

— Где у вас стол? Вот? — А по всей затрясся, покраснел и шипящим голосом заорал: — Деньги давай! Деньги, гада, давай! — И хлопнул кулачком по песочнице. Девчонки забились в угол песочницы, а Ромка смело на землю все совочки формочки, замахнулся на Ленку, которая изображала "маму", убежал.

Методистка побледнела и, говоря ни слова, испарилась.

Я уже давно заметила, что Папа все время один. Его никто не принимал в игру, как меня когда-то в детстве, да он и не просился ни в одну компанию. Я спросила:

— Ты почему ни с кем не играешь Пашуня?

Он посмотрел на меня спокойными светлыми глазами и так спокойно ответил:

— Они меня не берут. Говорят я толстый. А я один могу играть. с папой люблю дома...

А потом вприпрыжку побежал к деревянному домику, оторвал крыши сосульку и принес мне:

— Хочешь? Она вкусная...

После обеда нянечка расставила в комнате раскладушки, постелила — и дети стали укладываться спать.

Я ходила по тесным — на ребенка рассчитанным — проходам между постелями, укрывала мальчишек и девчонок одеялами, а они сразу сворачивались под ними в клубочек, как котята, или наоборот, вытягивались всем теплым душистым тельцем и, повторяя друг за дружкой, просили их похлопать тихонько по попке — "как мама". Только маленькая Машенька в голубой своей пижаме сидела на подушке и моргала сонными уже глазами. Я взяла ее на руки и опустила в постель, укрыла. Но когда, отойдя, обернулась — она опять, словно кукла, сидела на подушке.

— А Маша всегда так вредничает! — наядбедничала из-под одеяла Ленка Оралова.

Я подумала: "Пусть себе сидит, начнет усыпать — ляжет сама".

Однако моя педагогическая хитрость не удалась: прибежала Татьяна Григорьевна (пользуясь тем, что группа под моим присмотром, она успела обежать все соседние магазинчики), стала ругаться и, гашлепав Машеньку, заставила ее лечь на правый бок и положить руки под щеку. Мне она сказала;

— Чего ты с ними рассусоливать? Они тебе на шею сядут! Я тоже раньше не то что тронуть — крикнуть на них боялась. А теперь — хоть бы что! Зато порядок в группе!

И убежала опять по каким-то своим делам.

Зареванная Машенька долго ще всхлипывала, но пошевелившись боялась.

Предвесеннее солнышко гуляло о румяным свежим щекам и пушистым, повлажневшим слегка от

горячего сна макушкам малышей. Я сидела за столом, смотрела на них, на моих детей, и думала: "Вот я хотела уйти от взрослых, от их лжи и грязи, в монастырь. Я думала, что к детям уйду, как в монастырь. А они... Нет, они не ангелы совсем, хотя и такие душистые во сне... Просто у них глаза больше. Взрослые по сравнению с ними совсем безглазыми кажутся... Но они не ангелы. Ведь даже среди них есть..."

... И тут вдруг увидела, что одеяло, которым укрыт Паша Капскулькин, будто приподнято — на полметра примерно — над раскладушкой, и голова Пашина — не на подушке, а... в воздухе. Он пошевелинулся — и одеяло тихонько соскользнуло на пол.

"Боже мой! — воскликнула я про себя, — да он же во сне летает!"

Пашунька, крепкий и розовый, чуть покачивался в солнечном луче и улыбался, подрагивая пухлыми губами.

Я встала, стараясь не шуметь, подошла к нему, подняла одеяло с пола и укрыла его. Он вздохнул, но не проснулся. Через полчаса солнечный лучик переполз дальше, на ковер, и мальчик постепенно "приземлился", вернее, "припостелился", будто его бережно опустили чьи-то добрые руки...

* * *

— Ну как? — спросила мама, встречая меня у дверей нашего дома.

— Мама! Ура! Мама! Какое счастье! — мне трудно было подыскивать слова, и поэтому я решила говорить все напрямик, как есть: — Мама! У меня в группе есть синий вороненок!

”ПЕРЕ- ЖИТЬ!”

или Одно лето из жизни школьниц

Еще вчера, кажется, писклявая пионерочка отвечала мне в лифте со смешной и ненужной обстоятельностью на расхожие вопросы: ”По русскому языку пять, по математике четыре, по английскому тоже пятерка”. Образцовая девочка из хорошей семьи. И вдруг – девица! Да какая! Яркость роковой Сандры, усиленная откровенной косметикой, пластичность молодого зверька... Заглядишься. Глаза в поллица, волос – водопады.

– Наташа, сколько же вам лет? – на ”ты” у меня на сей раз не получилось.

– Четырнадцать... Скоро будет.

Хм... Значит, не так и быстро растут соседские дети, как вдруг мне показалось. Я осознала, что ту Наташу (что на ”ты” и об отметках) и эту разделяет всего лишь одно-единственное, обычное лето, то лето, которое я провела не в городе.

...Новая Наташа зашла как-то ко мне: ”Нет у вас литературы о Лермонтове? Завтра сочинение”. В другой раз заглянула за сигаретами: ”К брату пришли друзья, а в киоске нет”. В третий раз пересидела у меня час, пока роди-

тели не вернулись из кино: ”... была ключи, все забываю”. Не было неплохо вдвоем. Попили чайку, поболтали о том о сем. Ранила в возрасте нам не мешало.

Дружбой наши отношения назовешь. Но доверять друг другу люди могут, даже если один старше другого в энное число раз. Я почувствовала, у Наташи была такая минута, когда в исповедь кидаются как в спасение. Спросила: ”Можно взять у тебя интервью для журнала о том, что носишь в себе, ни с кем не обсуждая, анонимное, разумеется, откровенное?” – ”Откровенно т... откровенно,” – ответила Наташа.

Я: – Расскажи, пожалуйста, о самом тяжелом и о самом счастливейшем времени в твоей жизни.

Наташа: – Самое тяжелое – это сейчас. А самым счастливым у меня было прошедшее лето. После седьмого класса. Я тогда еще не понимала, что люблю, но все стало интересно. Я тогда познакомилась с Толей, и мы чудно проводили время. Разговаривали, ходили в кино. У нас еще не было настоящих отношений, но все меня волновало. Толя совсем взрослый парень, он старше меня почти

"Голова в голову", если переводить с французского буквально, но в наш язык это вошло как "вдвоем наедине". "Тет-а-тет" в нашем журнале – наедине со старшим другом. С друзьями-ровесниками приятно развлекаться, делиться разными переживаниями, но возникают такие моменты, такие ситуации, когда остро ощущается потребность в слове, взгляде, опыте, поддержке старшего – взрослого человека. Такого, чтобы можно довериться.

а пять лет. Абсолютно взрослый. Все знал, все прошел. А я совсем девочка. До сих пор удивляюсь, то его ко мне потянуло. "Я думал, ты старше", – сказал он мне после.

Я: – Это первый парень, который тобой заинтересовался?

Н: – Нет, у меня в пятом классе была ужасная любовь. Мальчик был тоже старше, из седьмого, и зимой на горке, когда мы друг друга сталкивали вниз, вдруг обнял меня и в щеку поцеловал. А после... ничего. Будто ничего не было. И я ужасно мучалась: как это? Было – и нет. Но теперь я знаю точно, что Толя у меня перелюбовь, а то было просто влечение. Как определила? Ну, в первых, я не могу от нынешних отношений ни на минуту отойти, отключиться, а во-вторых, эти отношения настоящие. Такие бывают у женщины и мужчины. Было все...

Я: – Было?

Н: – И есть. Толя звонит. Но... это не имеет смысла, потому что ненадежно. У него появилась девочка. Нет, я не плачу, это просто везы сами собой... Красивая, взрослая девочка. Это сначала я ужасно переживала. А после он

как-то пришел и сказал, что я лучше, чем она, но она ему нужна. Он давно относится к девочкам по-взрослому. И ко мне тоже. Когда есть возможность, я приезжаю к нему. Но у меня есть и совсем другая, детская, жизнь: дом, мама, папа, школа одна, школа художественная. И все это так трудно совместить!

Я: – А какая жизнь у него? Чем он занимается? Он интересный человек?

Н: – Не знаю. Не знаю. Не думаю. Мне с ним хорошо, как ни с кем. Но это не потому, что там начитанный или особо умный. Он типичный современный молодой человек, маме бы такой не понравился. Получше, конечно, тех, что на мотоциклах катаются, но... Он высокий, красивый, любая с ним будет. Пожалуй, на лицо он не очень хорош, так мне поначалу показалось. Но, честно говоря, лицо это сейчас я просто обожаю.

Он поступил в институт на вечерний. В первый попавшийся, названия даже не помнит, шарага какая-то. После сломал руку и взял академический, а теперь и вовсе не хочет возвращаться. Работать пока не работает. Мама у

него учительница, папа – начальник монтажного треста. Живут обеспеченно. Машина есть, и дом ухоженный. Правда, я теперь редко бываю у него дома, он звонит все реже. Сначала я очень переживала, а теперь хватает всего нашего прежнего. Вспомнишь – и хорошо. А как о нынешнем подумаешь... Иногда измучаешься от того, что там внутри у тебя происходит, что болит, тянет. Думаешь: как это меня угораздило? Ну, зачем? Ну, за что? А после: нет, любить все-таки лучше, чем не любить. Я – сплошная эмоция, и не скажу об этом. Хуже, когда без любви вступают во взрослые отношения.

Я: – А так бывает? Давно поговорим о других. Ты же приме-

нительно к твоему (извини, подростковому) возрасту больше говорят и пишут о сексе. О любви, о страсти в тринадцать-четырнадцать лет у нас смутные представления. Где они, современные Джульетты? Существуют? Перевелись? Повзрослели? Скажи, другие девочки, твои подруги, любят кого-нибудь? Что некоторые занимаются любовью, это можно предположить. А вот любят ли?

Н: – Трудно сказать. У всех все по-разному.

Фото Анатолия ЗЫБИНА

У нас в классе некоторые говорят, что любят, но что они имеют в виду? Вот хорошая моя приятельница Инга. Она ребенок ужасный. Хотя выше меня в два раза. Спортивная, здоровая. У нее мама испанка, Инга черная, как галка. Глаза маленькие, губы огромные. Красоты нет, но мальчикам Инга нравится своей необычностью, и парень у нее мог быть очень красивый – Леня. Инга вся из противоположностей. Из семьи она артистической, остра на язык, обо всем судит по-своему, почти цинична, чуть-чуть груба. А с другой стороны, она романтична. Хотя романтика эта подпорчена чем-то несуразным, советским. Встречаю Ингу недавно утром. Я иду в школу, а она мне навстречу – с сумкой школьной, но в джинсах. "Ты куда?" – спрашиваю. "Я, – говорит, – поехала к Юре Шатунову". Не знаете Юру Шатунова? Он из "Ласкового мая". В этом ансамбле мальчишеские домовцы поют. Блеющими голосами, полудетскими, полувзрослыми. Плохо поют, и песни все дурацкие. Такие по смыслу: я тебя люблю, а ты меня не любишь. Так вот у Инги вроде бы с этим Юрой любовь. Но я в этом не уверена. Есть еще две девочки в школе, которые то же самое про себя и про Юру говорят. Будто бы он их на концерты приглашает, и за куписы, и к себе.

Я: – Ну, а как с сексом?

Н: – С сексом тоже по-разному. Сейчас стали писать об этом в газетах и журналах, и выглядит так, будто все и везде только сексом и озабочены.

Очень многое зависит от родительской семьи и от уровня жизни. Мы в ваш дом переехали с окра-

ины, соседями там у нас строители-лимитчики. Там у детей начинается раньше. Я давно пор встречаюсь с девочкой, с какой дружила в четвертом классе. У нее мать с отцом развелась. Мать вышла снова замуж, родила еще двух детей. В одной комнате живут Оксана (так зовут мою подружку), Оксанина мама, отчим, малышей. При Оксане взрываются, ругаются и еще кое-что занимаются. Оксана девочка хорошая, добрая, и сначала не уходила из дому к подружкам, потому что была лишней. Страдала, плакала. Первый парень был тупой по глупости, негде было скоротать вечер, вот и пошла. А после парней не сосчитать. Ей стало совершенно все равно с кем погулять, трешку или там за бутылку. Но ей денег совсем не дает. Оксана не учится и не работает. Юра не хочет чего-нибудь купить, Оксана просит у сожителей. Инга готова и без денег, но не от того, что ее это волнует, она достаточно равнодушна ко всему этому, различна. Побывать с парнем у нее все равно, что зубы почистить. За деньги, от скуки.

Я пыталась ей помочь. Упрямая была, чтобы она восьмилетку окончила, после в техникум пошла, занимала бы профессию. Но Оксана так наглоталась нищеты, мишура для нее – это все. Юра там какая или клипсы. Она говорит, что никогда не сможет заработать сто рублей, а у нас только это и светит в конце учебы, эта сорок сотня.

Я: – Это крайний случай?

Н: – Да. В нашей школе так чернухи нет. Никаких там групповых сборищ и проституции.

А в школе, знаете, многое зависит, как в каком классе поведется. В десятом почти сплошь девочки, а у нас в седьмом только четыре, остальные уже имели партнеров. Но это не значит, что любят. У Инги, которая "любит" Юру Шатунова, все было с Леней. Но как-то случайно, по-дурацки, по-детски. Он пришел к ней уроки делать, они стали играть, подушками диванными кидать друг в друга, силой меряться, ну и так далее. Она очень боялась забеременеть. Пронесло.

Я: — Кстати, как с этой стороны дела?

Н: — Здесь все четко, если идешь на близость сознательно. Можно купить хорошие таблетки импортные. Правда, с рук и не за дешево. Но если очень надо, деньги найдутся. Хуже, если по пупости или по пьянке.

Я: — А где встречаются девочки мальчики?

Н: — Где угодно. На детских площадках, в беседках и качалках, одвалах, на чердаках, в парках. О я так не могу. Не все так могут.

Толиной девчонки нынешней ать работает на заводе, по часам, потому они могут спокойно поить вместе. И в этом она очень играет по сравнению со мной. У меня, как вы знаете, мама дожик и папа тоже, и они почти е время дома. И еще брат. Это кая неприятная и неприличная проблема, но от нее очень много висит.

Если бы я могла жить отдельно! всех! На Западе девушка или рень могут подработать и снять мнату. Или прийти в гостиницу вечер. Я бы все отдала за своюду.

У меня очень хорошая семья, вы

правы. Но я не люблю свой дом. И не люблю быть дома. Я в нем переживаю и готова уйти куда угодно, лишь бы не проводить время там, где себе не принадлежишь.

Мне говорят: тебе лучше, чем другим: у тебя есть своя комната. Но дома-то своего нет! Не вставишь замок — стыдно. И все теряет смысл, если в любую секунду ты под присмотром. И мысли твои под присмотром. Я иногда чувствую потребность записать, что со мной происходит. Страшно, если найдут. Со стороны это ужасно выглядит, вся моя история: она на все готова, а он ее не любит.

Я: — Ты знаешь, что Анатолий тебя не любит? Вы объяснились с ним? Ты призналась в своем чувстве?

Н: — Да, я первая призналась, что люблю, потому что он уже и так знал: это вытекало из моих поступков. А я уже знала, что он меня не любит и не полюбит никогда. Так что само объяснение прошло спокойно.

Я: — Тебя это не сломило, не унизило?

Н: — Если тебя человек не любит, это не оскорбительно. Это факт и все. Я уважаю его чувство и даже его отсутствие. Просто очень обидно, что так. Обидеть себя я не позволила бы. Но мне хоть в этом повезло. Мой первый парень очень добрый и деликатный, он ничем меня ни разу не оскорбил. Он хорошо ко мне относится, он мне благодарен, он меня уважает и жалеет. Но он меня не любит. Он говорил, что не может полюбить. А потом... Я и сама вижу, как мы по-разному друг к другу относимся. Я же сама люблю и знаю, как это бывает.

Я: — Сказывается разница в возрасте. Позже она была бы неважной. Скажем, тебе восемнадцать, ему двадцать три...

Н: — Не утешайте меня. Можно ждать и надеяться, если любит. Здесь же... Здесь надо пережить. Пережить! А как?

Я: — Как? У тебя есть на что, на кого опереться? Что тебя спасает, что помогает? Ну, скажем, женская дружба. Ты делишься с кем-либо из подруг своими проблемами?

Н: — Нет. Все в себе. Первый раз — вам.

Я: — У тебя есть старший брат...

Н: — С братом я своими проблемами делюсь, но как-то не по-настоящему. Теоретически обсуждаю проблемы, но обсудить собственной ситуации не могу. Он обо мне многое знает, кроме самого главного: как далеко зашли мои отношения с любимым человеком, как я в них погрязла, как я не могу быть без Толи. Я не люблю... Разве он способен понять такое? У брата вообще этого мира нет, хотя ему девятнадцать. Он живет своей живописью и ожиданием постоянным. Вообще, мне кажется, он относится к женщинам чересчур романтически, его за это жизнь била и еще ему предстоит многое. Брат очень застенчивый, очень деликатный, хорошо иметь такого старшего брата. Но психологического барьера преодолеть не могу, чтобы стать откровенной, он все-таки мужчина. И весь в других планах. И для него я такая же сестричка, такой ребенок, как для родителей.

Я: — Ну, с папой и мамой тебе тоже повезло.

Н: — Да, они хорошие люди, но они с предрассудками. С прочны-

ми тяжелыми предрассудками, которые преодолеть не могут. Жет, я заелась, как говориться жет, я не знаю других... С папой могла бы быть ближе, но он занят, и у него одно желание — от всего "такого" оградить маму... Она наступательна. Не все. Не имеешь права! Когда у нас будут дети, я не стану стоять между ними и нормальной жизнью. Это смешно. И — утомительно.

Как-то вечером вдруг позвонил Толя. Я помчалась к нему, бещав скоро вернуться (чтобы приставали и не задерживали). Мы были одни, и нам было хорошо... Время бежало. Я не позвонить, телефон вот он, рядом, только протяни руку. Я знала, они волнуются, переживают, чаются. Но не стала звонить. Потому что знала, просто слышала наяву, что мать начнет мне говорить. Слово нарушила, уроки сделала, ведро мусорное не неслась.

Все было, как я и предполагала. У мамы стало плохо с сердцем. Она потеряла себя и позвонила одной моей подруге, которую очень не любит. Стала ей выговаривать, зачем та меня портит прочее. И матери этой девочки много неприятного наговорил виновата, что так вышло. Но милой Толей были на другой планетой. Стоило мне поднять трубку, все кончилось.

Я пришла тогда домой разбитой. Мы еще с Толей немного выпили и свалилась спать. Разговаривать не могла: щеки горят, ничего не понимаю. А утром первая мысль — виновата. У меня перед родителями всю дорогу чувство вины. Вина эта отравляет жизнь.

А если не вина, то злость и о

да. Недавно произошел у нас очень неприятный случай. Мама, правда, раскаивалась, просила у меня прощения. Мы с Толей поцеловались первый раз, когда, я была потрясена и просто не могла записать все, как было. Мама ашла мой старый дневник и устроила мне безобразный скандал. Если бы она знала про мои сегодняшние дела?

Хочется одного: чтобы оставили в покое. Мама страстная, и эту свою страсть направила на меня. А ведь у нее есть чем жить, она любит папу, она хороший художник, но она живет мной. Папа орет, ея живет, она же – мной. Мне это не нужно, неприятно. Она думает, что я такая девочка, я в колокольчиках, только отсти меня и пропаду, наделаю упостей.

...А я все дрова, какие можно, е наломала. И не жалею об этом. Идет моя собственная жизнь, и она получилась вот такая. Кстати, почему мама бывает такой жестокой? Заходит как-то в мою комнату, а я плачу. Ну, из-за этого, конечно. А мама мне говорит: "Я в твои годы не плакала. И я же – тоже. Что мне было плакать из-за любви. У меня было все нормально. Папа меня любил и за последние три года бегал, прежде чем пожениться. Только через год после знакомства мы в первый раз влюбились, и было мне тогда девятнадцать лет". Я говорю: "А мне тринадцать лет, что ты плачешь? И меня никто не любит. Как?! Ты что?! Унижение! Здрт!

– Скажи, Наташа, ты ни о чем не жалеешь?

– Я уже говорила – нет. Впрочем, жалею об одном. Что загу-

ляла недавно с другим парнем, не с Толей. Это, чтобы от Толи отделаться. Последняя попытка была. Есть такой метод, клин клином. Другие пользуются. Но это ужасно. Мне не подходит. Я поняла, что больше никогда... И мальчик неплохой, симпатичный, и в меня влюблен. А вспомнить тошно. Я теперь даже успокоилась. Будь как будет! Не могу избавиться от Толи, и все.

Трудно представить, что я кого-то полюблю. Нет, у меня, конечно, будут ребята, будет семья, дети... Но первая любовь очень тяжелая.

Иногда такое состояние бывает, что я бы в петлю полезла. Остаток навливает мысль о маме. Она такая, что жить не станет.

Я: – Ну, избави Бог! Давай – о будущем. Как ты видишь свою жизнь в ближайшие пять-десять лет?

Н: – Никак. Раньше всегда планировала, мечтала, а теперь... Дотяну, может, восьмой класс, в девятый точно не пойду. У меня текущих двоек коллекция. За четверть будут, конечно, тройки. Это у меня, вечной отличницы. Как можно жить школой? Я прихожу в школу: хороший класс, хорошие девочки, которые не любят меня. Но это мертвая зона, где ничто не трогает душу. Мне здесь давно неинтересно, и учиться мне неинтересно. И читать совсем не могу, и нового ничего узнавать не хочу.

Я: – А в художественной школе тебе тоже скучно?

Н: – Здесь лучше. Здесь мое дело, и я это чувствую постоянно. Работа воплощается сразу, это всегда дает удовлетворение. Но в смысле общения и здесь – пустыня. Да и в душе мало что оста-

ется для дела. Любовь моя отнимает все силы, все утекает туда – в воспоминания, в безнадежность, которая прокручивается снова и снова. Не могу подключиться к полотну. Кроме Толи мне сегодня жить нечем.

Я, конечно, заполняю время, оно такое бесконечное! Хожу в кино, рисую, пишу этюды, уроки иногда делаю. Но, если честно, это все мне не нужно и ничего не дает.

После первой моей, пятиклассной, любви я спасалась музыкой. Я еще училась в музыкальной. Играла часами, хотелось выразить свое состояние. Я была переполнена грустью, нежностью, мечтами. А сейчас ничего не хочется. Одного только: пусть там, внутри, все остановится.

Пробовала курить. Но это занимает только руки. Сидишь, делать все равно ничего не можешь, возьмешь сигарету... Бросила. Толку мало, а здоровье губишь.

Не знаю, может быть, помогли бы наркотики. Наверное, большинство наркоманов начинает с этого. Когда внутри ад, и ничего не сделаешь с ним... Один раз напилась с девчонками, но это не то. А наркотики – боюсь, да и понимаю: пустое это.

Мечтаю купить плеер, лечь под одеяло с головой и слушать. Ту музыку, про которую мама говорит: "рок-дрянь". А мне она единственная помогает. Следишь за мелодией, проясняется идея. Причем сейчас у меня идут не столько советские группы, хотя недавно меня некоторые интересовали, слова были важны и социальные проблемы. Нет, сейчас лучше западные... Хорошо влезть в ритм и забыться. И чтобы музыка

была не однотонная, не та, что мозгам бьет, – а чтобы текла, галась, переливалась, ласкала ухо. Забыться и отдохнуть себя...

Вот какое получилось интервью...

После нашего разговора с тобой прошло больше месяца. Осень вошла в предзимье. Как-то вечером увидела Наташу у метро. Езда с высоким парнем. "Наташа, Толя", – подумала я. Она держалась рукой за кожаную перчатку, маленькой рукой за другую и холодную перчатку, и смотрела на парня снизу вверх. Но она не заметила.

В другой раз я встретила ее на улице. Она шла одна под проливным дождем, ничего не видя. Я стала окликать ее.

И мне, не умеющей молчать, вдруг захотелось кого-то поговорить: сделай так, чтобы ей стало легче, помоги перейти тот отрезок пути, который ей кажется тупым. О, эти безысходные несчастья! Несовпадения во времени, несовпадения в чувствах... Последний раз заводят они к краю пропасти, но в первый раз – первое – самое трудное.

В следующий раз опыт пережить чувства поможет. Поражения не будет – наш иммунитет. Они не разрушат качества, какие позволяют повладеть ситуацией. Но когда впервые... Неслучайно первая любовь почти всегда и почти всех несчастна.

И все-таки пусть она будет. Страшно, когда без чувства, но все – мимо и просто так. Мимо, где только образуется точка роста, но без любви ее не будет.

Инна КОШЕЛОВА

Василий Аксенов — человек из того времени, когда у всех нас — у поколения — на головах было полно волос, во ртах полно зубов, когда мозги наши были запудрены идеями свободы, провозглашенными на XX съезде, — из конца пятидесятых — начала шестидесятых. Это было время большого литературного сбора, как будто где-то на высоком месте стоял трубач, трубил в трубу, созывал: "Эй, ребята, кто там написал непечатное, тащите сюда!" Новые литературные имена появлялись с той легкостью, как нынче цифры и буквы на табло: "принято", "не принято". Образовалась целая плеяда имен — наши шестидесятники; за каждым выстроилась судьба. Назову только два имени из плеяды: Казаков и Аксенов. Казакова не стало — естественный ход вещей. Одно время казалось, что и Аксенова не стало, хотя вполне живой его, очень знакомый голос звучал по вечерам на знакомых волнах...

Василий Аксенов к нам возвратился, он снова всплыл на горизонте нашей словесности, как тридцать лет тому назад. И можно к нему обратиться словами заголовка одного из его рассказов: "Жаль, что вас не было с нами". Но я хочу сказать другими словами, по праву принадлежности к одному поколению, по праву нашей с Аксеновым давней дружбы, слава Богу ничем не омраченной с годами: "Как хорошо, дорогой Вася, что ты наконец возвратился, мы по тебе так соскучились!"

Глеб ГОРЫШИН

Василий АКСЕНОВ

МОЙ ДЕДУШКА — ПАМЯТНИК

*Повесть об удивительных приключениях
ленинградского пионера Геннадия Стратофонтова,
который хорошо учился в школе
и не растерялся в трудных обстоятельствах*

ПРОЛОГ

Я познакомился с Геннадием несколько лет назад в Крыму, на берегу Коктебельской бухты, что недалеко от Феодосии. В парке уже заиграла музыка, уже зажглись фонари и всякого рода мошкара повела вокруг них свой бессмысленный, но красивый танец, а скала Хамелеон на восточном берегу бухты все еще была освещена закатным солнцем. В свою очередь молодой месяц уже висел в зеленоватом небе над горой Сюрюккая. Гора эта на первый взгляд кажется осколком луны или какой-нибудь другой безжизненной планеты, но, приглядевшись, можно заметить, что она напоминает и тот профиль, который великий Пушкин часто рисовал на полях своих рукописей.

В тот год море съело коктебельские пляжи почти до самой бетонной стены, и для отдыхающих были устроены над водой дощатые помосты. Вот по такому помосту я и разгуливал почти в полном одиночестве, размышляя о морских животных, о горных цветах и минералах, о гонимых марках, автомобилях и о спортивных соревнованиях, потративших тогда все цивилизованное человечество.

Кроме меня, на помосте находился лишь один человек — рослый плечистый мальчик с умным и привлекательным лицом. Опершись на перила, он задумчиво смотрел в море, где по гребням бойких, безпорядочно прыгающих волн еще скользили розоватые блики заката, где иногда мелькали острые плавники дельфинов да кто-то мощно плыл стилем баттерфляй.

Пловец этот привлек мое внимание. Из воды ритмично вырывалась могучая спина. Взмахнув огромными руками, пловец бросался грудью на очередную волну и двигался вперед с удивительной скоростью.

— Не знаете, кто это там так здорово плавает? — спросил я мальчик.

— Это моя бабушка, — тихо ответил он.

— Бабушка?! — вскричал я. — Это удивительно.

— Ничего удивительного, — возразил мальчик. — До Великой Отечественной войны она была чемпионом Осоавиахима в плавании на сто метров баттерфляем. И по прыжкам с трамплина, — помолча добавил он.

Едва справившись с изумлением, я осторожно спросил:

— А во время войны?

— Во время войны ей пришлось, как и многим другим летчицам, служить в бомбардировочной авиации.

Бабушка тем временем совсем исчезла в быстро темнеющем море. Я покосился на мальчика. Он смотрел прямо перед собой за еще раз видимую черту горизонта. Отблеск молодого месяца стоял в его глазах. На груди его я заметил висящий на толстой цепочке якорек с прицепленной к нему старинной монетой, похожей на испанский дублон XV века.

— А вы почему не плаваете со своей бабушкой? — спросил я.

Он пожал плечами.

— Да так, не хочется...

— Может, не умеете?

Он быстро взглянул на меня и усмехнулся:

— Просто мне надоело плавать. За последний год мне это занятие немного прискучило.

Что-то таинственное послышалось мне в его голосе, когда он произнес эту довольно странную для мальчика фразу. Еще раз я посмотрел на него, и мне показалось, что он сейчас находится не на коктебельском пляже, а где-то в другом месте, где-то далеко, очень далеко, очень...

— А вы, я вижу, писатель, — проговорил он.

— Как вы догадались? — вновь поразился я.

— А вот у вас мозоль на указательном пальце правой руки. Такие мозоли есть у всех писателей. Конечно, у тех, кто пишет.

Удивлению моему не было конца.

- Позвольте, но как вы увидели эту мозоль в такой темноте?
- У меня довольно острое зрение.
- Ну хорошо, а если бы я писал на пишущей машинке?..
- Тогда я догадался бы по другим признакам.
- Фантастика! — воскликнул я. — Вы меня не разыгрываете?..
- Геннадий, — назвал он свое имя.

Я тоже представился.

— Я достаточно хорошо воспитан, Василий Павлович, — сказал Геннадий, — чтобы не разыгрывать взрослых. — Он глянул в ночное уже море. — Бабушка возвращается.

В темноте слышались только музыка и голоса из парка да плеск волн.

- Все-таки разыгрываете меня, Геннадий...
- Да нет. Она уже в десяти метрах... Плышет под водой.
- Может быть, вы видите ночью, как днем? Может, вы так называемый никтолоп? — воскликнул я.
- Вы угадали, — просто ответил Геннадий.

Несколько секунд спустя бабушка с шумом вынырнула возле самой лестницы.

- Генаша, ты здесь? — спросила она низким девичьим голосом.
- I'm here, граппу! — ответил Геннадий с идеальным английским произношением и добавил на незнакомом мне языке: — Хава свимматоре ю лер?

— Бундербул вера оччи! — с жизнерадостным смехом ответила на том же языке бабушка и стала легко подниматься по лестнице.

Она была похожа на сильно увеличенную копию известной скульптуры "Девушка с веслом", но вблизи, однако, можно было разглядеть в ее лице следы былой красоты.

— Познакомься, бабуля, — сказал Геннадий. — Это писатель Василий Павлович.

— Очень приятно, — пророкотала бабушка, протягивая мне мокрую руку. — Стратофонтова Мария Спиридоновна.

От нее пахло водорослями и здоровьем.

— Пойдемте к нам чай пить, — предложила она.

До утра засиделись мы тогда на веранде их дачи, и из рассказов Марии Спиридоновны и Геннадия сложилась такая поразительная история, что я счел своим долгом пересказать ее тебе, любезный читатель. Дай руку, мой благосклонный друг, и мы вместе вступим в мир удивительных приключений, которые, оказывается, еще происходят на нашей цивилизованной планете.

Глава I,

*из которой доносятся до нас звуки раннего детства
Геннадия Стратофонтова и скрежет учительских ручек,
выводивших в его дневнике многочисленные пятерки*

Геннадий Стратофонтов родился в начале пятидесятых годов в Ленинграде, на улице Рубинштейна, от незаурядных родителей. Отец его был скромным работником почтамта и вместе с тем заслуженным

мастером спорта по альпинизму, участником штурма многих заоблачных пиков. Маму его, скромного библиотекаря, по примеру свекрови увлекло еще выше — в небо, откуда она постоянно совершала затяжные парашютные прыжки в кислородной маске. В связи с этими увлекательными занятиями родители Геннадий часто оставался один, но отнюдь не скучал. Еще в очень раннем возрасте он научился понимать и уважать папу и маму и предоставил им полную свободу действий.

Часами бродил крошечный мальчик по огромной квартире, не выпуская из рук любимую книгу "Водители фрегатов". Квартира была темноватой и таинственной. Большие зеркальные окна ее упирались в стену недавно построенного желтого дома, похожего на чертога султана Мальдивских островов. Мутноватый желтый свет падал на слегка подернутые пылью конторки, пуфы, глобусы, барометры и секстанты. В столовой висел поясной портрет далекого предка Гены адмирал Стратофонтова, известного путешественника, человека широких передовых взглядов, прославившегося тем, что в 18... году он на своем клипере "Безупречный" загнал в залив Сильвер-бей эскадру кровавого пирата Рокера Буги. Гена часто останавливался перед портретом предка, смотрел на узкое лицо в пушистых бакенбардах, на голубые океанские глаза и тихо говорил:

— Здравствуй, дедушка. Позволь представить тебе моего друга адмирала Ивана Крузенштерна. Ах, вы знакомы? Ты служил на его шлюпе еще гардемаринком? Очень рад. А вон сидит в кресле другой мой друг — капитан Джеймс Кук, а возле глобуса стоит Дюмон Дюрвиль, а там, у окна, Лазарев... Все мои друзья — безупречно храбрые и благородные сердцем люди.

"А где твои родители, Генаша?" — спрашивает адмирал.

Геннадий тогда включил радиоточку, и она сразу же сообщала женским голосом: "Новости спорта. Вчера группа альпинистов во главе с известным спортсменом Эдуардом Стратофоновым приступила к покорению очередного безымянного семитысячника на Памире". И мужским голосом: "Мастер парашютного спорта Элла Стратофонтова идет на побитие мирового рекорда американки Мэрилин Бушканец".

Адмирал одобрительно качал головой.

Вечерами Геннадия навещала Унг-Ма, супруга вождя дружественного племени, точнее, соседка Полина Сергеевна. Она кормила мальчика печеными крокодильими яйцами, дюгоньим молоком, дикой козлятиной. После ее визита Геннадий читал "Водители фрегатов" и энциклопедию, совершенствовался в английском языке, а потом отправлялся в далекую экспедицию, то есть в постель. Утром он самостоятельно уходил в детский сад, в свою группу, которую снисходительно называл в письмах к родителям "моя малышовка".

Иногда под окнами Стратофоновых останавливался "газик", из него выпрыгивала затаенная в голубую форму Аэрофлота бабушка. Геннадий очень любил свою бабушку. Та пылала к нему еще более сильным ответным чувством. Друзья могли часами сидеть на диване и беседовать. Бабушка рассказывала внуку о горячих денечках, о воздушных

боях над Кенигсбергом и Берлином, знакомила его с новой техникой, а внук пересказывал бабушке прочитанные книги.

Наконец, когда Геннадий перевалило за шесть, на Памире и Тянь-Шане не осталось безымянных семитысячников. Вернулся папа. Мировой рекорд заносчивой американки был побит путем приземления точно в крест с высоты 22000 метров. Вернулась мама. Управление ГВФ в торжественной обстановке проводило на заслуженный отдых бабушку. Семья зажила дружно и содержательно.

Время шло. Геннадий успешно овладевал школьной программой, увлеченно работал в пионерской организации, много времени уделял искусству и спорту, может составить впечатление, что он был совершеннейшим пай-мальчиком, эдаким занудой-тихоней, образцово-показательным любимчиком педагогов. Должен прямо сказать, что такое впечатление было бы неверным. Ничто человеческое было ему не чуждо. Он никогда не отказывал себе в удовольствии трахнуть портфелем по голове какого-нибудь юного прохвоста, обидевшего одноклассницу Наталью Вертопрахову, часами мог мять в снегу наперсника детских забав Вальку Брюквина — словом, он рос совершенно нормальным мальчиком. Успехи же его были вызваны недюжинными способностями и поразительной увлеченностью, с которой он подходил к каждому делу. Сверстники любили Геннадия за живой нрав, обширные знания и успехи в спорте. У него было много друзей и среди взрослых — почтовые работники и библиотекари, альпинисты и парашютисты, военнослужащие. Кроме того, у него было несколько блестящим английским, Геннадий поддерживал постоянную переписку с мальчиками из Великобритании, Нигерии, Новой Зеландии, Танганьики...

Надо сказать, что к двенадцати годам Геннадий перешел уже к классической литературе. Властителями его дум стали Пушкин и Гёте, Толстой и Шекспир. Зачитанная до дыр "Библиотека фантастики и приключений" к тому времени покрылась тонким слоем пыли, и все-таки иногда юный эрудит останавливался перед портретом предка и тихо беседовал с ним о своих друзьях, водителях фрегатов, о тихоокеанских атоллах, о схватках с пиратами, о морских глубинах...

Года за два до того как начались главные события этой книги, Геннадий, ему шел тогда одиннадцатый год, познакомился с Николаем Рикшотниковым. Произошло это в Доме культуры промкооперации на сеансе одновременной игры против гроссмейстера Михаила Таля.

Гроссмейстер нервничал. Почти не думая, он делал ходы, то и дело тревожно поглядывая на лобастого симпатичного мальчика в белом свитере, сидящего за десятой доской.

"Неужели он примет жертву? — думал Таль, покусывая тонкие губы. — Боже мой, неужели он примет жертву?"

— Примете жертву? — спросил Геннадия сосед слева.

Геннадий посмотрел на него. Это был мужчина лет 27-30, с худым до черноты загорелым лицом, с умными и очень живыми глазами, с

небольшим шрамом на лице возле носа. Одет он был в обыкновенный серый костюм, но на левой руке у него были массивные часы странной треугольной формы, а правую руку, слегка прикрывая большой растрепанный шрам, обхватывал браслет, сделанный то ли из ракушек то ли из зубов какой-то глубоководной рыбы.

"Любопытный молодой человек", — подумал Геннадий и ответил:

— Да, приму.

— Не кажется ли вам, что здесь таится ловушка? — спросил сосед.

— Вы же знаете эти жертвы Талья. Как начнет потом шерстить!

— Я все продумал, — спокойно сказал Геннадий. — Никакой ловушки нет. — Он мельком взглянул на позицию соседа. — А вот вам грозный мат.

— Как?! Где?! Не может быть! — воскликнул сосед, судорожно опираясь на ладони, чтобы не потерять позицию и прошептал: — А ведь верно...

— Спрячьте пешку е-7 в карман, — посоветовал ему из-за плеча Геннадия сизоносый дородный мужчина, от которого исходил какой-то странный, совершенно незнакомый мальчику запах. Так пахнет, должно быть, смесь одеколона и вчерашнего винегрета.

Геннадий возмущенно посмотрел ему прямо в глаза.

— Как же вам не стыдно?! — ломким голосом воскликнул он. — Неужели вам не стыдно? А еще мастер спорта!

Сизоносый под его взглядом запыхтел, покрылся пятнами, опустил голову, прикрыв трехэтажным подбородком мастерский значок, вытащил из кармана две тальевские пешки, коня и ладью.

— Возвращается, — шепнул Геннадия сосед слева.

Геннадий повернул голову и поймал обращенный к нему жгучий тревожный взгляд экс-чемпиона мира. Быстро делая ходы, Таль приложилась к Геннадия. В зале слышались глухие рыдания побежденных и звонкий смех редких счастливых, сделавших ничью. Матч на досках близился к концу. Геннадий снял пешкой белого ферзя и спокойно стал ждать.

— Вам мат, — горделиво сказал Таль сизоносому, шагнул к Геннадия, окинул взглядом доску, вздрогнул и, глубоко заглянув в глаза мальчику, прошептал: — Поздравляю с победой.

В зале поднялся ужасный шум. Таль стоял, опершись на стол, и покачивался то ли от усталости, то ли от огорчения.

Сосед слева крепко пожал руку Геннадия.

— Какой вы молодец! Поздравляю!

В гардеробе загорелый сосед подошел к Геннадия. Был он уже в замысловатом кожаном полупальто с многочисленными "молниями" и в рыжей забавной кепочке.

— Еще раз хочу выразить вам свое восхищение, — сказал он и представился: — Рикошетников Николай Ефимович.

— Геннадий Стратофонов, — отрекомендовался наш герой.

Они вместе вышли на улицу. Здесь их обогнал сизоносый. Обернувшись, он смерил Геннадия уничтожительным взглядом и хохотнул.

— Тоже мне! Яйца курицу учат! А ведь, наверное, пионер!

Смех его был надменным и грубым, но в нем также чувствовалась обида и тоска. Кто знает, сколько надежд связывал этот человек с сегодняшним матчем!

Николай Рикошетников тут же взял его за локоть своей железной рукой.

— Немедленно извинитесь.

— Немедленно извиняюсь, — сразу же сказал сизоносый и неуклюже потопал к гастроному.

Геннадий и Николай Рикошетников медленно пошли по Кировскому проспекту к Неве.

— Стратофонтов... — проговорил Николай. — Вы знаете, что был такой путешественник Стратофонтов?

— Это мой предок, — сказал Геннадий. — Его портрет висит у нас дома.

— Вот это удивительно! — воскликнул Николай. — Ведь адмирал Стратофонтов был любимым героем моего детства. Никогда не забуду описание его битвы с эскадрой Рокера Буги! Может быть, благодаря Стратофонтову я и пошел в мореходку?

— А вы моряк?

— Да. Я капитан научно-исследовательского судна "Алеша Попович".

Сердце Геннадия часто забилося.

— Да вы же, наверное, избороздили всю Океанию?

— Да, избороздил, — скромно ответил Николай.

Падал мягкий снег. Он покрыл уже скаты и парапеты Петропавловской крепости, тротуары и перила моста.

Внизу колыхалась тяжелая невская вода. За Дворцовым мостом мигали огни большого крейсера, явившегося в город на Октябрьские праздники.

— Ну, а я просто школьник, — сказал Геннадий.

— Я догадался, — сказал Рикошетников, — Сейчас вы, Геннадий, просто школьник, но кто знает, может быть, со временем будете чемпионом мира.

— О нет, шахматная карьера меня не прельщает.

— Не обязательно по шахматам, может быть, и по другому виду спорта.

— В раннем детстве... — сказал Геннадий и взглянул на капитана, не усмехнется ли он. Нет, Рикошетников и не думал усмехаться. Чуть склонив голову, он предупредительно и серьезно слушал выдающегося мальчика. — ... В раннем детстве я мечтал стать моряком, — продолжал Геннадий. — Путешественником, как мой предок. Я, можно сказать, бредил Океанией. Но согласитесь, Николай Ефимович, какой смысл сейчас становиться путешественником? Ведь все уже давным-давно открыто, исследовано. Море стало вполне обычным... Эх, надо бы мне родиться хотя бы в XIX веке, а еще лучше в XVII!

— Вы и правы и не правы, — задумчиво проговорил Рикошетников. — Конечно, сейчас острова не откроешь, и лайнеры пересекают Атлантику за пять дней точно по расписанию. Но знаете, Гена, океан остается океаном, и все моряки это понимают. Он так огромен... у него непонятный характер... с ним шутить нельзя. Даже гигантские атомные субмарины иной раз пропадают в нем без следа. Вспомните "Трешер". Знаете, иной раз стоишь ночью на мостике, смотришь в море, начинается даже какая-то чертовщина мерещиться, кажется, что там, под тобой, на страшной глубине, есть какая-то совершенно неизвестная недоступная даже воображению жизнь. Большие глубины, Гена, практически ведь еще не исследованы.

Год назад мы работали милях в двухстах к востоку от архипелага Кьюри. Утром как-то выхожу на палубу — батюшки! — прямо под боком метрах в десяти чудовищная рыба величиной со слона. Яркая красная и будто светящаяся изнутри. Плывет на поверхности, тарачит жуткие буркалы, как будто бы пощады просит. Потом переворачивается на брюхо, и точка. Подняли мы ее на палубу. Наш главный ихтиолог чуть в обморок не упал. "Глазам своим не верю! — кричит. — Это же рыба намадзу!" Оказалось, что это полумифическая глубоководная рыба, существование которой ученые подвергали сомнению. В японских старых книгах говорится, что рыба намадзу предвещает землетрясение. Всплывает на поверхность и подыхает. Ученые считают это чистым вымыслом. Но между прочим, Гена, через три дня на Кьюри было сильное землетрясение...

— И вы попали в шторм? — спросил Геннадий.

— Ну нет! — засмеялся Николай. — Капитан Рикошетников уважает мифологию. Мы вовремя драпанули к Большим Эмпиреям.

— Большие Эмпиреи? — воскликнул Гена. — Да ведь это же...

— Совершенно верно, — сказал моряк. — Именно в районе этого архипелага началась многодневная битва "Безупречного" с пиратской эскадрой.

— Это чудовище Рокер Буги беспощадно грабил островитян! — гневно сказал Геннадий и сжал кулаки. — Он хотел свить на Эмпиреях свое гнездо.

— Не вышло! — выкрикнул Николай.

Капитан и школьник остановились возле памятника Суворову, по-прежнему смотрели друг другу в глаза и обменялись крепким рукопожатием.

... Ядро пробило фальшборт, шипящим яростным дьяволом прокатилось по палубе, калеча людей, разрушая предметы.

— Разрешите открыть огонь? — дрожа от возбуждения, спросил лейтенант.

— Еще не время, — спокойно проговорил командир.

Русский клипер несясь по узкому проливу вслед за пиратской эскадрой. Расстояние между ним и тремя неуклюжими, но сильно вооруженными барками неумолимо сокращалось...

— Он правильно сделал, что отрезал "Блу Вэйла" от двух других судов, — сказал Николай Рикошетников.

— А потом накрыл его залпом правого борта, — продолжал Геннадий Стратофонов.

... Гром канонады висел над прозрачными до самого дна прибрежными водами. Потревоженные осьминоги вылезали из темных расщелин. Дельфины возбужденно прыгали между водяных столбов, удивляясь веселой игре, затеянной их старшими братьями, жители Больших Эмпиреев живописными группами толпились на прибрежных скалах, наблюдая, как стремительный белокрылый корабль расправляется с их обидчиками, явившимися словно призраки кровавого XVI столетия в их просвещенный XIX век...

— Вот так-то, мистер Рокер Буги, — прошептал Геннадий. — Вот так-то. А ведь вы могли бы быть неплохим моряком.

— По некоторым источникам, капитану Буги удалось спастись, — сказал Николай. — Говорят, что он провел остаток своих дней на острове Карбункл.

Рокот мощного мотора вернул собеседников в наши дни. Возле памятника Суворову остановился автобус, и из него с беззаботным смехом вывалилась группа иностранных туристов. Щелкая аппаратами, куря табак, жуя и жужжа, европейцы подошли к памятнику полководцу, который в былые дни немало потрепал их пращуров. Внимание Геннадия и Николая привлек один из туристов, рослый сильный мужчина лет сорока. Пальто из дорогого твида обтягивало мощный торс, тяжелые, так называемые "вечные" ботинки оставляли в пушистом снегу широкие следы по меньшей мере сорок четвертого размера.

Чрезвычайно крупные черты лица, бананообразный нос, мохнатые гусеницы бровей, похожий на утюг подбородок находились в странном противоречии с единственной изящной деталью — аккуратно подбритыми усиками.

Держась несколько в стороне от группы, мужчина подошел к памятнику, осмотрел его, неопределенно улыбнулся. Под тонкими усиками мелькнул золотой зуб. Внимательные холодные глаза остановились на капитане и мальчике, чуть расширились, как у застывшего перед прыжком хищника, потом отъехали в сторону. В поисках сигарет мужчина похлопал себя по карманам, расстегнул пальто, и в мутном свете фонарей мелькнула галстучная заколка в виде попаты с припаянной к черенку старинной монетой, похожей на испанский дублон XVI века. Целкнула газовая зажигалка, и к запаху дорогого одеколona прибавился другой, странный, сладковатый, немного дурманящий запах.

"Сигареты с марихуаной", — догадался Николай Рикшетников. Капитан и школьник двинулись дальше. Отойдя несколько шагов от памятника, они, не сговариваясь, одновременно оглянулись.

В руке у незнакомца уже была плоская фляга толстого стекла. Небрю улыбаясь, он смотрел на все, что дорого каждому ленинградцу, аждому советскому человеку, да и просто человеку доброй воли, — а шпиль Петропавловки, на ростральные колонны, на арки мостов.

— На редкость неприятный человек, — сказал Геннадий.

У него еще в раннем детстве выработалась одна весьма полезная

привычка, некоторые мелькающие в толпе лица он усилием воли фиксировал в своей памяти. Так и сейчас: он прищурился на неприятного незнакомца, как бы сфотографировал его на всякий случай.

Этот вечер капитан провел в кругу семьи Стратофонтовых. Родители Геннадия, Элла и Эдуард, а также бабушка Мария Спиридоновна очаровали моряка. Он сразу угадал в новых знакомых людей своего круга, людей большого риска, безграничной храбрости и благородства. Так началась дружба капитана научно-исследовательского дизельного электрохода "Алеша Попович" с потомками адмирала Стратофонтова и прежде всего с всесторонне одаренным школьником Геней.

Под влиянием этой дружбы Геннадий вступил в клуб "Юный моряк" и вскоре стал там одним из первых активистов. Он научился обращаться с секстантом и гирокомпасом, прокладывать курс на штурманских картах, разбираться в логиях, в международном своде сигналов, грести, нырять с аквалангом...

Возвращаясь из своих дальних рейсов, Рикошетников немедленно являлся к Стратофонтовым. О, эти прекрасные вечера под медной люстрой, под благожелательным голубым взглядом адмирала! О, эти рассказы о трудной морской работе, о далеких портах Ла-Валетт, Дубровник, Джакарта, Перт, о дружбе и силе духа!

Между тем шли недели, месяцы и даже годы. Весной 1960 года, когда Геннадий окончил шестой класс, капитан Рикошетников прилетел в Ленинград из дальневосточного порта Находка.

— Сильно оброс "Попович" морскими желудами, — объяснил он. — Поставили его в док почиститься, чтобы не обижался.

Бабушка Стратофонтова в это время с невероятным упорством сооружала большой кремовый торт в честь своего любимца. Руки ее непривычные к женскому труду, плохо осуществляли грандиозные замыслы, но, как говорится, терпение и труд все перетрут, и вскоре мужчины общими усилиями водрузили на стол кремовое чудовище, похожее на контрольную башню аэродрома.

— Куда же вы теперь собираетесь, Николай? — спросила мама Эллы, когда башня была уже скрыта до основания.

Рикошетников смущенно хмыкнул и, глядя в скатерть, проговорил:

— Представьте себе, друзья... как это ни странно, но... все это лето мы будем исследовать прибрежный шельф в районе архипелага Большие Эмпиреи...

— Я! — вскричал при этих словах Геннадий и осекся.

— Что?! — вскричала бабушка и сжала под столом скатерть.

За столом воцарилось молчание, нарушаемое лишь сильным стуком Генашиного сердца. Потом все медленно повернулось к портрету адмирала. Адмирал мягко, отечески улыбнулся. Похоже было, что он все уже знал наперед.

— А почему бы и нет? — проговорил папа Эдуард, вспомнив горы.

— Я — "за"! — коротко сказала мама Эллы, вспомнив небо.

— Двух мнений тут не может быть! — покрывшись холодным потом, сказала Мария Спиридоновна и вспомнила все.

— В принципе это возможно, если будет ходатайство вашего клуба, — почесав затылок, сказал Геннадию Николай Рикошетников.

Через неделю после этого разговора новоиспеченный моряк Геннадий Стратофонтов в 17 часов 47 минут на набережной имени Кутузова совершенно случайно встретил одноклассницу Наташу Вертоправову, надменное существо, чем-то напоминающее морского конька.

Наташа была целеустремленной девочкой, каждый час ее был расписан по минутам, и ежедневно ее можно было случайно встретить на набережной Кутузова в 17.47 по пути из секции художественной гимнастики.

— А-а, Наташка, — рассеянно сказал Геннадий и остановился. — Привет-привет! Как дела?

— Ничего себе, — ответила Наташа, не прекращая движения. — Работаю по программе мастеров.

— Соревнования скоро?

— Ох и не говори! Волнуюсь страшно! В начале июня наша команда едет в Краков. Представляешь, в Краков?

— А я к Большим Эмпиреям подаюсь, на все лето в экспедицию, — сказал Геннадий. На судне "Алеша Попович"...

— Пожелай мне ни пуха ни пера, — сказала Наташа и протянула ему руку.

Он посмотрел в синие глаза и увидел там только пьедесталы почета и неверное мерцание будущей славы.

— Ни пуха ни пера, — пробормотал он.

— К черту! — с чувством сказала Наташа и стала стремительно удаляться.

Геннадий некоторое время смотрел ей вслед, потом отвернулся и едва не был сбит с ног бегущим Валькой Брюквинным.

— Валька, а я к Большим Эмпиреям подаюсь на "Алеше Поповиче"! — крикнул Геннадий, хватая его за плечи.

— Да? Ну счастливо! — Брюквин вырвался. — Приедешь — расскажешь!

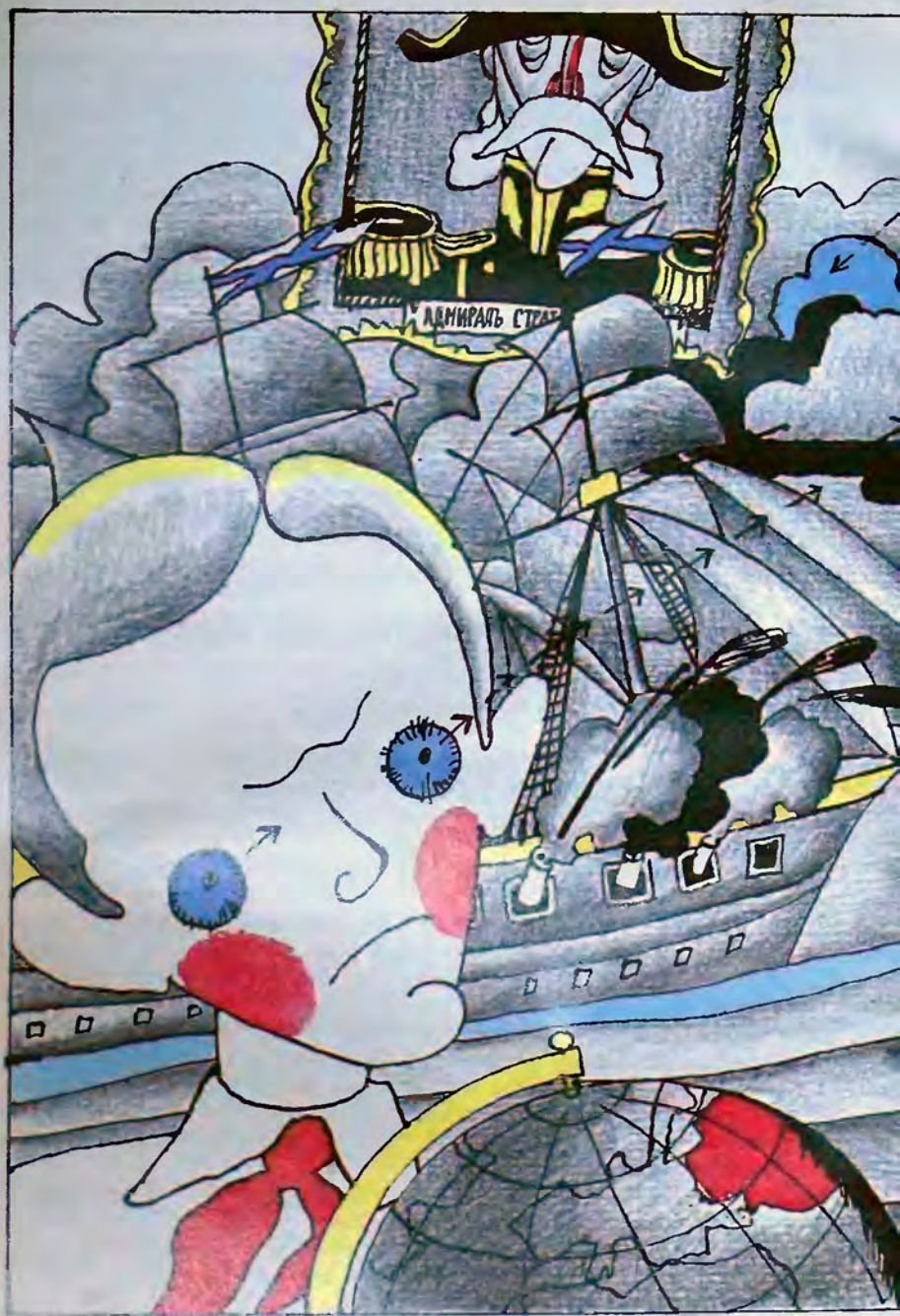
Не первой свежести подметки наперсника детских забав некоторое время еще мелькали перед недоуменным взором Геннадия, а потом застывали в предвечернем золотистом свечении, свойственном только одному городу на земле — Ленинграду.

На этом можно закончить вступительную главу. Впрочем... нет, я совершенно забыл сообщить любезному читателю об одном на первый взгляд пустяковом случае. Дело в том, что дня через три после первой встречи Геннадия и Николая Рикошетникова на адрес Стратофонтовых пришло странное письмо. На бланке гостиницы "Астория" крупно было начертано несколько слов:

«Mr. Stratofontov, esq. I'll never forget the Silver-bay. R.B.». («Господину Стратофонтову, эсквайру. Я никогда не забуду Сильвер-бей. Р.Б.»)

Папа Эдуард отправился тогда в "Асторию", чтобы выяснить, кто крывался под псевдонимом "Р.Б.". В книге гостей значилось:

"Рикардо Барракуда,

Рональд Бьюик,
Ростан Бизе,
Рао-Бзе-Бун,
Раматраканг Бонгнавилатронг,
Рихард Бурш
и Ростислав Боченкин-Борев”.

Все эти лица категорически отрицали свое авторство. Эдуард, протыженный, покинул “Асторию”, решив, что это розыгрыш друзей почтмейстеров или альпинистов.

Глава II,

*в которой слышится рев шторма,
безобразно хлюпает сваренный накануне борщ,
а в конце под пение скрипки булькает суп из каракатиц*

Невероятно, но факт: нос, казалось бы, окончательно утонувшего танкера вновь показался над водой.

Еще несколько минут назад рулевая рубка “Алеши Поповича” огласилась взволнованным криком Геннадия Стратофонтова:

— Он тонет! Николай Ефимович, танкер тонет! О! На помощь!

И впрямь: шедший с ними параллельным курсом японский танкер довольно быстро уходил носом под воду, пропадал в огромных волнах.

Вот уже наполовину скрылись под водой надстройки, вот уже только труба с размытым пятном иероглифа виднеется над водой...

— Николай Ефимович! — в отчаянии закричал тогда Геннадий, вдруг заметил, что все находящиеся в рубке смотрят на него с улыбкой, оскалил отменные зубы рулевой Баранчиков, улыбался старпом Давыдов, тактично прятал улыбку в пышные усы научный руководитель экспедиции член-корреспондент Академии наук, профессор Шлиер-Довейко.

Капитан Рикошетников, сидевший на высокой табуретке возле штабного стола, повернулся к юному лаборанту Гидробиологической лаборатории (именно в этой должности Гена Стратофонтов совершил путешествие к местам фамильной славы) и тоже улыбнулся.

— Не волнуйся, Гена, он не тонет. Просто сильная килевая качка. Оттуда с танкера, кажется, что мы тонем.

— А мы пока не тонем! — довольно глупо захохотал Барабанчиков и подмигнул Геннадию.

Нос танкера медленно, но упорно полз вверх; вот показалась верхняя палуба борта, и мелькнувшее на мгновение среди бешено несущихся туч солнце осветило все невероятно длинное тело гиганта.

Уже двое суток десятибалльный шторм трепал “Алешу Поповича”. Он налетел среди ночи через два часа после выхода из бухты Находки к утру набрал полную силу и больше уже не ослабевал в течение всего времени, пока “Попович” пересекал Японское море, держа курс на Суранамский пролив.

Геннадий, разумеется, за это время ни разу не прилег. Во-первых, это был его первый выход в море, во-вторых, первый в его жизни шторм, да еще и какой — десятибалльный! Вот ведь чертовское везение! Геннадий, весь в синяках, от стенки к стенке, падая в тартарары и вздымаясь под небеса вместе с палубой, облазил все судно. Конечно, забраться на койку ему мешало жгучее любопытство, но, кроме того, он опасался, как бы не поймала его в горизонтальном положении морская болезнь, как бы сосед по каюте, судовой плотник Володя Телескопов, не стал свидетелем позора.

Пока все было, как говорится, о'кэй! Глядя с ходового мостика на вздымающуюся перед "Поповичем" чудовищную, дымящуюся водяною пылью стену, Геннадий только лихо посвистывал сквозь до боли сжатые зубы. Нервы у него сдали лишь тогда, когда он увидел "тонущий" танкер.

Теперь все было кончено. Теперь все, весь экипаж, узнают, что потомок знаменитого адмирала на самом деле слабохарактерный салажонок, и ничего больше. Глубоко удрученный, Геннадий выскользнул из рулевой рубки, кубарем слетел вниз по трапу на вторую палубу, побежал по длинному, тускло освещенному коридору мимо кают, за дверьми которых слышались слабые стоны ученой братии, налег плечом на стальную дверь...

В лицо ему с невероятной силой ударил ветер. Судно в это время кренилось на правый борт, и страшная вихревая пучина была совсем рядом. Ударила какая-то партизанствующая волнишка величиной с кита, накрыла палубу, потащила Геннадия к фальшборту. Руки мальчика судорожно вцепились в планшир.

"Попович" медленно выпрямился. Вода, клокоча, уходила в портики. Геннадий сделал несколько шагов к корме и уцепился в стойку. Он оказался в середине судна, как бы в центре раскачивающейся доски. Здесь качка чувствовалась меньше. "Попович" зарывался носом, а орма быстро шла вверх, закрывая полнеба. Вот по всему корпусу рошла сильная дрожь — это обнажился винт.

"Позор, — думал о себе Геннадий. — Закричал, как заяц, как пероклашка! Нет чтобы проглотить сквозь зубы: "Не кажется ли вам, эварищи, что танкеру справа угрожает опасность?..."

Метрах в десяти к носу от Геннадия распахнулась дверь камбуза, и два чумаzych артельщика выволокли на палубу огромный котел со вчерашним борщом. Нельзя сказать, что во время шторма экипаж "Алеша Поповича" отличался повышенным аппетитом. Артельщики, однадужившись, подняли котел и вывалили его дивное содержимое в борт.

Вслед за этим произошло странное событие. Борщ, наваристый тарно-багрово-зеленый борщ, не ухнул, как ему полагалось, в пучину, в силу каких-то необъяснимых аэродинамических вихревых причин висел теперь перед Геннадием громадным переливающимся шаром жировой бородой. Янтарные капли уже долетели до лица юного боранта.

— Вот борщ, — медленно подумал Геннадий. — Вот вчерашний борщ и он висит. Ой, нет — он движется! Он, он движется прямо на меня! Ой!

Борщ, повисев в воздухе несколько мгновений, ринулся на Геннадия. Вскрикнув от ужаса, мальчик бросился наутек к корме. Артельщики, разинув рты, наблюдали эту невероятную сцену. Геннадий со скоростью спринтера бежал к корме. Борщ настигал его со скоростью мотоцикла.

Гена уже чувствовал за своей спиной нехорошее дыхание борща. Собрав все силы, он сделал рывок, вырвался из-под навеса, вильнул влево и спрятался за спасательной шлюпкой, уцепившись за пееер. Борщ, вылетев из-под навеса, взмыл вверх. Спустя минуту Гена, забыв об образив, что опасность миновала, выполз из-под шлюпки. Борщ, однако, не улетал. Снова найдя мертвую точку среди безумных воздушных струй, он висел теперь прямо над незадачливым лаборантом. Пугающийся и загипнотизированный, Гена уже не мог двинуться ни рукой, ни ногой. Несколько мгновений спустя борщ, обессилев, рухнул ему на голову.

А теперь, дорогой читатель, попробуйте поставить себя на место моего героя. Вообрази себя потомком великого путешественника, человека широких передовых взглядов; вообрази себя лучшим питомцем "Клуба юных моряков", победителем Тая, другом капитана Рыкошетникова; вообрази, что ты совершаешь первое в своей жизни морское путешествие к архипелагу фамильной славы, и представь себя сидящим на палубе в центре огромного, жирного, хлюпающего борща. Представь себя с короной из прокисшей свеклы на голове, с омерзительной капустной бородой, с карманами, полными говядины и картофеля. Мне бы хотелось, чтобы ты, читатель, содрогнулся от ужаса, а затем по достоинству оценил мужество и силу духа моего юного героя.

Геннадий не заплакал, не бросился к борту топиться. Встав из борща, он подошел вплотную к потрясенным артельщикам и процедил сквозь зубы:

— Забыть раз и навсегда! Ничего не было. Понятно?

Артельщики, дрожа, смотрели на героического мальчика.

— Об чем разговор, Гена, — наконец пробормотал один из них.

— Может быть, вам смешно? — звенящим голосом спросил Геннадий.

— Чего же тут смешного, Генок? — проговорил второй. — Плакать хочется.

Он действительно всхлипывал. Такого зрелища, погони вчерашнего борща за живым человеком, он не видел никогда раньше и не увидит позже до сего дня.

Геннадий резко повернулся и стал спускаться по трапу.

Сосед Геннадия по каюте, плотник высшего разряда Володя Тепляков, как и большинство обитателей "Алеши Поповича", летал в это время на своей койке вверх-вниз, влево-вправо, читал "Сборник патайских сказок", хохотал и покрикивал:

— Вот дает! Вот дает!

Неизвестно, к чему относилось это выразительное восклицание — к шторму ли или к гималайскому фольклору.

— Эге, Генка, поздравляю! — приветствовал он вошедшего в каюту Геннадия. — Я вижу, тебя борщ догнал!

— Ха-ха-ха — нервным мужественным хохотом расхохотался мальчик. — Представьте себе, Владимир, вы близки к истине.

— Это что! У нас как-то раз в Чугуевском карьере Марика Ибатуллина суп с клецками догнал, — оживленно заговорил Телескопов. — А самый, Генаша, уз-жастный случай был в Клайпеде, когда Мишку Офштейна лапша накрыла.

— Значит, это не первый случай в мировой практике? — ободрившись, спросил Геннадий.

— Отнюдь не первый! — закричал Телескопов. Он на минуту задумался, а потом уверенно сказал: — Третий случай.

Измученный мальчик погрузился в глубокий сон. Он спал много часов подряд и не видел, как опустились сумерки, как "Попович" вошел в Суранамский пролив, как утих шторм и как утром открылся залитый солнцем, мерно вздыхающий и словно подернутый тонкой пластиковой пленкой Тихий океан. Не видел он и маленьких японских шхун, с которых рыбаки в ярких куртках тянули невидимые лески. Они были тохожи на фокусников или волшебников, эти рыбаки, и казалось, что серебристые извивающиеся рыбыны выскакивают из воды прямо к ним на палубу, подчиняясь их резким таинственным пассам. Геннадий, к сожалению, этих рыбаков не видел, как не видел и множества встречных судов и чудовищной громадины американского авианосца "Фор-эстол", что не солоно хлебавши ковылял домой от берегов Вьетнама.

Проснулся Геннадий только под вечер, когда по судовой трансляции адался металлический голос:

— Внимание! Наше судно находится при подходе к акватории Ио-гамского порта. Палубной команде занять места по швартовому аписанию. Повторяю...

Багровый закатный туман висел над Иокогамой, а над этим туманом высоком прозрачном небе четко вырисовывалась верхушка священной горы Фудзи.

— Добрый знак, — прогудел Боцман Полуарканов. — Етта штука, удзи етта окаянная, раз в год по обещанию показывается морскому поведу.

Этот внешне спокойный, мнимо уравновешенный человек верил во е приметы и предзнаменования, начиная от черной кошки, кончая амвайным билетом. Однако он очень редко обнародовал свои суерные наблюдения. Сохраняя обманчивую невозмутимость, Полуарнов предпочитал страдать или тешить себя надеждой в глубине души. вот только сегодня, увидев поразительное, подобное чуду явление удзи, он нарушил свое правило. Очень уж обрадовался боцман, что ликая Фудзи благословила их рейс и предсказала ему счастливое вершение. Если бы знал Аркадьич, через какие испытания придется ойти людям с "Алеши Поповича" для того, чтобы это предзнаменование оправдалось!

Два мощных портовых буксира медленно подводили "Алешу Поповича" к причалам. Воспользуемся этой не очень интересной, но необходимой процедурой для того, чтобы сообщить читателю некоторые данные об этом славном судне.

"Алеша Попович" был еще совсем молод. Всего лишь четыре года назад он был спущен со стапелей судостроительного завода в городе Гдыня. Польские корабли очень гордились своим детищем. При доизмещении немногим более 6000 тонн "Попович" обладал мощностью 10000 лошадиных сил, что позволяло ему развивать скорость до 25 узлов. Он был устойчив на курсе и обладал отличной поворотливостью. Нечего и говорить о том, что "Попович" от форпика до ахтерника был налицкан самым современным оборудованием, по час даже и не особенно нужным.

У Геннадия даже глаза разбежались, когда он впервые поднялся на рулевую рубку. Непосвященному могло бы показаться, что он попал в обстановку научно-фантастического романа, но наш "юный моряк" восхищением угадал в замечательнейших предметах пульт дистанционного управления главными двигателями, репитеры гирокомпаса, эран локатора и радиопеленгатор, эхолот и аксиометр...

На судне были созданы прекрасные условия для труда и отдыха экипажа. Отличные каюты помещались в палубных надстройках, а в твиндеках располагались научные лаборатории и кладовые.

Надо сказать, что за четыре года экипаж "корабля науки" не терпел почти никаких изменений. Так получилось, что коллектив сложился сразу. Все эти мужественные люди, что называется, "притерлись" друг к другу. Атмосфера веселой дружбы царила на "Алеше Поповиче". Надо ли говорить о том, что все моряки и ученые любили своего молодого капитана Рикошетникова и научного руководителя пожилого гиганта, выдавшего виды Шлиера-Довейко? Надо ли говорить о том, что этих двух людей связывало взаимное уважение?

Только лишь перед выходом в рейс к Большим Эмпиреям на борту "Поповича" появились два новых человека. Рикошетников привез из Ленинграда своего друга школьника Стратофонтова, а Шлиер-Довейко вывез из глубины Средне-Русской возвышенности мастера на вооружение руки Телескопова. Коллектив, посоветовавшись, принял новичков распростертыми объятиями.

Между тем сгустились сумерки, растворилось волшебное видение Фудзи, и марево разноцветных неоновых огней затрепетало над огромной Иокогамой и необозримым Токио.

Уже заведены были носовой и кормовой продольные швартовы, шпринги и прижимные, когда на верхнюю палубу вышел из своей каюты капитан Рикошетников. Он только что закончил необходимые формальности с японской таможенной службой, с пограничниками и карантинными врачами и теперь собирался отправиться в город. Ему предстояло нелегкое путешествие по Токио: надо было найти генеральное консульство республики Большие Эмпиреи и Карбункл.

Рикошетников огляделся и увидел, что палуба почти пуста. Иногда по ней деловито пробегали члены экипажа с утюгами или галстуками

в руках. Все моряки и ученые "Алеши Поповича" уже далеко не первый раз бывали в Токио и сейчас готовились к встречам со своими японскими друзьями и родственниками. Одна лишь маленькая фигурка одиноко сидела на кнехте и задумчиво смотрела на гигантский таинственный город.

Рикошетников, разумеется, уже знал о плачевном эпизоде с борщом на подходе к Суранамскому проливу. Нет, артельщики оказались джентльменами и не сказали ни слова. Обо всем капитану, задыхаясь от смеха, доложил сменившийся с вахты рулевой Барабанчиков, которого в свою очередь навел на место происшествия судовой кот Пуша Шуткин. Рикошетников, разумеется, сам в душе чуть не попнул от смеха, вообразив погоню ВЧЕРАШНЕГО борща за ЖИВЫМ человеком, но усилием воли сохранил невозмутимость и категорически предложил Барабанчикову и Пуше Шуткину хранить молчание хотя бы в память русских морских традиций.

Сейчас, увидев одинокую фигурку своего друга, Рикошетников не смог сдержать чувства жалости и сочувствия. Он и не подозревал, что душа Геннадия в эти миги была полна ликованием.

"Ух ты, Япония, Токио, Иокогама! — думал в эти миги Геннадий. — Вот я сижу на баке корабля, и вот передо мной загадочный вечерний город с одиннадцатимиллионным населением. Увидели бы меня сейчас наши ребята с улицы Рубинштейна — Валька Брюквин или Наташка Вертопрахова! Смотри, Наташа, юнга Билл еще вернется из Северной Канады..."

Да, Япония была перед ним, и до нее можно было дотронуться пальцем, можно было полежать на ней, попрыгать или просто по ней пройти. И неужели же, неужели даже совершенно фантастические Большие Эмпиреи вот так же реально скоро предстанут перед ним?

Геннадий был, конечно, вполне здравомыслящим мальчиком, но все-таки очень долго не покидала его мысль о том, что разные другие страны существуют только в книгах и в кино, что взрослые все это придумали для того, чтобы детям не так скучно было учить географию. — Геннадий, не хотите ли сходить со мной в город? — спросил Рикошетников.

Геннадий, ликуя и подпрыгивая в душе, спокойно изъявил согласие.

Они спустились по трапу, прошли по причалу и вошли в здание орского порта, где по стеклянным коридорам двигались вереницы эскадрильи из обеих Америк, Австралии, Азии, Океании и Европы, эскадрильи на разных этажах и сливаясь в огромной зале в гудящую эскадрилью толпу.

Рикошетников уверенно пробрался сквозь толпу к конторе автокатной компании "Херц" и арендовал там двухместный скоростной автомобиль "бентли". Через полчаса друзья уже мчались к Токио по шоссе над сонмом маленьких домиков бетонной автостраде.

Центр Токио — это горная страна из стали, алюминия и стекла, а весь Токио — это равнина маленьких двух- и одноэтажных домиков. Если какой-нибудь житель столицы пригласит вас, милый читатель, в гости, он обязательно нарисует для вас схему своего квартала, укажет стрелой

почкой свой дом, пунктиром отметит путь от магистрали в глубины. Дело в том, что в Токио нет улиц, вернее, улицы не имеют названия. Названия имеют только кварталы и районы. Когда говорят: главная улица Гиндза — это неверно. Нет улицы Гиндза, есть район Гиндза.

Разобраться в этой системе непривычному человеку чрезвычайно трудно.

Проколесив битый час по наполненным людьми и машинами улочкам района Сиедзюко, Рикошетников и Стратофонов потеряли надежду найти консульство нужной им республики.

Полицейские и прохожие, услышав название "Большие Эмпирей Карбункл", почему-то начинали безумно хохотать и так слабели смеха, что толпу добиться было трудно.

Рикошетников махнул было уже рукой, как вдруг припавший к верховому стеклу Геннадий воскликнул:

— Остановитесь, Николай Ефимович!

Рикошетников резко затормозил. Перед ним был ничем не примечательный двухэтажный домик в четыре окна, от тротуара до крыши покрытый светящимися и несветящимися вывесками. Вывески гласили:

Уроки игры на скрипке!

Европейская, японская, окинавская и индийская кухня!

Филателист, стой! Здесь самые редкие марки!

Секреты вечной молодости!

Гадаем по руке!

Бокс, дзюдо, каратэ!

Сувениры на любой вкус!

Продажа кактусов, раковин и камней!

Певчие птицы и меха!

Парижская косметика, лондонские запонки, носки из Чикаго!

Подводные зажигалки и инфракрасные очки!

А между гирляндой чикагских носков и чуелом филина на освещенной витрине этого обычного токийского домика помещалась маленькая, с почтовую открытку, эмалированная табличка:

Консульство республики Большие Эмпирей и Карбункл.

Рикошетников и Геннадий вошли в дом и оказались в небольшом зальчике, стены которого были увешаны самурайскими мечами, масками театра "НО", панцирями гигантских черепах, челюстями и мослами непонятных животных. Полки были заставлены старинными фолиантами с медными застежками, банками с маринованными чудищами кактусами, раковинами и камнями. В конце зальчика обнаруживалась стойка и четыре высоких стула перед ней. Большой телевизор соседствовал со старинным граммофоном.

За стойкой стоял, широко улыбаясь, тощий высокий старик неопределенной национальности в белой куртке и белой шапочке.

— Гуд ивнинг, — сказали друзья.

Несколько секунд старик не двигался, потом, с видимым усилием, оборвав свою затянувшуюся улыбку, быстро зашевелился и заговорил.

— Добрый вечер, господа! Прежде всего вам надо закусить, прежде всего закусить. Присаживайтесь, сэр! У мальчика голодный вид, сэр!

Старый Старжен Фиц знает, чем угостить такого отличного карапуза! Он жутко подмигнул Геннадии и снял крышки с нескольких кастрюлек, расположенных у него за стойкой. Пар, поднявшийся из кастрюли, был так аппетитен, что Геннадий даже забыл обидного до боли в сердце, до звона в ушах "карапуза".

Старик между тем, ловко орудуя разливной ложкой и деревянными палочками "хаши", продолжал улыбаться. Вдоль всей стойки тянулась металлическая полоса электрической жаровни. Старик включил ее, смазал маслом в том участке, перед которым сидели гости, масло затрещало, старик бросил на жаровню какие-то коренья, что-то вроде грибов, слизистые комочки устриц, помтики мяса; в черные фаянсовые пиалы старик налил супу, в маленькие блюдечки наложил какой-то зеленой пасты.

— Ручаюсь, господа, вам никогда не забыть кухни старого Старжена Фица! Почему бы юному джентльмену не отведать паштет из морского ежа? Сэр, отхлебните этого окинавского супа из каракатицы, и вы уже не оторветесь! Не желаете ли сырой рыбы сашими? Она так нежна, так нежна, так нежна, так нежна...

Старик, словно испорченная пластинка, запнулся на "так нежна" и повторял эти слова все тише и тише, а потом совсем затих и застыл с широкой безжизненной улыбкой на устах.

Проголодавшиеся друзья набросились на удивительную еду и даже забыли на какое-то время о цели своего прихода. Старик между тем вышел из оцепенения, пролез под стойкой в зал и заиграл на скрипке. Он подходил со скрипкой к гостям, склонялся то к мальчику, то к капитану, вкрадчиво и ласково шептал:

— Носки, галстуки, кактусы, шпильки, замки, открытки...

Не прерывая игры на скрипке, он несколько раз взмахнул над головами друзей самурайским мечом, дал холостую очередь из винтовки "М-14", показал несколько приемов дзюдо и ударил страшным свингом по чучелу медведя панды, скромно стоящему в углу зала. Потом он подслушал Геннадия альбом с "самыми редкими марками", схватил свободную от еды ладонь капитана и снова зашептал:

— Феноменальное сочетание физических и духовных качеств, сэр, приведет вас к триумфу! Все-таки, сэр, сохраняйте осторожность в первую неделю новолуния... Старый Старжен Фиц, сэр, лучший хиромант Юго-Восточной Азии, и если бы не интриги...

— Простите, мистер Старжен Фиц, — сказал Рикшетников, осторожно освобождая свою руку для собственных надобностей. — Мы пришли сюда только лишь для того, чтобы повидать консула Республики Большие Эмпирей и Карбункл...

Старик вдруг отпрыгнул в сторону с криком "О-ле!" и, обращаясь к медведю панде, филину, маскам и маринованным чудовищам, торжествующе воскликнул:

— Слышали?

После этого он нырнул под стойку, скрылся за бамбуковой шторой и через минуту явился оттуда в совершенно уже новом облики. Преисполненный достоинства дипломат в мундире, расшитом золотыми

ниями, с высоким стоячим воротником, покровительственно и любезно смотрел на гостей. Лишь забытая на голове поварская шапочка напоминала о прежнем Старжене Фице.

— К вашим услугам, господа, — сдержанно поклонился генеральный консул.

— Мы советские моряки, господин консул, — оправившись от первого ошеломления, — пробормотал Рикошетников. — Я капитан научно-исследовательского судна "Алеша Попович" Николай Рикошетников, а это мой друг Геннадий Эдуардович Стратофонов.

— Стратофонов? — поднял правую бровь генеральный консул. — Не являетесь ли вы, сэр, одной из ветвей генеалогического древа национального героя нашей республики русского адмирала Стратофудо, памятник которому возвышается в столице нашей страны Оукпорте?

— Геннадий как раз является ветвью адмирала Стратофопова, но отнюдь не Стратофудо, — сказал капитан.

Консул улыбнулся:

— Так жители нашей страны переименовали это славное имя на свой манер.

— Значит, мы увидим памятник моему предку? — воскликнул Геннадий. — Николай Ефимович, это потрясающе! Памятник моему дедушке!

— Вы собираетесь посетить Большие Эмпирей? — осторожно спросил консул.

— Как раз по этому поводу мы и пришли к вам, сэр, — сказал Рикошетников. — "Алеша Попович" будет все лето исследовать шельф в районе архипелага и знаменитую впадину Яу. Мы хотели бы получить согласие вашего правительства на заходы в ваши порты и гавани.

— На вашем судне есть футбольная команда? — быстро спросил консул.

— Что-о? Футбольная команда? Да, разумеется, у нас есть футбольная команда...

— Тогда все в порядке. Футбол — это главная страсть нашей республики и президента. Вы получите право захода во все гавани Больших Эмпиреев.

— И Карбункла, — добавил Рикошетников.

— Во все гавани и порты Больших Эмпиреев, — повторил консул.

— Ну, конечно, и Карбункла? — весело спросил Рикошетников.

Мимолетная тучка проскользнула по лицу Старжена Фица.

— На Карбункле не играют в футбол, — сухо сказал он.

Рикошетников не обратил внимания на странный тон, каким были сказаны эти слова, извлек из своего портфеля судовые бумаги и приступил к обсуждению формальностей.

"Почему же на Карбункле не играют в футбол? — подумал Геннадий.

— И почему консул помрачнел, когда сказал об этом?"

— Ну, все в порядке, — сказал Рикошетников, закрывая свой портфель.

— Наконец-то можно снять проклятый мундир! — воскликнул Старжен Фиц. — Надеваю я его, господа, не чаще одного раза в десять лет,

но все-таки терпеть не могу. Что вам приготовить, господа? Итальянскую пиццу, швейцарскую фондю, аргентинское асадо, индийский керри-райс или, может быть, русский борщ?

— Что вы хотите этим сказать? — воскликнул Геннадий. Он побагровел и вытянулся как струнка.

— Просто повеяло воспоминаниями детства, — затараторил вдруг по-русски Старжен Фиц. — Как вы вошли, господа, так сразу пахнуло нашим русским привольем, березовым соком, борщом... Ведь я, господа, родился в Санкт-Петербурге и покинул его шестьдесят лет назад в вашем возрасте, милостливый государь. — Он почтительно поклонился Геннадию. — Судьба мотала меня по всему миру, господа, но об этом не будем. Единственная страна, где мне не довелось побывать, — это Республика Большие Эмпиреи и Карбункл... Всего доброго, господа, всего доброго, но прежде прошу оплатить счет. Ваш ужин, господа, стоил три тысячи иен, игра на скрипке четыреста пятьдесят иен, демонстрация приемов бокса и дзюдо пятнадцать иен. Извините, господа, я бы не взял с вас денег, но мое правительство не платит мне жалование уже двадцать четыре года. Приходится изворачиваться, господа. Старость — не радость... Прежде старый Старжен Фиц зарабатывал на велогонках, сейчас соль в коленных суставах, господа...

Консул, видимо, мог бы так болтать еще очень долго, но моряки направились к выходу. Старжен Фиц проводил их до дверей, всучил на дорогу чикагский галстук, кактус, раковину и банку с сороконожкой за 127 иен.

— Ах, господа, — тараторил он уже в дверях, — говорят, что страна, которую я здесь представляю, земной рай! Хочу вам дать последний полезный совет, господа, обязательно постарайтесь в Оук-порте познакомиться с мадам Накамура-Бранчевской. Недавно эта леди посетила Токио, и старый Старжен Фиц был просто очарован...

— Чем же знаменита эта дама? — усмехнулся Рикошетников. Чудак консул успел уже порядком надоесть ему.

— Ах, это просто совершенство! Убедительно советую не избегать приятнейшего знакомства с этой богатой импозантной и попросту красивой женщиной.

— Я никогда не чурался импозантных, а тем более красивых дам, — улыбнулся капитан.

— Это похвально, это похвально, это похвально... — Консул оцепенел с широкой бессмысленной улыбкой на устах.

По дороге к порту Геннадий и капитан во всех подробностях вспоминали визит к "генеральному консулу" и весело хохотали.

В районе Гиндзы их "бентли" попал в автомобильную пробку. Джазовые обвалы из окон баров, крики зазывал и уличных торговцев, полицейские свистки и сирены, клаксоны автомобилей чуть не оглушили их. В небе, освещенный скрещенными лучами, поворачивался рекламный автомобиль, ниже то хмурилась, то расплывалась в улыбку тигантская неоновая рожа, все кричало, мелькало, подмаргивало. Световая газета на крыше "Асахи" вещала:

Сегодня в Токио убито 15, ранено 307!

Битлы заявили протест министерству внутренних дел Англии!
Советы продолжают штурм космоса!
Заявление генерала Зиана!
Экс-шахиня Сорейя приняла приглашение киностудии "МГМ"!
Исчезновение панамского сухогруза в ста милях от Гонконга!
Потеряна связь с яхтой шейха Абу-Даби, стоимость которой оценивается в 15 миллионов...
Самолет тайландских ВВС засек неизвестные торпедные катера!
Новые пираты?

Глава III, *в которой слышится пение кота и тявканье "Ржавой акулы"*

Стоял полный штиль. Вот уже неделю плавучий институт в идеальных условиях исследовал семикилометровую впадину Яу. Ничто не мешало ученым опускать дночерпалки и тралы, запускать радиозонды. Корабль медленно двигался, прокладывая новый промерный галс. Эхолоты прощупывали глубину. На палубах "Алеши Поповича" царил веселая суета. Казалось, что это кусок черногоморского пляжа: все ученые и моряки были в плавках и темных очках.

Неподвижный океан горел с яркостью вольтовой дуги. Иногда в спящем мареве трепещущими пятнами пролетали стайки летучих рыб.

Геннадий никак не мог свыкнуться с мыслью, что под днищем их судна такая гигантская толща воды — семнадцать с половиной кругов стадиона имени Кирова, четырнадцать останкинских телебашен! Подолгу он стоял, опершись на планшир, глядя, как из темноты в прозрачные слои выплывают акулы. Эти мерзкие твари постоянно кружили вокруг судна и испарялись только тогда, когда появлялась быстроглазые, иронически улыбающиеся дельфины-афалины.

— Почему же все-таки целая стая акул боится одного-единственного дельфина? — спрашивал Гена своего непосредственного руководителя доктора биологических наук Верестищева.

— Дельфин отважен, а акула трус, — отвечал Самсон Александрович. — Акула, Гена, это своего рода морской фашист.

— Вы думаете, что фашизм труслив? — пылливо спрашивал мальчик. — Но ведь он всегда нападает первым...

— Это сложная проблема, Гена, очень сложная, — задумчиво говорил Верестищев. — Всегда ли смел тот, кто нападает первым?

Препарируя моллюсков и глубоководных рыб, ученый и лаборант часто вели содержательные беседы, которые иной раз соскальзывали к философской плоскости.

— Вы знаете, Гена, — сказал как-то Верестищев, — как индонезийские рыбаки мстят акулам, когда от их зубов погибает человек? Они вылавливают хищника, разжимают ему челюсти, засовывают ему в желудок живого морского ежа и выпускают в море. Акула обречена на долгие нестерпимые муки.

— Б-р-р... — содрогнулся Геннадий. — Все-таки это слишком жестоко по отношению к бессмысленной твари...

— Акулы кажутся этим рыбакам не животными, а враждебным племенем.

— Тем более это жестоко! — воскликнул Геннадий. — Рубанули бы гадину — и дело с концом!

— Это очень сложная этическая проблема, — задумчиво сказал Верестищев. — Вы мыслите, Геннадий, не по возрасту серьезно. Давайте-ка займемся чем-нибудь попроще. Вот перед нами медуза...

Они погрузились пинцетами в довольно-таки неаппетитное желе распластанной медузы.

— Знаете ли вы, Гена, что акустический аппарат медузы угадывает приближение шторма больше чем за сутки? — спросил Верестищев.

— А нельзя ли сделать такой прибор, как этот аппарат у медузы? — полюбопытствовал Гена.

— Вы меня поражаете, Геннадий! — воскликнул Верестищев. — Как раз над этой проблемой работает один отдел в нашем институте. Вам надо быть ученым, мой мальчик!

Однажды, проснувшись, Геннадий очень удивился, не увидев на палубе расчерченного жалюзи солнечного коврика. Тусклый серый свет еле-еле освещал каюту. Иллюминатор, казалось, был задрен брезентом.

— Привет, Генок, — сказал Телескопов. — Тебя с туманом, а меня с халтуркой.

Он сидел на своей койке и плотничал, плотничал тихо и сокровенно, как в детстве.

— Доктору клетку сочиняю, — объяснил он. — Всю дорогу доктор не отвечал взаимопониманием, а сейчас клеточку заказал. Удача: кенаря он ночью поймал, доктор наш золотой.

— Как так — кенара? — поразился Гена.

— Ну, может, не кенара, так попку, а может, еще какого черта, — казал, посвистывая, Телескопов.

— Но ведь кенар или попугай — это береговые птицы!

— Да, видать, к Эмпиреям замечательным подгребаем.

Геннадий вышел на палубу. Видимость была не больше полукабель-ва. "Алеша Попович" двигался самым малым, каждые две минуты игналья туманным горном. Трое парней готовили к спуску за борт зухсотлитровый батометр. Геннадий поднялся на ходовой мостик и здесь, возле двери радиорубки, встретил судового кота Пушу Шуткина. Тот сидел на задних лапах, недобрыми желтыми глазами смотрел на альчика.

Кот этот записался в судовую роль "Алеши Поповича" в итальянском порту Бари, но никто бы не смог поручиться, что он был родом именно туда.

Вот уже четыре года Пуша Шуткин плавал на "Алеше Поповиче", ходил на берег в каждом порту, устраивал там свои дела, но неизменно возвращался, завидев на мачте флаг "синий Петр" — сигнал "Всем за борт!"

Шуткин пользовался у экипажа и ученых заслуженным авторитетом. Это был солидный боевой, покрытый шрамами кот, исполненный достоинства и благосклонности к двуногим друзьям. И только лишь Геннадия Шуткин отнесся с каким-то пренебрежением: высокомерно выгибал спину, трубой поднимал хвост, презрительно фыркал, старался по мере сил досадить юному моряку. Вспомним хотя бы историю с борщом.

Нельзя сказать, что Геннадия это не задевало. "Уж не видит ли это во мне соперника", — иногда думал мальчик, и от этой мысли ему становилось не по себе.

Сейчас, встретив кота, Геннадий решил раз и навсегда выяснить с ним отношения.

— Простите, Шуткин, но мне кажется, что вы относитесь ко мне каким-то предубеждением, — сказал он, — почему? Разве не получал вы от меня колбасу, селедку, конфеты? Разве не отдал я вам чуть ли не половину праздничного блюда бишбармак, которым нас побаловал старший кок Есеналиев?

Кот выгнул спину, поднял хвост трубой и пошел прочь, но вдруг словно передумав, повернулся к Геннадия, встал на задние лапы и горечью запел:

*В любом порту живет нахал,
Которому за дело
Маэстро Шуткин раздирал
Полморды и полтела.
В Бордо бесхвостый обормот
Оклеветал нас жутко,
Сказав, что благородный кот
Всего лишь раб желудка.
Но моряки — прямой народ.
В душе моей открытой
Они читают: Шуткин-кот
Не любит паразитов.
Не так важна коту еда,
Пусть даже голод гложет,
Мужская дружба мне всегда
Значительно дороже.
А вы, Геннадий-новичок,
Поверив гнусным слухам,
Не удосужились разок
Пощекотать за ухом.
Я презираю бишбармак
И жирную селедку,
Зато ценю как дружбы знак
Заушную щекотку...*

— Так вот в чем дело! — воскликнул Геннадий. — Приношу вам свои

глубочайшие извинения! Разрешите мне немедленно протянуть вам руку дружбы!

Кот, не скрывая удовольствия, выгнул шею, и Геннадий в течение пяти минут щекотал его за ухом.

— Мерси, — сказал наконец кот. — Я совершенно удовлетворен и в знак благодарности дарю вам свою любимую песню, которую довелось слышать только моим истинным друзьям и подругам.

Вспрыгнув на кнехт и взявшись правой передней лапой за леер, кот закрыл глаза и запел чудную песню:

*Иные любят гладь да тишь,
Подушки, одеяла...
Предпочитаю гребни крыш,
Сырую мглу подвалов.
Мурлан мурлычет день-деньской,
Хозяйке лижет покты,
А я за дымовой трубой
Натачиваю когти.
Но для друзей моя душа —
Всегда одна красивость,
Ведь дружба так же хороша,
Как честь и справедливость.
Курлы мурлы олеононо,
Фурчалло бракатепло,
Дирлон кафнутто и ниссон,
Журжалло свиристепло...*

Далекий, но сильный хлопок прервал песню кота. Вслед за этим повешим хлопком из глубины тумана донеслось не менее зловещее звканье. Распахнулась дверь радиорубки, и на пороге появился радист Витя Половинчатый.

— Где капитан?! — гаркнул он, округляя глаза до полной шароидности. Он перепрыгнул через комингс и побежал к капитанской юте.

— Николай Ефимович! В эфире SOS! SOS!

... Весь командный состав "Алеши Поповича" сгрудился в тесной радиорубке. Витя Половинчатый возбужденно говорил и писал на очках бумаги.

— Очень слабые сигналы... SOS... Запрашиваю: кто терпит бедствие?... Молчат... Я советское судно "Алеша Попович"... координаты... шчат... вот, товарищи... тише! Передают международным кодом... шюпку с пассажирского теплохода "Ван-Дейк" преследует неизвестная подводная лодка. Пользуясь туманом и пуская дымовые шашки, пытаемся скрыться... в шлюпке шестьдесят три человека, есть женщины и дети... SOS... наши координаты...

— Они в двух милях отсюда! — воскликнул Рикошетников.

— Что за подводная лодка? Неужели эти газетные сенсации с пи-

ратами... — пробормотал Шлиер-Довейко. — Какое принимаем решение, Николай Ефимович?

Несколько секунд Рикошетников молчал, опустив голову. Рисковать кораблем? Что это за безумная субмарина? Шестьдесят три человека, женщины, дети... Осмелятся ли бандиты напасть на советское судно?

Все собравшиеся в радиорубке затаили дыхание. Никто не смотрел на капитана. Все ждали его решения. В море каждое слово капитана — непреложный закон.

— Идем на сближение, — тихо сказал Рикошетников и бросился к дверям.

... Туманная сирена "Алеши Поповича" выла теперь без перерыва. Судно шло средним ходом. Все свободные от вахты моряки и ученые топпились на баке. Снова, уже совсем близко, дважды бухнула пушка. Словно огонек сигареты, повисла в тумане красная парашютная ракетка. Послышались резкие свистки, желтый глазок слабого шлюпочного прожектора выплыл из тумана, и вскоре появились очертания большой спасательной шлюпки под излохмаченным никчемно висящим парусом. Казалось, что не расстояние, а туман приглушает крики людей, зовущих на помощь. Шлюпка была переполнена. Ясно было, что даже при волнении в четыре балла она неминуемо пошла бы ко дну. Сейчас люди, забыв об опасности, встали во весь рост и размахивали руками, но криков их не было слышно, рев туманной сирены "Поповича" прорезали только свистки рулевого.

"Алеша Попович", подчиняясь приказам капитана, осторожно маневрировал и сближался со шлюпкой. Сирена вскоре была выключена, и до слуха скованных напряжением людей донесся хриплый голос шлюпки:

— Help us! Soviet ship, help us! Sake for Christ! (Помогите нам! Советский корабль, помогите! Ради Христа, спасите нас!)

И сразу же после этого крика в тумане возникли очертания большой подводной лодки. На мостике лодки замелькал огонек ратьера. Между суднами по международному коду было передано приказание:

"Остановить двигатели!"

Николай Рикошетников, не вынимая изо рта трубки, отдал команду "Попович" просигналил:

"Кто приказывает?"

Лодка в свою очередь запросила:

"Чье судно?"

"Советский научный корабль "Алеша Попович", — ответил Рикошетников. — Кто вы?"

Несколько минут лодка хранила молчание, разворачивалась носом к "Алеше Поповичу". На мостике ее было видно движение. Спасательная шлюпка раскачивалась уже не более чем в пятидесяти метрах от судна. Слышен был даже женский плач.

"Повторяю — остановить машины! — засигналила лодка. — Через пять минут открываем огонь!"

"Прекратите пиратские действия", — ответил Рикошетников и яростно заорал:

— Спустить штурмтрап, принять людей со шлюпки!

В тот момент, когда первые измученные люди со шлюпки упали в руки моряков "Алеши Поповича", неизвестная подводная подка дважды плюнула огнем. Многоопытный Шлиер-Довейко сразу определил по голосу скорострельную пушку "Расти Шарк" времен второй мировой войны. Снаряды упали в воду возле самого борта и перевернули шлюпку с "Ван-Дейка". Ужасные крики прорезали туман, Гена опомнился только в воде, куда почти безотчетно бросился на помощь несчастным. Многие моряки с "Поповича" последовали его примеру.

Выпрыгнув из теплой воды, Гена увидел прямо перед собой торжественно идущую ко дну старую леди с визжащим мопсом в руках. Сильной рукой мальчик обхватил костлявое тело и по всем правилам спасения на воде перевернулся на спину. Вода возле правого борта бурлила.

Два сильных прожектора с "Алеши Поповича" рассеяли туман и уперлись в рубку подводной лодки. Теперь она была отчетливо видна, среднетоннажная субмарина времен прошедшей войны, но, по всей вероятности, сильно модернизированная и приспособленная для особых целей. Никаких знаков различия на корпусе не было. На мостике лодки видно было несколько мужских фигур в синих куртках. Двое мужчин присели возле тупорылой "Расти Шарк". Еще одна пушка вместе с артиллеристами поднималась из скрытой в корпусе шахты.

Шли томительные минуты. Моряки "Алеши Поповича" продолжали спасение людей с "Ван-Дейка". Геннадий помог старой леди ухватиться за канат штурм-трапа и бросился на помощь бородачу, за шею которого уцепилось двое визжащих карапузов.

Витя Половинчатый без устали передавал в эфир:

"Всем! Всем! Всем! Я — советское научно-исследовательское судно 'Алеша Попович', спасаю людей с теплохода 'Ван-Дейк'. Неизвестная юдводная лодка ведет артиллерийский огонь. Наши координаты..."

Первым откликнулся учебный корвет индийских военно-морских сил, но он находился на расстоянии не менее пяти ходовых часов. Помощи от республики Большие Эмпиреи и Карбункл ждать было нечего. Насколько знал Рикошетников, военно-морские силы этой страны состояли из таможенно-погранично-карантинного катера "Голиаф" и орабля-музея "Рыцари ночи".

— Похоже на то, что наше дело табак, — проговорил умудренный опытом Шлиер-Довейко.

— Мне кажется, что бандиты сами оказались в неприятном положении, — сказал Рикошетников. — Они явно в нерешительности. Конечно, они могут уничтожить нас в два счета, но они уже обнаружили збя...

— Разве они не обнаружили себя при нападении на "Ван-Дейк"? Рикошетников пожал плечами.

— Панамский сухогруз и яхта шейха Абу-Даби исчезли, не подав о збе никаких сигналов. Как произошло нападение на "Ван-Дейк", мы зка не знаем...

— Вы думаете... — начал было Шлиер-Довейко, но в это время рулевой Барабанчиков закричал:

— Они погружаются!

Пушка пиратской субмарины быстро уходила в глубь корпуса. Люди с мостика исчезли. Лодка погрузилась.

Глава IV,

в которой слышится нервный смех, слетают слезы благодарности, а в конце звучит бравурная музыка

Нервный смех сотрясал капитана теплохода "Ван-Дейк" Питера ван Гроота. Огромный голландец, похожий на персонажей картин старых мастеров, облаченный в свитер самого массивного члена экипажа "Алеши Поповича", стармеха Калипсо Яна Оскаровича, на три четверти уже осушил бутылку "Столичной" и все не мог успокоиться.

— Нет, это невероятно, господа! — грохотал голландец. — Пираты Пираты шестидесятых годов двадцатого века! Презабавно! Ваши агпараты, господа, садятся на Луну, каждую секунду сто тысяч человек дрыхнет над землей в мягких креслах воздушных лайнеров, из своего дома в Утрехте я разговариваю с новозеландской тетей так, словно он у меня в саду подстригает тюльпаны! И рядом с этим... пираты, господа! Элементарный морской грабеж! Джентльмены удачи! Нет, это невероятно! Это просто ши-кар-но!

Он вылил в свой стакан остатки водки, стукнул кулаком по столу и расхохотался пуще прежнего.

— Самое смешное то, что жертвой оказался я — Питер ван Гроот. Знаете ли вы, господа, что мы ведем свой род от самого отчаянного разбойника адмирала Гливера ван Гроота?

— Первого голландца, обогнувшего земной шар на корабле "Мориц" в конце шестнадцатого века? — спросил Рикшетников.

— Именно! Именно! Ну, не анекдот ли? — капитан выпил водку и затрясся от смеха.

— Успокойтесь, сэр, — мягко сказал ему бывалый Шлиер-Довейко. Ван Гроот вдруг оборвал смех. Круглое лицо его обрело углы. Остановившийся взгляд уперся в матовый светильник на дубовой стене кают-компаний.

— Я потерял свое судно, почти всех пассажиров, весь экипаж. Если бы не вы... Зачем вы меня спасли?

— Известно ли вам было, капитан, об исчезновении панамского судна и яхты шейха Абу-Даби? — спросил помполит Хрящиков.

— Что-то слышали по радио...

Капитаны, Шлиер-Довейко, помполит, стармех и старпом сидели за круглым столом в кают-компаний. Солнечные блики трепетали на ворсистом ковре и полированной поверхности стола: туман рассеялся. "Алеша Попович" полным ходом шел к столице Больших Эмпиреев Оук-порту.

— Связь с панамским сухогрузом оборвалась в ста милях от Гон-

конга, — задумчиво сказал Рикошетников. — Яхта шейха пропала к югу от Цейлона. "Ван-Дейк" ограблен и потоплен в ста пятидесяти милях от Больших Эмпиреев. Слишком большой диапазон для одной подводной подки.

Он положил руку на плечо ван Грооту и мягко сказал:

— Расскажите, как было дело, капитан. Возьмите эту сигару. Курите и рассказывайте.

— Настоящая "Гавана", как я вижу? — несколько оживился ван Гроот, закуривая сигару. — Упман? Недурно!

Он откинулся в кресле, окутался сигарным дымом и начал свой рассказ:

— "Ван-Дейк", джентльмены, был прочной комфортабельной посудиною, но, конечно, уже не для экспрессных линий. Фирма использует, вернее, использовала нас на круизных рейсах. Мы катали старичков рантье, молодоженов, влюбленных, разочарованных дамочек, короче — чековые книжки средней толщины; впрочем, были и толстосумы. Оук-порт оказался вторым после Сингапура пунктом круиза. Там мы стояли больше недели. Пассажиры наслаждались. Природа там, господи, великолепная, а население уму непостижимое, сами увидите. К концу недели мы получили отличную метеосводку и снялись из Оук-порта на Зурбаган. Трое суток шли по гладкому, как стекло, морю. Старички гоняли шары, молодежь играла в теннис, танцевала: от этой американской трясушки у меня, господи, уже в глазах стало рябить. Бары работали до утра, боялись даже, что джину до Зурбагана не хватят.

И вот в один прекрасный вечер в девятнадцать ровно в рулевую рубку вошли два эдаких франта и шикарная дама, вроде бы какая-то эстрадная певичка. Все трое в масках, господа, и с автоматами. "Руки на голову, говорят, и всем в угол!" — "Спокойно, детки, — говорю я, — насчет киносъемок мы не договаривались". И тут девица шарахнула длинной очередью по приборам — только стекла посыпались! Сразу после этого послышались выстрелы из радиорубки. Вахтенный радист рек Леонидас вбежал весь в крови и упал замертво. Нас выгнали на алубу, и тут мы увидели, что в двух кабельтовых от "Ван-Дейка" сплывает эта проклятая лодка и сразу же открывает огонь, сбивает ам грот-мачту. Гангстеры, их было человек десять на судне, уже гонят всех пассажиров на бак, а от лодки идут два моторных вельбота им на здоху.

Я, господи, во время войны служил в союзном флоте, ходил с казанами в ваш Мурманск, видел всякое... но здесь, сознаюсь честно, растерялся, я ничего не понимал... какой-то бред...

Кто-то из этих мерзавцев выпустил воду из главного бассейна, всех пассажиров загнали туда, как овец в трюм, а экипаж окрутили тросом в баке. Малейшая попытка к сопротивлению — сразу автоматная очередь и... труп на палубе. Крики, стоны, плач, а вокруг безмятежное зоре, закатное солнце и полная пустота. Правда, раз над нами прошел эжконтинентальный "боинг". Какой-нибудь пассажир небось потропел вниз и сказал: "Посмотрите, какой пароход беленький..."

Короче, начался самый безобразный грабеж. Часть бандитов пошла по каютам, другие выворачивали карманы, срывали с дам кольца, серьги, остальные держали нас под прицелом. Из глубины судна иногда доносились выстрелы — в машинном отделении, видимо, шло схватка.

Все это продолжалось не меньше двух часов. Наконец, нам было приказано спустить шлюпки и занять в них места. Три шлюпки были повреждены "Ржавой акулой", и оставшиеся, конечно, оказались переполненными. Лодка взяла все шлюпки на буксир, встала в позицию и одной торпедой развалила старину "Ван-Дейк" надвое.

Всю ночь лодка шла в надводном положении и тащила шлюпки за собой. Какую судьбу они нам готовили? Почему не уничтожили вместе с судном? Один из моих матросов сказал мне, что слышал краем уха в Сингапуре о какой-то партии наркотиков. Может, это было столкновение враждующих кланов, может быть, мы оказались случайно жертвой?

К утру сгустился туман, и я приказал обрубить буксир. Я хотел попытаться добраться до островов Кюри, потому что понимал: свидетелей такого дела вряд ли оставят в живых. Должно быть, я был прав. Лодка охотилась за нами с упорством гончей. Если бы не вы...

На "Половиче" тем временем помогали спасенным: делали перевязки, инъекции, поили бромом, валерьянкой, чаем с малиной, кофе с коньяком, молоком, кому что нравилось.

Старая леди, уже подсохшая и взбившая надлежащим образом седые букли, отыскивала своего спасителя.

— What's your name, my young hero? (Как вас зовут, мой юный герой?) — со скрипучей нежностью спросила она Геннадия.

— My name is Геннадий Стратофонтов, madam, — вежливо ответил мальчик.

— Oh Lord! (Боже!) — Леди подняла к небу глаза цвета увядших незабудок. — Теперь у меня есть два любимых существа! Прежде у меня был один лишь Винстон... — Она поцеловала своего мопса, который осторожно покосился на величественного Пушу Шуткина. — Теперь у нас есть вы — Генна ди Страто... О, это слишком трудно для меня. Я буду называть вас Джин Стрейтфонд... Я включу вас в свое завещание. Винстон получит шестьдесят процентов, а вы, Джин, сорок процентов.

— Благодарю вас, мэм, но это не требуется, — сдержанно поклонился Геннадий.

— Никаких "но"! — категорически заявила дама. — Мой покойный супруг скопил достаточную сумму на моделировании вставных челюстей. На мои фунты, Джин, вы сможете получить приличное образование.

— Мне не нужны ваши фунты, мэм. Я и так получу приличное образование, — ответил Геннадий, слегка задетый за живое.

— Инкредэбл! Невероятно! — воскликнула дама. — Почему вы отказываетесь от денег? Ведь вы же спасли нас с Винстоном?

— Я советский пионер, мэм, и этим все сказано, — сухо сказал Геннадий.

— О Лорд! — воскликнула дама. — Не значит ли это, что вы отказываетесь от нашей с Винстоном дружбы?

С глаз ее слетели две-три зеленоватые старческие слезинки, и одна из слезинок упала на загорелое плечо мальчика. Геннадий был тронут искренностью дамы, и он, конечно, учел особенности человека, выросшего и состарившегося в капиталистическом мире.

— Деньги могут только испортить дружбу, мэм, а от дружбы я не отказываюсь.

— Вы святой мальчик, Джин, — на грани рыдания промолвила старушка. — Запишите мой лондонский адрес и телефон. Мы с Винстоном будем ждать вас весь остаток наших дней.

Едва Геннадий записал адрес почтенной миссис Сьюзен Леконс-фильд, как по судовой трансляции раздался голос первого помощника Хрящикова:

”Всем свободным от вахты членам экипажа и научным сотрудникам собраться в помещении столовой на информацию”.

Геннадий сунул адрес в карман, не подозревая о том, что этот клочок бумаги в скором времени спасет ему жизнь.

В помещении столовой висела карта Республики Большие Эмпирей и Карбункл. Архипелаг напоминал перевернутую вниз головой залятую. Десятки крошечных необитаемых островов грядой-загогулиной тянулись к югу, к голове, к сравнительно большому острову Эмпирей со столицей Оук-портом и ко второму по величине острову Карбункл. Теред картой стоял с указкой перпом Хрящиков с лицом удивленного тьва.

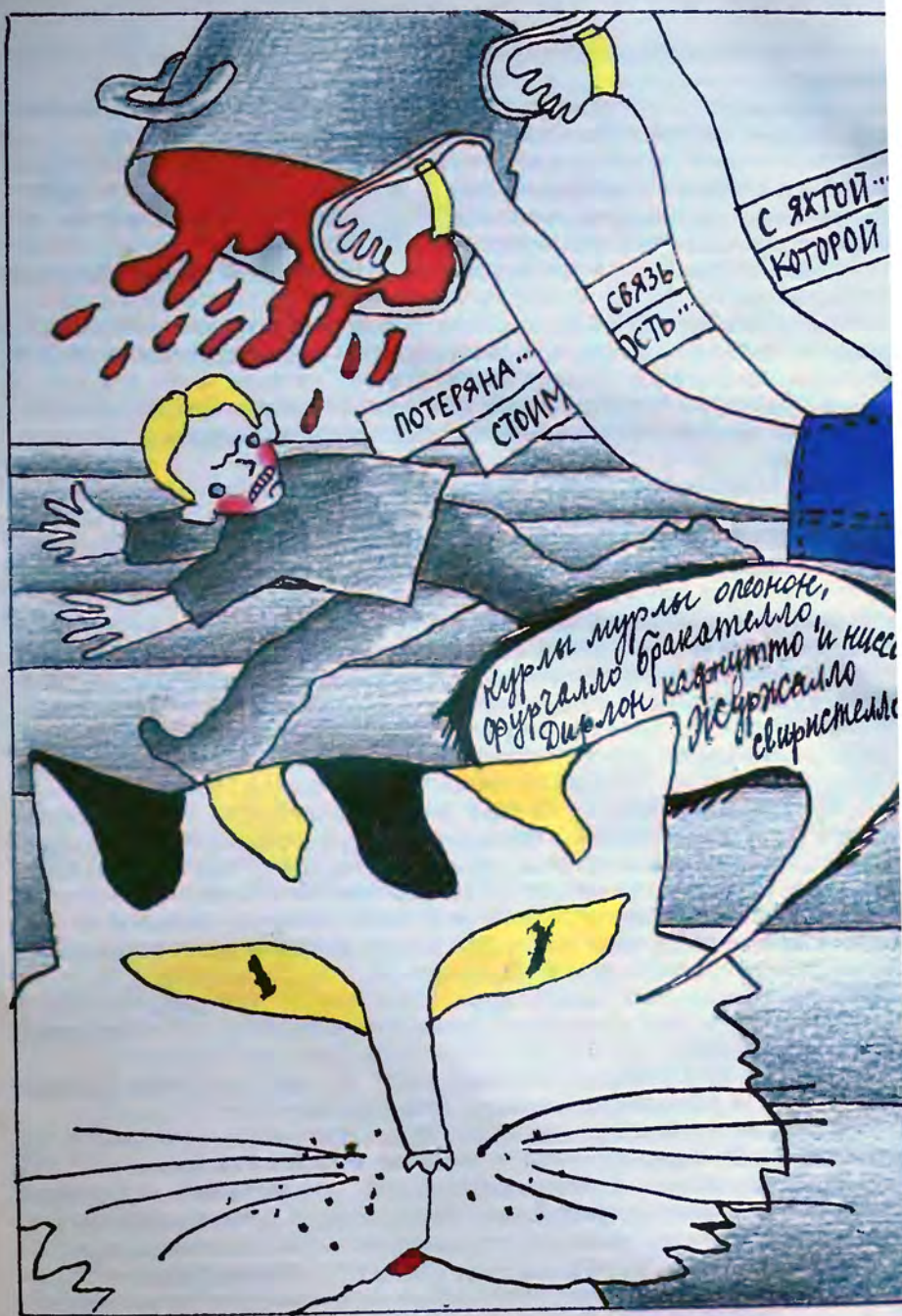
— Ну вот, товарищи, — сказал он, откашлявшись, — сегодня мы лицом к лицу столкнулись с парадоксом мира чистогана, где каждый тазурик, купив подводную лодку, может превратить законный отдых в истый ад. В нашей стране такого безобразия быть не может, это всем сню. Капитан поручил передать мне благодарность экипажу за выдержку, четкость. От себя скажу, что в этом эпизоде мы себя ничем не компрометировали, и это большой плюс.

Теперь главное. Мы идем с дружеским визитом в город Оук-порт. Икогда прежде нога советского человека не ступала на эту отдаленную территорию.

— Вообще-то ступала, — сказал вдруг из третьего ряда плотник телескопов. — Моя нога и ступала, Лев Африканович.

— А с вами, Телескопов, разговор будет особый! — прикрикнул на зго Хрящиков и сделал какую-то пометку в своем блокноте.

— Итак, продолжаю. Нога туда, товарищи, — перпом метнул суровый взгляд на невинную физиономию Телескопова, — не ступала. Население там, товарищи, очень неопределенной нации и имеет неопределенный язык, который мы должны уважать, хотя некоторым и смешно. — Он снова взглянул на Телескопова. — Стоять там будем три дня

с тремя целями. Первая цель — сдадим спасенных нами граждан разных стран. Вторая цель — пополним запасы пресной воды и продовольствия. И третья, может быть, самая главная, — покажем жителям далекой, но близкой страны истинное лицо советского народа.

Следующее немаловажное сообщение, товарищи. Еще за сутки до сегодняшних возмутительных событий мы запросили у властей Оук-порта разрешение на заход. В ответ получено сообщение, которое Николай Ефимович склонен считать юмористическим: "Разрешаю заход в порт при условии вашего согласия на футбольный матч с сборной республики". Я со своей стороны считаю этот вызов суровым испытанием наших моральных и физических качеств. Надеюсь, что наши судовые спортсмены не ударят в грязь лицом и проведут состязание с присущим им огоньком и задором. Кто бы ни победил, победа дружба. Все, товарищи. Телескопов, останьтесь.

Утром следующего дня с "Алеша Поповича" увидели первый остров архипелага под смешным для русского уха названием Фухс. Весь день шли вдоль гряды островов, и они возникали один за другим, похожие на клумбы, а некоторые с сахарными головками остроконечных гор.

Солнце стало уже клониться к закату, когда показались отвесные базальтовые стены острова Карбункла. "Алеша Попович" вошел в пролив между Карбунклом и Эмпиреем. На горизонте, как сказочное видение, возник Оук-порт.

Гена стоял на ходовом мостике и замороженными глазами смотрел на приближающиеся стены древней крепости, на некогда мощные, толстые, круглые, то острые, как нос корабля, бастионы, на красные черепичные крыши, на купола и шпили соборов, ракетоподобные башни минаретов на пагоды, похожие на гигантские ели.

— Невероятный город, Гена, правда? — сказал за его спиной капитан Рикошетников.

— Он похож на сказку, — прошептал Геннадий.

— Скорее на сновидение, — сказал капитан.

Древний центр Оук-порта был расположен на небольшом круглом полуострове, соединенном с Эмпиреем узкой перемычкой. Когда-то его мощные бастионы прикрывали две бухты, на набережных которых сразу за причалами высились теперь пяти- и шестизэтажные дома с зеркальными окнами и лепными украшениями, построенные, по всей вероятности, в конце прошлого века.

В одну из этих бухт заворачивал теперь самым малым "Алеша Попович".

Вдоль всей набережной под пальмами, под сводами гигантских деревьев и пиний стояли, глядя на приближающийся советский корабль, толпы эмпирейцев. Толпы людей, загорелых и ярко одетых, усеяли крепостные стены и бастионы. Но — и это было странно, крайне странно! — толпы молчали. В полной тишине дизель-электроход огибал узкой гранитный волнолом. Слышен был только слабый шум турбин. Вода была прозрачна до самого дна, как и во времена адмирала Стратона. Перебивались камни на дне, ветвились кораллы, колышались водоросли.

— В чем дело? Почему они молчат? — Рикошетников поднес к глазам бинокль. — Все молчат: некоторые улыбаются... Странные улыбки...

"Алеша Попович" уже обогнул волнолом, когда из-за круглого бастона с диким ревом вырвался глассер. С чудовищной скоростью он несся прямо на судно, подобно ослепшему от ярости носорогу. Ни о каком маневре нельзя было уже и думать. Глассер целился прямо в середину правого борта, словно хотел протаранить "Попович". В глассере сидело несколько обнаженных по пояс, мускулистых парней, а на самом кончике его носа стоял, расставив колоннообразные ноги, гигант в плавках, похожих на кусок леопардовой шкуры. Пятьдесят метров, тридцать, двадцать...

— Что они делают?! Самоубийцы! — закричал не своим голосом выдавший виды Шлиер-Довейко.

В самый последний момент гигант на носу глассера мощно оттолкнулся от борта "Поповича", рулевой резко взял влево, глассер ушел к винту, проскочил прямо под кормой, пролетел вдоль левого борта "Поповича", выскочил в бухту, в снежно-белом вихре описал круг и закачался на волнах.

Парни в глассере хохотали, держась за животы, а гигант на носу размахивал невесть откуда взявшимся красным флагом.

Сразу же после этого загрохотали оркестры на набережной и на тенах, сотни рук взмахнули красными советскими и эмпирейскими флагами — оранжевый, зеленый и белый круги на аквамаринном фоне. Усиленный динамиком голос прогремел над бухтой:

"Вилькамес совет легопикор бу легопикор Эмпирея!"

— Привет советским футболистам от футболистов Эмпирея, — пелевел Телескопов и спокойно добавил: — Эти психи каждое судно так встречают. Скучно им тут. — Он посмотрел на стоящего рядом перпома добавил: — Но подобный массовый восторг отношу за счет нашего лага, Лев Африканович.

Глава V,

*в которой слышатся приглушенные столетиями
и тысячелетиями крики ярости,
победные вопли, лязг оружия, предсмертные крики,
слезы ревности и шепот любви*

За несколько тысячелетий до нашей эры скромный малазийский ибак Ион, преодолев на своем утлом катамаране необъятное водное остранство, увидел за гребнями волн симпатичный архипелаг. Арпелаг этот показался Иону похожим на перевернутую вниз головой лютую. Радости Иона не было границ. Наконец-то за долгие годы жно будет обсушиться, сколотить быт, пустить корни!

Преодолев линию прибоя, Ион приступил к выгрузке жалкого скарба целой группы диких и домашних животных. Активно помогали ему в этом деле его сыновья Мис, Мах и Тефя.

Вскоре путешественники были окружены толпой местных жителей. Посатые крепыши скакали на четвереньках вокруг катамарана и

дружелюбно хрюкали. Йон знаками показал, что хотел бы познакомиться с их культурой.

Туземцы, прыгая друг через друга, что напоминало современную чехарду, повели его к подножию вулкана, над которым в те времена всегда колыхался султан розового ароматного дыма. У подножия вулкана изумленный Йон увидел гигантскую ржавую башню из еще неизвестных ему металлических сплавов. В мистическом ужасе туземцы упали ниц перед башней. Молниеносная догадка осенила Йона.

Дождавшись ночи, Йон показал туземцам на ярко горевшее в черном небе созвездие Кассиопеи. Туземцы утвердительно захрюкали. Ночью огласилась нечленораздельными стенаниями, полными тоски по стои- далекой родине. И тогда Йон понял все.

Он понял, что далекие, очень далекие предки этих существ прибыли к нам на землю из пучин космоса. Впоследствии под влиянием благоприятного климата и огромных количеств вкусной дикорастущей еды астронавты обленились и забыли математику. Борьбы за существование на архипелаге по сути дела не было никакой, и в течение тысячелетий кассиопейцы стали травоядным племенем хрюкающих волосатых крепышей.

Жизнь на благодатном архипелаге пришлась Йону и его семье по душе. Вскоре они тоже забыли математику и растворились в местном населении. Оторванное от древнего мира тысячами водными просторами население эволюционировало очень медленно. В Китае был изобретен уже порох, в Европе уже пылали костры инквизиции, а островитяне еще не научились добывать огонь.

"Зачем? — думали они. — Зачем нам тереть палку о палку, бить кремнем по кресалу, мудрить над паровой машиной, когда черепахи и яйца прекрасно выпекаются в прибрежном песке, а рыба варится в горячих лужах на склонах вулкана? Зачем нам, собственно говоря, порох, когда не с кем воевать, а дикие животные, привезенные Йоном, занимаются своим делом и никому не мешают? Зачем?"

Нельзя сказать, что архипелаг совершенно не посещался завоевателями. Изредка посещался.

Однажды в III веке до нашей эры, островитяне проснулись от страшного скрипа. В океане качался гигантский деревянный корабль. Это был таранный корабль, построенный по приказу египетского фараона Птолемея Филадельфа. Вот уже десять лет двести весел, к которым было приковано полторы тысячи рабов, несли этот жутко скрипящий корабль по мировым водам, и все эти десять лет три тысячи воинов, разделившись на партии носа и кормы, вели на палубе братоубийственную войну. Война была очень жестокая и увлекательная, небольшими перерывами для приема пищи, которые происходили общей трапезной в центре судна. Корабль, разумеется, во время войны не управлялся. Только этим и можно объяснить, что его занесло так далеко, и он сел на мель в виду нашего блаженного архипелага.

Здесь, на мели, произошло решительное сражение, в ходе которого "партия носа" перебила "партию кормы" до последнего человека. Впрочем, "кормовики" не остались в долгу и ответили "носовикам" тем

же. В трюме к тому времени осталась одна амфора с прокисшим вином, голова сыра, по твердости не уступающая гончарному кругу, и окаменевшая бычья туша.

Оставшиеся без дела рабы немного поскучали, потом стряхнули ржавые цепи, поделили поровну продукты питания, высадились на сушу и быстро растворились среди местного населения.

Дорогое убранство чудовищного дредноута древности: колонны из кипариса, изделия из слоновой кости и паросского мрамора долгое время украшали незатейливые жилища островитян, а сейчас являются достоянием городской управы Оук-порта.

В другой раз, а именно в VII веке уже нашей эры, во вторник после обеда, островитяне были разбужены звоном железа и диким зубовым скрежетом.

В прибрежный песок врезалось острым носом небольшое суденышко. Излохмаченный полосатый парус полоскался под ласковым ветром, а на песке стояли, растянувшись в цепочку, двадцать четыре звирепых вонючих мужика в звериных шкурах, с круглыми щитами и длинными мечами.

Это были скандинавские викинги, ограбившие уже берега Фландрии, Британии, Испании, Марокко, Индии и множества других стран. После последнего разбоя в какой-то стране, название которой они забыли, они вышли в море и много недель плыли в северо-юго-западно-восточном направлении. Вокруг была одна вода, воевать не с кем, а ладье теснотища. Викинги скучали, ругались друг с другом, и неизвестно, чем бы это кончилось, если бы не наткнулись они на наш лаженный архипелаг.

Подняв мечи и исторгая воинственные клики, они бросились на дивленных спросонья островитян. Ясно было, что пощады не будет никому.

Островитяне, как пугливые лани, взлетели на свой любимый вулкан, тяжелоногие викинги вдруг остановились, увидев котел с вареными лабами, пангустами и омарами, связки копченой рыбы и гирлянды спелых фруктов.

— Сперва закусим, — подумали они. — Сперва как следует подзапьемся, а потом уже пограбим, побесчинствуем за милую душу". Двенадцать викингов с жутким хрустом и чавканьем взяли за еду, двенадцать других заняли круговую оборону. Островитяне красивыми оленьими глазами наблюдали за викингами, радуясь их хорошему тетиту.

Насытившаяся половина шайки сменила охрану, но тут же заснула. Коре заснули и остальные.

Проснувшись, викинги увидели над собой шелестящие ветви вечнозеленых дубов и пальмовые листья, а еще выше ласково подмигивающее созвездие Кассиопеи, услышали шорох волн и дивное пение стных девушек. Воткнув в песок свои мечи, викинги быстро растворились среди местного населения.

Были и другие гости. Индийские купцы и полинезийские рыбаки одио спасение на архипелаге во время шторма. Иной раз любо-

пытства ради приплывали африканцы на плотках из папируса и персидские конокрады. Море порой выбрасывало на берег людей, совершенно неизвестных наций, и не было иноземца, который, разравшись в обстановке, не растворился бы мигом среди местного населения.

Так шли века. Так формировалась нация нынешней Республики Большие Эмпиреи и Карбункл. Мирная элегическая жизнь царила на архипелаге многие столетия, пока не началась эпоха великих открытий и великого разбоя.

Первым профессиональным пиратом, попавшим на архипелаг, была, как ни странно, женщина.

Известно, что в начале XIV века баронесса де Клиссон из Нанта, мать королю Франции за казнь своего мужа, снарядила три корабля и вышла грабить и жечь прибрежные города, не брезгуя и встречными кораблями.

Против мирных жителей, которым ее бандюги вспарывали животы, баронесса лично ничего не имела, но она прекрасно знала, что с каждого ее набега у короля Франции портилось настроение, и это доставляло ей чрезвычайно сильное удовольствие.

— Шерше ля фам! Ищите женщину! — кричал король на своих адмиралов, но толку от этих криков было мало.

Много месяцев продолжалась эта своеобразная месть, а правительственные корабли никак не могли напасть на след эскадры кривошейной мадам.

И вдруг разбой прекратился. Пиратская эскадра как в воду канула. Собственно говоря, все так и считали, воображая, что страшный Бискайский залив сделал то, что не могли сделать корабли французского флота.

На самом же деле мадам де Клиссон неожиданно направила свою эскадру к югу. Ее вдруг охватили мучительные угрызения совести, и она решила навсегда покинуть наказанную ею Францию.

Задолго до знаменитого Васко да Гама мадам де Клиссон обогнула мыс Доброй Надежды, не обратив на него особого внимания. Долгие месяцы, пока корабли шли через Индийский океан, женщина-чудовище стояла на коленях в своей каюте и замаливала свои грехи.

Волны становились все выше и выше, они вздымали неуклюжие нантские барки в пугающую высоту, и мадам Клиссон казалось, что она возносится на небеса.

Однажды с гребня рекордно высокой волны рыдающая дама увидела цветущие острова с белыми сахарными головками гор. Ее осенила идея, что архипелаг этот ниспослан ей как искупление грехов, и она воскликнула:

— Вот они, блаженные Эмпиреи!

Французы высадились. Несколько дней они буянили и безобразничали, отдавая дань старым привычкам, а потом, успокоившись, распустились среди местного населения. На небольшом круглом полуострове раскаявшаяся грешница построила часовню, заложив тем самым основу будущего города Оук-порта.

Еще одно столетие прошлестело в тихом блаженстве.

Затем в субботу перед обедом островитяне были разбужены громом пушек. В нескольких кабельтовых от берега на озорных веселых волнах приплясывали галеоны свирепого португальского адмирала Жоао-Нуньеса да Гаэтано.

Закованные в сталь португальцы водрузили на потухшем уже вулкане свой флаг, воздвигли путем нещадной эксплуатации островитян мощные крепостные стены, и архипелаг превратился в португальскую провинцию, а Жоао-Нуньес да Гаэтано стал губернатором.

Казалось бы, начался жестокий колониальный режим, но... годы прошли, и мрачные аркебузники растворились среди местного населения, флаг изжевали любопытные горные козлы, а грозный губернатор превратился в обыкновенного бандюгу с большой дороги. Всякий раз, как у него кончался нюхательный табак, он снаряжал галеон для разбоя и надолго покидал свои владения.

Архипелаг стал настоящим прибежищем "джентльменов удачи" всех наций, вольной хулиганской республикой. Здесь бросали якоря пираты, флибустьеры, буканиры, корсары и каперы всех мастей. Все цивилизованные страны проклинали дьявольское разбойничье гнездо, не догадываясь, впрочем, об одном весьма важном и странном обстоятельстве.

Дело в том, что блаженный архипелаг не плодил пиратов, а как раз наоборот — сокращал их число. Множество отъявленных мерзавцев под влиянием красоты и свободы забывали о своем преступном прошлом и растворялись среди местного населения. Примером этому может служить случай со знаменитым корсаром Бархатным Чарли, прозванным так за то, что он никогда не снимал камзола из черного бархата.

Однажды, в XVIII веке, перед ужином часовые на башнях были разбужены диким голосом Бархатного Чарли.

Бригантина негодяя под идиллическим именем "Уайт Свон" ("Белый лебедь") барражировала вдоль крепостных стен. Капитан, расставив ноги в драных ботфортах, стоял на юте и орал в рупор своим нехорошим диким голосом:

— Отдавайте красавицу Марго!

Вдоль правого борта с дымящимися фитилями в руках стояли его канониры, и все, как замечено было с башен, в плохом настроении.

— Какую еще вам красавицу Марго? — крикнул долговязый Маркус Джереми Йон, представитель одной из старейших семей архипелага.

— Сами знаете какую! — заорал Бархатный Чарли. — Отдавайте немедленно! Открываю огонь всем правым бортом!

Впоследствии выяснилось, что его любезная красавица Марго, сбежавшая с "Белого лебедя" на Ямайке, нашла себе пристанище на островах Кьюри, где и одичала вместе со своим возлюбленным Хьюлетом Бандерогой. Бандерога же перед бегством сумел ввести в заблуждение Бархатного Чарли, чем навлек на черепичные крыши Оукпорта град каленых ядер.

Битва продолжалась около трех часов. Островитяне, кое-чему на-

учившиеся за истекшие столетия, смогли дать наглцам достойный отпор. Когда Бархатный Чарли очнулся в развороченном им до неузнаваемости трактире "Синька", к нему подвели юную Юкко-Паугину Ион, племянницу Маркуса Джереми.

— Не та ли это, кого вы искали, храбрый моряк?

— Собственно говоря, ничего общего, — прорычал Бархатный Чарли, потирая ушибленную рукояткой пистолета голову. — Да, собственно говоря, это и не имеет никакого значения...

Вот вам пример. Негодяи Бархатного Чарли, которые могли бы причинить столько горя жителям Цейлона, Бенгалии, Австралии и Чили (а именно такие были у негодеев планы), превратились на архипелаге в мирных скобарей, виноградарей, рыбаков или просто в бездельников, а страшилище южных морей "Белый лебедь" стал "прогуливать" в своих трюмах местное вино "Горный дубняк" для придания ему должного вкуса.

Больше того, сам Бархатный Чарли, для которого в Британском адмиралтействе давно была свита пеньковая веревка, стал почтенным гражданином Оук-порта, а впоследствии первым президентом Республики Большие Эмпиреи и Карбункл. Именно он, Чарли-Велюр, завез на архипелаг любимую игру лондонской голытьбы, известную теперь всему миру под названием "футбол", и именно эта игра принесла ему неслыханную популярность.

Так на солнечных пляжах и в тенистых лесах формировалась прелюбобитнейшая нация. Больших Эмпиреев и ее невероятный язык, вобравший в себя лаконичность кассиопейского, певучесть малазийского, высокопарность португальского, мужественность английского, образность пиратского жаргона и разные замечательные качества многих других лексиконов. Любкой мизантроп, попав на архипелаг, становился оптимистом и шутником и растворялся в добродушном, веселом, немного ленивом, но талантливом местном населении. И только лишь самые отъявленные негодяи и мрачные скопидомы не могли прижиться на красивых островах. Они пересекали пролив и высаживались на базальтовые скалы единственного неприветливого острова во всем архипелаге — острова Карбункл. Их влекла туда дурацкая лживая легенда, которая и дала имя этому острову.

Легенда гласила, что Хьюлет Бандерога, перед тем как скрыться и одичать на архипелаге Кьюри, штормовой ночью высадился на этом острове и закопал где-то там невероятнейший драгоценный камень — карбункл — величиной со страусиное яйцо. Где мог достать свистун Бандерог такой ценный предмет, легенда не объясняла, да это и не нужно было тупым маньякам-кладоискателям. Пошлые призраки богатства и власти влекли этих людей на остров, базальтовые скалы которого напоминали гигантскую крепость. Более полувека шли поиски несуществующего "страусиного яйца", за это время на острове возникло некрасивое поселение, где, казалось, сам воздух был пропитан подозрительностью и злобой. Жители этого городка, носящего неприглядное имя Стамак (Желудок), отличались большой физической силой, но были тупы и раздражительны. С веселыми и беззаботными

эмпирейцами они не поддерживали почти никаких отношений, хотя и согласились войти в республику на правах автономной единицы.

Этот остров с его историей и населением был источником бесконечных анекдотов для всех жителей архипелага, но в то же время оставался сумрачной загадкой, своеобразным памятником кровавому и жестокому времени. Иногда до Оук-порта долетали через пролив звуки выстрелов, нестройное зловещее пение, но большей частью Карбункл хранил молчание.

Тем временем наступил просвещенный XIX век. Морские пути стали безопасными, мировая торговля бурно развивалась.

Большие Эмпирей, расположенные в зоне пассатов, оказались удобным перевалочным пунктом для парусных караванов. Жизнь на архипелаге в те дни была ключом. Гавани благоустраивались. Оук-порт становился все богаче и импозантнее. Развивались ремесла и искусство. Архипелаг торговал с Европой, Азией, Африкой, Америкой и Австралией. Везде находили спрос эмпирейские товары: перья райских птиц, вино "Горный дубняк", пробковое дерево, копра, жемчуг, ароматические масла.

Тогда-то и появился у берегов архипелага кровожадный Рокер Буги, последний, если можно так выразиться, "пират классического типа". Базируясь на Карбункле, населению которого он пришелся весьма по душе, новоявленный пират нападал на караваны, идущие в Оук-порт, и нещадно их грабил. Увы, чудовище долгое время оставалось безнаказанным: морские министерства Португалии, Великобритании, Франции, Германии, Испании и Нидерландов спорили друг с другом. Едва одна из названных стран собиралась направить к архипелагу карательную экспедицию против рокера Буги, как все остальные заявляли решительный протест. Все эти названные страны считали Большие Эмпирей своей собственностью.

Наглость Рокера Буги дошла до того, что, явившись со своими головорезами в сенат, он низложил республику и объявил себя императором архипелага. И тогда беззаботные островитяне восстали. Единственный военный корабль, десятипушечный бриг "Рыцари ночи", ныне ставший кораблем-музеем, открыл огонь по пиратской эскадре, однако весь его экипаж был беспощадно вырезан в abordaжном бою. Рокет Буги предал Оук-порт огню и мечу. Столб пламени стоял над городом, когда на горизонте появились паруса русского клипера "Безпречный", направляющегося на отдых в Оук-порт после картографической разведки островов Кьюри. Остальное известно уважаемому читателю.

Население Больших Эмпиреев вновь получило возможность для своего бурного процветания. Оно процветало до тех пор, пока паровые машины окончательно не вытеснили парус. Новые, некрасивые, но более надежные суда, не зависящие от пассатных ветров и течений, проложили в океане другие пути, и Большие Эмпирей оказались в тороне. Редко-редко швартовались теперь суда в удобных гаванях Оук-порта.

Однако эмпирейцы не тужили. Да и чего им было тужить? Ведь море

по-прежнему было прозрачным, и рыба в нем не перевелась, фруктовые деревья плодоносили по-прежнему, дубы, пинии и пальмы шестелели так же ласково, как и в прежние времена, и так же ласково подмигивало по ночам созвездие Кассиопеи.

Может быть, Володя Телескопов был отчасти и прав, может быть, эмпирейцам действительно было немного скучновато, но у них была большая всепоглощающая страсть — футбол, завезенный, если помните, сюда еще Бархатным Чарли. Они называли свою любимую игру "булоногом", а игроков "легоперами". Они были убеждены, что обладают самой мощной командой мира, но у них никогда не хватало денег, чтобы съездить в Европу или в Южную Америку проверить свои силы, да они и не знали толком, что такое деньги.

Заманивая в свои гавани корабли разных стран, эмпирейцы вызывали их экипажи на булоножные поединки и обыгрывали с ужасающим счетом. Последний, например, матч с командой несчастного "Ван-Дейка" закончился со счетом 44 : 0 в пользу местных легоперов.

Так шла жизнь, и никто, или почти никто, из потомков обленившихся астронавтов, предприимчивых малазийцев, африканцев, мидинян, карфагенян, индусов, объевшихся викингов и раскаявшихся пиратов не подозревал о том, какие тучи собираются над их небольшой страной, никто, или почти никто, не мог вообразить себе события, о которых пойдет речь в следующих главах. Итак, читатель, внимание...

Глава VI,

*в которой веселые голоса
перемежаются злобными выкриками,
трещат мотоциклы и невнятно бубнит "резинщик"*

— Странное дело, Николай, — сказал Геннадий Стратофонтов капитану Риккошетникову. (Оставаясь наедине, Геннадий позволял себе называть своего старшего друга просто по имени.) — Происходит какое-то чудо, Николай. Мне кажется, что я начинаю, Николай, понимать эмпирейский язык. Взгляните, например, на этот транспарант.

Друзья в густой толпе шли по вытертым до блеска мраморным плитам старого Оук-порта. В бесчисленных магазинчиках, лавчонках, барах и кафе главной улицы Пикокабанауэй кишела говорливая, возбужденная жизнь. Казалось, воздух наэлектризован ожиданием завтрашнего футбольного поединка. Посередине улицы приплясывающая толпа болельщиков несла огромный транспарант, на котором было начертано:

РИККО СИЛЛА МИЛАЗ: АВАРА СПАРО КЭКС ХАВА КЕМТ УРА КЭКС ХАВА ЛИПАНДРА! ХУХС РИККО СИЛЛА, БЕСТАДО ЛЕГОПЕР ПЕЙСО!

— Рикко Силла заявляет, — переводил Геннадий, — наши соперники забьют столько голов, сколько смогут. Мы — сколько захотим! Да здравствует Рикко Силла, лучший футболист вселенной!

— Знаете, Гена, это очень странно, — сказал капитан, — но мне тоже кажется, что я что-то понимаю, а ведь этот язык не похож ни на один из знакомых мне языков.

— Вон та старушка в белом накрахмаленном чепце сейчас сказала старику в синих штанах: "Не пора ли домой, Хусай?" — сказал Геннадий.

— "Еще один стаканчик, и баста", — ответил ей на это старик, — смеясь, подхватил капитан. — А вон та девушка, видите, рыжая девушка, говорит своей подруге: "Завтра я надену белые бусы..."

— Парень крикнул кому-то в толпе: "До вечера!"

— Продавец уверяет, что у него настоящий бразильский кофе...

— Давайте попробуем поговорить с кем-нибудь из них, — предложил Геннадий.

Друзья сквозь бамбуковую занавеску вошли в полутемную прохладную лавчонку. Толстый хозяин в красной майке с цифрой "9" на спине тут же закрутился возле них.

— Вилькамис, вилькамис, якшиито немо!

— Пуззо, гай ле свитохлади, — попросил его Геннадий и тут же получил брусок мороженого в шоколаде.

— Пузо, гай ле тубмака пюр пипса, — попросил капитан и тут же получил коробку трубочного табака "Летучий голландец".

— Хава киста свитохлади ри тубака? — спросили друзья, имея в виду стоимость купленных предметов.

— Фуна, велюр свитохлади, фуна велюр тубака, — сияя от счастья, ответил толстяк.

Капитан протянул ему две огромные местные банкноты с башнями, парусами, амурами, пушками и арбалетами.

— Нет-нет, только один велюр, — запротестовал торговец.

— Но вы ведь сказали, что мороженое стоит один велюр и табак стоит один велюр...

— Да-да, совершенно верно, — ответил толстяк, умиляясь догадливости иностранцев.

— А все вместе?

— Тоже один велюр!

— Тп-пк... — почесал в затылке Рикшетников. — Позвольте тогда знать, сколько стоит весь ваш магазин?

— Один велюр, — сказал хозяин.

— А вот эти игральные кости?

— Тоже один велюр!

— Да как же это так получается? — воскликнули разом пораженные рузья.

Толстяк смущенно хмыкнул и потупил глаза.

— Все иностранцы удивляются этому, господа, но... понимаете ли... такой красивый, наш велюр...

— Благодарю вас. До свидания, — сказал капитан, засовывая в карман лишний велюр.

— Вилькамис. Вилькамис. Гретто, сенькьюри!

Жуя мороженое и куря табак, друзья двинулись дальше. Они шли к зданию сената, где, как объяснили им в порту, должны были сегодня состояться большие дебаты по вопросу завтрашнего матча.

— Джин! Мой юный герой! — услышал вдруг Геннадий за спиной, на плечо ему легла легкая, как куриная лапка, рука.

Пожилая леди Сьюзен Леконсфильд выглядела самым невероятным образом. Шея ее была унизана местными глубоководными жемчугами, мочки ушей были украшены пунцовыми серьгами, над седыми буклями колыхались перья райских птиц, а костлявые бедра были обтянуты ярчайшей эмпирейской мини-юбкой.

— Джин, сокровище мое, спасенные тобой создания сегодня через час улетают домой, в свою уютную квартирку, — лепетала старая леди.

— Позволь мне поцеловать тебя, мой мальчик, мой рыцарь, мой хрустальный дельфинчик, мой...

Потрясенный "хрустальным дельфинчиком", Геннадий подставил щеку и получил отличнейший поцелуй.

Капитан Рикошетников с галантностью, привитой ему еще в Высшем мореходном училище, поцеловал даму ручку.

— На местном дирижабле мы доберемся до Зурбагана, а там пересядем на "комету", — продолжала старушка. — Поцелуй же своего нареченного братца, мой мальчик.

Содрогаясь от отвращения, Геннадий поцеловал Винстона в слюнявую пасть.

Мопс вяло лизнул его в ухо. Геннадий заметил, что "нареченный братец" дрожит от страха и заглядывает ему через плечо. Он обернулся и увидел деловито идущего по мрамору Пушу Шуткина. Над котом, словно флаг, горделиво реял его выдающийся хвост.

— А, вон еще один член нашего экипажа, — улыбнулся капитан.

Пуша Шуткин вдруг взлетел на дождевую трубу, мелькнув на карнизе черным хвостом. Задержавшись на секунду на голове какой-то каратида, Пуша Шуткин обернулся к друзьям, развел передними лапами — извините, мол, дела, и тут же исчез.

Попрошавшись с леди Леконсфильд, друзья двинулись дальше. Извилистая Пикокобанауэй вдруг вытекла на довольно широкую площадь, в глубине которой высилось здание сената с корифскими колоннами, готическими шпилями и лепкой рококо.

Перед сенатом высился величественный памятник предку ленинградского пионера "Адмиралу Серхо Филимоныч Страттофудо", как именovali его благодарные островитяне.

Скромный мужественный путешественник был изображен скульптором как бы на капитанском мостике, но одновременно и на коне. Его гордую голову, с лицом, исполненным благородного гнева, венчал крылатый шлем. Правой рукой Страттофудо поражал акулopodobного Рокера Буги, а левой защищал пышную улыбающуюся деву, символизирующую эмпирейскую свободу!

— О ужас! И это мой прапрапра... — прошептал Геннадий, вспомнив добродушный и даже несколько застенчивый взгляд фамильного портрета.

— Представляете, что здесь начнется, если обнародовать ваше происхождение, Геннадий? — засмеялся капитан.

— Умоляю вас не делать этого, Николай! — воскликнул мальчик. Скромность всегда была его отличительной чертой.

Рикошетников промолчал. До поры до времени он решил не волно-

вать друга, не говорить ему о том, что он вместе с Хрящиковым и Шлиером-Довейко решили обнародовать его происхождение на завтрашнем футбольном матче, и сделать это было решено для расширения и углубления дружеских контактов.

Друзья поднялись по мраморной лестнице и скрылись в здании сената. Они уже не видели, как через пять минут на площадь с грохотом ворвались два десятка мрачных, затянутых в черную кожу хулиганов на мотоциклах. Они не видели, как хулиганы начали злобное кружение вокруг памятника, поливая его желтой краской и отвратительной хулой, забрасывая яйцами и тухлыми крабами. Они не видели, как толпы возмущенных эмпирейцев пресекли эту неожиданную вылазку жителей Карбункла (а это были именно они) и покрыли их головы позором.

В чем же была суть этого странного инцидента? Оказалось, что на Карбункле вдруг вспыхнула яростная компания против футбольного матча. Жители Карбункла, для которых ранее один их жалкий клукс был дорожее всего мирового футбола, которые до сего утра не слышали даже имен Пеле и Гершковича, вдруг выступили с яростными нападениями на футболистов "Алеши Поповича" и послали лучших своих хулиганов для осквернения памятника русскому адмиралу.

А Геннадий и капитан Рикошетников сидели тем временем в галерее для гостей и наблюдали заседание сената Республики Большие Эмпиреи и Карбункл.

Спикер сената возвышался над всем собранием, сидя по традиции на огромной бочке знаменитого "Горного дубняка". Одет он был также традиционно: бархатный камзол, драные ботфорты, красная пиратская косынка на голове. Оба его глаза крест-накрест закрывали традиционные черные повязки. В руке он держал кремневый пистолет XVIII века, выстрелами из которого пресекал шум в зале.

Сенаторы же, их было ровно две дюжины, одеты были кое-как. Рабочая оппозиция, шесть представителей Карбункла, все были в черных суконных тройках, а остальные — в расстегнутых жилетах, в рубашках, иные так просто в майках. Президент республики Токтомуран Жечкин, явившийся на заседание прямо с тренировки, был в доспехах футбольного вратаря.

Среди этого странного общества изысканностью и строгостью nada выделялась красивая статная дама с длинными черными волосами лицом, словно вырезанным из слоновой кости.

— Кто эта дама, местье? — спросил Рикошетников оказавшегося по соседству вертлявого француза.

— Это женщина-сенатор мадам Накамура-Бранчковска, — зашептал сед. — Вчера я удостоился быть приглашенным к ней на прием. Верьте, местье, такой обаятельной и импозантной дамы не встретишь в Лондоне, ни даже в Париже. Говорят, что она происходит из рода Клиссон...

Спикер выстрелил в потолок, вынул изо рта традиционный клеп и тихим голосом возгласил:

— Слово предоставляется господину президенту.

Рисунки Владимира ЛЕВИНСОНА

Токтомуран Джечкин, подтягивая черно-бело-лиловые трусы, поднялся на трибуну.

— Господин спикер, господа сенаторы, господа! Вчера народ Эпиреев приветствовал в своем порту советский фрегат "Алеша Попович"! Любимец нашего народа лучший футболист вселенной Рикко Силла первый коснулся борта этой бригантины.

Советская каравелла, господа, занимается в океане наукой, но Эпиреев, слава богу, не касается. Мы будем счастливы встретиться с легоперами этой далекой и, как утверждают, большой страны, командой которой заняла пятое место на так называемом первенстве мира в Англии.

Господа, вы знаете, что сила удара левой ноги Рикко Силлы равна одной тысяче пятистам килограммам, тогда как удар пресловутого, уважаемого всеми нами Пеле весит всего лишь восемьсот килограммов. Какое же может быть первенство без команды Больших Эмпиреев?!

Трибуны для публики взорвались бешеным восторженным ревом. Спикер выстрелил в потолок.

— От себя лично, господа, — продолжал президент, — я заявляю. В завтрашнем матче я парирую восемь пенальти и вытаску столько же мячей из "девятки". Лозунг Рикко Силлы вам известен. Уверен, что сенат единогласно одобрит встречу наших легоперов с советскими футболистами, прибывшими к нам на галеоне "Алеша Попович".
кончил, господа!

Скипер снова пальнул в потолок.

— Слово имеет старейшина Совета Копальщиков острова Карбункл, почтенный кавалер Ордена Счастливой Лопаты полковник Бастардо Мизераблес ди Порк-и-Гусано.

На трибуну поднялся высокий мощный мужчина лет сорока с баянанообразным носом, лохматыми гусеницами бровей, похожим на утку подбородком и странными на этом фоне тоненькими усиками. Лицо этого господина показалось знакомым Геннадию и Рикшетникову, но вспомнить его они не смогли. Как-то очень уж не связывались между собой сенат далекой неведомой страны и милый сердцу, проступающий сквозь снег вид Ленинграда... Кировский мост, Петропавловка, памятник Суворову.

Бастардо Мизераблес ди Порк-и-Гусано грохнул страшным кулаком по трибуне и завопил на карбунклском наречии эмпирейского языка.

— Вжыл жыз всплых сиплствоу! Черчелянто ри фларт! Газзо азаф Карбункл жрав Эмпирея гам, га фула, брегадл!..

Грубая речь его была почти непонятна нашим морякам. Уловить можно было лишь отдельные бранные слова: трусы, предатели, пентия, провокаторы, идиоты, коварные происки и тому подобное. Ясно было одно: кавалер Ордена Счастливой Лопаты яростно протестовал против дружеского спортивного поединка, обвинял и угрожал.

Никто не ожидал такого поворота дела. Изумленные сенаторы левого крыла и центра вскочили, размахивая руками. Шум на галереях

для публики поднялся невообразимый. Круглый, как мяч, седоватый сенатор в красной футболке с цифрой "3" одним прыжком взлетел на трибуну и закричал:

— Позор недостойным копальщикам Карбункла! Вам не поссорить нас со славными ребятами, не дрогнувшими даже перед лицом бандитской подлодки! Занимайтесь своим делом, копите свои грязные клуксы и не лезьте в чистый футбол! Да здравствует дружба! Да здравствуют посланцы страны нашего героя Серхо Филимоныч Страт-гофудо!

Шум усилился еще больше. Полдюжины черных куртуков сиплыми лотками рывками какую-то гадость. Спикер палил уже из двух пистолетов. И тогда, слегка поправив свои дивные волосы, встала мадам Такамура-Бранчковска. Все мгновенно стихли. Видимо, вес этой женщины в эмпирейском обществе во много тысяч раз превышал ее собственный вес, вполне соответствующий изящным парижским стандартам.

— Господа, — мягким глубоким голосом сказала женщина-сенатор. — Никто из присутствующих не упрекнет меня в презрении к футболу. Не помнят, что именно я открыла счет в матче с командой австралийского авианосца "Кукебурре". В это же время остров Карбункл отлично знает, с каким уважением я отношусь к его туземному жественному населению. По этим двум причинам я выдвигала свое голосование и приглашаю всех присутствующих на мой сенаторский эчер "Вальс незнакомых цветов".

Очаровательно улыбнувшись, она села. В зале царил недоуменный опчанье. Позиция влиятельной дамы явно всех озадачила.

— Начнем голосование? — сквозь традиционный кляп еле слышно доизнес скипер.

— Начнем! Начнем! — послышались неуверенные голоса.

Президент Токтомуран Джечки крикнул со своего места:

— Господа, я забыл добавить! Рикко Сипла сегодня ударом головы

воротил штангу!

Взрыв энтузиазма погасил последние сомнения;

— Голосуем, и дело с концом!

И тогда правая оппозиция прибегла к последнему коварному способу погасить волю народа. Она выпустила на трибуну так называемого езинщика". Все в зале поняли, что это значит, когда "резинщик" начал с первой страницы читать "Хартию вольностей" толщиной в аморную плиту, а под рукой у него еще были "Ветхий завет", "Коран" "Антология мирового фольклора". Увы, таков был закон эмпирейского сената — оратор мог выступать столько, сколько хотел, а "резинщик" с Карбункла, видимо, собирался выступать не меньше четырех эй. Сенат же не мог проголосовать, пока он не кончит.

Поразительно, — прошептал капитан Рикшетников, — к этому эдству в буржуазных псевдодемократиях прибегают только в крайних случаях. Никогда не думал, что футбольный матч вызовет такие эасти. Что все это значит и кому все это нужно?

Прошел час. В зале уже слышалось носовое посвистывание засы-

пающих сенаторов. Спикер, свернувшись в клубок, спал на своей бочке. А "резинщик" все бубнил и бубнил:

— ... Итак, параграф седьмой пятого подпункта установления торговли гласит, что производство пуговиц разрешается при предъявлении определенного числа доказательств о возможности такого производства, обусловленных пунктом "а"...

— Пойдемте в порт, Геннадий, — сказал Рикошетников. — Дело ясное, что дело туманное.

Он обернулся и увидел, что мальчика рядом с ним нет.

Глава VII,

*из которой доносятся до нас стук теннисного мяча
и страшный хруст,
с которым мощные челюсти разгрызают клешни омара*

Первое, что услышал Геннадий, очнувшись, был звук, похожий на грохот работающего рядом отбойного молотка. Потом лопатки его ощутили холод каменного пола. Глаза устремились вверх, и мальчик показалось, что он лежит на дне глубокого каменного колодца. Голова закружилась.

— Где я? Что со мной?

Геннадий приподнялся на локтях и осмотрелся. Нет, это был не колодец, скорее старая узкая крепостная башня. Стены грубой кладки уходили вверх. Сквозь стрельчатое окно на самом верху, скорее похожее не на окно, а мушкетную бойницу, узкая полоса яркого солнечного света косо шла вниз и падала на привалившегося к стене дюжего детину в штанах военного образца и в белой майке со штампованным автографами кинозвезд. На коленях детины лежал тупорылый автомат-люгер. Дитина храпел, и именно этот храп создавал впечатление работающего рядом отбойного молотка.

Через секунду Геннадий вспомнил все. Он вспомнил, как, утомленный нудным завыванием "резинщика", тихо покинул галерею для гостей и решил прогуляться по зданию эмпирейского сената.

Он шел гулками сводчатыми коридорами, разглядывал стоящие нишах фигуры средневековых воинов, входил в пустые залы и смотрел на огромные картины, поразительно напоминающие эмпирейскую банкноту велюр.

Открыв очередную дверь, Геннадий запутался в каких-то тяжелых шторах. Пытаясь выбраться из парчовых складок, он услышал негромкие мужские голоса и наконец увидел в щелку трех джентльменов развалившихся в креслах и прихлебывающих из высоких стаканов янтарное виски. Он хотел было уже с извинениями удалиться, как вдруг услышал...

— Этот идиотский футбольный матч не должен состояться ни в коем случае, — сказал тихо голубоглазый блондин с очень странным утиным носом. — И вообще советскому кораблю нечего делать возле архипелага.

— Видите ли, мистер Мамис, — обратился к утконосому глыбоподобный господин, — меня самого и всех нас, копальщиков, тошнит

от футбола и разных других выходов этих эмпирейских недоносков, но... понимаете ли... русские популярны в республике, а этот их кумир Серхо Филимоныч Страттофудо... а от футбола они сходят с ума... Может быть, дадим им сыграть эту игру и уже потом...

— Вы здесь на своем архипелаге совсем оторваны от мировой политики! — резко прервал его утконосый. — Мясо, господа, нужно отмочить в соусе, прежде чем нанизать на вертел!

Джентльмены гулко расхохотались и подняли стаканы.

— За мистера Кингсли Брейнвена Мамиса из страны, которая ценит юмор, но не любит шутить! — провозглазил глыбоподобный.

— За наше дело, господа! — сказал, как бы подводя итог, мистер Кингсли Брейнвен Мамис.

В это время стальные пальцы сзади обхватили горло Геннадия, и не успел он опомниться, как был втащен внутрь кабинета. Джентльмены вскочили. Мамис мгновенным движением сунул руку за пазуху.

— Мне пришла нужда прогуляться, господа, — прогудел над Геннадием грубый голос. — Возвращаюсь, смотрю — мальчишка...

— Кто ты такой, щенок?! — завизжал не своим голосом глыбоподобный, суя под нос Геннадию кулак, усеянный огромными перстами.

— Здесь не место разбираться, Латтифудо, — быстро проговорил Мамис, открыл черный портфельчик "атташе" и, зажав себе нос платком, брызнул из какой-то стеклянной трубочки едкой жидкостью в лицо Геннадия.

Последнее, что слышал мальчик как сквозь вату, были слова:

— Отправьте его куда следует...

"Сколько же времени я был без сознания? — подумал сейчас Геннадий. — Час, два, может, сутки?"

Он осторожно встал и подошел к храпящему охраннику. Тот не шелохнулся. Тяжелый дух дешевого джинна витал над ним. Геннадий снял колен парнюги автомат, перекинул его через плечо и посмотрел вверх. В стене кое-где намечались выступы, видимо остатки винтовой лестницы, которая в свое время вела на боевую площадку.

Вспомнив уроки скалолазания, которые когда-то в Крыму преподавал ему папа Эдуард, Геннадий стал карабкаться вверх. К счастью, на ногах него были легкие туфли на каучуковой подметке. Прошло несколько учительных минут, прежде чем он оказался перед бойницей. Прямо над ним вниз головой висели мешочками несколько летучих мышей.

Протиснуться в бойницу было делом нелегким, но и оно оказалось по плечу мальчугану. Он выбрался наружу и встал, прижавшись спиной к стене, на каком-то витиевато изогнутом выступе, видимо остатке эманента, некогда венчавшего башню. Огромное пространство открылось перед ним. Окинув его взглядом, Геннадий чуть не закричал от ужаса. Шпили Оук-порта едва виднелись на горизонте. Сверкающий солнце пролив шириной в несколько миль частично был скрыт низким, невысоким, но устрашающе мрачным хребтом, похожим на чину динозавра. Мальчик понял, что он находится на острове Кар-нкл.

Головокружительные секунды отчаяния... Как далек от него сейчас

родной "Алеша Попович", капитан Рикошетников, Шлиер-Довейко Хрящиков, Верестищев, Барабанчиков, Телескопов, Есеналиев, Калипсо — люди, с которыми любая беда — не беда... И они ничего не знают о нем! Они даже не могут предположить, где он сейчас.

Однако надо действовать. Надо попытаться выбраться из этой непонятной злой истории.

Башня была высотой не менее двадцати пяти метров. Внизу клубилась какая-то зелень, но под зеленью, возможно, были скрыты острые камни. Прыгать прямо вниз было безумием. Попытаться соскользнуть по стене? Стена была словно отполирована многовековыми ветрами. Вот метрах в пяти-шести верхушка мощного дерева, с ветвей свисают лианы. Попробовать по-тарзаньи? Единственный выход, несколько шансов из ста.

Сильно оттолкнувшись, Геннадий полетел вниз. Вот замелькали мимо рук спасительные лианы. Неужели конец? Р-раз! Руки обожгло огнем. Геннадий закачался на лиане. Автомат больно ударил по крестцу. Проклятый автомат! Надо было его сбросить к чертям подальше.

Под тяжестью мальчика лиана стала растягиваться, и Геннадий словно с парашютом, вспоминая уроки мамы, опустился на пружинящий дерн.

Вокруг была тишина, только птицы кричали на разные голоса, далеко доносился граммофонный шлягер "Крошка, не задавайся крошка, лучше сознайся, крошка, не забывайся, иначе поколочу, чу-чу-чу!"

Геннадий отвалил от подножия башни какой-то камень, положил автомат в ямку и забросал его сухими ветками и листвою. Кто знает, что ждет впереди?

Осторожно пробираясь сквозь кусты, мальчик направился в сторону залива. Он рассчитывал пересечь хребет, спуститься к морю, найти там какую-нибудь подку и попытаться добраться до Оук-порта. Несколько раз ему пришлось проходить под замшелыми каменными арками, сбегать по ступеням заброшенных лестниц, но ни разу ему не встретилось ни души.

Вдруг до слуха его донеслись гулкие звуки, похожие на удары по теннисному мячу. Кто мог играть в теннис в этом логове темных и подозрительных людей? Геннадий уже знал, что единственный спорт на Карбункле — это копание ям. Кто быстрее выкопает яму, тот и чемпион.

Прячась за валунами, короткими перебежками, чуть ли не ползком, Гена направился на эти звуки. Звуки становились все громче. Сомнений не оставалось — это был теннис. Внедрившись в кусты азалии, мальчик подполз вплотную к проволочной загородке идеального травяного корта, расчерченного по всем правилам и с туго натянутой сеткой.

На корте в полном одиночестве девочка его лет била мячом в стенку. Удары были резкие, частые, и реакция у девочки была что надо. Но вот она промахнулась, мяч пролетел мимо ракетки и подкатился чуть ли не к Гениному носу.

Геннадий хотел было уже ящерицей скользнуть в азалии, глянул и

остолбенел. Прямо на него бежала вприпрыжку румяная и надменная... Наташа Вертопрахова.

Да, это была она: тот же "конский хвостик", болтающийся на затылке, и вся стройная сущность большеглазого морского конька.

Она нагнулась за мячом и вдруг увидела лицо Геннадия. Несколько секунд мальчик и девочка, не отрываясь, смотрели друг на друга.

— Ну, чего? — спросила наконец Наташа, сдвинув брови к переносице. Говорила она по-эмпирейски.

— Ничего, — ответил Геннадий. Греха таить нечего, он был растерян.

— В теннис-то небось не играешь? — спросила Наташа.

— Играю, — пробормотал Геннадий.

Наташа вдруг звонко рассмеялась:

— В теннис он играет! Ах, ты, крот несчастный! А ну-ка, лезь сюда.

Геннадий, совершенно забыв об опасности, которая подстерегала его здесь на каждом шагу, перелез через заборчик. Наташа бросила ему ракетку. Он поймал ее на пету и встал на правой половине площадки.

— Ну держи, крот! — крикнула Наташа, слабея от смеха, и сделала легкую подачу.

Геннадий мощным драйвом погасил мяч.

— Что такое? — округлила глаза Наташа. — У тебя совершенно профессиональный драйв.

— Тренируюсь с восьми лет, — тихо ответил Геннадий.

Скромность, как уже было сказано, была его самой отличительной чертой.

Девочка подошла к сетке. Геннадий тоже приблизился. Он уже тонял, что это не Наташа, а лишь ее копия, правда совершенно точная.

— Ты разве не из кротов? — спросила девочка.

— То есть?.. — удивился Геннадий.

— Ну что, не понимаешь? Разве ты не с Карбункла? Впрочем, нечно, ты не с Карбункла. У тебя такой странный выговор... — Она аморщила лоб. — Иностранец, что ли?

— Я... — пробормотал Геннадий, — я англичанин...

— Фантастика! — воскликнула девочка. — Как ты сюда попал? роты не пускают в этот район острова ни одного иностранца.

— Я... я гулял и вот...

— Ладно, давай играть, — сказала девочка. — В этой дыре я совсем потеряла класс, а скоро у нас в Оук-порте чемпионат.

Геннадий осмотрелся. Дубы вокруг корта безмятежно шелестели, росли азалии были непроницаемыми, дорожка, покрытая цветной иткой, просматривалась далеко...

— Только один сет, — сказал он.

Девочка протянула ему свою руку и назвала свое имя:

— Доллис.

— Джин, — представился Геннадий, вспомнив леди Леконсфельд. Они начали играть и сыграли не один сет, а всю партию.

С большим трудом в последнем сете Геннадию удалось сломить сопротивление Доллис. Чуть остыв от спортивного азарта, он подумал,

что девочка, должно быть, раздосадована проигрышем. Ничуть не бывало. Доллис была весела и довольна.

— У вас в Англии все так играют?

— Через одного, — улыбнулся Геннадий.

— Слушай, Джин, как ты все-таки здесь оказался?

Геннадий внимательно посмотрел на девочку. Ему показалось, что ей можно открыть правду, что она может ему помочь, но все же решил быть осторожным.

— Я... я заблудился...

— Тебе нужно в Стамак? — спросила Доллис. — Пойдем, покажем дорогу.

— Покажи мне лучше кратчайший спуск к морю, — сказал Геннадий.

— Мне нужно попасть в Оук-порт.

Они уже давно говорили по-английски. Вот где пригодились мальчику его усердные занятия этим языком.

— Не собираешься ли ты переплыть пролив? — со смехом спросила Доллис.

— Вот именно.

— У тебя есть знакомые среди акул?

— Мне нужно переплыть пролив, Доллис, — тихо и серьезно сказал Геннадий.

— Из Стамака каждые два часа ходит паром.

— Мне нельзя в Стамак, Доллис...

Девочка снова весело рассмеялась.

— Какая таинственность! Таинственный англичанин!

— Доллис, я не шучу...

— Ну, пойдем, пойдем! Я покажу тебе спуск к морю. — Она вдруг хлопнула себя ладошкой по лбу. — А хочешь, вместе переплывем в Оук-порт на каное? Блестящая идея! То-то взорвется моя мамочка!

Сердце Геннадия глубоко забилось. Каное? О чем еще он мог мечтать?

А Доллис, увлеченная своей идеей, схватила его за руку и повлекла по разноцветным плиткам.

Они бежали по извилистым дорожкам огромного парка, мимо неохватных стволов удивительных реликтовых растений, мимо скульптур, беседок, фонтанов, мимо фантастических цветов. По дороге Доллис без умолку трещала. Как ей хочется пробывать в Англии, вообще поехать по миру, увидеть Лондон, Нью-Йорк, Москву, Париж... Мать ее путешествует бесконечно, но никогда не берет Доллис с собой. В конце концов Доллис возьмет вот и убежит из дому!

— Чей это парк, Доллис? — на бегу спросил Геннадий Стратофонов. Его поразило то, что во всем этом огромном парке они не встретили ни одного человека.

— Наш, — ответила девочка.

— Чей?

— Наш. Ну моей мамы...

— Весь парк ваш? А экскурсии сюда приезжают?

— Еще чего! — презрительно фыркнула Доллис. — Экскурсии!

Несмотря на напряженность момента Геннадий подумал: "Вот он — капитализм! Кучка людей владеет огромными ресурсами природы!"

Они нырнули под красивую арку, пробежали полутемным тоннельчиком, и перед ними сразу за балюстрадой распахнулось пространство: скалы, море, приблизившийся изломанный гребень Оук-порта. Пролит пересекало белое судно, верхняя палуба которого была покрыта ярким тентом.

— Мама возвращается, — махнула Доллис рукой в сторону судна. — Вчера она давала в столице прием. — Доллис напыщенно и жеманно произнесла, словно передразнивая кого-то: "Вальс незнакомых цветов", господа! Не правда ли, прелестно? "Вальс незнакомых цветов"!

Так вот оно что!.. Геннадий едва смог скрыть свое изумление. Он вспомнил длинные черные волосы и словно выточенное из слоновой кости лицо женщины-сенатора. Бал был вчера! Значит, он валялся без сознания чуть ли не сутки?

— Я слышал вчера про этот прием, — сказал он. — Твоя мама мадам Накамура-Бранчевска?

— Ну да. Как ты догадался, Джин?

— Я видел ее в сенате.

— Ты не думай, что она всегда такая важная, она хорошая, только...

— Доллис быстро посмотрела на него. — Красивая, а?

— Не хуже Софи Лорен, — сказал он.

Девочка расхохоталась.

— Ну, ты, я вижу, знаток! Ладно... — Она показала с балюстрады вниз. — Видишь тропинку между скал? Спустишься по ней, там будет маленькая бухта. Разбойничья бухта. Жди меня там, а я подгоню каноз. Идет?

Не успел Геннадий кивнуть, как за спиной его раздался страшный вопль.

— Вот он! Вот он, ребята!

Геннадий стремительно обернулся. Из тоннельчика прямо на него бежал детина в майке с автографами кинозвезд, а за ним еще трое узколобых квадратных парней, и все с оружием в руках.

Изумленная Доллис увидела, как юный англичанин молниеносным приемом дзю-до сбил с ног огромного парня, вскочил на барьер балюстрады и упал вниз лицом под ударом пистолетной рукоятки. Два трузных тела навалились на мальчика. В мгновение ока руки его были жручены мотком проволоки.

Доллис вскрикнула и влепила пощечину одному из громил!

— Как вы смеете, кроты? Кроты несчастные! Кто вам разрешил рываться в наш парк? Вон отсюда! Отпустите его немедленно!

Детина, сбитый Геннадием, кряхтя, поднялся. На тупом его лице астыла кривая хулиганская улыбка.

— Этот парень, молодая госпожа, задержан по приказу Совета. Он бежал сегодня из Мушкетной башни. Люгер мой спер, молодая госпожа. — Он обернулся к Геннадию и схватил его за грудки: — Где моя ушка, гаденыш?

Доллис и его огрела пощечиной.

— Ручка у вас тяжелая, молодая госпожа, — ухмыльнулся детина.
— У моей мамы рука потяжелее! — крикнула Доллис и вдруг заплакала в три ручья. — Джин, Джин, что это такое?
— Я не знаю, что они от меня хотят, Доллис, — проговорил Геннадий.
— Это какое-то дикое недоразумение...
— Наше дело маленькое, — ухмыльнулись битюги. — Приказ есть приказ.

Подталкивая Геннадия в спину автоматами, они повели его через парк. По дороге они шумно обсуждали подробности погони и схватки. Должно быть, они казались себе героями. Дитина в майке с автографами хлопнул мальчика по плечу даже с некоторым добродушием:

— А здорово ты меня с катушек сбил, малец!

— Ай донт андерстенд, — сказал Геннадий. — Я не понимаю вашего языка.

— Ладно, ладно, топай!

Его вывели из парка и повели по покрытой щебенкой дороге, петляющей среди выветрившихся рыжих унылых скал. Шагая по этой раскаленной дороге, Геннадий лихорадочно обдумывал ситуацию.

Ясно одно: он в руках какой-то банды. Ясно также, что эта банда плетет заговор против эмпирейцев и против научного корабля. "Мясо надо отмочить в соусе, прежде чем нанизать на вертел..." "Советскому кораблю нечего делать возле архипелага..." "Нужно покончить с этим кумиром Серхо Филимоныч Страттофудо..." Ясно, что главари банды боятся, что он подслушал их секреты.

Если он откроется им и скажет, что он советский пионер, потребует, чтобы его отправили на "Алешу Поповича", если они еще догадаются, что он потомок эмпирейского памятника... Это может кончиться плохо. Может быть, он — единственный честный человек, прикоснувшийся к заговору? Кто знает, что грозит этим простодушным, веселым эмпирейцам и его товарищам, морякам и ученым?..

Надо попытаться обмануть их. Он англичанин Джин Стрейтфонд, он ни слова не понимает по-эмпирейски, он ничего не слышал. Ему нужно добраться до Оук-порта, чтобы...

— Эй, стой! — грубым голосом прервал размышления Геннадия один из конвоиров. Он взял Геннадия за плечо и залепил ему глаза широким пластырем.

После этого Геннадий двигался в полнейшей темноте. Он слышал, как скрипели какие-то двери, ему казалось, что его ведут по узкому сырому коридорчику, потом был долгий спуск по скользким ступенькам, толчок в спину... Пластырь содрали, и Геннадий увидел выбеленные стены, небольшое окно, забранное стальной решеткой, за которым виднелось только море и небо. В кресле сидел, развалившись, глыбоподобный господин Латтифудо. Солнце играло в массивных перстнях на его руке, тонкий лучик шел от уха, от золотой серьги.

— Кто ты такой, мальчишка? — спросил Латтифудо с некоторой томностью и усталостью.

— Ай донт андерстенд, сэр, — ответил Геннадий. — Ай эм инглишмен, сэр, житель Лондона, турист...

— Вона-а, — вяло удивился Латтифудо, поморщился словно от головной боли и снял телефонную трубку. — Але, Фук, щенок-то англичанин, по-нашему ни бельмеса не понимает... Чего? Э-э... Так? — Он бросил трубку и вдруг заорал на Геннадия, наливаясь кровью: — Притворяешься, паразит? На архипелаге сейчас нет ни одного английского турота!

Орал он по-английски с грубым акцентом

— Видите, сэр, я с того самого несчастного теплохода "Ван-Дейк", нас спасли русские...

— Что-что? — Латтифудо даже приподнялся от изумления. — Ты, значит, с "Ван-Дейка"? Эге-ге...

— Я путешествовал со своей бабушкой леди Сьюзен Леконсфильд. Бабушка улетела на родину, а я остался. На русском судне, сэр, мой багаж...

— Эге-ге... ге-гег-ге... — проговорил Латтифудо и заглянул мальчику в глаза с веселостью, от которой повеяло какой-то жутью. Потом снял трубку. — Фук, малый-то с "Ван-Дейка". Ага. Так. Ну ясно! Грумло! — гаркнул он, и в дверях вырос детина в майке с автографами. — Кончай с этим пацаном.

Грумло поставил автомат на боевой взвод и кивнул Геннадия:

— Пошли.

"Неужели конец?" — подумал Геннадий. Страха не было, он словно одеревенел.

Зазвонил телефон. Латтифудо вяло снял трубку и вдруг вскочил, вытянулся во фрунт.

— Слушаюсь! Так! Так точно, здесь! Грумло, отставить! Так, все понятно. Немедленно приступаю.

Он подошел к мальчику, развязал ему руки, посадил в кресло, погладил по голове и ласково прожурчал:

—хлопот с тобой полон рот, малыш...

После этого, что-то шепнув Грумло, он вышел из комнаты. Теперь все тело казалось Геннадия ватным. Страшная усталость и апатия захватили его.

Грумло поставил автомат на предохранитель, подмигнул Геннадия и групо заржал.

— Ну, ты меня здорово сбил с катушек, парень! Как прием называется?

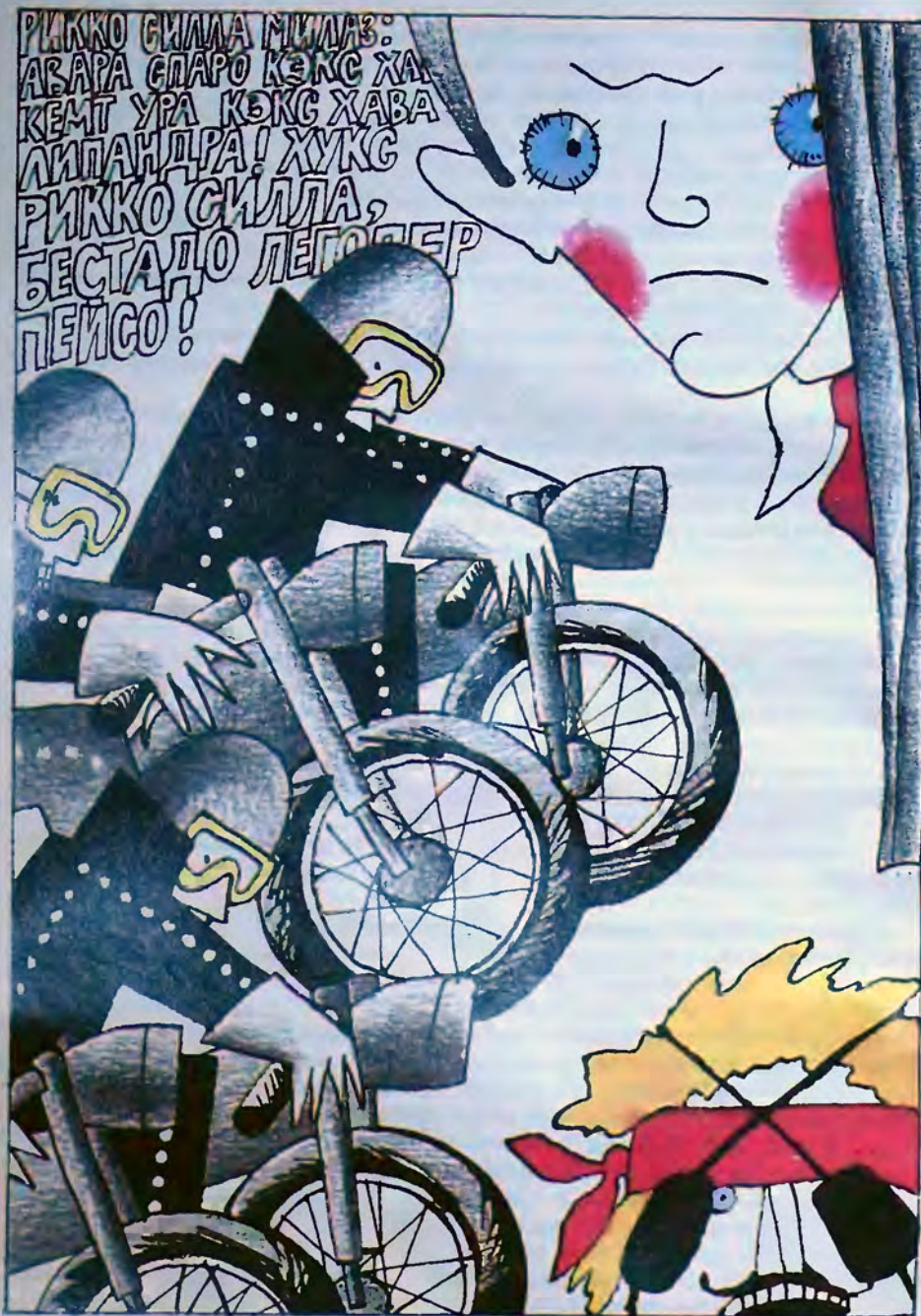
— Пошел к черту, ублюдок, — сказал Геннадий этому получеловеку, который несколько минут назад мог влить ему пулю в затылок.

Усталость брала свое. Геннадий начал было уже дремать, когда открылась дверь и вежливый голос позвал его:

— Мистер Стрейтфонд, пожалуйста сюда!

Несколько маршей узкой сырой лестницы, все глубже и глубже, два ще освещенных перехода. Открылась кованая дверь, и Геннадий казался в обширном помещении, освещенном мягким светом неоновых рубок. В помещении стояли мягкие кожаные кресла, стены украшали ковбовые панели. Это было бы похоже на салон пассажирского судна, если бы не пульты радиостанции, за которыми сидели двое мужчин.

РИККО СИЛЛА МИЛЛАЗ:
АВАРА СПАРО КӨКС ХА
КЕМТ УРА КӨКС ХАВА
ЛИПАНДРА! ХУКС
РИККО СИЛЛА,
БЕСТАДО ЛЕГОВЕР
ПЕЙСО!

Навстречу Геннадию шел с протянутой рукой любезно улыбающийся мистер Кингсли Брейнвен Мамис.

— Ай, дорогой мистер Стрейтфонд, какая получилась чепуха, какое недоразумение! — сказал он. — Ну просто скандал...

— Я сам ничего не понимаю, сэр, — сказал Геннадий. — Я гулял по зданию сената, открыл какую-то дверь, запутался в драпировке, и вдруг меня схватили за горло, сэр...

— Эта дурацкая охрана, мистер Стрейтфонд, — прожурчал Мамис. — Вы должны нас извинить. Нравы этой страны, понимаете ли... За-сунули вас в средневековую башню, эти неотесанные чурбаны...

— Да-да, — кивнул Геннадий.

— Но зачем вам понадобилось бежать, мой друг? Объяснили бы все и...

— Я ничего не понимал, сэр, — пробормотал Геннадий. — Я не понимаю этого языка. Я не знал, в чьих я руках, сэр.

— Да, да... А автоматик, мистер Стрейтфонд?

— Выкинул его куда-то в кусты, сэр...

Вошел запыхавшийся Латтифудо и доложил Мамису:

— Все в точку. На "Ван-Дейке" была зарегистрирована леди Сьюзен Леконсфильд с внуком.

— Хорошо, — кивнул Мамис, пытливо вглядываясь в лицо Геннадия, видимо пытаюсь понять, понимает ли он по-эмпирийски.

Усилием воли Геннадию удалось сохранить безучастное выражение лица, хотя он был поражен: леди Леконсфильд была зарегистрирована на "Ван-Дейке" с внуком? В следующий момент Геннадий догадался: старая чудачка называла своим внуком мопса Винстона, его она и внесла в списки пассажиров. Какая удача!

— Мне показалось, сэр, что джентльмен назвал имя моей бабушки, — вежливо обратился он к Мамису.

— Наведены справки, мистер Стрейтфонд. — Кингсли Брейнвен Мамис лучезарно улыбался. — Ваша бабушка благополучно прибыла в Лондон. Вы можете сейчас поговорить с ней по телефону.

— Как? Прямо отсюда? — удивился Геннадий.

— Да, наши радисты мигом соединят вас с вашей лондонской бабушкой. Не забыли телефончик, мистер Стрейтфонд?

Геннадий понял, что его подвергают последней проверке. К счастью, он помнил номер леди Леконсфильд, но старуха, сама того не зная, могла его запросто выдать.

— Благодарю вас, сэр, но в этом нет нужды, — небрежно махнул он рукой. Ничего, мол, с бабкой не случится.

— В этом есть нужда, мистер Стрейтфонд, — сказал Мамис, глубоко заглянув в глаза мальчику, словно пытаюсь по-змеиному проползти в его сущность. — Это просто необходимо, юный мистер Стрейтфонд.

Да, в чем нельзя отказать моему герою — это в присутствии волевых качеств.

— Ну, если вы настаиваете... — улыбнулся он. — Наш телефон Виктория 3-27-38.

Прошло несколько минут, прежде чем один из радистов протянул

Геннадию трубку. В трубке очень отчетливо слышался дребезжащий голосок.

— Сьюзен Леконсфильд у телефона...

— Бабушка! — закричал Геннадий. — Это говорит твой внук Джин. Твой... хрустальный дельфинчик. Не волнуйся, я звоню тебе с Эмпирейских остров... Как себя чувствуешь, милая бабушка?

Последовала пауза, потом в трубке послышались хлюпающие звуки, перераставшие в рыдание, сквозь которые едва можно было разобрать отдельные слова.

— Джинни, мой мальчик!.. Внучек!.. Да я, твоя бабушка, слушаю! тебя... рыдаю вместе с Винстоном... дити мой... хрустальный мой дельфинчик...

Геннадий заорал изо всех сил:

— Бабушка, не волнуйся за меня! Я попал здесь в какую-то странную историю...

Расчет этот оправдался. Мамис после последних слов немедленно прервал разговор.

— Связь оборвалась, мистер Стрейтфонд, — развел он руками. — Не мудрено, такое огромное расстояние...

— Большое вам спасибо, сэр, — почувствованно сказал Геннадий. — Честно говоря, я очень волновался за бабушку. Честно говоря, ведь я в последнюю минуту... — Геннадий замолк.

— То есть попросту... — Мамис изобразил пальцами осьминога человека. Видно было, что он полностью поверил в легенду Геннадия.

— Попросту драпанул, сэр, — весело расхохотался мальчик. — Вы знаете, я был потрясен вашим архипелагом, мне захотелось подольше побыть здесь... Эти бастионы Оук-порта, Карбункл, сам похожий на крепость... легенды о бесстрашных пиратах...

— Увлекаешься пиратами, малыш? — снисходительно усмехнулся Мамис.

— Есть немного, сэр. С детства мой кумир — великий адмирал Рокер юги.

— Вон что! — Мамис загадочно улыбнулся. В голубых глазах его мелькнул огонек. — В Оук-порте его не очень-то любят...

— Правда? — наивно удивился Геннадий.

Зазвонил телефон. Мамис снял трубку.

— Да. Все сошлось. По-моему, наивный дурачок. Есть, Фук, не волнуйся. Пока. — Он повесил трубку и хлопнул Геннадия по плечу: — ты, оказывается, ловкий паренек, Джинни-бой! Уже успел познакомиться с Доллис! Мадам Накамура-Бранчевска разносит из-за тебя на начальство. Требуем, чтобы тебя немедленно доставили на ее виллу. оехали.

В шесть часов вечера свежий, отдохнувший элегантный юный денди жин Стрейтфонд явился в сопровождении слуги к ужину на открытую террасу виллы Накамура-Бранчевской.

Веранда висела прямо над морем на стометровой высоте. В центре был сервирован стол на четыре персоны. Вокруг стола хлопотали

три подтянутых официанта в белых куртках с золотыми пуговицами. Подсобный стол в углу веранды сверкал хрусталем, серебром, кубиками льда. На роскошном ложе из свежайшей зелени распластался гигантский омар.

Официанты молча вытянулись перед Геннадием, а Геннадий вздрогнул, вновь увидев перед собой Наташу Вертопрахову. Ну до чего же была на нее похожа Доллис Накамура-Бранчевска!

Девочка, сменившая свой любимый наряд — белые шорты и гавайскую рубашку — на строгое платье, подбежала к нему.

— Привет, Джин! Проклятые кроты, из-за них лопнула наша гениальная идея с каноэ! Чего они хотели от тебя?

— Послушай, Доллис, — тихо сказал Геннадий, — ты никому не говорила, что я понимаю по-эмпирейски?

— Нет, а что?

— Прошу тебя никому об этом не говорить...

Глаза Доллис сузились, она зашептала:

— Какая-то тайна, Джин, да? Расскажи мне, не бойся...

— Я все тебе расскажу позднее, — сказал Геннадий. — Сейчас важно хранить молчание.

— Договорились, Джин!

К веранде приближалась мадам Накамура-Бранчевска под руку с высоким мужчиной, в котором Геннадий узнал свирепого сенатора Бастардо Мизерабле ди Покр-и-Гусано. Теперь он был сама благовоспитанность и любезность, а от красоты Накамура-Бранчевской у Геннадия просто захватило дух.

— Терпеть не могу этого типа, — сказала Доллис, хмуро глядя на приближающегося председателя Совета Копальщиков острова Карбункл, кавалера Ордена Счастливой Лопаты и полковника... — Худший из всех кротов. Ишь ты, повадился к нам...

Мадам одарила мальчика ослепительной улыбкой и протянула руку. Мгновение поколебавшись, Геннадий поцеловал изящную конечность.

— Мы очень рады видеть вас гостем, Джин, — сказала мадам. — Покойный ваш дед и его фирма зубных протезов известны всему деловому миру. Доллис говорила, что вы прелестно играете в теннис. Надеюсь, вы простили этих неотесанных местных служаков. Поверьте, им досталось на орехи от полковника и от меня. Прошу к столу.

Ужин прошел в остроумной светской беседе, легко и приятно, если не считать страшного хруста, с которым полковник разгрызал клешни омара, да злых шуточек Доллис. Мадам Накамура-Бранчевска была очень предупредительна к своему гостю из великого Лондона.

— Ах, Лондон, Лондон! — проговорила она, когда они с Геннадием отошли к барьеру веранды. — Помните, как сказал поэт... "Все города похожи, как два пенса, но не похож на них, как шиллинг, Лондон..."

За столом Мизерабле, сильно чавкая, добирал все, что осталось, пил огромное количество вина, рывкал в ответ на колкости Доллис, а Геннадий с хозяйкой дома стояли над морем — она пила коктейль "Дайкири", он — ананасовый сок.

— Вы погостите у нас, Джин?

— Боюсь, мадам, что мне нужно возвращаться домой. Бабушка сегодня так плакала в телефон...

— Печально, — вздохнула хозяйка. — Мне кажется, что наши отношения могли бы перерасти в настоящую дружбу...

Она смотрела на него с мягкой доброй улыбкой.

"Какая приятная женщина, — подумал мальчик. — Приятнейшая женщина, несмотря на то, что капиталистка. Смотрит на меня, как мама пла".

— Мадам, — сказал он взволнованно, — вы спасли меня сегодня от смерти.

— О Джин, не надо преувеличивать, — улыбнулась она.

— Я не преувеличиваю, мадам. Мне кажется, что я был в руках какой-то страшной банды. Когда толстяк узнал, что я с "Ван-Дейка", он приказал меня застрелить. Я уверен, что только ваше вмешательство спасло меня. Мне кажется, что те люди связаны с пиратами, напавшими на "Ван-Дейк".

— Пираты! — усмехнулась дама. — В вашем возрасте, Джин, еще можно верить в пиратов...

— Но "Ван-Дейк" потоплен, мадам!

— Да это возмутительный бандитизм! — воскликнула дама. — Уверена, что великие державы не оставят этого без внимания! — Она наклонилась к плечу Геннадия: — Что касается местных солдафонов, уверена, вы ошиблись. У вас очень напряжены нервы, мой мальчик. Хорошо бы вам отдохнуть у нас несколько дней. Самолет моей фирмы скоро летит в Зурбаган, откуда вы сможете отправиться прямо в Лондон. В Европе снова входят в моду перья райских птиц, и мы получили заказ.

— Еще раз большое спасибо, мадам, но мне нужно утром быть в порте. На русском судне мои вещи... и бабушка волнуется, мадам.

— Хорошо, завтра поедем вместе на моей яхте. Возьмем Доллис с собой, она покажет вам город. Наш дом в Оук-порте, мы эмпирейцы, ин. Здесь мы только спасаемся от жары...

Она что-то еще говорила, а Геннадий лихорадочно прикидывал, стоит ли рассказывать ей о подслушанном в сенате разговоре. Она тирейка, сенатор, ей, наверное, не безразлична судьба ее народа. Он глянул вниз и остолбенел от ужаса. По проливу, оставляя за собой темный след, двигался "Алеша Попович". Они уходят из Оук-порта! Где? Почему? Они уходят без него! Он остался совсем один!

"Алеша Попович" проходил прямо под ними. Палубы были пусты. Медленно вращалась антенна локатора. Геннадию показалось, что он стоит в стене ходовой рубки каменное лицо своего друга капитана ошетникова. Как он мог бросить его?

За его спиной гулко захохотал Бастардо Мизераблес.

— Гляди! — заорал он. — Сматываются коммунисты. Наша взяла! Мадам обожгла его резким и неожиданным, как удар хлыста, взглядом.

— До сих пор не научились вести себя в обществе, полковник! — повернулась к Геннадию и, пораженная его взглядом, воскликнула: Что с вами, мой мальчик?

— Там, — в ужасе закричал Геннадий, показывая на удаляющуюся "Алешу Поповича", — там осталась моя коллекция марок!

Да, дорогой читатель, в чем нельзя отказать моему герою, так в присутствии духа и находчивости!

Глава VIII,

*которая на своем убедительном примере показывает
что голоса логики и разума порой могут потонуть
в неистовом шуме сбитой с толку толпы*

Что же произошло? Почему "Алеша Попович" неожиданно покинул гавань Оук-порта? Можно ли представить себе, что советские моряки бросили в беде своего товарища? Нет, этого представить нельзя.

Николай Рикошетников, обойдя все, как ему казалось, помещенный в сенат в поисках Геннадия, выбежал на площадь и оказался в центре событий, развязанных мрачными хулиганами с Карбункла.

Площадь кишела людьми. Местами возникали стычки, переходящие в кулачный бой. Ораторы, взобравшись на фонарные столбы, кричали в толпу. Ревели моторы мотоциклов. Группа мужественных горожан, взявшись за руки, защищала свою святыню — памятник Серхо Фомонич Страттофудо.

Рикошетников помчался на судно, мигом собрал совещание состава. Половина экипажа была направлена в город на поиски пропавшего мальчика. Всем морякам было строжайше заказано высказываться о мальчике у местных жителей и тем более называть его именем. Рикошетников боялся, и не без основания, что "копальщики" могут узнать о пребывании в городе потомка благородного русского аристократа и устроить на него настоящую охоту.

Тем временем возвратились с тренировки судовые футболисты. Они рассказали, что большинство публики горячо их приветствовало, а меньшинство наоборот — бросало в них дохлых крыс, пищевые отбросы и увядшие цветы. Меньшинство это было весьма ретиво и затянуло черную кожу. Рассеялось оно только тогда, когда появился гигант в плавках из леопардовой кожи — лучший футболист всех времен и народов, добродушный, но неразговорчивый Рикко Силла.

Поиски Геннадия продолжались несколько часов и не дали никаких результатов. Потрясенный Рикошетников решил тогда на крайний шаг — он снова отправился в сенат.

В сенате уже все спали. Семижильный "резинщик", похрапывая, тянул свое:

— В свете изложенного, опираясь на параграф девяносто, пункт отдела восемнадцать, можно категорически заявить, что производство пугал на территории республики может быть разрешено только лицам, доказавшим свою способность к оному...

Рикошетников разбудил того сенатора, который дал резкую отповедь прохвостам полковника Бастардо Мизераблес ди Порж-и-Гусано. Тотистик в футболке под номером "3" повел его в свой кабинет для конфиденциальных переговоров.

Имя сенатора было Нуфнуту Куче. Рикошетников рассказал ему все. Нуфнуту Куче выслушал его с крайним вниманием. В маленьких его пазах, отягощенных трехъярусными мешками, пылал неподдельный интерес.

— Видите ли, капитан, — сказал он, — я не могу вам раскрыть всей одоплеки нынешних событий в нашей стране, потому что и сам ничего не понимаю. Скажу только, что передовая интеллигенция, рабочий класс и спортсмены очень озабочены неожиданной и непонятной такой с острова Карбункл. В других условиях приезд потомка адмирала Серхо Филимонич Страттофудо мог бы превратиться в национальный праздник. Сейчас, увы, мы не можем предугадать развитие событий. Эмпирейцы слишком доверчивы и простодушны. Это дети, впрочем. Я обещаю вам, что я и мои люди — скажу по секрету, их немало — поддержат все усилия для поисков мальчика. Я не исключаю возможности того, что он попал в лапы негодяев, но... — Нуфнуту Куче встал перед Рикошетниковым на одно колено и торжественно провозгласил: Клянусь созвездием Кассиопеи, катамараном старого Иона, цепями египетских рабов, ржавыми мечами викингов, четками мадам де Кликсон и аркебузами португальцев, клянусь бархатным камзолем нашего первого президента и нашим священным булоном, Джинадо Эдудос Страттофудо будет спасен! Аминь!

Капитан Рикошетников сразу понял, что этому человеку можно доверять. В глазах его он увидел намек на незаурядный государственный ум.

— Нуфнуту, скажите, состоится ли футбольный матч?

— Не уверен.

— Согласитесь, мы, мирные ученые и моряки, оказались в весьма усмысленном положении...

— Согласен.

Немногословность Нуфнуту Куче еще раз убедила капитана Рикошетникова в надежности этого человека.

— Мистер Рикошетников, я не коммунист, — сказал Нуфнуту Куче, — всего лишь левый либерал, филуменист и правый защитник, но я вам скажу: мне кажется, что все беспорядки на архипелаге направляет одна-единственная мощная рука.

О дальнейшем развитии событий можно догадаться по заголовкам высказываниям местных газет.

"Ежедневный фонтан" (Оук-порт):

"Кто мешает нашим парням накапливать международный опыт?"

"Сытная пища без обмана" (г. Стамак, о. Карбункл).

"Футбол — путь к нищете и позору!"

Литературный журнал "Лестница" (специальный выпуск):

Сегодня мы помещаем стихи нескольких наших известных граждан.

РИККО СИЛПА

Пусть будет дружною богата
 Душа любого демократа!
 Увидят все – наступит срок,
 Прославится наш булоног!

ТОКТОМУРАН ДЖЕЧКИН

Прекрасен
миг –
в ужасном
гвалте
Ваш
президент
берет
пенальти!
Быть
может,
кто-то
скажет:
"Поза?!"
Нет!
Это
ловкость
виртуоза!

НУФНУТИ КУЧЕ

Легопер-эмпирик, по знаку судьи выходи
На зеленое поле, как прежде простой и веселый.
Кожаный мяч, управляемый ловкой ногою,
Дружбы традиции пусть возродит с морями державы далекой!

НАКАМУРА-БРАНЧЕВСКА

Был парк пронизан лунным светом,
 Благоухал розарий мой...
 Ко мне явился за ответом
 Король души моей больной...

КАФРО ЛАТТИФУДО

Легоперы – ренегаты,
Презирает вас народ!
Уж конечно, ренегаты,
Презирает вас народ!”

Вечером того дня, когда был похищен Геннадий, уличные споры и стычки усилились. "Кроты", обычно не показывавшие носа в Оук-порт, теперь заполнили улицы, бары, кафе. На причале возле "Алеши Поповича" волновалась большая толпа.

— Надо прощупать русских! — кричали "кроты".

Поговаривали, что каждый из них получил за свои хулиганские выходки по двенадцать клуксов и по бутылке "Горного дубняка".

Ночью страсти не утихали, а, напротив, разгорались. Воя, носились о узким улочкам мотоциклы "кротов" со снятыми глушителями. На генах крепости, отражаясь на черной воде, колыхались факелы. Никто из приглашенных не явился на грандиозно задуманный вечер "Вальс знакомых цветов"... Мадам Накамура-Бранчевска в одиночестве скользила по паркету, тревожно вглядываясь в темноту парка, прихиваясь к розам и орхидеям. Утром горожане стали находить в почтовых ящиках, на ступенях лестниц, на столиках кафе желтые листочки. Какие-то негодяи за ночь распространили "Обращение капитана Рикошетникова" к народу Республики Большие Эмпиреи и Карбункл.

"Вы, несчастные лежебоки, — гласило "Обращение", — набрались глупости вызвать нас на соревнование по футболу. На что же вы рассчитываете со своей черепашной медлительностью? С презрением отвергаем ваш вызов! Капитан Рикошетников".

Оскорбленные горожане направились в порт. Напрасно Нуфнутиче, Рикко Силла, Токтомуран Джечкин и другие прогрессивные деятели пытались убедить их, что обращение — фальшивка.

Простодушные, как дети, впервые столкнувшиеся с такой грязной игрой, они верили всему. Почти каждый горожанин тащил с собой большой мяч.

В порту горожане устроили перед советским кораблем неслыханное зрелище. Сотни мячей летали в воздухе. Все от мала до велика, включая женщин, демонстрировали усомнившимся русским свое умение играть в футбол, технику обработки мяча, финты, обводку, и т.д.

Рикошетников несколько раз пытался со спардека обратиться к народу, но его всякий раз встречали свистом. "Как? Мы медлительные лежебоки, тупые ослы? Мы не умеем играть в футбол? А вот смотрите!"

На мачте "Алеши Поповича" давно уже трепетал флаг "Синий Петр" (символ борта). Только двух членов экипажа не доставало: не явился вольнолюбивый кот Пуша Шуткин и бесследно пропал лаборант биологического сектора Геннадий Стратофонов.

Торяки и ученые мрачно взирали на футбольную вакханалию, охватившую город. Первый помощник Хрящиков проводил среди экипажа разъяснительную работу. Видавший виды Шлиер-Довейко почтительно стоял в затылке. Капитан Рикошетников не выпускал изо рта трубку. Надо ли говорить о том, как волновался капитан за судьбу своего друга! Конечно, можно заявить официальный протест, начать иск через газеты, но не будет ли это стоить жизни его другу?

Бандиты с Карбункла не дремлют, а эмпирейцы... Эх, эмпирейцы! горечью смотрел капитан на так легко обманутых горожан.

Час уходил за часом, а Геннадий все не появлялся. Между тем футбольные страсти стали затихать. Утомленные граждане кучками рассаживались на набережной и приступали к обеду. Собственно говоря, никакого большого зла к капитану Риккошетникову они не пытались. Показали, что умеют, и ладно. Они были не способны допустить, чтобы эти чудачки эмпирейцы.

Вдруг с крепостных стен послышались крики. Около дюжины "кротов" разворачивали на площадке башни "Толстая Эльза" чугунное корабельное орудие, снятое еще в XVIII веке с поверженного "Белого лебеда". Жерло дурацкой пушки поворачивалось в сторону "Алеши Поповича".

- Русские! Отдавайте швартовы!
 - Убирайтесь!
 - Сейчас мы вам вспомним Сильвер-бей!
- В толпе на набережной начался ропот:
- Эй, кроты, вы это уже слишком!
 - Оставьте в покое нашу пушку!
 - Рехнулись, что ли?

"Кроты" не шутили. Один из них вкатил в орудие ядро, второй взялся за фитиль. Наступила тишина, в которой слышался только хохот Володы Телескопова.

- Ой, умру! Ой, сейчас лопну!

Не понимал серьезности момента безответственный "божий плохик".

И вдруг на башне появилась гигантская обнаженная фигура Рикко Силлы. Растолкав "кротов", великий легопер снял пушку с лафета и поднял ее себе на плечи. "Кроты", взыв от обиды, бросились на кучки мира нации. Рикко Силла с пушкой на плечах прыгнул с башни в воду бухты.

Что тут началось! "Кроты" стали прыгать за ним. Эмпирейцы целыми семьями тоже ринулись в воду. Рикко Силла, отдуваясь, плыл к берегу, спасая историческую ценность и собственную жизнь. Вокруг в прозрачных водах кипела борьба. Гвалт стоял невообразимый! Кое-где в узких улочках затрещали автоматные очереди. И тогда на борт "Алеши Поповича" вбежал сенатор Нуфнути Куче.

- Капитан, вы видите, что устроили эти негодяи? Выхода нет, вам нужно на два-три дня покинуть порт. Капитан, нам кажется, что на архипелаге действует мафия или что-то в этом роде. Патриоты начеку. Следы мальчика, как я и предполагал, ведут на Карбункл. Сегодня ночью мы высадимся на остров, а с вами будем держать связь по радио. Уходите, капитан...

Вот в каких условиях капитану Риккошетникову пришлось выйти из гавани Оук-порт и направиться на север.

Окончание следует

КАК БЫЛ СПАСЕН ВАНГ-ФО

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА.

Маргерит Юрсенар (этот псевдоним является анаграммой ее настоящей фамилии де Крайенкур) родилась 8 июня 1903 года в Брюсселе, а умерла 17 декабря 1987 года в США, на острове Мон-Дезер, расположенном в штате Мэн, на востоке страны, где, в деревянном доме, названном ей "Маленькая забава", она провела последние сорок лет своей жизни.

Одна из наиболее известных французских писательниц, М.Юрсенар в 1980 году стала первой женщиной, вошедшей в когорту "бессмертных" — членов Французской академии.

Недавно самый известный ее роман "Мемуары Адриана" (вызвавший при своем появлении восторженный отзыв Томаса Манна) появился в русском переводе.

Предлагаемая вниманию читателя новелла, вдохновленная древнекитайской легендой, открывает сборник М.Юрсенар "Восточные новеллы" (1938).

Старый художник Ванг-Фо и его ученик Линг брели по дорогам царства Хан.

Они медленно продвигались вперед, поскольку Ванг-Фо останавливался ночью созерцать звезды, а Линг — посмотреть на стрекоз. Они шли налегке, поскольку Ванг-Фо был образцом вещей, а не сама вещь, и ни один предмет на свете не казался ему достойным того, чтобы сохранить, кроме кистей, баночек с лаком и тушью, свертков шелка и рисовой бумаги. Они были бедны, поскольку Ванг-Фо отдавал за работы за миску пшеничной каши и гнушался серебряных монет. Ученик Линг, согнувшийся под

тяжестью забитого набросками мешка, уважительно горбил спину, будто подпирая небесный свод, поскольку в глазах Линга этот мешок был наполнен оснеженными горами, весенним половодьем и ликом летней луны.

Линг не был рожден, чтобы скитаться по дорогам рядом со стариком, пытавшимся овладеть рассветом и запечатлеть сумерки. Его отец занимался обменом золота, а мать была единственным ребенком торговца нефритом, который, прокляв ее за то, что она не была мальчиком, завещал ей все свое имущество. Линг вырос в доме, где богатство не допускало превратнос-

тей судьбы. От такого тщательно законопаченного существования он стал пугливым: боялся насекомых, грома и лиц покойников. Когда ему исполнилось пятнадцать лет, отец выбрал ему невесту, очень красивую, поскольку мысль о том, что он осчастливит сына, утешала его в том возрасте, когда ночь годится лишь для сна. Жена Линга была хрупкой, как тростинка, ребячливой как молоко, сладкой как слюна и горькой как слезы. После свадебных торжеств родители Линга имели скромность скончаться, и их сын остался в выкрашенном киноварью доме один, вместе с молодой женой, беспрестанно улыбавшейся, да еще сливой, каждую весну одевавшейся в розовые цветы. Линг любил эту женщину с чистым сердцем, как любят зеркало, которое не потускнеет, или талисман, который

всегда защитит. Следуя моде, бывал в чайных домиках и пролял умеренную благосклонность акробатам и танцовщицам.

Однажды ночью, в кабаке, сел за один стол с Ванг-Фо. Старик напился, чтобы быть в состоянии как можно лучше нарисовать картину; голова его клонилась назад, будто он силился определить расстояние, отдалявшее его руку от чарки. Рисовая водка развязала язык этому молчаливому трунику, и в тот вечер Ванг говорил так, будто молчание было стеной, а слова — красками, чтобы ее расцветить. Благодаря ему Линг узнал красоту пьяных лиц, размытых паром горячего питья, бул великолепие мяса, неравномерно облизываемого языками пламени и изысканную розовость винных пятен, усеивающих скатерти, и увядшие лепестки. Порыв ветра распахнул окно, и ливень хлынул в помещение. Ванг-Фо наклонился к Лингу, чтобы восхитить его мерцающе-синеватым зигзагом мимики, и Линг, к изумлению своему, перестал бояться грозы.

Линг расплатился за старого дождника, а поскольку у Ванг-Фо было ни денег, ни покровителя, смиренно предложил ему присесть. Они вместе пустились в рогу; Линг держал фонарь, свет которого отражался в лужах выжиданными огнями. В тот вечер Линг с удивлением узнал, что стены его дома были не красными, как он считал до того, а что у них был цинковый запах загнивающего апельсина. Во дворе Ванг-Фо заметил тонкие очертания куста, на который до того никто не обращал внимания, и сравнил его с сушащей волосы девушкой. В ридоре он с восторгом следил за неуверенными движениями м

равья вдоль стенных щелей, и ужас Линга перед этими насекомыми как испарился. Тогда, понимая, что Ванг-Фо явился, чтобы подарить ему душу и иное восприятие вещей, Линг в знак уважения уложил старика в той спальне, где умерли его отец и мать.

Долгие годы Ванг-Фо мечтал изобразить древнюю принцессу, играющую под ивой на лютне. Ни одна женщина не казалась ему достаточно нездешней, чтобы послушать моделью, но Линг мог сделать то, потому что он не был женщиной. Потом Ванг-Фо заговорил об изображении юного принца, стреляющего из лука у подножья выжогого кедра. Никто из молодых людей того времени не был достаточно ирреален, чтобы послужить ему моделью, и тогда Линг поставил позировать под садовой сливой юную собственную жену. Затем Ванг-Фо изобразил ее в костюме еи среди закатных облаков, иная женщина заплакала, попольку это было предсказанием смерти. С тех пор как Линг стал предпочитать ей самой портреты, еланые с нее Ванг-Фо, лицо ее блекло, словно цветок на пригорпод горячим ветром и летними ждямв. Однажды утром ее наивисящей на ветви розовой сли: концы шарфа, который ее зашил, развевались, переплетясь с юсами; она казалась еще более кой, чем обычно, и непорочной, с воспетые поэтами минувших мен красавицы. Ванг-Фо наивал ее в последний раз, поскольку нравился тот зеленоватый оток, который приобретают лица твух. Его ученик Линг расти- краски, и эта обязанность треала такого прилежания, что он абыл пролить слезы.

Линг продал одного за другим своих рабов, вещи из нефрита и рыб из фонтана, чтобы обеспечить учителя бавочками пурпуровой краски, привозимой из западных стран. Когда в доме ничего не осталось, они покинули его, и Линг закрыл за собой дверь своего прошлого. Ванг-Фо устал от города, где лица не таили больше для него никакого секрета уродства или красоты, и учитель с учеником пустились бродяжничать вместе по дорогам царства Хан.

Слава о них опережала их в деревнях, на подступах к крепостям и на порогах храмов, где встревоженные пилигримы находили себе приют на закате дня. Говорили, что Ванг-Фо обладал властью вдыхать жизнь в свои полотна вместе с последним прикосновением кисти, которое делалось на глазах у всех. Крестьяне умоляли его нарисовать сторожевого пса, а господа хотели от него изображений солдат. Священники почитали Ванг-Фо за мудреца, а народ страшился его, как колдуна. Ванга радовало это различие во мнениях, которое позволяло ему изучать на окружающих его лицах выражения благодарности, страха или почитания.

Линг выпрашивал пищу, охранял сон учителя и пользовался моментами его вдохновения, чтобы помассировать ему ноги. На рассвете, когда старик еще спал, он уходил выискивать робкие пейзажи, скрытые зарослями тростника. Вечером, когда упавший духом учитель бросал свои кисти на землю, он подбирал их. Когда Ванг бывал грустен и заговаривал о своем преклонном возрасте, Линг улыбаясь указывал ему на крепкий ствол старого дуба; когда же Ванг бывал весел и отпускал шуточки,

Линг покорно притворялся, что слушает его.

Однажды, на закате солнца, они достигли окраин императорской столицы, и Линг отыскал для Ванг-Фо постоянный двор, где они могли переночевать. Старик завернулся в тряпье, а Линг прижался к нему, чтобы согреться, потому что весна едва наступила и глинобитный пол был еще ледяным. На рассвете тяжелые шаги отозвались в коридорах постоянного двора; был слышен испуганный шепот хозяйина и приказы, выкрикиваемые на варварском наречии. Линг затрепетал, вспомнив, что своровал накануне рисовую лепешку учителю на ужин. Не сомневаясь, что пришли его арестовать, он думал о том, кто же поможет завтра учителю перейти вброд очередную речку.

Вошли солдаты с фонарями.

Пламя, просвечивая раскрашенную бумагу, отбрасывало на их надетые каски красные и голубые отблески. Тетива луков дрожала на их плечах, и наиболее свирепые из них вдруг зарычали без всякой причины. Тяжелые руки легли на затылок Ванг-Фо, который не смог не заметить, что цвет рукавов у них плохо сочетается с цветом накидок.

Поддерживаемый своим учителем, Ванг-Фо побрел за солдатами, спотыкаясь на неровных дорогах. Кучки прохожих насмехались над этими двумя преступниками, из которых, без сомнения, ведут, чтобы обезглавить. На все вопросы Ванг-Фо солдаты отвечали дикой гримасой. Связанные руки причиняли ему боль, и Линг, в отчаянии, улыбаясь, смотрел на учителя, что являлось для него наиболее нежным способом плакать.

Они подошли к порогу императорского дворца, фиолетовые стены которого высились посреди дня, как кусок закатного неба. Солдаты провели Ванг-Фо через бесчисленные квадратные и круглые залы, чья форма символизировала вращение года, страны света, мужское и женское начало, долголетие и прерогативы власти. Двери сами раскрывались, издавая определенную ноту, и расположение их было таково, что, пересекая дворец с востока на запад, вы проходили все гамму.

Все в сочетании стремилось дать представление о сверхчеловеческой власти и утонченности, и чувствовалось, что малейшие приказания, отдаваемые здесь, должны были быть окончательными и ужасающими, как мудрость предков. Наконец воздух разрежился; молчание стало таким глубоким, что даже подвергаемый пыткам не осмелился

вился бы закрывать. Евнух приподнял занавес; солдаты задрожали, как женщины, и маленькая группа вошла в зал, где восседал на троне Сын Небес.

В этом зале, окруженном мощными колоннами из голубого камня, не было стен. За мраморными гволями цвел сад, и хотя каждый веток в его зарослях принадлежал диковинному сорту, привозимому из-за океана, ни у одного не было запаха — из страха нарушить сластными ароматами медитацию небесного Дракона. Из почтения к змолвию, в котором проплывали о мысли, никакой птице не было позволено проникнуть за ограду, и же пчелы были выдворены отсюда. Громадная стена отделяла сад от остального мира, чтобы ветер, олетающий над околевшими соками и усеявшими поля сражений трупами, не мог себе позволить снестись императорского рукава. Небесный Повелитель восседал нефритовом троне, и его руки ли морщинисты, как у старца, я ему едва исполнилось двадцать лет. Его одеяние было голубым, что представляло зиму, и зеленым, чтобы напоминать о весне. Лицо было прекрасно, но немутимо, как подвешенное высоко зеркало, отражающее лишь звезды и неумолимые веса. По правую руку от него сидел министр Совершенных Наказаний, а по левую — советник гуженных Мук. Поскольку дворные, расположенные вдоль южной колонны, прислушались, чтобы уловить малейшее слово, слетевшее с его уст, он приговорить всегда тихо.

Небесный Дракон, — сказал им ниц Ванг-Фо, — я стар, я слаб, я немощен. Ты как лето, я

как зима. У тебя Десять Тысяч Жизней, а у меня лишь одна, и та подходит к концу. Что я тебе сделал? Мне связали руки, которые никогда не причиняли тебе вреда.

— Ты спрашиваешь, что ты мне сделал, старый Ванг-Фо? — сказал император.

Его голос был так мелодичен, что от него хотелось плакать. Он поднял правую руку, которая от отблесков нефритовых плит была голубовато-зеленой, как водоросли, и Ванг-Фо, восхищенный длиной его тонких пальцев, старался припомнить, не сделал ли он с императора или с его родственников посредственного портрета, который заслуживал бы смертной казни. Но это было мало вероятно, отдавая предпочтение крестьянским лачугам, а в городах — увеселительным кварталам на окраинах и кабакам вдоль набережных, где перебранивались носильщики.

— Ты спрашиваешь, что ты мне сделал, старый Ванг-Фо? — переспросил император, вытягивая свою хрупкую шею к ожидавшему его слов старику. — Я скажу тебе. Но, поскольку чей-либо яд может проникнуть в нас лишь через девять отверстий, я должен, чтобы показать тебе твою вину, провести тебя по коридорам моей памяти и рассказать тебе всю мою жизнь. Мой отец поместил коллекцию твоих произведений в самой секретной комнате дворца, поскольку он считал, что изображенные на них лица не должны рассматриваться невеждами, в присутствии которых они не могут опустить глаза. В этих залах я и был воспитан, старый Ванг-Фо, так как меня окружили одиночеством, чтобы в нем меня вырастить. А чтобы уберечь мою непорочность от загрязнения чело-

веческими душами, от меня удалили бурлящий поток будущих моих подданных и никому не было позволено пройти мимо моего порога из страха, что тень от мужчины или женщины может меня коснуться. Несколько старых слуг, которых мне пожаловали, показывались как можно меньше; часы протекали в замкнутом круге, краски твоих работ оживали с рассветом и бледнели в сумерках. Ночью, когда я не мог заснуть, я смотрел на них, и почти десять лет подряд я смотрел на них каждую ночь. Днем, сидя на ковре, узоры которого я знал наизусть, положив пустые ладони на покрывающий колени желтый шелк, я мечтал о наслаждениях, уготованных мне в будущем. Я представлял себе мир, с царством Хан по центру, похожим на безликую и полую поверхность ладони,

изборожденную роковыми линиями Пяти Потоков. Со всех сторон порождающее чудовищ море, а еще дальше – поддерживающие него горы. И чтобы легче было вообразить себе все эти вещи, я обращал к твоим образам. Ты заставил меня поверить, что море похоже на покрывающую твои полотна водная пелену – такую голубую, что упавший в нее камень должен превратиться в сапфир; что женщины раскрываются и закрываются, как цветы, подобно подгоняемым ветром по аллеям твоих садов созданиям; и что молодые воины с топором и палицей, охраняющие пограничные крепости, сами являются статуями, которые могут пропастись в сердце. В шестнадцать лет я увидел, как распахнулись двери, отделявшие меня от мира: я поднялся на террасу дворца, чтобы посмотреть на облака, но они были менее красивы, чем облака твоих закатов. Ты приказал подать носилки, и, сотрясаемый на дорогах с непредвиденными мною грязью и камнями, изъездил провинции империи, найдя твоих садов, полных женщин, что похожи на светлячков среди твоими женщинами, самое тело твоих подобно саду. Покрывавшие берега острые камни отвратили меня от океана; кровь истязаемых не так красна, как гранат на твоих полотнах; в деревнях мошкара мешала мне увидеть красоту рисовых полей; плоть живых женщин была мне отвратительна, как мертвое мясо, подвешенное на крюках у лавников, и меня тошнило от зычного хохота моих солдат. Ты солгал мне Ванг-Фо, старый самозванец: море – это лишь скопление беспорядочных пятен, брошенных в пустоту обезумевшим художником и исчезающим престанно смываемых нашими са-

зами. Царство Хан — не самая красивая из стран, а я не настоящий император. Единственная империя, над которой стоит царствовать, эта та, куда ты, старый Ванг, проникаешь по дороге Тысячи Изгибов и Десяти Тысяч Цветов. Только ты безмятежно царствуешь над горами, покрытыми снегом, что не может растаять, и над полями нарциссов, что не могут умереть. Именно поэтому, Ванг-Фо, я выискивал, какую казнь уготовить тебе — тебе, чье колдовство внушило мне отвращение к тому, чем я владею, и жажду того, чего у меня не будет. И чтобы запереть тебя в той единственной темнице, откуда ты не сможешь выйти, я решил, что тебе выжгут глаза, потому что твои глаза, Ванг-Фо, это две волшебные двери, через которые тыходишь в твоё царство. И поскольку твои руки — это две дороги с десяти ответвлениями, которые заводят тебя в сердце твоей империи, я решил, что тебе отсекут руки. Понял ли ты меня, старый Ванг-Фо?

Услышав этот приговор, ученик Линг выхватил из-за пояса зазубренный нож и бросился на императора. Два стражника схватили его. Сын Небес улыбнулся и добавил со здохом:

— И еще я ненавижу тебя, старый Ванг-Фо, за то, что ты умел впускать к себе любовь. Убейте эту юбаку.

Линг отпрыгнул вперед, чтобы его кровь не забрызгала платье чителя. Один из солдат поднял вою саблю и голова Линга отделилась от шеи, подобно срезанному ветку. Слуги вынесли тело, и Ванг-Фо в отчаянии своим залюбовавшимся прекрасным алым пятном, ставленным его учеником на зеленых плитах пола.

Император сделал знак, и два евнуха осушили глаза Ванг-Фо.

— Слушай, старый Ванг-Фо, — сказал император, — утри свои слезы, потому что это не подходящий момент, чтобы плакать. Твои глаза должны быть ясными, чтобы то малое, что в них осталось от света, не замутилось плачем. Ведь не только из злопамятства желаю я твоей смерти и не только из жестокости хочу увидеть твои муки. У меня другие намерения, старый Ванг-Фо. Есть у меня в коллекции твоих работ один дивный пейзаж, на котором горы отражаются в речном устье и море, разумеется бесконечно уменьшенных, но зрительно более достоверных, чем в природе, подобно тому, что залюбовалось своим отражением на поверхности стеклянного шара. Но эта работа не завершена, Ванг-Фо, и твой шедевр пока всего лишь набросок. В тот момент, когда ты работал над ним, устроившись в безлюдной долине, ты, должно быть, засмотрелся на пролетающую птицу или бегущего за ней ребенка. И клюв этой птицы или щеки ребенка заставили тебя забыть о лазурных веках воли. Ты не закончил ни бахрому, обрамляющую ризу моря, ни космы водорослей на скалах. Ванг-Фо, я хочу, чтобы ты посвятил те часы дневного света, которые тебе остались, завершению этой работы, в которой сосредоточились бы последние тайны, накопленные тобой за долгую жизнь. Нет никакого сомнения, что твои, уже готовые опуститься руки не задрожат над куском шелка и бесконечность проникнет в твою работу штрихами горя. Как нет никакого сомнения и в том, что твои глаза, которые ты так скоро утратишь, прозреют некие связи на пределе человеческого

море и небо. Ванг-Фо вытер слезы и улыбнулся, потому что этот маленький набросок напомнил ему юности. Все говорило в нем о душевной свежести, на которую Ванг-Фо не мог больше претендовать, но в то же время чего-то в нем не хватало, так как в ту пору, когда он его сделал, он еще недостаточно созерцал горы и скалы, купающиеся в волнах пагие свои откосы, и не достаточно еще проникся грустью заката. Ванг-Фо выбрал кисть из тех, что подал ему раб, и принялся размывать незавершенное море широкими голубыми мазками. Присевший у его ног внуча растирал краски; он довольно плохо справлялся с этим делом, и больше чем когда-либо пожалел Ванг-Фо о своем ученике Линге.

Ванг начал с того, что подкрасил розовый кончик крыла у лежащего на горе облака. Затем он нанес на поверхность моря мелкие морщинки, которые лишь углубили производимое им впечатление ясной безмятежности. Высланный нефритом пол странным образом покрывался влагой, но Ванг-Фо, поглощенный своим полотном, не замечал, что работает сидя в воде.

Хрупкая лодка, выросшая под ударами кисти художника, занемала теперь весь передний план на шелковом полотне. Слаженный шум весел вдруг возник вдалеке, быстрый и оживленный, как бие крыла. Шум все приближался и постепенно наполнил собой весь зал, потом смолк, и капли задрожали на застывших в руках у лодочника веслах. Давно уже раскаленное докрасна железо, предназначенное для глаз Ванга, остыло на углях у палача. Придворные, погруженные в воду по плечи, согласно этикету не двигались и лишь

восприятия. Таков мой план, старый Ванг-Фо, и я могу заставить тебя его осуществить. Если ты откажешься, то, до того как тебя ослепят, я прикажу сжечь все твои работы и ты уподобишься отцу, у которого зарезали сыновей и тем убили надежду на продолжение его рода. Но, если хочешь, думай скорее о том, что этот мой приказ исходит лишь от доброты, потому что мне известно, что шелковое полотно — это единственная любовница, которую ты когда-либо ласкал. А предоставить тебе кисти, краски и тушь, чтобы занять твои последние мгновения, это все равно что из милости привести уличную деву человеку, обреченному на казнь.

Император шевельнул мизинцем, и два внуха почтительно принесли незаконченное полотно, на котором Ванг-Фо лишь набросал

вставали на цыпочки. Наконец вода достигла уровня императорского сердца. Молчание стало таким глубоким, что слышно было, как падают слезы.

Это был действительно Линг. Он был в старой своей одежде и на правом рукаве у него была видна все та же прореха, которую он не успел зашить утром, до того как пришли солдаты. Но вокруг шеи у него был повязан странный красный шарф.

Ванг-Фо мягко сказал ему, продолжая работать:

— Я думал, что ты умер.

— Как же мог я умереть, — почти гельно сказал Линг, — пока вы живы.

И он помог учителю взойти на барку. Нефритовый потолок отражался в воде, и казалось, что Линг правит внутри грота. Косички скрытых водой придворных извивались на поверхности, как змеи, и ледная голова императора, подобно лотосу, покачивалась на волнах.

— Смотри, мой ученик, — сказал печаленно Ванг-Фо. — Эти несчастные погибнут, если это уже нелучилось. Я не сомневался, что в море достаточно воды для того, чтобы утопить императора. Что же ям делать?

— Не беспокойся ни о чем, учитель, — прошептал ученик. — Скоро они окажутся на суше и даже не вспомнят о том, что их рукав был когда-либо мокрым. Один только император сохранит в сердце немного морской горечи. Эти люди не созданы для того, чтобы сгинуть внутри изображения.

И он добавил:

— Море прекрасно, ветер сопутствует нам, птицы морские вьют себе гнезда. Отбудем же, мой учитель, в другую страну, что за всеми морями.

— Отбудем, — сказал старый художник.

Ванг-Фо взялся за руль, а Линг налег на весла. Слаженный шум снова наполнил собой весь зал; настойчивый и размеренный, как биение сердца, шум. Уровень воды незаметно начал понижаться вокруг высоких отвесных скал, которые снова стали колоннами. Скоро лишь редкие лужи поблескивали кое-где в углублениях нефритового пола. Наряды придворных оказались сухими, но у императора несколько клочков пены задержалось в бахроме одеяния.

Шелковое полотно, завершенное Ванг-Фо, осталось лежать на низком столе. Весь передний план занимала на нем барка. Она удалялась понемногу, оставляя за собой пенистый след, расплывавшийся на неподвижной поверхности моря. Уже не различить было лиц тех двоих, что в ней сидели. Но еще можно было заметить красный шарф Линга и развеваемую ветром бороду Ванг-Фо.

Биение весел стихало, потом совсем смолкло, поглощенное пространством. Император, нагнувшись вперед и поставив руку к глазам, следил за удаляющейся баркой Ванга, которая стала уже едва различимой точкой в бледной глубине заката. Золотистый пар поднялся и покрыл собой море. Наконец барка завернула за скалу, что отгораживала открытое пространство; тень утеса поглотила ее; пенистый след стерся в водной пустыне, а художник Ванг-Фо и ученик Линг исчезли навеки в этом море нефритовой голубизны, которую Ванг-Фо только что придумал.

Перевод с французского
Александра РАДАШКЕВИЧА

Наташа КОЧИНА

ЗВЕЗДЫ В ОКНЕ ЗАПУТАЛИСЬ

Наташе Кочиной только четырнадцать лет. Писать стихи начала недавно – меньше года назад. Основные ее литературные интересы лежат в области прозы. Однако нам показалось, что и по этическое Слово Наташи имеет свой вес и свою внутреннюю философскую – да, да философскую! – систему. Вчитайтесь в свободные стихи (верлибры) Кочиной откройте для себя новый, доселе неизведанный мир, где царит Добро и не дремлет Зло, как в древнекитайской системе Инь и Ян, порадитесь новому Таланту Это первая публикация Наташи.

* * *

*Бродят меж людей
Те, что когда-то тоже были людьми,
Те, что теперь уже просто тени,
Живущие по иным законам
Иного бытия.
Те, что просят прощения
Смущенно, совсем неслышно,
Столкнувшись с чьим-то телом в толпе.
Тело спешит в Никуда,
Чтобы потом меж другими телами по миру бродить.*

* * *

*Кто-то когда-то Бесконечность измерил,
Вселенную вычислил,
Вечность из камня сложил.
Построил белокаменный мир
И сказал: "Живите с Миром,
С верой".
Но кто-то другой почему-то не верил,
Заново Бесконечность измерил,
Вселенную вычислил,
Вечность перекроил
Наугад огромными ножницами.*

Позолоченный маятник рассекает ночь пополам.
С каждым уколом стрелки ночи становится меньше.
Так по капле наливают в чернила воду.
В доме, который дышит бессонницей,
Для тех, кто внутри, нет выхода,
Для тех, кто снаружи, нет входа.
Звезды в окне запутались в тюлевой сети.
И бьются о гладкую твердь ледяного стекла.

Лиза АХМАДУЛИНА

Литературная судьба хрупкой семнадцатилетней Лизы Ахмадулиной, ученицы московской вечерней школы № 41, не обещает быть легкой и безоблачной. Во-первых, потому что талантливым людям вообще никогда легко не бывает. А во-вторых, ни для кого не секрет, с каким скепсисом относятся у нас к детям знаменитостей...

Кстати говоря, вместе с вами впервые прочтет эти стихи и мама Лизы – замечательная поэтесса Белла Ахатовна Ахмадулина, которая ни то что "проталкиванием" стихов своей дочери никогда не занималась (такое даже представить нельзя!), но и не считает необходимым давать ей какие-либо поэтические советы.

Потому что Поэзия, как известно, от Бога. И более ни от кого.

ЛЮБЛЮ НАВСЕГДА

Вот и прожили год. Из распахнутых окон
Не поют клавишины в конце сентября.
На восторженный лоб опадающий локон.
Взгляд растерянный. Да, я любила тебя.

А под вечер напишется стихотворенье.
Невпопад и вразброд. Все, что я нажила:
Чепослушная азбука слов и значений,
Ярко-желтые листья, тополя-купола.

ПРОБА ПЕРА

*Вот и прожили год наугад, невзначай,
Получается – сами себя обманули...
Жаркий полдень. Пожарная каланча.
В сумасшедших Сокольниках. Летом. В июле.*

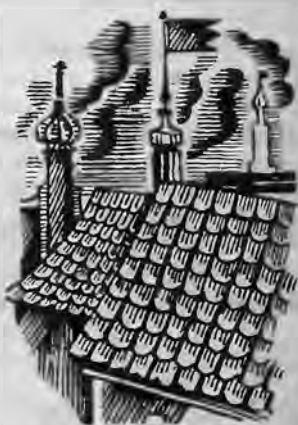
*Трамвай покачнется, но в этой примете
Никто не узнает своего отраженья,
Никто не заметит, как кто-то заплакал
У окна и свою пропустил остановку.
Военный зевнет и забудет журнал,
А мальчик попросит: "Пожалуйста, папа,
Купи мне собаку", намокшую шляпу
Поправит насупившийся гражданин,
Старушка, закутавшись в пестрый платок,
Посмотрит на мир осуждающим взглядом,
А рядом сидящий товарищ Петров,
Напившись, заснет у нее на плече.
Нечайно войдет осторожная ночь –
Никто не поймет и не оговорится,
Трамвай покачнется и повернет,
Подскользнувшись направо,
И там растворится.*

*Мир – это мой голос,
Это твоя жизнь,
Гладиолусы
В пузатом кувшине,
Звуки рояля
С верхнего этажа,
Жаркий полдень,
Твои глаза,
Быль и боль,
Закономерность будней,
Ладонь,
Поднесенная ко лбу,
Новое лето,
Душный вечер,
Из чьих-то пальцев
Ускользнувшая вечность.*

Солнечный луч
Чиркнет о стекло, как спичка,
И растворится в комнате.
Я не причина
Тому, что настало утро,
Тому, что дети кричат в саду.
Я уйду
За тридевять земель
В тридесятое царство,
Буду жить счастливо,
Срывать ромашки с самого неба
И что бы ни было,
Я буду самой
Недосыгаемой
Для любопытных взглядов...
Всего доброго,
Тем более –
Какое вам дело до моей боли?

Сегодня ни одна из печалей
Не ляжет печатью на сердце,
Кроме этой боли, что пунктиром
Где-то внутри.
Сегодня впервые
Пюблю навсегда.
Да,
Я выдержу тысячу сентяблей
Таких же трудных,
Как этот.
Сама в себя забьюсь, как в угол,
Пусть думают,
Что я пугало или флюгер
На крыше твоего дома.
Дождь
Разбивается о тротуар,
Как ваза,
На тысячу осколков.
Сколько
еще сентяблей? Неизбежность
Какого дня обернется единственной?

Маша ГОЛОВЯТЕНКО

Маша Головятенко учится в десятом классе московской школы. Занимается в литературной студии "Кипарисовый ларец", увлекается музыкой, английским языком, пишет стихи. В отличие от многих своих сверстников-поэтов прекрасно владеет стихотворной формой. Но версификационный изыск для нее, конечно, не самоцель. В стихах видна Душа девушки, чистая и романтическая душа!

ГДЕ НЕТ СУЕТЫ...

*Ни в том ли костеле туманный алтарь
Живыми цветами украшен,
Где желтой смолою прозрачный янтарь
Стекает по впадинам башен,*

*Где темные ниши в зеленом саду
Наполнены запахом лилий,
По серым ступеням туда я приду
Под свод его гибельно-синий.*

*И стен очертания лягут в туман,
Как только тебя я увижу.
И снова ты сядешь за мудрый орган,
Который во сне лишь я слышу.*

*На стенах отражается свет от огня
И уходит туда, в небеса.
Одинокие призраки прошлого дня
Изорвали свои паруса.*

*А на улицах бродят собаки и сны,
Сыплет снег из больших фонарей
И, где нет суеты и бульвары пусты,
Лепит контуры белых людей.*

ПОЭТ

О. Мандельштаму

*Меж узких улиц старого города
В смятение его обнимала метель.
И у деревьев не было повода
Смотреть на его исчезающую тень.*

*Быть может, он жил в другой тишине,
Быть может, не видел слез,
Быть может, он не был таким как все
И все принимал всерьез.*

*Но вдруг он исчез, как будто не жил.
Метель замела его след.
"Когда он вернется? – кто-то спросил. –
Ведь это же был поэт!"*

КОСТЯ БОГОМОЛОВ

Костя Богомолов, пятнадцатилетний московский подросток, мой ученик по литературной студии "Кипарисовый ларец". Костя очень начитан, эрудирован, владеет английским языком. Но больше всего в жизни, пожалуй, любит Поэзию. Его любимый поэт – Велимир Хлебников.

Я уверена, что у Кости большое будущее, ведь уже сейчас его фантастические свободные стихи отличаются своеобразием мысли и формы, а это нечасто встречается даже у профессионалов.

Ольга ТАТАРИНОВА

ДУША НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ЗЛОЙ

*Утром Земля стукнулась о дно Вселенной
Раздался грохот, посыпалась штукатурка.
Люди выбежали на улицу и, запрокинув головы,
стали смотреть вверх.*

ПРОБА ПЕРА

Мне снится сон:

*Вот я, наконец, собираю вещи, я улетаю домой,
Поднимаюсь над бездной,
К черной дыре, где когда-то была Земля.
Я влетаю в нее, колышутся занавески
От ветра, врывающегося со мною в комнату.
Идет обед. Гремят тарелки. Ну же! Встречайте меня!*

*Вечером в марсианской хронике появилось сообщение:
"Земля выбросилась из окна. Причины самоубийства выясняются"*

*Раз в день душа выходит из своего кабинета.
Чинно садится за стол.
Раз в день вся семья собирается вокруг нее и внимает...
Душа молится. Душа просит за них Господа.
Дети со страхом в глазах слушают повесть о своем ничтожестве
Взрослые, преклоняя головы,
смирненно рассказывают о своих грехах.
Душа прощает им все. Душа добрая.
Душа не может быть злой.
Душа уходит обратно, прося через час принести ей кофе.
Дети облегченно идут играть.
Родители, довольные, идут готовить кофе.
Душа, лежа в постели, думает о своем величии.*

*Петра Сергеевича Литвинова что-то кольнуло.
Он сбросил одеяло, приподнялся.
Вот, гигантская медная игла, прорвав простыню,
Показалась над кроватью.
Петр Сергеевич выдернул ее из матраса.
К ней была привязана нитка толщиной в палец.
Он стал тянуть ее, но конца не было видно.
Он заглянул под кровать – пусто.
Он сдвинул кровать к окну – безуспешно:
Нигде не было ее продолжения.
Он выпотрошил матрас, вскоре
Ничего не осталось от кровати – тщетно:
Нитка скрывалась в воздухе, в метре от пола.
Он обрезал ее, но посреди комнаты
Навсегда осталась черная точка.*

"Сегодняшние друзья-дети с годами станут друзьями-взрослыми" – так считают в Центре детской дипломатики имени Саманты Смит, организовавшем поездку и отдых московских школьников в американских спортивных лагерях "Вавенс", "Вайонеганик".

НАШЕ ОТКРЫТИЕ АМЕРИКИ

Настя МИХИТОВА:

**"О'КЕЙ – ЭТО ПОДДЕРЖКА
И УЛЫБКА".**

Наша встреча с Соединенными Штатами началась в машине, приехавшей за нами из лагеря. Мы сели и замолчали, точно набрав в рот воды. Однако неловкое молчание длилось недолго. Вскоре принялись вспоминать русские народные песни. Распевали и "Мороз-мороз", и "Рябинушку", и "Катюшу", словом, вспомнили все, что знали. Развеселились так, что забыли про наших каунслеров – двух молоденьких и симпатичных девушек. а те слушали-слушали и вдруг запели свою лагерную песню. И тут мы сразу же перестали стесняться, заговорили с ними. И – понравились друг другу! Потом, когда мы совсем подружились, наши сопровождающие со смехом рассказывали, как запасались к нашему приезду множеством словарей. Сознались, что в лагере

нас ожидает тщательно приготовленный прием. "Когда мы узнали, что летом нас посетят русские, мы очень долго читали всякую литературу, учили наиболее распространенные русские фразы, бывали на встречах с директорами лагерей, которые уже принимали подобные делегации, – говорили они, – чтобы узнать, что нам может понравиться..."

Пожив в лагере "Вайонеганик", мы вскоре убедились, что здесь так стараются для всех, без исключения, гостей. И нам буквально каждый пытался чем-нибудь помочь, объяснить что-то, чего мы не понимали. Может быть, поэтому мы не испытывали проблем с общением? Хотя скоро поняли, насколько наш английский язык был не идеален...

Да, поддержку хозяев мы чувствовали постоянно. Оказалось, что американцы сызмала учатся прислушиваться друг к другу, овладевают умением выслушать и понять (чего нам не хватает!). Например, когда кто-то из девочек или из вожатых брался за гитару,

то как бы они ни пели, что бы ни играли – все внимательно слушали. И никто не выхватывал из рук гитары, чтобы сыграть лучше. Все старались подбодрить выступавшего, дать понять, что у него получается. А мы, честно говоря, нередко нуждались в снисхождении. Лагерь-то спортивный, и очень многое, если не сказать все, было нам до той поры неведомо. К примеру, водные лыжи. Или большой теннис. Или стрельба. Или... Сначала нам было неловко – мы со всем этим были незнакомы. Выручало же – что бы вы думали? – дружелюбное американское "о'кей".

Мяч с корта улетел в лес – ничего, "о'кей".

Лошадь упрямится и не хочет подчиняться тебе – "о'кей!"

Ветер несет виндсерфинг на середину озера, и ты не можешь развернуть его – с пристани долетает еле слышное – "О-ке-ей". И сразу становится легче, и все получается! Это не значит, однако, что с нами обращались как с куколками в вате. Бывали и нелегкие минуты. Как-то зашел разговор о порядках в СССР. Нам задавали самые разные и неожиданные вопросы. Конечно, я старалась отвечать откровенно, и, кажется, всем это нравилось. И вдруг одна девочка спрашивает: "Скажи, а чем вы занимаетесь в своих лагерях – спортом или коммунизм учите?"

Был и еще неловкий для меня вопрос. "Что это такое – один магазин – понимаешь? – и много-много людей, что это?" Сначала я не поняла, а потом переспросила: "Магазин?" "Да, да!" Ответила... Довольная американка тут же побежала рассказывать подру-

гам, что такое "очеред". Правда, если хозяева чувствовали, что разговор затрагивает национальное чувство, гордость гостя, то моментально подыскивали другую тему.

Да, "о'кей" – это вечная улыбка, символ здоровья, жизнелюбности, обворожительности наших новых друзей.

Что же мне лично удалось "открыть" в американцах? В моих новых друзьях, как мне показалось, уживаются самые противоположные качества. Например, нарочитая небрежность в одежде вместе с деловой аккуратностью. Можно было ходить по лагерю в рваных шортах, драной майке или мятых джинсах. Но и похмотья все ребята обязаны держать в чистоте. И еще – сочетание в одном и том же человеке раскованности, вроде бы даже бесцеремонности с истинной скромностью и дисциплинированностью.

Пожалуй, сложность, неоднозначность всех нас – и американцев, и русских – и есть мое открытие Америки.

Да, чуть не забыла... Мне так и не удалось ответить той девочке, что спросила: "Чем вы занимаетесь в лагерях: спортом или коммунизм учите?" Вопрос не такой уж простой, как может показаться. Так чем мы занимаемся?

Наташа БЕЛАН:

"У ТЕБЯ ЕСТЬ ВСЕ,

ЧТО НУЖНО,

И НИЧЕГО ЛИШНЕГО".

Я считаю, что нам, мне и еще трем девчонкам, крупно повезло.

Ведь мы попали в один из самых лучших лагерей в штате Мэн. Называется он "Вайонеганик", что в переводе с индейского означает "Длинное озеро". Озеро, возле которого расположился наш лагерь, действительно, очень длинное и очень красивое. И вообще природа там замечательная. И относятся к ней местные жители, как видно, бережно и заботливо.

Подъезжая к лагерю, я, честно говоря, ожидала увидеть фундаментальные корпуса с двухместными номерами, цветники и заборы. Каково же было удивление, когда нашему взору предстали небольшие дощатые домики, расположенные прямо среди соснового леса. Окна без стекол снабжены сеткой от комаров и деревянными ставнями, которые при помощи веревки можно опускать, если станет холодно. В домиках – железные кровати, деревянные полки и кованые сундуки для вещей. Вот тебе и богатая Америка! Но вскоре мы ощутили прелесть такого спартанского быта – у тебя есть все, что нужно, и – ничего лишнего.

Когда я вошла, то в глаза сразу бросилась надпись: "Добро пожаловать!" – на английском, а ниже, на русском: "Здравствуйте, Наташа!" Мы знали, что нас ждут и все-таки такой знак внимания меня очень тронул. Познакомились с соседками – все оказались американками.

Забегая вперед, скажу, что отношения у нас сложились самые близкие. Мы делились планами на будущее и даже доверяли друг другу свои сердечные тайны. Не знаю, права я или нет, но мне показалось, что многие проблемы (отношения с родителями, с маль-

чишками и другие) у них такие же, как у нас. Очень хотелось бы рассказать об этом подробнее, но боюсь – вдруг это не понравится моим новым подругам? Ведь многое говорилось мне по секрету, а не для печати... Между прочим, "Вайонеганик" – лагерь только для девочек. Сначала я восприняла это как нежелательный сюрприз, но позднее поняла, что ошиблась. Дело в том, что когда вокруг одни девочки, чувствуешь себя намного раскованнее и беззаботнее, отпадает сразу тысяча проблем. Не надо, скажем, наряжаться, краситься.

В тот же день произошло знаменательное, на мой взгляд, событие – подъем советского флага. "Вайонеганик" – международный лагерь, здесь отдыхают не только американки, но и девочки из многих других стран мира, поэтому потолок главного здания, где мы всегда собирались вместе, пестрел множеством национальных флагов. Не было только советского. Но место для него, оказывается, существовало – в "Вайонеганике" давно ждали делегации из нашей страны. И мы первыми подняли наш флаг. Может быть, это глупо, но в этот момент у меня выступили слезы...

...Конечно, ни один лагерь не может обойтись без вожатых. Есть они и в "Вайонеганике", только под другим названием – "каунслер", что в дословном переводе означает "советчик". Действительно, "каунслеры" в американских лагерях выполняют роль скорее старшего друга, но ни в коем случае не командира. Обычно это парни и девушки в возрасте 25 лет, которые обучают какому-либо виду спорта. Надо

сказать, что большинство из них классные специалисты и терпеливые учителя. Отношения между вожатыми и подопечными складываются самые что ни на есть демократичные. На первых порах это меня даже шокировало. Так, например, можно шутки ради перевернуть на голову каунслеру тарелку со взбитыми сливками (особенно, если он только что окатил тебя водой из водного пулемета). А затем вас обоих постигает универсальная кара, применяемая для всех при любой погоде – сбрасывание в озеро в полном "обмундировании". Однако все указания "каунслеров" выполняются беспрекословно, без оговорок и пререканий. Кстати, и в отношении к нам, русским, каунслеры не допускали никаких поблажек и исключений.

В "Вайонеганике" я поняла, что такое отдых по-американски. Это возможность проявить себя в активном действии и удовольствие просто всем вместе подурчаться.

Никогда не забуду, как мы за год, за полгода, праздновали Рождество и Новый год. В зал торжественно внесли огромную сосну в кадке, и мы собственноручно нарядили ее игрушками из разрезанных открыток и гирляндами из кукурузных хлопьев. Получилось очень красиво. После этого в зале погасили свет, включили тут же придуманную светомузыку, и мы весь вечер играли и танцевали. А под конец с нас стянули по носку и, по традиции, утром в каждом носке лежало по апельсину и по несколько конфет.

Из новогоднего "шоу" больше всего мне понравилась одна игра: шестьдесят человек ложатся на пол, так, чтобы голова последу-

ющего была на животе предыдущего. Первый человек говорит "ха", второй "ха-ха", третий "ха-ха-ха" и так далее. Выглядит это, конечно, нелепо, но очень смешно. Особенно, когда какой-нибудь тридцатый по счету "хахакает", загибая при этом пальцы, чтобы не сбиться со счета...

Максим КАЛЮЖНЫЙ:

**"МЫ СТАЛИ СВОИМИ,
СЪЕВ ВМЕСТЕ
ФУНТ СОЛИ"**

"Русские идут, русские идут!" – эта фраза в ее первоначальном звучании знакома всем. Но "Поланд Стрингс", куда мы приехали отдыхать, она произносилась иначе, вот так: "Ага, вот и русские едут..."

...Лагерь в Поланд Спрингс представляет собой небольшую поляну в девственном сосновом лесу, на берегу живописного озера. Около двадцати построек: столовая, двенадцать живых бунгалов, больница, административное здание и пять классных домиков, где проходили занятия. В каждом бунгало, названном по имени столицы какой-либо страны мира, размещается 12 человек. Единственной вещью, которая лежала на моей кровати, была подушка. Позже мне удалось разжиться спальным мешком. Таким образом, презренный комфорт сразу же отлетел в сторону.

Довольно скоро мы включились в повседневную жизнь и работу лагеря. Утро начиналось с занятий. Выбирай, что душа поже-

пает: английский язык, экология, основы лидерства и подготовка к шоу "Дитя мира". После ленча (второго завтрака) – занятия спортом, рисованием, любительским радио. Для желающих – изготовление витражей.

Вечером – своя программа. Концертная программа – как и у нас – заканчивалась традиционным костром. Мы, советские парни, сидели с американскими девочками, американцы – с нашими и тихо влюблялись.

Как сказал Грибоедов, счастливые часов не наблюдают. Мес-сяц пролетел незаметно, и в последние дни мы дружно загрустили. Даже удавшееся представление "Дитя мира", где мы "высказывались" на языке жеста, песни о мире и дружбе, наводили на мысль о скорой разлуке. Я так был просто в отчаянии. Никогда не увидеть больше этих замечательных ребят? Это же ужасно! Мы ведь стали своими, съев вместе фунт соли и пуд сэндвичей. И тут одна девочка по имени Хэвэр подошла ко мне и сказала: "Не плачь, мы встретимся вновь. Ты можешь позвонить, написать мне, а я тебе. Мы можем, обязаны встретиться! Ведь наша Земля – как один большой город..."

...И вот снова дорога, четырехеста километров отличной, ровной автостреды. За окнами автобуса пробегают небольшие коттеджи. Возле каждого – флашток, на котором развешается государственный флаг США...

Когда мы ехали в лагерь, такое изобилие флагов поразило меня. А теперь я смотрю на них безо всякого удивления. Ведь на государственном флаге США есть звездочка и того штата, где живет

хозяин коттеджа, наверное, поэтому он ему дорог.

Так что же открыли наши школьники в Америке? Что их сверстники-американцы веселые, доброжелательные люди? Что в трудную минуту они поддержат великодушным "О'кей"? Что готовы тебя выслушать и проявить интерес к твоей жизни, твоим проблемам? Но почему же все это, казалось бы, столь обычное бросилось в глаза нашим ребятам? Разве сами они не так бы встретили гостей?

Нетрудно представить, как драили бы какой-нибудь лагерь к приезду иностранцев, готовились бы, волновались, стелили бы ковры, вешали шелковые занавески, разгибали бы алюминиевые вилки в столовой, хотя нет – их заменили бы новенькими, из нержавеющей стали. И нет сомнений, что на лицах хозяев гости из-за океана увидели бы добрые и самые искренние улыбки. А возвратясь к себе домой, наверняка рассказывали о щедрости, доброте, дружелюбии, предупредительности советских. И это было бы чистой правдой.

А с этим – параллельно – хмурые замкнутые лица на улицах, которые нередко отмечают иностранцы, посетившие нашу страну. Обидно об этом слышать – неужели мы так выглядим?! Но это тоже правда. Мы не учимся улыбаться своим незнакомым, да и знакомым соотечественникам. А если, собираясь в школу, вообразить, что за партами увидишь вовсе не одноклассников, а представителей других государств? Невольно поймаешь себя на улыбке и комплименте, который готов сорваться с языка. Тебе это ничего не стоит, другому приятно.

Мы, наконец, признали, что не все советское самое лучшее (некоторые даже пошли дальше и уже хмуро заявляют, что все советское – не самое лучшее, не спешат ли?). Так давайте учиться у других.

Таня ТРАХТ:

**"ЗДЕСЬ ДЕТИ ДРУЖАТ
СО ВЗРОСЛЫМИ"**

...Когда я представляла свою поездку в США, видела себя на улицах Нью-Йорка, около небоскребов. И уж, конечно, не могла вообразить, что там мне придется носить на голове разноцветные перья и стрелять из индейского лука! Разумеется, этими экзотическими занятиями не исчерпывалась наша жизнь в лагере "Вавенок". И все-таки мы с нетерпением ожидали воскресенья...

Потому что по воскресеньям весь лагерь делился на две команды: "Вавенок" и "Овейса" (названия индейских племен). Вот тогда-то на головах у нас и появлялись оранжевые и синие перья. Племена яростно сражались между собой, сочиняли песни, стихи, участвовали в спортивных состязаниях, рисовали плакаты – все это делалось с огромным воодушевлением. А вечером после ужина все садились на самом красивом месте лагеря, на скалах, чтобы вместе поразмышлять, поговорить о самом главном в жизни человека – любви, мире, дружбе. Вечер обычно заканчивался молитвой и песней о мире, которую

пели в огромном кругу, взявшись за руки.

Одна из самых старых и интересных церемоний в лагере – церемония заключения дружбы, когда девочки дарят друг другу подарки, сделанные своими руками. Я писала ребятам на память стихи на английском.

Я очень подружилась со своей учительницей плавания по имени Пэт. Мы любили друг друга поддразнивать. И каждый раз одна другую спрашивала: "Опять ты меня дразнишь?", а вторая отвечала: "А тебе это нравится".

Вообще я заметила, что здесь дети дружат со взрослыми. Американцы любят говорить, что до пяти лет ребенок – царь, до десяти – слуга, а потом – он друг. Но они не только так говорят, но и поступают соответственно.

По-моему, у них родители уделяют большее внимание духовному общению с детьми. Когда у нас в пионерском лагере родительский день, то все приезжают с провизией, первым делом кормят, спрашивают, не болеешь ли. А там ребята первым делом показывают, чему они научились: ездят верхом, знакомят со своими друзьями. Меня все мои подруги представили родителям. Вообще-то и взрослые американцы похожи на детей, часто смеются, шутят. Одна девочка мне сказала, что своего младшего брата она учит улыбаться. "Старайся чаще улыбаться, всем это будет приятно" – говорит она ему.

Мне понравилось, что между американцами и русскими не делалось никаких различий, нам говорили: "Какие вы русские, какие мы американцы? Мы все одинаковые".

ВЕЧНАЯ КНИГА

**БАВИЛОНСКАЯ
БАШНЯ
И ДРУГИЕ
ДРЕВНИЕ
ЛЕГЕНДЫ**

Гравюры Гюстава ДОРЕ

ЮНОСТЬ ДАВИДА

Жил-был в Иудее
старый пастух Иессей.
И были у него сыновья,
тоже пастухи. Младшего звали
Давид. Был он красивый, стройный,
белокурый и больше всего на свете
любил петь, плясать и играть на гуслях.

Однажды приехали к Иессею гонцы от царя Саула и привезли с собой на повозке половину бычьей туши.

— Какие вести у вас, дорогие гонцы? — спросил Иессей.

— Плохие вести, — ответили гонцы. — Напали на нашу страну филистимляне — те, что живут на морском берегу. Грабят они наши города, убивают старых и малых, увозят наш хлеб и угоняют наши стада. Царю нужны воины, чтобы защитить нашу родину. Вот мы и ездим по степи от стада к стаду, и возим с собой письмо от царя Саула.

— Где же это письмо? — спрашивает Иессей.

— А вот оно, — отвечают гонцы и показывают на половину бычьей туши.

— Что же означает это письмо? — спрашивает Иессей.

— А вот что, — отвечают гонцы. — Если кто не пошлет царю Саулу воина, царь жестоко покарает его: каждую овцу, каждую корову, каждого быка в стаде этого человека велит разрубить пополам.

Отправил Иессей к Саулу своих старших сыновей.

— Отец, — сказал Давид, — позволь и мне поехать вместе с братьями. Я тоже хочу стать воином и защищать свою родину.

— Куда тебе! — закричали братья. — Оставайся дома и паси наше стадо. Твое дело не воевать, а петь, да плясать, да играть на гуслях.

И остался Давид дома.

Вернулись братья с победой. Слушал Давид их рассказы про то, как храбро дрались с филистимлянами царь Саул и его отважный

сын Ионафан. Слушал Давид и зѣвировал им.

Но прошло немного времени, и снова прискакал к Иессею гонец. Был он усталый, запыленный, и никакого письма при нем не было.

— Горе, горе нам! — кричал гонец. — Снова напали на нашу землю филистимляне.

— А много ли их? — спросил Иессей.

— Столько же, сколько песку на морском берегу, — отвечал гонец. — Не сосчитать. Зовет царь Саул к себе на помощь всех, кто может держать оружие. Если не остановим мы разбойников-филистимлян, отнимут они у нас наши стада и всех нас превратят в рабов.

Сели три брата на коней, простились с отцом.

— Возьмите меня с собой, — попросил Давид. — Я тоже хочу защищать нашу землю.

— Оставайся дома, — ответили братья. — Твое дело не воевать, а петь, да плясать, да играть на гуслях.

Шел день за днем, и не было никаких вестей о братьях. Встретился Иессей и говорит Давиду:

— Вот тебе мешок зерна и десять лепешек. Возьми их и отнеси братьям. Отдашь — и скорей возвращайся домой.

Взял Давид мешок с зерном, десять лепешек и отправился на поле битвы. Люди сказали ему, что встретились два войска в долине, где растет старый высокий дуб.

Пришел туда Давид, видит: стоит на одном краю долины войско Саула, а на другом — войско филистимлян. Стоят войска, глядят друг на друга, никто не вступает в бой.

Тут выходит из рядов филистимлян могучий великан по имени Голиаф. Держит он в руке

железное копьё, на голове у него сверкает медный шлем, на руках — медные налокотники, на груди — медный панцирь, на ногах — медные поножи. А впереди идет мальчик-оруженосец, из последних сил тащит тяжелый меч Голиафа.

— Эй, пастухи иудейские! — кричит Голиаф, а горное эхо вторит его словам. — Найдется ли среди вас храбрец, который посмеет сразиться со мной? Если он победит меня, то мы, филистимляне, уйдем из вашей земли. А если я убью его, то станете вы нашими рабами. Ну, кто смелее всех — выходи! Я отдам твоё тело на растерзание зверям и птицам.

Молчит войско Саула. Молчит сам Саул. Молчит его сын Ионафан. Нет никого, кто решился бы выйти один на один со страшным великаном.

— Вы так же трусливы, как ваши овцы! — насмехается Голиаф.

— Ха-ха-ха! — смеются филистимляне.

“Ха-ха-ха!” — повторяет горное эхо.

Подошел Давид к братьям, отдал им лепешки и мешок с зерном и спрашивает:

— А что дадут тому, кто сразится с Голиафом и победит его?

И отвечают братья:

— Тому, кто победит Голиафа, царь Саул отдаст в жены свою красавицу дочь. А зачем ты пришел? Уходи сейчас же отсюда, здесь ротозеев не любят.

— Я пришел не смотреть на сражение, а сражаться, — ответил Давид. — Вот возьму и выйду против Голиафа.

Услышали это люди, побежали к царю Саулу и говорят:

— Нашелся смельчак, который хочет биться с Голиафом.

— Позовите его ко мне! — приказал Саул.

Привели Давида к Саулу. Посмотрел на него Саул и говорит:

— Ну куда тебе сражаться с Голиафом? Ты еще молод, а Голиаф опытный воин. Он с юных лет привык владеть оружием.

И ответил Давид:

— Царь, позволь мне сразиться с Голиафом! Ты прав: оружием я не владею. Но я с детства охраняю стада. Бывало, медведь нападет на наших овец, а я догоню его и вырву добычу прямо из пасти. А если лев набросится на меня, возьму я его голыми руками за гриву, ударю об землю и убью. Я верю, что убью Голиафа, и ты поверь мне.

— Что ж, — сказал Саул, — я верю тебе, иди. Дайте ему мое оружие.

Надели на Давида шлем Саула и его панцирь, дали ему щит Саула и его меч. Обрадовался Давид: “Вот теперь я настоящий воин!” Хотел он даже сплясать от радости, да слишком тяжелы были для него меч, щит и броня. Сделал Давид несколько шагов, гремя тяжелыми доспехами, и говорит:

— Не по мне такая одежда, я к ней не привык.

Снял он с себя шлем, панцирь, положил рядом с ним меч и щит, а вместо всего этого надел белый плащ, взял свою дорожную котомку, бросил в нее пять круглых камешков, обточенных водою ручья, сделал петлю из кожаного ремня. А в другую руку взял свой посох и пошел навстречу Голиафу. Увидел его Голиаф и расхохотался:

— Иди сюда, мой маленький! Иди сюда, мой белый барашек! Я насажу тебя на это копьё, как ягненка на вертел! А где же твой

меч? Где твой щит? Как ты будешь со мною сражаться?

— Не с мечом я иду и не со щитом, — закричал Давид Голиафу, — а иду я с именем моего народа в сердце! Я иду в бой за правое дело. А правда сильнее меча и острее копья.

Тут разглядел Голиаф, что несет с собой Давид, и разозлился:

— Ты, мальчишка, идешь на меня с палкой и с камнями, будто я собака!

Вложил он камень в кожаную петлю, начал быстро-быстро вращать ее и выпустил камень из пращи. Со свистом вылетел камень и угодил прямо в лоб великану. Рухнул Голиаф на землю, загремели его доспехи, и от ужаса застонали филистимляне, а горное эхо повторило их стон.

А потом поднялось над войском филистимлян облако пыли. Рассеялась пыль, и увидели воины Саула, что на том краю долины нет ни одного филистимлянина, все они ускакали прочь.

Взял Давид меч Голиафа, отрубил великану голову, поднял ее за волосы и понес царю Саулу.

— Кто ты такой? — спросил Саул. — Я ведь даже не знаю, как тебя зовут и чей ты сын.

И ответил Давид:

— Я сын пастуха Иессея и сам пастух, а зовут меня Давид.

— Теперь я твой отец, — сказал Саул. — Больше не вернешься ты к своему стаду, а будешь охранять от врагов всю нашу землю. Я сделаю тебя своим полководцем.

И подошел к Давиду сын Саула, царевич Ионафан, отдал он Давиду свою красивую одежду, обнял его и сказал:

— Теперь ты брат мой, и я буду любить тебя, как брата.

И отправилось войско домой. Впереди ехал царь Саул, по одну сторону от него — Давид, по другую — Ионафан. И как только становились они на привал, брал Давид в руки гусли, пел, играл и веселил Саула.

Все дальше уходило войско от поля сражения, все ближе подходило оно к родным местам. Женщины выбегали навстречу воинам, били в тимпаны, плясали и пели: "Слава Саулу! Он победил тысячи врагов! Слава Давиду! Он победил десятки тысяч! Давид — великий герой! Ему честь и хвала!"

Услышал Саул эти слова и нахмурился: "Вот уже и славят Давида больше, чем меня, и любят его все. А там и царство мое ему отдадут".

И задумал Саул погубить Давида. Вот он и говорит ему:

— Я обещал тебе в жены дочь мою Мелхолу, но забыл сказать, что за нее нужен выкуп. Ты должен один сразиться с сотней филистимлян и победить их, — это и будет выкуп за мою дочь.

И подумал Саул: "Будет хорошо, если не я сам убью Давида, а убьют его филистимляне, наши враги".

Отправился Давид один сражаться с филистимлянами и не сто врагов победил, а двести.

Пришлось Саулу отдать ему в жены свою дочь Мелхолу. Устроили по этому случаю веселый пир, и все, кто был на пиру, громко славил Давида. И чем громче звучали их голоса, тем сумрачнее становился Саул. Увидел это Давид и решил развеселить Саула песнями и пляской. И еще больше хвалили люди Давида, видя, какой он простой и веселый.

Не выдержал Саул и метнул в

певца копье. Но Давид увернулся, и копье попало в стену. Тогда послал Саул своих верных слуг к дому Давида и сказал им:

– Вы должны до рассвета убить Давида. – А Мелхола шепнул: "Давид – мой враг. Узнал я, что он хочет отнять у меня мое царство. Помогите мне убить его".

Но Мелхола любила мужа и, когда они вернулись домой, открыла Мелхола окно и говорит Давиду:

– Беги отсюда! Отец приказал тебя убить.

Давид убежал, а Мелхола взяла большую куклу и положила ее на постель вместо Давида. В изголовье была козья шкура, а куклу Мелхола укрывала с головой одеялом.

Ночью постучали в дверь царские слуги и сказали:

– Царь Саул зовет к себе Давида.

А Мелхола ответила:

– Не может Давид прийти к царю, он болен и не в силах подняться с постели.

Тогда Саул велел слугам принести Давида вместе с постелью.

Принесли слуги постель во дворец. Сорвал Саул одеяло и видит: лежит на постели кукла, а в изголовье у нее козья шкура.

"До чего же он коварен, этот Давид! – подумал Саул. – Мало того, что он хочет отнять у меня мое царство, он отнял у меня и родную дочь. Сговорила же она с Давидом и обманула отца".

Шло время. Позвал к себе Саул царевича Ионафана и говорит ему:

– Куда пропал Давид? Скоро мы устроим пир, будем встречать молодую луну. Я хочу, чтобы Давид сидел рядом со мной и веселил нас своими песнями.

– Давид прячется от тебя, – ответил Ионафан. – Он боится, что ты его убьешь. Скажи, отец, что плохого сделал тебе Давид? Ведь он помог тебе в трудную минуту и спас наш народ.

И сказал Саул Ионафану:

– Что было, то прошло. Я люблю Давида, как родного сына. Иди, позови его.

Нашел Ионафан Давида и говорит ему:

– Отец приглашает тебя на пир. Мы будем встречать молодую луну. Приходи, он очень соскучился по твоим песням.

И ответил Давид:

– Брат мой Ионафан, я не пойду на пир, потому что твой отец хочет убить меня. Если я в чем-нибудь виноват, то убей меня сам. Зачем нужно вести меня к твоему отцу?

– Отец обо всем советуется со мной, – сказал Ионафан, – я знаю все его мысли. Он ничего не говорил мне об этом.

– Царь Саул знает, что ты любишь меня, – ответил Давид. – Он ничего не сказал тебе, чтобы ты не огорчился.

И сказал Ионафан Давиду:

– Хорошо, я узнаю, что задумал отец. Спрячься за скалу, жди меня и не являйся на пир, пока я не дам тебе знать... Я выпущу из лука три стрелы и пошлю за ними слугу, чтобы он подобрал стрелы. Если отец задумал убить тебя, я крикну слуге: "Беги, стрелы перед тобой!" А если нет, я крикну: "Куда бежишь? Стрелы позади тебя!"

И вот наступил праздник молодой луны. Увидел Саул, что место Давида за столом пусто, и спросил Ионафана:

– Где Давид?

– Я отпустил его в Вифлеем, –

ответил Ионафан. — Он хочет встретить праздник молодой луны вместе с отцом и братьями.

Саул так разгневался, услышав эти слова, что замахнулся копьем на Ионафана.

Тогда выпустил Ионафан три стрелы и велел слуге подобрать их.

— Скорее беги, — закричал Ионафан, — стрелы упали перед тобой!

А потом вернул он слугу и сказал, что сам подберет стрелы. Пошел Ионафан туда, куда улетели стрелы, и встретил Давида, который ждал его за скалой. Обнял его Ионафан и заплакал:

— Прощай, брат мой Давид! Теперь я знаю, что отец хочет убить тебя. Неужели с этого дня ты станешь его и моим врагом?

И ответил Давид:

— Брат мой Ионафан, нет у меня зла на твоего отца. А тебя я люблю, как родного. Клянусь тебе, что никогда я не трону ни твоего отца Саула, ни тебя, ни твоих друзей.

Обнял Давид Ионафана, и они расстались.

Узнал об этом Саул и подумал: "До чего же коварен этот Давид. Мало того, что он хочет отнять у меня мое царство, он еще околдовал моего любимого сына Ионафана".

Голодный и безоружный скитался Давид по Иудее. И однажды ночью постучался он в храм к мудрому старцу Ахимелеху.

Ахимелех очень удивился, что зять царя и великий полководец ходит по пустыне один, без друзей, без оружия, измученный и голодный:

— Почему ты один? — спросил Ахимелех Давида.

— Царь Саул послал меня по

срочному делу, о котором никто не должен знать, — ответил Давид. — Я так торопился, что не взял с собой ни еды, ни оружия.

— Что ж, я помогу твоей беде, — сказал Ахимелех. — Вот тебе хлеб, я только что испек его, он еще горячий. Вот тебе оружие: это меч Голиафа, которого ты победил. А вот тебе и друг: это мой сын Авиафар. Он будет носить твой меч.

Взял Давид хлеб и меч, поблагодарил старика и ушел вместе с Авиафаром.

Собрал Давид верных людей и спрятался вместе с ними в пещере. А Саул со своим войском отправился искать Давида по лесам, горам и пустыням.

И вот однажды в жаркий день стало войско Саула на привал рядом с той самой пещерой, где спрятался Давид с товарищами. Вошел Саул в прохладную пещеру, чтобы переждать жару, и заснул. Увидел его Авиафар и сказал Давиду:

— Твой враг сам попал в наши руки. Давай убьем его!

— Нет, — сказал Давид, — я поклялся Ионафану не убивать Саула.

Взял Давид меч, подкрался к спящему Саулу и отрезал край его одежды.

Проснулся Саул, вышел из пещеры, а вслед за ним вышел Давид и крикнул:

— Отец мой Саул, зачем ты преследуешь меня, как охотники преследуют по горам куропатку? Вот край твоей одежды. Я мог отрубить тебе голову, но я не тронул тебя.

Увидел Саул край своей одежды в руках у Давида и горько заплакал.

— Сын мой Давид, — сказал Саул, — ты мне за зло отплатил добром,

а я хотел злом отплатить за добро, которое ты сделал мне и нашему народу. Я виноват перед тобой.

Сел Саул на коня и увел свое войско домой. И еще громче стал славить народ доброго Давида. Услышал это Саул и подумал: "До чего же хитер этот Давид! Он мог убить меня и нарочно не убил, чтобы люди еще больше полюбили его".

И снова собрал он войско и отправился искать Давида.

Однажды лунной ночью прокрался Давид с Авиафаром в стан к Саулу. Крепким сном спали воины Саула, и луна сверкала на их доспехах. Спал начальник стражи, спали часовые, опершись на копья. И в своем шатре спал Саул. У его изголовья торчало копье, которое он перед сном воткнул в землю.

Подошли Давид и Авиафар к спящему Саулу, и сказал Авиафар:

— Я не давал клятвы Ионафану. Сейчас я возьму это копье и проткну Саула так, что он и вскрикнуть не успеет.

— Возьми-ка ты лучше вот этот кувшин с водой, — сказал Давид, — а я возьму копье.

Взяли они копье, кувшин с водой, тихо прокрались между спящими воинами и спящими часовыми, поднялись на гору, и закричал Давид:

— Эй, начальник стражи! Хорошо же ты охраняешь своего царя! Где его копье и кувшин с водой?

Проснулся Саул, видит — нет рядом с ним копья и кувшина. Но узнал он голос Давида и все понял.

— Сын мой Давид, — закричал Саул, — снова ты пощадил меня! Прости меня, если можешь!

И вернулся Саул к себе во дворец, а люди еще громче славил

Давида за его доброту. И подумал Саул: "Никогда не было у меня такого хитрого врага. Он нарочно утащил мое копье и кувшин, чтобы люди смеялись надо мной. А теперь, когда все видят, что он прав, а я не прав, он убьет меня, и никто ему дурного слова не скажет".

И велел Саул разослать повсюду войска и казнить всех, кто даст Давиду поесть или напиться, кто увидит его и не донесет царю.

Пожалел Давид своих друзей и ушел в чужую страну. Услышал о нем царь этой страны и сказал:

— А не тот ли это Давид, про которого кричали, что он победил десятки тысяч? Если так, то это опасный гость, и нам нужно от него избавиться. Приведите его ко мне.

Пришел Давид во дворец, и был он таким жалким, что его и родная мать не узнала бы. Одежда на Давиде была разодрана, волосы растрепаны, руки и ноги тряслись, а в ответ на вопросы царя Давид только тряс головой да мычал.

— Не богатыря привели вы ко мне, а жалкого безумца, — сказал чужеземный царь своим слугам. — Что ж, пусть он остается в моей стране, он нам не опасен.

Так Давид обманул чужеземного царя и стал жить вдали от родины, в чужой стране.

И однажды прискакал к нему гонец. Одежда на гонце была разодрана, и волосы посыпаны пеплом.

— Какое горе привело тебя сюда, гонец? — спросил Давид.

— Для кого горе, а для кого и радость, — ответил гонец. — Вынимай, Давид, гусли: тот, кто хотел убить тебя, погиб. Ты можешь возвратиться домой.

И вот что рассказал гонец Давиду.

СУД СОЛОМОНА

Когда филистимляне узнали, что Давид ушел из родной страны, они снова напали на Иудею. Храбро сражались Саул и царевич Ионафан, а Саул с оруженосцем оказался среди врагов. И сказал Саул оруженосцу: "Пусть злые филистимляне не радуются, что они меня убили. Возьми мой меч и заколи меня".

Но не посмел оруженосец выполнить его приказ. Тогда Саул воткнул в землю копье, бросился на него и умер.

— Это неправда! — воскликнул Давид. — Чем ты это докажешь?

Гонец молча вынул из-под изодранного плаща золотую корону царя Саула. А Давид в знак горя разорвал на себе одежду, посыпал голову пеплом, сел на коня, вынул гусли, тронулся в путь и запел:

— Проклятие тебе, Гелвуйская гора! Пусть никогда не прольется на тебя дождь. Пусть роса не выступит на твоих обгаренных кровью камнях. Пусть ни одна серна не проскачет по твоим тропам и ни одна травинка не вырастет на твоих склонах, потому что здесь погиб могучий Саул, здесь погиб брат мой Ионафан, которого я любил больше всех на свете. Они были сильны, как львы, и быстры, как орлы, никогда не расставались и погибли рядом. Горе и вам, злые филистимляне, погубившие их!

С этой песней вступил Давид на родную землю, и чем дальше он ехал, тем больше воинов шло за ним и тем громче летела весть из конца в конец: "Давид вернулся! Давид вернулся!"

И, услышав эту весть, в ужасе вскочили филистимляне на своих коней и умчались прочь.

Пересказал В.БЕРЕСТОВ

Молодой царь Соломон услышал однажды во сне неведомый голос.

"Проси, что дать тебе? — сказал ему этот голос. — Ты должен решить свою судьбу. Хочешь ли прославиться на земле военными подвигами? Хочешь ли приобрести много золота и сделаться первым богачом? Или покорить себе все народы? Или прожить долгую-долгую жизнь?.. Выбери! — и забудется, что ты захотел!"

Задумался Соломон и, подумав, ответил: "Не прошу я себе ни воинской славы, ни богатства, ни долголетия. Не хочу и власти над всеми людьми. Одного я хочу: стать мудрым. Пусть сердце мое будет разумным, а разум добрым, чтобы я мог различать добро и зло и быть справедливым судьей".

И сказал ему голос: "Да будет так".

И стал Соломон мудрейшим среди людей.

И оттого, что он был мудрецом, сделался он и могущественным властителем, и приобрел несметные богатства, и покорились ему все народы, и прославился он на весь мир.

По всей земле шла молва о его великом уме и справедливости.

И люди приходили к нему, чтобы он рассудил их споры и тяжбы.

Однажды пришли к нему две женщины и принесли ребенка, которому не было еще и месяца от роду.

И сказала женщина:

— Царь! Мы жили обе в одном доме, спали в одной комнате. У меня родился сын, у нее тоже. Во всем доме мы были одни, и никого с нами не было. Ночью сын этой

женщины умер, и она украдкой положила его ко мне в постель, а моего сына взяла к себе. Утром я проснулась и вижу возле себя ее мертвого ребенка.

Но тут другая женщина стала кричать:

– Неправда! Это мой сын живой, а твой мертвый!

Соломон сказал:

– Подайте мне меч!

Когда принесли царю острый меч, Соломон приказал воину, стоявшему рядом:

– Возьми ребенка и разрежь его надвое. И отдай одну половину одной женщине, а другую половину – другой.

Первая женщина испугалась и закричала:

– Не убивайте его, не убивайте! Молю тебя, царь, не вели убивать его! Лучше отдай моего сына этой женщине – лишь бы он остался в живых!

А другая сказала:

– Справедливо решение твое, о мудрейший! Пусть не достанется этот ребенок ни ей, ни мне!

Тогда Соломон удержал руку воина и сказал:

– Отдайте ребенка той, которая пожалела его: она и есть его мать!

И ребенка отдали матери, и она прижала его к сердцу. А обманщицу с позором выгнали прочь.

Так рассудил Соломон, мудрый и справедливый.

Пересказала В.СМИРНОВА

ВИНОГРАДНИК НАВУФЕЯ

Царь Ахав был храбрый воин. В каждом сражении его боевая колесница бесстрашно врзалась в самую гущу врагов.

Было только два человека на свете, которых боялся царь Ахав. Один из них был старый мудрец Илия, человек необыкновенный. Он всю жизнь бродил по горам и лесам. Лицо его потемнело от солнца, глаза горели, как угли, а борода была белая и длинная – до самого пояса. О пище он никогда не заботился, потому что каждый день прилетали к нему вороны и приносили ему в клювах хлеб и мясо. Бедные люди любили Илию. Когда случалась беда или кого-нибудь обижали, мудрец появлялся среди народа. И все радовались: "Илия пришел! Илия пришел!" Знали, что он всегда защитит слабого и обиженного. Царь часто бывал жесток и несправедлив к людям и потому боялся Илию.

А еще Ахав боялся своей жены – чужестранки Иезавели. Это была злая, бессердечная женщина. Она всеми помыкала, и сам царь должен был исполнять малейшие ее желания и прихоти.

Однажды царь вышел гулять и увидел невдалеке от дворца большой и прекрасно возделанный виноградник.

– Чей это виноградник? – спросил он.

Слуги ответили ему:

– Это виноградник Навуфея, крестьянина.

– Позвать ко мне Навуфея!

И когда привели Навуфея, царь сказал ему:

– Отдай мне свой виноградник. Он ведь рядом с моим дворцом. Я бы разбил здесь огород. А тебе дам другую землю, еще лучше этой. Ты сможешь посадить там свой виноград. Или просто заплачу деньгами, серебром, по-царски.

Крестьянин Навуфей выслушал царя, поклонился ему и ответил:

— Отдать землю отцов моих, государь?! Смилуйся надо мной! Мой отец завещал мне беречь эту землю — ведь она полита потом моих предков. Я люблю ее и никому — даже тебе, государь! — продать не могу.

Ахав знал, как уважают в его стране память отцов, и понял, что ему не уговорить Навуфея. Грустный вернулся он во дворец, лег на кровать, повернулся лицом к стене и три дня, три ночи не ел, не пил и ни с кем не разговаривал. На четвертый день царица не выдержала и спросила:

— Что с тобой, Ахав? Что за горе тебя одолело?

— Не спрашивай, Иезавель, — ответил ей Ахав. — Горю моему все равно помочь нельзя. Пригласулся мне виноградник соседа-крестьянина, хотел я его купить, а крестьянин заупрямился: ни за деньги продать не соглашается, ни обменять на другую землю. А мне бы его участок пригодился! Виноград я бы велел выкорчевать, а на том месте разбил бы славный огород.

Рассердилась Иезавель, услышав рассказ царя.

— Вот как! — сказала она. — Оказывается, государством нашим правит не царь Ахав, а какой-то крестьянин! Как же его зовут?

— Навуфей, — сказал Ахав.

— Ну вот и хорошо. Теперь я хоть знаю, кому мне кланяться.

И, прошуршав пышными одеждами, Иезавель вышла из царской опочивальни.

А наутро она от имени царя разослала старейшинам города письма, запечатав их царской печатью. Старейшины распечатали письма и прочитали:

“Я, царь Ахав, приказываю вы-

звать на суд крестьянина Навуфея. И чтобы на суде были два свидетеля, которые сказали бы, что слышали, как крестьянин Навуфей бранил меня, своего государя, самими грубыми словами. И чтобы суд приговорил Навуфея вместе с сыновьями к смертной казни. И чтобы побили их всех камнями на смерть. Так приказываю вам я ваш царь Ахав”.

Старейшины удивились такому приказу, но делать нечего, пришлось исполнять волю царя. И честного Навуфея судили. Нашли двух бесчестных лжесвидетелей — одного запугали, другому посулили награду — и все сделали по письму за царской печатью.

А Иезавель, как только узнала о казни Навуфея и его наследников, поспешила к Ахаву и сказала:

— Радуйся, царь! Нет больше хозяина у виноградника, что так тебе полюбился. Иди владей им!

Обрадовался Ахав и, не думая о бедном Навуфее, тотчас пошел к винограднику.

Но кто это идет ему навстречу? Старец в пастушеской одежде, с большим посохом в руке. Сразу узнал его царь. Это Илия — мудрец и защитник обиженных. Не первый раз встречается с ним Ахав. И при всякой встрече Илия укоряет его за то, что он слушает дурные советы злой и коварной Иезавели.

Гневно смотрит Илия на царя. В глазах его сверкают молнии. И голос гремит, как гром.

— Ты убил хорошего, честного человека, — гневно сказал Илия. — И теперь пришел сюда завладеть его добром. Этому тебя научила твоя злая жена. Так знай же: там, где пролилась кровь ни в чем не повинного Навуфея, прольется и твоя собственная кровь. И жене

твоей Иезавели также не уйти от наказания.

Ахав заплакал и, закрыв лицо руками, вернулся к себе во дворец. А народ кругом зашумел: "Илия обличил царя! Илия вступился за невинного! Горе жестокой Иезавели!"

И скоро Ахав был наказан за свое злодеяние. Гибель настигла его в бою. Отправляясь на войну, он оделся в одежду простого солдата, чтобы враги не узнали его. Но это его не спасло. Прожужжала стрела, прошла между щитками его панциря и вонзилась ему прямо в сердце.

— Я ранен! — закричал Ахав. — Везите меня домой!

Возничий повернул колесницу, но не успел довести царя до дворца. Царь Ахав умер с последним лучом солнца, проезжая мимо виноградики Навуфея.

Недолго после него прожила и Иезавель. Слуги жестокой царицы были не в силах больше терпеть ее несправедливость. И однажды, когда она нарумянила лицо, нарядилась в царские одежды и встала у окна, они подкрались к ней сзади и выбросили ее в окно.

А чудесный виноградник стоит и по сей день. И, собирая сочные гроздья, люди вспоминают честного крестьянина Навуфея, жадного царя Ахава, жестокую Иезавель и мудрого справедливого старца Илию.

Пересказал М. АГУРСКИЙ

ДАНИИЛ

1. ЖАДНЫЙ ЦАРЬ

Жил-был в далеком Вавилоне богатый и могущественный царь Навуходоносор. Чего-чего только

не было у него! Золота, серебра, драгоценных камней — полные сундуки. На берегу синего Евфрата стоял высокий, просторный дворец. Легкие мосты были перекинуты через реку, и от нее во все стороны расходились каналы, прямые как стрелы. Крутом росли диковинные цветы и деревья, а в ветвях райские птицы пели на разные голоса: "Вавилон, Вавилон, золотой Вавилон!"

Но жадному Навуходоносору, царю вавилонскому, всего было мало! Он что ни богаче, то завистливее становился. Услышит о каком-нибудь государстве, что там без него люди хорошо живут, и уже места себе не находит, тоскует, все себе забрать хочет! Вот рассказали ему, что есть на свете такой город, где в древние времена, еще при мудром царе Соломоне, построили великолепный дворец. Навуходоносор сразу покой потерял. Все мерещится ему знаменитый дворец Соломона. Закроет глаза — и видит медных быков и львов, и медных крылатых женщин, подпирающих колонны, увитые медными яблоками, гранатами и пальмовыми листьями. Но больше всего раззадорили жадного царя рассказы о лестнице во дворце Соломоновом, где на широких мраморных ступенях — так говорили люди знающие — стояли золотые львы, по два на каждой ступеньке, друг против друга. Всего двенадцать львов. Стоят, подняв лапу, и волнистые их гривы сверкают на солнце.

— Хочу, чтобы золотые львы и медные крылатые женщины мой дворец сторожили, а не дворец Соломона! — воскликнул Навуходоносор и повел свое войско войною на этот прославленный город.

Целых два месяца мчалась быстрая вавилонская конница. На третий перед нею блеснули белые стены города. Окружили вавилонские воины город, кругом насыпь высокую насыпали и давай стрелять с этой насыпи острыми стрелами да таранить стены тяжелыми таранами. А город все стоит! Пробьют в наружной стене брешь, а за нею другая стена стоит – внутренняя. Внутреннюю стену проломают, а за ней сам народ степной стоит!

Два года не сдавался славный город. На третий не стало уже силы в руках у его защитников: кончились запасы хлеба, и вода иссякла. Не от стрел, не от таранов сдались они врагу, а от голода.

Рухнули стены города, и ворвалась в него вавилонская конница. Пыль от конских копыт заволокла весь город, от грохота колес затряслись дома. Свирепые воины топорами и мечами рубили всех, кто им попадался, – и мужчин, и женщин, и детей. Дома сожгли и разрушили, дворцы и храмы разграбили. А золотых львов сняли с мраморных ступеней дворца Соломона, погрузили на колесницы и отправили в Вавилон.

Когда развеялся дым пожаров, углеглась пыль от конских копыт, умолк свист мечей и заглохли стоны умирающих, Навуходоносор приказал отобрать из тех, кто остался в живых, искуснейших плотников, портных, кузнецов и художников, всех их велел заковать и отвести в Вавилон вместе с награбленными драгоценностями.

2. ВАВИЛОНСКИЕ ПЛЕННИКИ

Десять тысяч человек увел Навуходоносор к себе в плен.

На улицах разрушенного города солдаты подобрали четырех мальчиков, четырех сирот, и тоже привели их в Вавилон.

Остановились мальчики перед воротами вавилонскими и разглядывают их. На воротах бык нарисован: тело белое, гладкое, рога и копыта золотые, вместо хвоста змея извивается, тоже золотая. Как живой, шагает он крупным шагом, грозно устремив рога вперед. Мускулы напряжены, уши прижаты, ноздри раздуваются. Горе тому, кто попадется на его пути!

В ту пору шел мимо ворот Вавилона царь Навуходоносор. Увидел мальчиков, остановился.

– Тебя как зовут? – спрашивает царь одного.

– Мисах.

– А тебя как?

– Седрах.

– А тебя?

– А тебя?

– Авденаго.

– Ну а ты? – спросил Навуходоносор четвертого, того, который был и ростом выше остальных, и лицом красивее.

– Я Даниил, – ответил мальчик и взглянул царю прямо в лицо.

Увидел царь: мальчики смысленные, отвечают бойко – и велел отдать их в учение к вавилонским мудрецам и волшебникам, да содержать их в чистоте и холе, да кормить их лакомствами с царского стола. "Мне же будет больше славы, – рассудил он, – если они вырастут и сделаются большими учеными".

Мальчики были прилежны, учились – не ленились, но от царского угощения отказывались. Сладкий кусок им поперек горла становился.

Каждый вечер до их окон доно-

сились плач и стоны их земляков, вавилонских пленников. Каждый вечер после тяжких дневных трудов собирались пленники на берегу реки вавилонской, вешали свои гусли на ветви прибрежных ив и плакали, вспоминая милую родину. Слуги царя Навуходоносора жестоко насмехались над ними.

— Что же вы не поете, не пляшете, не играете на гусях своих песен? — спрашивали они бедных пленников.

— Нам не до музыки, не до веселья, — отвечали те.

Слезы их лились прямо в реку, и река становилась соленой, как море.

Мальчики попросили начальника, которого над ними поставил царь, давать им вместо царских сладких кушаний хлеб да бобы, да овощи, и все это они запивали простой водой.

— А что, как похудеете? — сказал начальник. — Ведь царь с меня спросит.

— Не бойся, — отвечали они, — не похудеем, вот увидишь!

Начальник уплетал за мальчиков царскую еду, а они на одних овощах да бобах выросли крепкие и здоровые — ничуть не похудели!

Через три года доложили царю, что мальчики прошли все вавилонские науки и премудрости, и царь потребовал их к себе во дворец. Мальчиков одели понаряднее и привели к царю.

Царь стал спрашивать их, а они отвечали. Видит Навуходоносор: умные мальчики, а Даниил умнее всех.

3. ПЕРВЫЙ СОН НАВУХОДОНОСОРА

Много ли времени прошло, мало ли, только вдруг по всему цар-

ству вавилонскому раздался клич великий царь Навуходоносор немедленно требует к себе во дворец всех мудрецов и кудесников, магов-гадателей и снов толкователей.

Кругом — ночь, а во дворце светло, как днем: в честь неурочного пробуждения царя слуги зажегли десять тысяч светильников.

Царь пробудился от собственного крика — такой страшный приснился ему сон. Навуходоносор не может утра дожидаться, хочет, чтобы тут же ему его сон растолковали.

Вот собрались все мудрецы да кудесники, маги-гадатели и снов толкователи во дворец, и царь им говорит:

— Вот и хорошо, что пришли. Какой мне сон страшный привиделся! Я проснулся от собственного крика. Растолкуйте мне мой сон поскорее, и тогда мне не будет так страшно.

— Век живи, государь, — сказали мудрецы и кудесники, маги-гадатели и снов толкователи. — Рассказывай теперь нам свой сон, попытаемся тебе его растолковать.

И сказал тогда Навуходоносор:

— Слушайте! Снилось мне... — Тут царь погрузился в молчание и молчал так долго, что все кругом подумали: не уснул ли он опять?

Но царь вдруг как закричит:

— Забыл! Забыл свой страшный сон! Только и помню, что очень страшный был.

Тогда выступил вперед начальник всех мудрецов и кудесников, магов-гадателей и снов толкователей и сказал Навуходоносору:

— Век живи, государь! И не трудн свою царскую голову! Ложись-ка снова спать, и пускай тебе тот

же самый сон приснится. А мы останемся здесь, во дворце, и будем сторожить твой сон у твоей опочивальни. Как позовешь нас, мы и войдем, и ты нам поведаешь, что тебе приснилось.

Совет понравился Навуходонозору.

— Хорошо придумано! — крикнул он и хлопнул в ладоши. — Эй, слуги! Уложите меня спать поскорее.

Царские слуги подбежали к царю и понесли его на золотую постель. Справа и слева к царской постели подошли двое слуг; один ему правый глаз закрыл, другой — левый. Шестеро слуг стали в ряд по обе стороны золотой постели и плавно помахивали над ним опахалами из пальмовых листьев.

Но и на этот раз царский сон был недолог. Спит-спит и вдруг как вскочит, как закричит не своим голосом!

Мудрецы и кудесники, маги-гадатели и снов толкователи вбежали в спальню со всех ног, столпились у царского изголовья и спрашивают царя, что же приснилось ему на этот раз. А царь опять силится вспомнить свой сон и не может.

Тогда мудрецы и кудесники, маги-гадатели и снов толкователи решили остаться в опочивальне царской и сторожить сон Навуходонозора у самого его изголовья.

— Хорошо, — сказал царь, — только, чур, не дремать! Садитесь поближе да смотрите со мною сон, который мне приснится.

И снова увидел царь страшный сон, и снова вспомнить его не может. А мудрецы-гадатели не знают, что сказать царю, как его утешить.

Рассердился свирепый царь.

— Сказать, что мне снилось, не медленно! — кричит.

— Век живи, государь, — отвечают мудрецы и кудесники, маги-гадатели и снов толкователи. — Не боги мы, не отгадчики, а всего лишь ученые люди.

— Даю вам три дня на размышление! — закричал царь и ногами затопал. — Если через три дня вы не расскажете, что мне снилось, то я всех мудрецов и кудесников, магов-гадателей и снов толкователей велю изрубить на куски, а дома их огнем спалить.

— Век живи, государь, — чуть слышно прошептали мудрецы и кудесники, маги-гадатели и снов толкователи и на цыпочках попятились к дверям.

Ждет царь день, ждет другой, третий ждет — не придет ли кто из мудрецов да кудесников, магов-гадателей и снов толкователей, не придет ли, не расскажет ли, что ему приснилось. Но никто не идет. Все сидят по углам и дрожат, лютой казни дожидаются.

На четвертый день царская стража стала рыскать по всему государству, всех ученых людей в кучу собирать перед казнью.

Пришли и к Даниилу.

Даниил у стражников спрашивает:

— За что это вы нас погубить хотите?

— Царю сон приснился, — отвечает стража, — какой — не помнит, а никто из вашего брата ученых ему не скажет. Вот вас за то и казнят. Другой раз будете слушать царский приказ.

— Что же меня никто не догадался спросить? — говорит Даниил. — Ты вот что, брат, ступай во дворец да скажи: так и так, Даниил

просил кланяться. А казнить нас всегда успеешь.

Начальник стражи пошел во дворец и доложил обо всем царю.

— Как же это я не вспомнил о Данииле? — закричал царь. — Ведь умнее его во всем царстве у меня нет! Позвать его немедленно сюда!

Приводят к царю Даниила. Даниил кланяется ему и говорит:

— Слышал я о твоей беде, государь, и готов ей помочь. Только вели сперва всех мудрецов да кудесников, всех магов-гадателей да снов толкователей на волю выпустить.

Царь как хлопнет в ладоши, как топнет ногою.

— Кто посмел посадить их в тюрьму? — кричит. — Сюю же минуту всех мудрецов и кудесников, магов-гадателей и снов толкователей выпустить! И звать их во дворец ко мне ужинать.

Потом повернулся к Даниилу и говорит:

— Рассказывай мне мой сон поскорее. Измучился я ждать.

— Государь! Три дня и три ночи сидел я, закрывшись, со своими товарищами — Мисахом, Седрахом и Авденаго, — ответил ему Даниил. — Не ели, не пили, спать не ложились, все между собою совет держали и спорили. На третью ночь легли спать и увидели все вместе сон, который тебе приснился. Слушай же, царь, что приснилось тебе. Стоит будто перед тобою истукан, вида страшного, ростом выше неба и блестит так, что глазам больно. Голова у истукана из чистого золота, грудь и ноги серебряные, живот из блестящей красной меди, ноги железные, а ступни из обыкновенной мягкой глины, из какой гончар горшки свои лепит...

— Так-так-так, — перебил Даниил царь. — Теперь припоминаю все было в точности, как ты рассказываешь. Ну, а дальше-то дальше что было, скажи? Отчего же на меня такой страх напал?

— Расскажу тебе и что дальше было, и отчего на тебя страх напал. Неподалеку от истукана нависла скала. И вот, государь, видишь ты будто медленно-медленно...

— Не рассказывай дальше! — закричал Навуходоносор и закрыл лицо руками. — Мне страшно.

А потом говорит:

— Ну чего же ты молчишь? Разве не видишь, что я весь дрожу от нетерпения?

Даниил спокойно продолжал свой рассказ.

— От нависшей скалы, — сказал он, — стал медленно-медленно откалываться кусок и вдруг обрушился на истукана, прямо на его глиняные ступни. И тут же великая твоя, этот колосс на глиняных ногах, подкашивается и весь рассыпается. И ветер уносит его прах словно пшеничную шелуху, когда хлеб молотят. Ни единой пылинки от истукана не осталось!

— Правда, правда! — закричал царь. — Все так мне и приснилось, как ты рассказываешь. Но отчего же все три раза я просыпался в холодном поту, отчего каждый волос на моей голове дыбом стоял?

— Сейчас растолкую тебе твой сон, государь, и ты все поймешь. Слушай: золотая голова истукана — это ты сам, великий и могущественный царь Навуходоносор. Все тебе подвластно, все покорно: и человек, и зверь, и птица. И царство твоё золотое, богатое. После тебя, после золотого царства, наступит царство серебряное. Это

царство поплоче: серебра с золотом не равняться. Но и оно будет блестящим и прочным. После серебряного царства придет царство медное – крепкое и неприступное, как медь. А за медным царством наступит смешанное – наполовину железное, наполовину глиняное. До поры до времени будет оно крепким, как железо, а потом делается хрупким, как глина. Во время этого царства и отколется камень от скалы и сокрушит его, и придет тогда конец вавилонскому владычеству. Оттого-то, государь, и напал на тебя страх.

Выслушал царь Даниила и опечалился. Потом усмехнулся, встал на ноги и сказал:

– Когда-то еще вавилонское государство развалится. Зато мой век – золотой!

Тут явились во дворец мудрецы да кудесники, маги-гадатели и снов толкователи. Навуходоносор на радостях простил их, усадил за стол, и пошел пир горой. Даниила же царь посадил по правую руку. И тут же за столом велел указ писать, чтобы всех четырех – Даниила, Мисаха, Седраха и Авденаго – сделать большими начальниками. И когда указ написали, он скрепил его царской печатью.

4. ОГНЕННАЯ ПЕЧЬ

Вавилонские вельможи и без того косились на чужаков: слишком уж скоро они полюбились царю! Новый царский указ был им как нож острый. И теперь они только ждали случая, чтобы навредить Даниилу и его товарищам. Ждали-ждали и дождались.

Много ли времени прошло, мало ли, захотелось царю Навуходонозору возвеличить себя на все

времена, чтобы и после его смерти продолжала греметь его слава. Он призвал к себе во дворец искусных мастеров и художников и приказал им вылить статую из чистого золота, высотой – как три высоких кедра, а лицом чтобы на него самого походила – на великого и могущественного Навуходоносора, царя вавилонского.

Мастера и художники выполнили царское приказание и отлили из чистого золота истукана – такого, какого хотел царь: ростом в три высоких кедра, а лицо как у самого Навуходоносора. Царь велел отвезти его в долину Деире, неподалеку от Вавилона, и там поставить на холме среди поля.

И летят гонцы во все концы.

– Слушайте! Слушайте! Слушайте! – кричат они на всех площадях и перекрестках вавилонского царства. – Великий и могущественный царь Навуходоносор повелевает всем знатным людям страны, всем воеводам, начальникам и судьям, всем вельможам и царедворцам, мудрецам и кудесникам, магам-гадателям и снов толкователям собраться завтра в три часа пополудни в долине Деире, чтобы поклониться золотой статуе великого и могущественного Навуходоносора, царя вавилонского!

Ровно в три часа пополудни в долине Деире собрались все, кого царь пригласил на свое торжество: знатные люди, и ученые, и начальники со всех краев вавилонской земли.

На пригорке среди поля стоит золотой истукан. Голова его в небо упирается, ступни ног – как мосты через широкую реку. И блистит он весь на солнце так, что посмотришь – глазам больно. Внизу, у

подножия истукана, на своем золотом троне на красной бархатной подушке восседает сам великий и могучий царь вавилонский Навуходоносор. Меньше малой мошки кажется он рядом со своим истуканом!

Царский глашатай вышел из середины поля, трижды протрубил в серебряную трубу и возвестил:

— Люди и народы вавилонского царства, слушайте: при звуках труб, свирелей, арф и гуслей великий и могучий царь Навуходоносор повелевает всем пасть на землю лицом и поклониться золотой статуе великого и могучего Навуходоносора, царя вавилонского! А кто золотому истукану не поклонится, того тотчас бросят в огненную печь...

И глашатай показал рукой на дальний конец поля.

Там, в конце поля, стояла огромная печь. К этой печи лестница приставлена, а наверху в ней сделана дыра — куда людей бросать. Сбоку дверка — смотреть, что в печи делается. А вокруг уже слуги хлопочут, разжигают огонь трутом, смолою и паклей, хворост подбрасывают.

Не успел народ на печь подвигаться, как вдруг грянула музыка — заиграли музыканты на трубах, на арфах, на свирелях и на гусях. Все, кто где стоял, повалились наземь. Только трое остались стоять, как стояли, — словно три стройных деревца в пустынном поле.

— Смотрите, Мисах не поклонился золотой статуе Навуходоносора! — зашептали в толпе.

— А вон и Седрах стоит!

— А вон Авденаго!

Царедворцы от радости чуть не дрожат.

— Жаль только, главного с ними нет — Даниила! — шипит один.

— Да где же он?

— Говорят, царь его послал куда-то с важным поручением. Ну, да когда этих уберем, с ним одним будет легче справиться!

Пошептались-пошептались — и к царскому трону ползком: вставать еще нельзя — музыка играет.

— Вот, — говорят, — полюбуемся царь, на своих любимчиков! Ты их пригрел, возвеличил, а они что делают? Как музыка заиграла, весь твой народ на землю повалился, твоей статуе золотой поклонился, а эти пленники стоят себе, как столбы, и в ус не дуют. Вели же, государь, бросить их в печь огненную поскорее, чтобы никому не повадно было нарушать царскую волю!

Опечалился царь. Жаль ему было своих умных и честных помощников. Подзывает их к себе и спрашивает:

— Как же так, Мисах, Седрах и Авденаго: или вы позже других пришли на поле Деире и приказа моего не знали, или задумались так крепко, что и музыки не слышали? Ладно, прошу вас для первого раза. Но впредь знайте: как заиграет музыка, как запоют мои арфы, свирели и гусли, в ту же минуту падайте наземь и кланяйтесь моей статуе. А то худо будет: бросят вас в огненную печь, и вы в ней сгорите!

Сидрах, Мисах и Авденаго так отвечают царю:

— Нет, великий государь, не задумались мы и указ твой слышали. А не поклонились мы твоему золотому истукану потому, что мы никакому идолу кланяться не желаем — ни золотому, ни серебряному, ни медному. И печью

огненной нас не устрашай, государь, — сгорим, а идолам не поклонимся!

Рассердился Навуходоносор.

— Эй, слуги мои верные! — закричал он. — Раскалите вы огненную печь в семь раз сильнее прежнего да побросайте в нее этих умников!

Забегали, засновали слуги вокруг печи, больше прежнего дров в нее накидали. А стража схватила Мисаха, Седраха и Авденаго, связала их по рукам и по ногам, потащила их вверх по лестнице да и бросила в огненную печь.

И взвилось пламя из печи, и пожрало всех, кто стоял поблизости, — и тех, кто огонь разводил, и тех, кто гордых пленников в печь бросил.

Ужас напал на всех. Музыканты побросали свои трубы и гусли.

Царь и тот испугался. Привстал на своем троне под золотым истуканом, шею вытянул и смотрит в сторону огнедышащей страшной печи. Тихо стало в долине Деире, словно вымерли все! Только дрова в печи потрескивают.

И вдруг откуда-то послышалась песня. Сначала тихо, потом все громче и громче. Вот уже и слова различить можно:

*Мы славим высокое небо,
Мы славим небесные тучи,
Мы славим луну и солнце,
Звезды, дожди и росу!*

Народ удивляется: кто поет, не видно! А над долиной Деире песня так и льется:

*Слава огню и ветру,
Слава зиме и лету,
Слава снегу и граду,
Слава ночи и дню!*

*Свету и тьме — слава!
Льду и морозу — слава!
Слава седому инею,
Молнии и грозе!*

*Земле, по которой ходим,
Горам и долинам — слава!
Слава всему растущему —
Деревьям, цветам и траве!*

*Озерам, морям и рекам,
Огромным китам океанским
И маленькой юркой плотвице
Мы грамскую славу поем!*

Голоса звучали где-то совсем уже рядом.

*Слава коням быстроногим!
Слава быкам круторогим!
Слава орлу в поднебесье,
Робкой косуле в лесу!*

И вдруг Навуходоносор как закричит:

— Там! Там! Оттуда песня!

И бросился к печи. Потом позвал начальника стражи и говорит ему:

— Взгляни в печь и скажи мне, что ты видишь?

— Век живи, государь! — ответил начальник стражи. — Когда мы бросили их в огонь, у них руки-ноги были связаны, а теперь они свободно расхаживают по раскаленным углям, словно по полю, усеянному маками. Ходят, руками размахивают и песню поют:

*Слава сынам человеческим!
Слава друзьям неразлучным!
Вечная слава бесстрашным —
Они и в огне не сгорают!*

— А сколько их там? — спрашивает царь.

– Век живи, государь! – отвечает начальник стражи. – Бросили мы троих, а сейчас с ними кто-то четвертый, повыше их ростом, и тоже поет вместе с ними.

И начальник стражи с перепугу захлопнул дверцу и сказал царю:

– Век живи, государь, а только это не простые люди! Если б они были простые, от них давно остался бы один пепел.

– Твоя правда, – сказал царь и велел вылить на печку тысячу ведер холодной ключевой воды. Потом взобрался по лестнице и крикнул:

– Эй вы, Седрах, Мисах и Авденаго, вылезайте, раз уж вас и огонь не берет! И кто там четвертый – тоже вылезай!

И вышли все четверо из печи целы и невредимы. Смотрят люди, а четвертый-то – Даниил!

– Ты как сюда попал? – спрашивает царь.

А Даниил усмехнулся и сказал: – Разве я брошу товарищей в беде?

Народ обступил их, смотрит, удивляется: одежда на них вся целая, даже дымом не пахнет.

5. ВТОРОЙ СОН НАВУХОДОНОСОРА

Ночью царь снова проснулся от собственного крика. И снова забегали слуги, засветили десять тысяч светильников во дворце. И скорее посылают гонца, на этот раз уже прямо к Даниилу.

– Выручай меня, друг Даниил! – говорит ему Навуходоносор. – Приснился мне сон пострашнее прежнего. Я даже запомнил его сам. Ты мне только растолкуй, что он значит, что сулит мне в моей жизни.

– Рассказывай свой сон, – говорит Даниил, – а я буду слушать внимательно и, что знаю, скажу тебе, государь, без утайки.

– Хорошо. Вот что мне снилось, Даниил. Растет дерево – большое-пребольшое. Десять человек его руками не обхватят. Верхушка этого дерева все небо исколола – такое дерево высокое. А ветви его разрослись до самых краев земли. Лист широкий, глянцевиный, как изумруд, зеленый; плоды сочные и душистые, и так их много, что на всех людей в мире хватит и еще столько же останется! Дикие звери со всей земли приходят отдыхать в тени этого дерева. Птицы со всего неба выют гнезда в его ветвях и дуплах. А дерево греется на солнышке, пошевеливает листьями на ветру, умывается дождем, слушает пение птиц и думает, что все – и солнце, и ветер, и птицы, и звери лесные – только для него и существуют.

Но вдруг раздался громкий голос:

– Срубите дерево! – сказал голос. – Отрубите его ветви! Стряните листья! Разбросайте плоды! Дикие звери, бегите от этого дерева подальше – оно упадет и раздавит вас! Не вейте больше гнезд в его ветвях, птицы, берите своих птенцов и улетайте с ними поскорее!”

И разбежались дикие звери, и улетели птицы с птенцами, и даже мохнатые гусеницы и те уползли. Раздался страшный треск, и огромное дерево повалилось на землю как подкошенное. И остался от него в поле один пенек. Тут поднялся вихрь, развеял все листья, раскидал плоды. А голос продолжал еще громче прежнего:

”Слушай, Навуходоносор, и

внимай! Семь полных лет пастись тебе, царь, на зеленых лугах вместе с дикими ослиами и буйволами. Будешь траву шипать, как они, обрастешь шерстью медвежий, умываться будешь росой утренней. Семь лет – запомни! СЕМЬ ЛЕТ, СЕМЬ ЛЕТ, СЕМЬ ЛЕТ!”

Страшный голос говорил все громче и громче, пока я, наконец, не проснулся и не закричал изо всей мочи: “Семь лет!”

Выслушал Даниил царя и потушился. И, смущенный, стоял перед царем целый час и не проронил ни слова.

Наконец, не вытерпел Навуходоносор и сказал Даниилу:

– Говори! Все говори без утайки, все, что у тебя на сердце!

– Государь, – сказал тогда Даниил, – лучше бы сон этот приснился твоему врагу, а не тебе. Ведь дерево, которое ты увидел во сне, – это ты сам, великий и могущественный царь Навуходоносор. До самого неба вознесся ты гордой душой, и власть твоя – до краев земли. Но за то, что возгордился ты сверх меры – за это, государь, потеряешь ты облик человеческий, станешь, как дикий зверь, и будешь пастись на зеленых лугах вместе с ослиами и буйволами, спать под открытым небом, умываться утренней росой, питаться травой да кореньями. И шерстью клочковатую обрастешь, как медведь. Но все проходит, великий государь! Пройдут и семь лет, и снова ты примешь человеческий образ и будешь восседать на своем золотом троне.

Опечалился было царь Навуходоносор, выслушав слова Даниила. Целую неделю он ходил сам не свой, все оглядывал себя, не расстает ли шерсть на его теле, да ко-

сился на траву: неужели я, царь, буду этой дрянью питаться?

Даже знатные вельможи царские пригорюнились.

Но прошла неделя, другая, все по-прежнему во дворце вавилонском. По-прежнему льстят царю вельможи, по-прежнему трепещут его народы. Так и год миновал. Сон у царя и вовсе из головы долой.

Вот раз идет он, прохаживается по стене вавилонской и оглядывает свои владения сверху. Кругом дворцы и храмы, один другого краше. Синий Евфрат полноводный шумит под стеной. А от него прямые, как стрелы, расходятся во все стороны узкие каналы. Легкие и прочные мосты перекинута через каналы и реку... Из садов поднимается такое благоухание, что голова кружится, а в уши льются песни райских птиц.

“Вавилон, Вавилон, золотой Вавилон!” – поют они на разные голоса.

– А ведь каналы-то я велел рыть, я – великий и могущественный Навуходоносор! Я! Я! Я! – закричал царь со стены. – Это мои рабы и слуги все сады насадили, все мосты намостили, все дворцы и все храмы построили! Вот и двенадцать золотых львов со ступеней дворца Соломона сторожат вход в мой дворец! Мой! Мой! Мой! Все народы поклоняются мне, мне, мне – великому и могущественному Навуходоносору, царю вавилонскому!

Сказал, и вдруг ни каналов, ни дворцов, ни диковинных деревьев – ничего нет. Одна трава кругом, да над головою синее небо. Справа – стадо диких ослов, слева – буйволы. А у самого Навуходоносора, у великого и могущественного ца-

ря вавилонского, шерсть торчит клочьями, как у медведя, на ногах и на руках — когти звериные, и идет он на четвереньках, травку пощипывает. Вспомнил тут Навуходоносор свой давнишний сон. "Это все Даниил мне напроорочил, проклятый пленник! — подумал он в ярости и хотел приказать: — Отрубить ему голову немедленно!"

Но вместо этого по всему лугу раздалось:

— И-го-го-го! И-го-го-го!

Буйволы подняли головы и посмотрели в его сторону, а дикие ослы подбежали к новому товарищу и приняли его в свое стадо.

— И-го-го-го! И-го-го-го! И-го-го-го!

Так прожил целых семь лет Навуходоносор среди диких зверей, сам зверь зверем.

А в один прекрасный день Навуходоносор вдруг снова очутился на своем троне. Хотел сказать: "И-го-го!", а получилось:

— Эй, слуги, уложите меня спать!

И стал он царствовать в Вавилоне по-прежнему. Разве что меньше хвастал теперь! Даниила же полюбил крепче прежнего.

6. ДАНИИЛ ВО РВУ СО ЛЬВАМИ

Царь души не чает в Данииле. Без его совета шагу не ступит. И вот он задумал сделать Даниила самым первым человеком у себя в государстве. Мисаха, Седраха и Авденаго — поставить начальниками над всеми начальниками, а над Мисахом, Седрахом и Авденаго — поставить Даниила.

Вельможи перепугались до смерти. Все они жили обманом и

неправдою, запускали лапу в царскую казну, с народа семь шкур сдирали. А с новым начальством которое само не ворует и не врет и взятки не берет, решили они придет их сладкой жизни конец. Нет, нужно во что бы то ни стало извести царских любимчиков, и на этот раз так, чтобы не было им спасения!

Подсылали было к Даниилу с подарками, чтобы потом сказать царю: вот твой Даниил, думаешь, лучше других? Берет подарки, как и все. Очернят Даниила в царских глазах, тогда и друзьям его — Седраха, Мисаху и Авденаго — тоже конец. Да вот беда — не берет Даниил подарков. Говорит приносящему: "Мне это ни к чему".

Тогда придумали другое.

Пошли к царю и говорят:

— Век живи, государь! Есть ли кто выше тебя в государстве?

— Нет, — сказал царь, — выше меня в государстве нет никого.

— Кому же, государь, должны мы, твои рабы, кланяться?

Царь сказал:

— Мне мои рабы должны кланяться.

— Век живи, государь! — сказали ему тогда вельможи. — А если какой человек поклонится не тебе, а другому, значит, тот человек — изменник?

— Изменник, — ответил царь.

— Век живи, государь! А что, если такой изменник в твоём государстве отыщется? Как с ним надлежит поступить?

— Изменник?! У меня в государстве?! — вскричал тут царь. И как подскочит, как затрясется весь, как застучит царским жезлом об пол. — Да кто посмеет?... В ров его, в яму ко львам, немедленно!

Страшен царский гнев! Все

вельможи попадали наземь. Потом самый старший из них подполз к ногам государевым, поднял голову и говорит ему:

— Век живи, государь! Вот и мы так думали. И, зная твою справедливость, уже указ такой приготовили. Прочитай его, государь, и, если тебе угодно, скрепи его своею царской печатью.

И старший вельможа протянул государю свиток.

Царь развернул свиток и прочитал:

"Указ и повеление великого и могущественного царя вавилонского — всему народу. С нынешнего дня и в течение тридцати дней приказываю: если кто из вавилонских жителей вздумает поклониться кому-нибудь, кроме царя, вашего единственного государя, того немедленно бросить в ров ко львам!"

И царь приложил свою царскую печать к свитку.

Вельможи и царедворцы поднялись на ноги, подхватили указ, крикнули хором:

— Век живи, государь! — и побежали прочь из дворца.

Они дали царю подписать такой указ неспроста. Был обычай у Даниила, и царедворцы с вельможами знали о нем: утром, днем и вечером — три раза в день — подходить к окну своей комнаты и кланяться трижды на восток.

Вот они подстерегли Даниила у окошка — и к царю.

— Век живи, государь, — объявляют, — а мы тебе твоего любимца привели. Спроси его, кому он только что кланялся?

— Ты кому кланялся? — спрашивает царь Даниила.

— Я своей милой родине кланялся, государь! — отвечает Даниил.

— Так ты, верно, указа моего еще не читал? — сказал царь.

— Читал я твой указ, государь, и рад был исполнить твою волю, — ответил Даниил. — Да что делать, если и царский указ не в силах заставить меня забыть свою родину?

Тяжко вздохнул Навуходоносор: жаль ему было прямодушного Даниила. А вельможи чуть не танцуют от радости. Ухмыляются, руки потирают.

— Царское слово — закон! — кричат. — Никто, даже сам царь, отменить его не может.

Вот потащили Даниила ко рву со львами. Ров глубокий и узкий. Взад-вперед по нему ходят лев и две львицы. Походят-походят — и остановятся. Закинут голову, раскроют красную пасть клыкастую и так зарычат, что все башни в Вавилоне начинают качаться — того и гляди, упадут!

Бросили Даниила в яму к львам, яму прикрыли широким камнем, а камень еще печатями запечатали — для верности.

Грустный и понурый побрел царь во дворец. Отпустил всех певцов, музыкантов и рассказчиков и лег спать без ужина. Но и спать ему не спалось — так до утра и проворочался, ни разу глаз не сомкнул. Все мерещился ему Даниил, да львиные пасти клыкастые.

Утром, чуть свет, побежал царь ко рву оплакивать своего любимого советника.

— Даниил, Даниил! — кричит царь, а сам слезами заливается.

И вдруг из ямы, — или это почудилось? — будто кто-то ответил:

— Здравствуй, государь!

— Ты кто? — спросил испуганный царь.

— Я Даниил, — послышалось из ямы.

Царь скорее созывает людей, велит печати ломать да камень отваливать. Отвалили и смотрят: львицы лежат рядом, а между ними Даниил примостился: голову положил на лапу к одной, другую по спине похлопывает. А лев ходит взад-вперед, хвостом машет.

Царь от радости чуть сам в яму ко львам не угодил.

— Живой, живой! — кричит. — Даже дикие звери не трогают Даниила!

Вельможи с царедворцами стоят вокруг ямы и дрожмя дрожат, потому что в Вавилоне был хороший закон: того, кто на другого напраслину возвел, казнить тою же казнью, какую по его наговору казнили невинного. И выходило по этому закону, что их должны были тотчас же бросить в яму ко львам. Стали царедворцы с вельможами перешептываться да советоваться: как беде помочь? А потом и говорят царю:

— Век живи, государь! Твой Даниил жив остался оттого, что львы совсем не голодные: их, видно, накормили заранее.

— Эй, слуги! — закричал тогда царь и хлопнул в ладоши. — Накормите моих львов досыта!

И слуги притащили трех баранов и трех жирных быков и бросили их львам.

Львы жадно накинулись на добычу.

— А теперь, — сказал царь, когда львы насытились, — кидайте в яму злодеев, которые оговорили Даниила.

Стража схватила вельмож и царедворцев — сто шестьдесят во семь человек — и бросила их в яму. Львы подхватили их и тотчас растерзали всех до единого. А ведь были сыты!

И царь поставил Даниила и его

товарищей — Седраха, Мисаха и Авденаго — старшими над всеми начальниками государства.

7. ВАЛТАСАРОВ ПИР

Долго жил Навуходоносор на свете, но вот наконец и за ним смерть пришла. После Навуходоносора стал царствовать его наследник Валтасар.

Грозный Навуходоносор хотел оставить по себе славу великую: строил дворцы и башни, сажал сады, воевал с другими народами. А Валтасару ничего этого не надо: день прожил, и ладно.

Но был Валтасар такой же злодей, как Навуходоносор: мучил народ тяжелой работой и казнил непокорных жестокими казнями.

Задумал раз Валтасар устроить пир у себя во дворце. А в ту пору собрался царь персидский идти войной на Вавилон. Валтасару говорят:

— Помилуй, государь, к нам враг войной идет, а ты пиры затеваешь.

А царь отвечает:

— Что ж, что война? На то у меня и воины, чтобы от врага отбиваться. На то и стены неприступные, каменные, чтобы враг об них поломал свои копья.

Позвал к себе во дворец тысячу гостей именитых, и пошел у них пир горою. Вокруг столов разместились нарядные гости — кто в красном, кто в зеленом, кто в синем. На головах у всех повязки пестрые, на ногах золотые сандалии.

А сам царь Валтасар на шелковых подушках развалился. Его царская одежда вся как радуга переливается, на груди большой алмаз сверкает.

Бесшумно снуют царские слуги,

кушанья диковинные разносят, душистые вина разливают. И светло во дворце, как днем: тысячи светильников горят. Музыка гремит. Гости поют, смеются, славят царя Вальтасара.

И вдруг все светильники разом погасли, словно их ветром задудло. Стало темно. Только где-то наверху, у стены, появилось слабое мерцание. С каждой минутой оно разгоралось все больше и больше, и все увидели огромную руку, окруженную ярким сиянием. Огромный палец водит по стене и пишет, пишет, а что — неизвестно.

Стало тихо во дворце. Обο- рвался смех. Умолкла музыка.

Вальтасар приподнялся на подушках и смотрит на стену, дрожит, сам белый как стена.

Но вот рука исчезла, и все увидели на стене огненные письмена. Царь силится прочесть — не может. Снова зажгли светильники, но огненные письмена горели ярче светильников.

А прочитать их все равно никто не может.

И призвали тогда во дворец мудрецов и кудесников, магов-гадателей и снов толкователей, и так им сказали:

— Кто разгадает волшебные письмена, тому царь со своего плеча одежду разноцветную пожалует, а также цепь золотую нагрудную и алмаз, что горит, как солнце. А не разгадаете — тогда всем вам худо будет. Каждого казнят лютой казнью, и у каждого сожгут его дом.

Смотрят мудрецы и кудесники, маги-гадатели и снов толкователи, смотрят на стену, морщат высокие лбы, шевелят губами, бородами трясут, а понять ничего не понимают.

Наконец, говорят царю:

— Век живи, государь, а мы таких слов не знаем!

— Прочь отсюда! — закричал на них царь, а сам побледнел больше прежнего. Чует его сердце, что не к добру непонятная надпись. Если и ученые разобрать ее не могут, значит, дело совсем плохо.

Тут кто-то из гостей сказал царю:

— Государь, разве ты забыл, что у тебя в твоём царстве живет великий мудрец Даниил? С ним еще и царь Навуходоносор советовался.

— Позвать сюда поскорее Даниила! — закричал Вальтасар.

Привели Даниила во дворец, и царь его спрашивает:

— Это тебя зовут Даниилом?

Даниил поклонился царю, разгладил бороду и сказал:

— Я Даниил.

— Слышал я, тебе все тайны доступны, раб мой Даниил, — говорит тогда царь. — Взгляни же на эту надпись и скажи мне, что она означает. Прочитаешь — я тебе царскую одежду разноцветную пожалую и к ней цепь золотую нагрудную. И сделаю тебя первым человеком в моем государстве. Но если и ты не разберешь огненные слова, я велю тебя казнить лютой казнью, а дом твой огнем пожечь.

Улыбнулся Даниил и сказал:

— Не пугай меня лютой казнью, государь. Мне ли смерти бояться? И подарков твоих мне не надо. А надпись я тебе и так прочитаю, изволь!

И Даниил подошел к стене, взглянул на письмена и сказал:

— Мэнз, мэнз, тэкэл, фарэс — вот что начертала тебе волшебная рука. Ты, Вальтасар, наследник Навуходоносора, такой же гордый и

неразумный, как он. Хвастаешь своим богатством и властью, о нуждах своего народа не заботишься, чужой народ в неволе держишь. Пьешь, ешь и веселишься. А того, что у тебя под стенами делается, знать не хочешь.

— Эй, не хитри со мною, раб! Если не понимаешь, что здесь написано, так и скажи! — вскричал Валтасар. — А без твоих поучений я как-нибудь обойдусь!

Усмехнулся Даниил и сказал:

— Хорошо, государь, слушай же! МЭНЭ, МЭНЭ — это значит: считали мы твои дни, государь, считали и сосчитали, конец им пришел. ТЭКЭЛ — взвесили мы тебя на весах, государь, и оказалось, легок ты, и мысли твои легковесны. А ФАРЭС — конец вавилонскому владычеству, государь.

Не успел Даниил кончить, как вдруг двери дворца распахнулись, и народ толпою вломился к царю.

— Горе! Горе! — кричала толпа. — Беда, государь!

— Враг в Вавилоне! Персы ворвались в город!

Посмотрел Валтасар и увидел: перед самым дворцом отряд персидских воинов налетел на его стражников и рубит их своими острыми мечами.

Добрались и до царя Валтасара и закололи его.

Так кончилось вавилонское владычество.

Персидский царь Кир стал править Вавилоном. Он полюбил Даниила и сделал его своим советником и другом.

8. ДАНИИЛ И ПРОЖОРЛИВЫЙ ИДОЛ

На главной площади Вавилона стояла высокая семизэтажная

башня. Это был храм вавилонского бога Ваала.

Внизу, на первом этаже, готовилась Ваалу еда. А наверху, на седьмом этаже, на кипарисовом троне, за золотым столом, восседал вавилонский бог. Он сиял, как луна в полнолуние, а глаза его были темные, как безлунная ночь. Сидит бог — не шелохнется, огромный рот открыт — не закрывается корми такого бога, не корми — ни когда не насытится!

Бога этого кормил народ. Каждый день к башне Ваала пригоняли сорок жирных баранов и подвозили на телегах двенадцать мешков отборной муки и шесть кувшинов лучшего виноградного вина. Семьдесят жрецов состояло при храме, они следили за тем, чтобы дань Ваалу не прекращалась.

Вавилоняне низко кланялись, когда шли по городской площади мимо семизэтажного храма. Даже сам Кир, новый царь Вавилона, и тот кланялся голову, проходя мимо башни. Один Даниил не гнул перед нею свою гордую спину.

Кир заметил это и спросил Даниила:

— Почему ты не кланяешься этому священному храму? Ведь здесь, в Вавилоне, Ваал считается самым главным богом!

— Какой же это бог, государь? — отвечал ему Даниил. — Это истукан, сделанный человеческими руками. Сперва его вылепили из глины, потом покрыли медью, а медь еще сверху позолотили, чтобы на солнце блестела.

Но Кир сказал:

— Как же не бог, когда он ест и пьет столько, сколько ни один человек, даже царь, за сутки не съест и не выпьет! Нет, Ваал — великий бог, недаром семьдесят жрецов

состоят у него в услужении.

— Государь, умен ты, умен, а позволяешь себя обманывать. Ведь золоченая кукла ни куска не съедает из того, что приносят ей в жертву!

Тут уж Кир рассердился не на шутку.

— Позвать ко мне жрецов божественного Ваала!

Выстроились перед царем жрецы, все семьдесят человек, в ряд, а царь спрашивает у них грозным голосом:

— Кто выпивает вино? Кто съедает хлеб и баранов, которые приносятся в жертву бессмертному Ваалу?

— Век живи, государь! — отвечают все семьдесят хором. — Сам великий Ваал и съедает все, что ему приносят, и сам выпивает все вино.

— Так ли? — спрашивает царь. — А я слышал, что вы все это съедаете сами. Горе вам, если это окажется правдой!

— Век живи, государь! — отвечают жрецы. — Мы докажем тебе, что Ваал все съедает сам. Но и ты, государь, обещай: когда ты увидишь, что мы невиновны, вели казнить Даниила за то, что хотел нашего бога унизить, а нас опорочить в твоих светлых очах, государь!

Царь согласился.

И все вместе — Кир, Даниил и семьдесят жрецов — направились к башне Ваала.

За ними ехали повозки, груженные вином и мукою, а за повозками шло стадо в сорок жирных баранов — ежедневная жертва Ваалу.

У входа в башню жрецы остановились и сказали:

— Век живи, государь! Дальше мы с тобой не пойдем. Вели своим

слугам приготовить для Ваала пищу и налить вино в его священные чаши. На ночь запечатай дверь в башню своей царской печатью, а утром приходи. Если еда не будет за ночь съедена, а вино выпито, казни нас какою хочешь лютою казнью. Но если, государь, ты придешь, а еда вся съедена и вино все выпито, — воля твоя, государь, не давай Даниилу пощады!

Сказали и спокойно разошлись по домам. Да и чего им было бояться? Ведь к башне вел потайной ход, подземный. Каждую ночь через этот ход вместе с женами и детьми поднимались они в башню и пировали там до рассвета, восхваляя доброту и щедрость своего гостеприимного бога.

Но Даниил придумал, как их всех перехитрить. Когда царские слуги изжарили баранов, испекли хлеба, разлили вино по священным чашам, а сам царь поставил пищу перед Ваалом, Даниил велел своим слугам тайно посыпать пол тонким слоем золы.

Ночью, как обычно, пришли в башню со своими женами и детьми жрецы и сели пировать. Все съели до крошки и вино вылакали до последней капли.

Утром, чуть свет, проснулся Кир и велит будить Даниила. Идут к башне.

— Скажи мне, Даниил, у тебя ведь глаза, как у рыси: цела моя печать или нет?

— Цела, государь, — отвечает Даниил. — Цела твоя печать.

Подошли к храму, открывают дверь, смотрят: еды никакой не осталось, чаши священные все вверх дном перевернуты, и там и сям по полу валяются бараньи кости.

Кир тут же бросился наземь и закричал:

— Слава великому Ваалу! Нет в тебе обмана!

Но Даниил засмеялся, помог царю встать на ноги и тихонько придержал его рукой.

— погоди, государь, — сказал он, — не переступай порога, а взгляни сначала на пол и скажи, что ты видишь.

Царь взглянул и воскликнул в изумлении:

— Я вижу в золе отпечатки мужских сандалий и женских, а также множество маленьких босых ног!

Понял Кир, что все это время жрецы обманывали его и народ и сами со своими женами и детьми поедали ежедневную жертву Ваалу — сорок баранов и хлеб — и запивали все это сладким виноградным вином.

9. ПРОЩАЙ, ВАВИЛОН

На другой день царь вызвал Даниила к себе во дворец и сказал ему:

— Ты прав, Даниил, жрецы оказались обманщиками. За это ты можешь выбрать для них какую хочешь казнь.

Даниил опустил голову и крепко задумался. Целый час простоял он в молчании перед царским троном.

— Что же, — сказал наконец Кир в нетерпении, — или ты никак не придумаешь для своих врагов достаточно лютой казни?

Даниил встрепнулся и сказал:

— Нет, государь! Не мне они враги, а тебе — тебе и твоему народу. Мне их кровь не нужна. Довольно того, что их обман раскрылся и обманщики посрамлены. Но не о них, государь, я думал, стоя целый час перед тобою!

— О чем же ты думал, Даниил? Скажи, что у тебя на сердце, и я исполню все, что ты пожелаешь.

— Государь! — сказал Даниил. — Дни мои клонятся к закату. Почти всю свою долгую жизнь я прожил здесь, в Вавилоне. Здесь вырос, обучился наукам, здесь узнал радость и горе, царский гнев и царскую милость. Но не было ни одного года, государь, ни одного месяца, дня и часа, когда бы я не думал о своей милой родине и о моем бедном народе. Вот уже семьдесят лет томится он здесь в неволе. Не гневайся, государь! Но раз ты спросил меня, чего я хочу, я тебе отвечаю: свободы! Воли для своего народа, чтобы он мог вернуться к себе на родину, отстроить свои города заново, засеять свои пашни!

Пришел черед задуматься Киру. Наконец он тряхнул головой и сказал:

— Царское слово крепко!

И по всем городам и селам вавилонского государства на верблюдах, на ослах, на конях быстрых полетела радостная весть:

Вавилонские пленники свободны и могут отправляться домой!

— Домой! Домой! Свобода! — закричали бывшие пленники.

Хромые забыли о своей хромоте и запрыгали от радости. Слепые стали видеть. Больные поднялись с постелей. И даже глухие услышали: "Свобода!"

Музыканты сняли свои гусли и арфы с прибрежных деревьев, ударили по струнам и запели.

Семьдесят лет они были в плену, но не забыли песен своей родины.

Пересказала Т. ЛИТВИНОВА

Окончание следует

Сергей Самойленко – мой ученик в Литературном институте. Хотя я глубоко убеждена, что в поэзии никто никого ничему научить не может. Поэты учатся друг у друга, у жизни, у бесконечных тайн неба, которых до конца мы не разрешим, видимо, никогда. Я желаю Сереже успехов на трудном поэтическом пути, хоть и отдаю себе отчет, что успехи в поэзии – это очень сложное, почти неопределимое понятие. Как поэт популярный бард: "Часто паденьем становится взлет. И видел я, как становится взлетом паденье..."

Однако я чувствую: Самойленко – поэт. И верю в его звезду. И радуюсь, что стихи его печатаются в журнале с таким обнадеживающим названием – "МЫ". Уверена: когда это местоимение овладеет нашими умами, тогда другое местоимение – Я – окажется наконец-то в его тени и человечество будет жить более дружно, более счастливо, более любовно!

Лариса ВАСИЛЬЕВА

Сергей САМОЙЛЕНКО

СМЫСЛ РЕМЕСЛА

Весь город заметен безумною поземкой,
все двери на замке в ночь Страшного суда.
Садись в любой трамвай, плутающий в потемках,
шатаясь на ветру, держась за провода.

Прельстившись прямою холодных честных рельсов,
попробуем успеть до третьего звонка –
возьмем билет в партер тихонько ждать и греться,
пока свой инструмент настроит музыкант.

Когда смычок стряхнет с ресниц и веток иней,
зима задует в медь, спустив с цепи метель,
погнав пустой вагон вдоль параллельных линий,
и слепит из огней слепую карусель.

Как весело зиме бренчать последней медью
столетие подряд по улицам пустым!
Мы наперегонки пускаемся со смертью,
сжигая на бегу надежды и мосты.

Мы выбраться б могли из этой переделки,
но по пятам январь, как ангел снеговой,
но в этот час никто не переводит стрелки,
и жизнь озарена трамвайною дугой.

Осыпается с фресок чешуйчатая пыльца,
прилипает к подушечкам пальцев и пачкает губы.
Не о том мы печемся, что лету не видно конца,
опечалены тем лишь, что движется время на убыль.
Ловят бабочку марлевым рваным двумерным сачком,
в сетке координат не зашив, не заштопав прорехи,
воду льют в решето и решают судьбу пятакom,
но "орел" выпадает в остаток, на чай, на орехи.
Между эхом и голосом остается зазор,
прохудилось пространство, неплотно подогнаны стыки.
Белой ниткой сшиваем оборванный разговор,
вяжем лыко со смыслом, плетем слова и интриги.
Жизнь короче, чем этот мгновенно сгорающий день.
Только бабочка знает секрет бесконечного лета.
Удивление длится, пока удлиняется тень,
и кончается, прежде чем пепел стряхнет сигарета.

*Пройти с коромыслом тропинкой окольной, кривой
в холодном тумане по грудь от колодца к калитке.
Ночь, как Эвридика, украдкой шуршит за спиной
и вежливо дышит в затылок, промокнув до нитки.*

*Укромное время беззвучно колышет кусты.
Дойти бы, и не оглянуться на звезды, до дома,
и не расплескать бы тяжелой ночной пустоты,
и на слово верить пространству, что жизнь – аксиома.*

*Кровь неукротимо, как тополь, шумит на ветру,
наполнены ведра неправильным лаем собачьим,
и тьма озорует в округе, отбившись от рук,
и мы под ответ подгоняем решение задачи.*

*Но смысл ремесла, может быть, только в том, чтоб уметь,
глаза завязав, начиная с азов, от незнания,
строку измеряя шагами, считая в уме,
найти равновесие вымысла и осязанья.*

*Твой самолет уже, наверно, сел
там, где совсем другое время суток,
и ты спешишь перевести часы.
Сегодня вторник, наступил предел
разлуки, разрушается рассудок,
и взгляд короче взлетной полосы.*

*Способность глаза видеть в высоту
я обменял бы на искусство чтенья
на расстояние мыслей по слогам.
Я отдал бы язык за немоту,
лишь видеть сны твои, а их значенье
я как-нибудь истолковал бы сам.*

*Заняться разведением голубей? –
я не силен в эпистолярном жанре,
сподручней составленья телеграмм:
"люблю целую тчк Сергей", –
куда уж проще и понятней, жаль, не
играю в эти игры по утрам.*

*А вот еще и настенный телефон,
но угадать твой шестизначный номер
трудней, чем стать призером спортлото.
Сыграть по переписке в бадминтон
на взлетной полосе аэродрома? –
Глядишь, ответ придет лет через сто*

*пятнадцать с половиною, в четверг.
Я проиграл, но ты не победила.
Летит волан, опережая взгляд.
И ты глядишь на небо снизу вверх, –
ты опоздала, а не поспешила,
и время возвращается назад.*

*Когда развесит ночь замки на всех дверях,
ночные сторожа выходят на работу
и в полукруг встают со скрипками в руках
на вверенных постах в составе полуроты.*

*Работа сторожей опасна и трудна.
Спокойно спит страна, но сторожа не дремлют.
Их скрипки начеку, душа их холодна,
их абсолютный слух правопорядку внемлет.*

*Нацелены смычки в незримого врага,
лелеющего план похитить ящик мыла,
который в эту ночь пришел издалека
взломать склады НЗ при помощи зубила.*

*Наизготовку взят смертельный инструмент.
Чу! Раздается звук металла о железо.
И по команде "пли!" в условленный момент
смычки взрывают ночь ударом полонеза.*

*Ужасной силы звук несется над землей.
Играют скрипачи по инвентарной книге.
И вор-рецидивист, облившийся слезой,
в милицию идет, неся с собой улики.*

*Не дрогнула рука ночного скрипача.
Для Родины спасен огромный ящик мыла.
Злодей сошел с ума в присутствии врача,
а сторожа теперь играют в четверть силы.*

ОПЕРАЦИЯ

17

В ПЕЩЕРЕ У КРАСНОГЛАЗЫХ

Бонд оделся, поблагодарил констебля и побрел к оставленной неподалеку лейтеровской машине. Доехал до гостиницы, позвонил Лейтеру, и они вместе поехали в полицию. По дороге Бонд все рассказал. Теперь уж точно нужно сообщить в штаб, а там будь, что будет. В Лондоне сейчас восемь утра, до назначенного срока остается чуть больше тридцати часов. Прежде смутные подозрения теперь складываются в довольно четкую картину, и молчать дальше нельзя.

— А мы и не будем молчать, — решительно произнес Лейтер. — Я тоже сообщаю в ЦРУ и, более того, прошу прислать сюда "Манту", черт ее побери!

Окончание. Начало в №№ 3-4.

— Ты же кричал, что мы тут в игры играем, а теперь тебе атомную подлодку подавай? Что это с тобой?

— А то! Брожу я, понимаешь, по казино да приглядываюсь к пайщикам, к этим искателям сокровищ. Стоят там и сям кружочком и притворяются, что им очень весело — ах, какой остров, какие пляжи, и так далее. И притворяются скверно, одному только Ларго и можно поверить — тот разошелся вовсю. А остальные выделяют, как шпики в толпе, даром, что в смокингах, сигары покуривают, шампанское попивают. Пьют, кстати, мало, бокал-другой — как будто напоказ. И все спокойные, бесстрастные, взгляд отсутствующий, думают о чем-то своем — словом, мы-то, старые сыщики, на таких нагляделись. Узнавать, правда, никого не узнаю. И вдруг смотрю, стоит такой соплячок, большелобый, в очочках, и хмурится — ну точно монах, что зашел по ошибке в публичный дом. Эдак испуганно озирается, а подойдет к нему кто-нибудь из своих — краснеет и лепечет, как, мол, здесь роскошно обставлено, и какая чудная компания. Прямо одними и теми же словами и шпарит — к нему несколько раз подходили, я слышал. Слоняется по залам, не знает, куда приткнуться. И как будто я его видел где-то, а вспомнить никак не могу. Помучился я, помучился, да и спустился в вестибюль, подошел к служителю: так и так, встретил бывшего одноклассника, сто лет с ним не виделось, и он меня тоже признал, а я хоть убей, не помню, как его зовут. Неудобно, мол, помогите. Пошли со служителем в зал, я ему того соплячка показываю, возвращаемся, он роется в членских билетах и находит: Эмиль Траут, из Швейцарии, пайщик с "Летучей". Я как услышал, что из Швейцарии, сразу догадался. Помнишь Котце, физика из Восточной Германии? На Запад приехал лет пять назад и кучу секретов с собой привез? Ему хорошо заплатили, и он отправился жить в Швейцарию. Поклясться готов, Джеймс, — это он самый и есть. Я его делом еще в ЦРУ занимался, громкое было дело. И что же, скажи на милость, знаменитый физик делает на "Летучей"?

Они остановились у здания полиции, доложились дежурному сержанту и поднялись в радистскую.

— Что будем делать? — спросил Бонд.

— Как что, арестуем всех по подозрению!

— По подозрению в чем? Ларго вызовет адвоката, и всех тут же придется выпустить, у нас демократическая судебная система, ты не забыл? Ларго отведет все улики. Хорошо, скажет, Траут — по-настоящему Котце. Но, господа, мы же ищем сокровища, нам был нужен опытный минералог. Этот человек предложил услуги и назвался Траутом. И ничего удивительного, он же скрывается, боится русских. Еще вопросы? Да, на яхте есть подводный люк, через него мы будем поднимать на борт сокровища. Осмотреть? Если настаиваете. Прошу — костюмы для подводного плавания, подъемное оборудование, небольшой батискаф. Подводный стрелок? А как же — от любопытных отбою нет, а мы подходим к делу серьезно. Кстати, что м-р Бонд делал ночью под моей яхтой, он же приехал купить участок? Петаччи? Впервые слышу. Понятия не имел, что это настоящая фамилия мисс Витали...

— Бонд безнадежно махнул рукой. — И что у нас остается? Они ищут сокровища, и все тут, легенда сводит все улики на нет. А Ларго встает в полный рост и говорит: "Благодарю вас, господа, я могу идти, не так ли? Через час я покину гавань, а с вами еще свяжется мой адвокат — по поводу незаконного ареста и нарушения права владения. Желаем всяческих успехов!" — Бонд мрачно усмехнулся. — Нет, Феликс арестовывать нельзя.

— А что же тогда? — нетерпеливо спросил Лейтер. — По ошибке подложим мину и отправим всех к праотцам?

— Нет. Просто подождем. — Лейтер поморщился, но Бонд остановил его жестом. — Смотри. Мы посылаем сообщение в штаб — очень взвешенное, осторожное, говорим, что нужна одна только "Манта", и то ведь целую дивизию пришлют. С "Мантой" мы сможем, не выдавая себя, следить за яхтой. Ларго нас пока не подозревает, считает, что не раскрыт — если, конечно, мы правы, и он и в самом деле что-то скрывает... В этом случае ему очень скоро предстоит доставить бомбы в цели. Вот тут его и нужно брать — либо на яхте, с бомбами на борту либо у тайника. Думаю, бомбы спрятаны неподалеку, "Защитник" тоже наверняка где-то рядом, на мелководье; замаскирован, конечно, но море спокойное — если он вообще здесь, заметим. Утром возьмем гидросамолет и полетаем вокруг, поищем. А сейчас давай отправим сообщение, а ответа дожидаться не будем, пойдем спать. Советую выключить в номере телефон. Представляешь, как забурлит на Темзе и Потомаке?

* * *

Шесть часов спустя, ранним безоблачным утром, они приехали на Виндзорский аэродром, и команда обслуживания выкатила из ангара, прицепив к джипу, небольшой самолет-амфибию. Они забрались в кабину, Лейтер запустил двигатель, и тут на бетонированную дорожку выехал полицейский на мотоцикле.

— Вылетай скорее! — крикнул Бонд. — Это курьер!

Лейтер отпустил тормоза и направил самолет на полосу. Радио сердито заверещало. Лейтер внимательно оглядел небо — на посадку никто не заходит. Медленно потянул на себя ручку управления, и самолетик разбежался по бетонной полосе, подпрыгнул и взмыл над низким кустарником. Радио по-прежнему верещало, и Лейтер его выключил.

Бонд разложил на коленях морскую карту. Они летели на север: посмотрят группу островов возле Большой Багамы, ведь, может быть, именно там располагается цель для первой атомной бомбы. Они шли на высоте тысяча футов. В изумрудном прозрачном море сверкнули желтыми крапинками Мальковые острова.

— Видишь, какое море, все видно до самого дна, — сказал Бонд. — И "Защитник", конечно, давно заметили бы с любого пассажирского самолета, поэтому искать надо вдали от трасс — вот, я отметил на карте. В ночь на третье "Летучая" вышла из гавани на юго-восток; но раз уж мы Ларго не верим, то не поверим и тут, и поищем, наоборот,

на северо-западе. Яхты не было восемь часов. Часа, скажем, два она стояла на якоре, пока из самолета вытаскивали бомбы, а шесть двигалась со скоростью примерно тридцать узлов: полчаса, маскируясь, на юг, потом обратно — и на север, значит, плыла пять часов. Получается, "Защитник" должен быть где-то между Большой Багамой и островами Бимини.

— А с Харлингом ты насчет "Летучей" говорил?

— Да. Его люди будут постоянно следить за ней с биноклями. К полудню она собирается вернуться на стоянку в Пальмиру; если отойдет и оттуда, а мы к тому времени не вернемся, на поиски яхты вышлют самолет. Комиссар жутко разволновался, хотел было губернатору доложить. Не то, что трусил, а ответственность все же на себя одного брать не хочет. Пришлось сослаться на Премьер-министра, тогда только согласился подождать, не докладывать. Как думаешь, "Манта" когда прибудет?

— Сегодня к вечеру, — замаявшись, ответил Лейтер. — Джеймс, а не спянули ли мы ее вызвали? Утро вечера мудренее, и, сдается, с "Мантой" мы вчера наглупили. Атомная подлодка — это уж чересчур... Ладно, вон уже Большая Багама. Над ракетной базой летать, конечно, нельзя, а мы летаем. Но крику сейчас будет! — И он включил радио.

Они пролетели еще немного к востоку, вдоль красивого побережья; в глубине острова сверкали на солнце алюминиевые крыши низких строений, а среди них, как небоскребы, высились пики ракет — красные, белые, серебристые... В радио щелкнуло.

— Внимание, на борту! — сказали скрипуче. — Над ракетной базой летать запрещено. Немедленно поверните на юг! Вы слышите, на борту? Ответьте.

— Началось, — проворчал Лейтер. — Ладно, повернем, а то на аэродром сообщат, с них станется. Что надо, мы увидели: сто миллионов здешний лом стоит, провалиться мне на этом пилотском месте! А от Нассау до базы каких-нибудь сто миль, для "Летучей" пустяк.

— Внимание, на борту! — вновь проскрипело из радио. — Мы сообщим на Виндзорский аэродром, что вы пролетели над базой и не ответили на наш запрос. Продолжайте лететь на юг. Конец связи.

— А нам как раз и надо на юг, к островам Бимини, — сказал Лейтер. — Только бы мимо не промахнуть, это ж кочки просто, а не острова. Ты смотри внимательней, Джеймс, а то до Майами долетим.

Через четверть часа внизу блеснула россыпь небольших отмелей; они действительно едва выступали из океана. Вокруг мелководье, отличная посадочная площадка для "Защитника". Лейтер спустился пониже, закружил над островками. Вода была совсем прозрачная, светло-зеленая, и на фоне ослепительно белого песка Бонд различал крупную рыбу, темные коралловые куши, водоросли. Тут, пожалуй, не спрячешься. На большем из островков — гостиница для любителей порыбачить. С роскошных катеров и сейчас ловили рыбу; завидев самолетик, весело махали с палуб, а девушка, голышом загорававшая на крыше каюты, поспешно прикрылась полотенцем.

— А блондинка-то настоящая! — крикнул Лейтер, и они полетели

южнее, к Кошачьим отмелям, последним островкам группы Бимини. Здесь тоже рыбачили.

— Кой черт тут спрячется, — пробурчал Лейтер. — Рыбаки бы давно нашли.

— А ну-ка еще южнее, — попросил Бонд. На карте за Кошачьими было еще несколько безымянных крапинок. Прозрачные воды сгустились до синевы, а потом посветлели вновь. Ничего — слепящий песок, кораллы. Лишь кружат три акулы.

Они пролетели подальше, вода потемнела, и Лейтер сказал угрюмо:

— Пусто. Впереди — остров Андрос, там полно народу, и самолет обязательно услышат бы. Садись он тут вообще. — Он посмотрел на часы. — Половина двенадцатого. Куда теперь, Ястребиный Коготь? Топлива осталось на два часа.

Что-то мешало Бонду сказать: "Домой!" Что-то вертелось в голове... Акулы! Откуда они на мелководье? Над чем кружат? Значит, есть тут для них добыча, а не только песок и кораллы.

— Вернись-ка немного назад, Феликс, — велел Бонд. — Не может быть, чтобы пусто...

Лейтер круто развернул самолет, сбросил скорость, и они заскользили совсем низко над водой. Бонд открыл дверцу, высунулся и навел бинокль. Вот и акулы: теперь две плавают на самой поверхности, даже спинные плавники торчат, а одна поглубже, вцепилась во что-то, тянет... И тут меж пестрых камней Бонд углядел на дне абсолютно прямую линию.

— Еще раз над акулами! — крикнул он.

Самолет снова развернулся. Хорошо бы лететь помедленней! Но Бонд все-таки заметил и вторую линию, идущую под прямым углом к первой. Он шлепнулся в кресло и захлопнул дверцу:

— Феликс, садись, где акулы. Там на дне "Защитник".

— Что?! — Лейтер быстро глянул на Бонда. — Попробуем сесть. Море так сверкает, никак горизонт не поймает, черт его дерит...

Он отвел самолет подальше, направил вниз, и вот их легонько подбросило, и полозья заскользили по воде. Лейтер выключил мотор, и они стали как раз там, где нужно. Акул не спугнули: те невозмутимо проплыли рядом, равнодушно посмотрели — глаза у них круглые, розовые. Бонд вгляделся сквозь вспоротую плавниками поверхность. Конечно же, пестрые камни нарисованы, и песок нарисован! Ясно видны прямые края огромного брезента. Третья акула, ухватившись зубами за край, расшатала вбитые в дно клинья и пыталась теперь плоской мордой подлезть под брезент.

Бонд откинулся в кресле:

— Это точно "Защитник", замаскирован брезентом. Посмотри сам.

Лейтер перегнулся через него, стал всматриваться. Что же делать, соображал пока Бонд, связаться по радио с комиссаром, пусть сообщит о находке в Лондон? Нет, нельзя, радист на "Летучей" наверняка прослушивает полицейскую волну. Пожалуй, нужно спуститься к самолету, выяснить, там ли бомбы, да прихватить с борта что-нибудь. А как быть с акулами? Убьют одну, остальные набросятся на труп.

Лейтер отпрянул от окна.

— Вот это да! — заорал он и хлопнул Бонда по плечу. — Нашли-таки а?! В самом деле "Защитник", черт его подери!

Бонд вытащил "вальтер", проверил, заряжен ли, принял упор на левую руку и стал ждать. Первой приблизилась большая из двух, огромная молот-рыба. Она поглядывала вниз, поводила мерзкой сплюсщенной мордой, выжидала добычу; темный ее плавник был расправлен — как всегда у насторожившегося хищника — и рыбина мчала, точно под парусом. Шкуру ее пробивает только никелированная пуля. Бонд прицелился в самое основание плавника и спустил курок. Чмокнув, пуля вошла в воду, выстрел гулко раскатился вокруг, но молот-рыба плыла, как ни в чем не бывало. Он выстрелил еще раз. Рыбина выпрыгнула над водой, шумно плюхнулась и, в пене и плеске, заметалась забилась. Но скоро стихла — пуля, видимо, попала в спинной мозг — и неуклюже повлеклась, как и прежде, по широкому кругу; высунула сплюсненную морду, косо зевнула и на миг перевернулась, блеснула на солнце белым пузом; тут же как будто выправились и пошла дальше по кругу — хвост машинально гнал вперед уже почти мертвое туловище.

Плывущая следом вторая акула наблюдала. Потом рванула вперед, догнала и в последний момент свернула в сторону. Уверившись, что жертва беспомощна, акула приблизилась вновь, высунула длинную коричневую морду из воды и ринулась вниз, вцепилась молот-рыбе в бок. Помотала головой, как собака, и вырвала кусок жесткого мяса. Море замутилось кровью, из глубины вынырнула третья акула, и ещедвигающуюся жертву рвали теперь обе.

Скоро жуткую троицу отнесло течением, лишь доносился издали плеск. Бонд отдал пистолет Лейтеру:

— Я нырну. Акулы раньше, чем через полчаса, не вернутся, а если появятся, пристрели одну. Понадобится, чтоб я поднялся — стреляй прямо в воду, ударная волна дойдет.

Едва разворачиваясь в тесной кабине, он разделся, и Лейтер взвалил на него акваланг. А как потом забираться? Наверное, и акваланг, и ласты придется бросить, решил Бонд.

— Я бы тоже нырнул, — мрачно заметил Лейтер, — но с этим чертовым протезом плавать совсем не могу. Надо бы придумать что-нибудь...

— Все равно кто-то должен остаться наверху — смотри, как нас отнесло. Поддай-ка назад.

Лейтер нажал на стартер и отвел самолет на прежнее место.

— Конструкцию "Защитника" знаешь? — спросил он. — Где лежат бомбы, взрыватели?

— Знаю, все рассказали. Ладно, я пошел. Не поминай лихом!

Бонд выбрался из кабины и прыгнул головой вниз.

Ближе ко дну в воде так и сновали мелкие плотоядные; перед Бондом, более крупным соперником, они нехотя расступались. Он подплыл к расшатанным акулой клиньям, выдернул два, проверил, висит ли у пояса нож, включил фонарь и скользнул под брезент.

Вода была такая грязная, что его — хоть он и приготовился — за-

тошнило. Он покрепче прикусил мундштук и двинулся к самолету, висевшему как бы в центре гигантской брезентовой палатки. В свете фонаря блеснуло крыло; подле лежало что-то, покрытое живым ковром из крабов, лангустов, морских звезд. К этому зрелищу он тоже приготовился. Стал на колени и с отвращением принялся за работу.

Скоро он счистил нарост. С изъеденных рук трупа снял золотые часы и браслет, на котором висела золотая пластинка с именем; под подбородком заметил глубокую резаную рану. Посветил на пластинку: "Джузеппе Петаччи. Номер 15932. Надел обе находки себе на руки и обошел кругом самолет — тот, серебристо поблескивая, походил на огромную подводную лодку. Хвост сломан — очевидно, при посадке. Он осмотрел весь корпус и через открытый запасной выход забрался внутрь.

В свете фонаря рубиновой россыпью сверкнуло множество глаз. Бонд повел лучом: самолет просто кишел мелкими красноглазыми осьминогами, они облепили весь пол, стены, суетливо копошились. Теперь они бросились врассыпную, зашевелили щупальцами; мгновенно подделались под цвет фонарного луча и, попрятавшись по темным углам, тускло мерцали. Он посветил вверх и вздрогнул: под потолком слабо колыхался труп одного из летчиков. Мертвец был тоже весь облеплен осьминогами — они свисали с него, как летучие мыши. Почуяв свет, они кометами срывались вниз, тошнотворно металась по самолету, зловеще сверкали красными глазками, забивались в углы, под сиденья...

Бонд постарался отключиться от страшной картины и принялся за поиски.

Он подобрал капсулу с красным ободком; пересчитал трупы; заглянул в бомбовый отсек и убедился, что он пуст; увидел вскрытую упаковку из-под взрывателей, искал в других местах — взрывателей тоже не было. Дел еще оставалось много: нужно бы снять с летчиковменные пластинки, поймать плавающий в кабине разбухший бортовой журнал, осмотреть приборы — но в этой пещере у красноглазых он больше находиться не мог, нервы сдавали. Скользкие твари лезли ему на голые ноги, он то и дело стряхивал... Он вылез через запасной люк и отчаянно, изо всех сил, поплыл к узкой полоске света, к краю брезента. Судорожно втиснулся в щель, но акваланг запутался в складках, и пришлось пятиться, высвобождаться. Наконец, он оказался в чистой прозрачной воде и рванул вверх. В ушах задавило, и он остановился, переждал, снова поплыл. И вот он наверху! Уцепился за поплавки, содрал с себя ласты и акваланг, бросил в море. Они медленно опускались на дно, уносили на себе мерзостную слизь... Бонд с удовольствием прополоскал рот чистой соленой водой и ухватил протянутую руку.

18

ЖЕНЩИНА НА ОБЕД

Они приближались к Нассау. Бонд попросил пролететь над Пальмирой — посмотреть на "Петучью". Яхта стояла на том же месте, что

и вчера, на палубе никого. Бонд залюбовался: так мирно стояла яхта и стройные ее линии отражались в спокойных водах...

— Смотри-ка, Джеймс! — воскликнул Лейтер. — Видишь, вон там на пляже; у залива Эллинг? А от его дверей до самой воды две полосы по песку? Станные они какие-то, глубокие. Что бы это прокатили, а?

Бонд навел бинокль. Действительно, две ровных глубоких полосы оставить такие могло только что-то очень тяжелое. Неужели?.. У него перехватило дыхание.

— Давай скорее в Нассау, Феликс. Черт их знает, что они тут катили. Если то, что мы думаем, наверняка забросали бы след песком.

— А вдруг забыли? Надо бы все-таки съездить в Пальмиру, поглядеть на этот притон, тем более, мистер Ларго любезно приглашал. Пожалуй, съезжу сегодня — от имени своего досточтимого клиента мистера Рокфеллера Бонда.

В час они приземлились на Виндзорский аэродром. Аэродромовское начальство уже с полчаса пыталось связаться с ними по радио, и теперь предстояло объясняться с комендантом. К счастью, подоспел губернаторский помощник: объявил, что губернатор санкционирует любые действия Бонда и Лейтера, им самим передал толстый пакет и повез их в Нассау в огромной губернаторской машине.

Из Штаба, как и ожидалось, выговаривали за то, что агенты, отправив донесение, не дождались ответа; требовали новостей ("Будут вам новости!" — пробурчал Лейтер); сообщали, что "Манта" прибывает сегодня в семнадцать часов. "Интерпол" и итальянская полиция подтвердили, что Джузеппе Петаччи — брат Доминетты Витали, и все остальное, рассказанное ею о себе, тоже правда. Материалов на Эмилио Ларго ни в одной полиции нет, но фигура он известная, подозрительная и, возможно, мошенник высочайшего класса. О пайщиках больше ничего узнать не удалось, правда, сведения о них имеются лишь за последние пять-шесть лет, и, в принципе, не исключено, что сведения эти сфабрикованы "Спектром". Котце выехал из Швейцарии месяц назад в неизвестном направлении. Несмотря на все это, штаб операции "Гром" признает улики против Ларго пока недостаточными и намерен продолжать поиск и в других районах; на Багамские же острова, как в важнейший район, для принятия совместного командования над дальнейшими действиями агентов сегодня в девятнадцать часов на президентском "Боинге-707" прибывают: военный атташе Великобритании в Вашингтоне кавалер ордена "За безупречную службу", бригадный генерал Фейрчайльд и ответственный секретарь Комитета начальников штабов США контр-адмирал в отставке Карлсон. Встретить и ввести в курс дела. До прибытия указанных лиц гг. Бонд и Лейтер должны ежечасно передавать в Лондон и Вашингтон подробные, совместно подписанные донесения.

Они молча обменялись взглядами.

— Джеймс, давай на донесения плюнем, а остальное просто примем к сведению, — предложил Лейтер. — Мы и так потеряли кучу времени, ежечасно докладывать некогда. Поэтому сделаем вот что: я, так и быть, потружусь, передам последние новости, а в конце прибавлю, мол, из-за

недостатка времени связь мы пока прерываем. Потом съезжу в Пальмину как бы от имени клиента, погляжу на эллинг, на следы. В пять мы встречаем "Манту" и готовимся следовать за "Летучей". А орденосцы и адмиралы пусть сидят в Правительственном доме, в картишки режутся, некогда нам их встречать да ублажать. Пойдем?

Бонд задумался. Ослушиваться приказа ему приходилось в жизни не раз, но тут-то приказывают Премьер-министр и Президент... С другой стороны, времени, и правда, нет — ни на встречу начальства, ни на ежечасные донесения. В крайнем случае, его, Бонда, прикроет М. — тот всегда защищал своих агентов, подставлялся под начальнический гнев.

— Пойдет, — согласился он. — Раз у нас будет "Манта", мы и сами управимся, не нужны нам командиры. Главное, выяснить, когда бомбы поднимут на борт яхты. Есть у меня одна мыслишка, не знаю, получится ли, возьмется ли Витали... Попробую уговорить. Ты езжай в полицию, а я в гостиницу зайду, позвоню Домино. Именную пластинку Петаччи я пока у себя оставлю. Увидимся около пяти.

В номере Бонд заказал бутерброд, двойной бурбон со льдом и уселся звонить: сначала полицейскому комиссару. Оказалось, на рассвете "Летучая" подошла к причалу, заправилась и ушла обратно в Пальмиру, стала на якорь. А полчаса назад, ровно в половину второго с яхты спустили на воду гидросамолет, туда сел Ларго и еще кто-то, и самолет улетел в восточном направлении. Комиссар сразу же связался с Виндзорским аэродромом, приказал отследить радаром, но самолет летел слишком низко и скоро затерялся над юго-восточными островами. Больше новостей никаких. В гавани готовы встретить подводную лодку. А что у Бонда?

Он уклончиво отвечал, что определенно говорить пока рано, но кое-какие новости есть, поэтому пусть аэродромовские наблюдатели сразу же сообщат, как только самолет вновь появится у "Летучей", это крайне важно. Лейтер как раз едет в полицию, не расскажет ли комиссар и ему то, что рассказал сейчас? А самому Бонду не даст ли какую-нибудь машину, любую, лишь бы на ходу?

Затем он позвонил Домино, в Пальмиру.

— Джеймс? — живо откликнулась она, в первый раз назвав его по имени. — Как хорошо, что вы позвонили. Сегодня вечером яхта выходит за сокровищами — и меня берут, представляете? Но только это секрет, никому не рассказывайте! А когда вернемся, не знаю; Эмилио говорит, наверное, еще заедем в Майами. Так что вас к тому времени, вероятно, здесь уже не будет. Хотите поплавать со мной на прощание?

— Конечно. Где вы плаваете?

Она объяснила. Надо проехать чуть-чуть за Пальмиру и свернуть к морю, дорожка выведет прямо на пляж, там еще стоит такая бамбуковая будочка, он не потеряется.

Принесли заказанное. Уставившись в стену, Бонд пил, ел и думал о девушке. То улыбался — вспоминал, как они познакомились и мчали в машине по Бухтовой улице, то хмурился — ведь сейчас он втянет ее в такую скверную историю. Как было бы спавно, не будь этой треклятой службы... Но к делу.

Он закатал в полотенце плавки, перебросил через плечо ремешок счетчика Гейгера и глянул в зеркало: ничем не примечательный турист с фотоаппаратом. Проверил, лежит ли в кармане браслет с пластинкой Петагчи, и вышел из номера.

Солнце жгло нестерпимо, Бонд еле доехал до пляжа — так накалилась машина. Безумно хотелось окунуться и долго-долго не вылезать из воды. Машину он оставил под казуаринами и пошел к будочке. Бамбуковая, крытая пальмовыми листьями, она одиноко стояла на пляже, как хижина Робинзона Крузо. Внутри перегородка и два отделения для переодевания — "М" и "Ж". В женском легким ворохом лежала на скамейке одежда, стояла пара сандалий. Бонд переоделся и вышел на тесное полукружье пляжа. Спит белый песок, по обе стороны далеко в море выдаются скалы. Пусто. Море лишь у самого берега прозрачное, зеленоватое, а чуть подальше уже густо-синее. Он в три шага прошел мелкую воду и нырнул, пронзил верхний нагретый слой, достиг глубинной прохлады. Блаженно остывая, задержался у дна, сколько хватило дыхания, потом вынырнул и лениво поплыл вдаль. Домино нигде не видать. Минут через десять он повернул обратно. На берегу выбрал место и улегся на живот, подложил под голову руки.

Вскоре он почему-то открыл глаза. И увидел в море тянущиеся к пляжу пузырьки. Они пересекли границу меж темными и прозрачными водами, и вот зажелтел акваланговый цилиндр, сверкнула маска, закрубились черные волосы. Под самым берегом Домино полела, потом приподнялась на локте, стащила маску и сердито крикнула:

— Эй, хватит спать! Помогите мне!

Он поднялся, подошел.

— А что с вами? Вообще, плавать одной опасно, неужели акула укусила?

— Бросьте свои дурацкие шуточки. Я наступила на колючки, с аквалангом встать не могу — больно. Снимите-ка его с меня. — Она расстегнула пряжку на животе. — А колючки вам придется вытащить.

Бонд снял у нее со спины акваланг, отнес в тень, под деревья. Девушка уже сидела, разглядывала подошву правой ноги.

— Две, так глубоко вошли...

Он подошел ближе, стал на колени, посмотрел. Да, под пальцами чернеют две точки.

— Тут работы надолго, давайте отойдем в тень, — сказал он. — Но наступать на ногу нельзя, а то еще глубже уйдут. Я вас отнесу. — Он поднялся, протянул руку.

— Моряк из мечты! — засмеялась она. — Ладно, только не уроните.

Бонд наклонился и легко поднял ее, она обняла его за шею. Он постоял немного, посмотрел ей в лицо. Да, прочел он в лучистых глазах, и приник к полуоткрытым губам.

Она ответила на поцелуй, потом медленно отстранилась и, переведя дыхание, сказала:

— Награда прежде работы?

— Не нужно было так смотреть, — ответил Бонд и понес ее через

Рисунки Валерия КРАСНОВСКОГО

пляжик в тень казуарины, положил на песок. Она завела руки за голову чтобы песок не попал в непослушные волосы, опустила веки; глаза теперь почти не было видно под густыми черными ресницами.

Обтянутые купальником треугольный холмик, высокая грудь... Он усилием отвел глаза и хрипло приказал:

— Перевернитесь.

Она повернулась на живот. Бонд стал на колени и взял ее правую ступню — точно маленькую теплую птичку. Сдул песчинки и осторожно как лепестки у цветка, раздвинул пальчики. Наклонился и стал высасывать колючки. Через минуту выплюнул крошечный кусочек.

— Так весь день провозимся. Если я посильней надавлю — потеряете?

Она напряглась, приготовилась к боли:

— Да.

Он закусил подушечку вокруг черных точек, надавил и снова стал сосать. Она дернула ногу. Бонд оторвался, выплюнул кусочки колючек. На ступне белели отметины зубов, а на месте двух точек выступили капельки крови. Он слизнул: под кожей еще чуть-чуть чернело.

— Никогда не ел женщин. Вкусно!

Она промолчала и снова дернула ногой — уже нетерпеливо.

— А вы молодцом, Домино. Сейчас, там еще на закуску осталось. — Он ободряюще поцеловал у пальцев и принялся за работу.

Через несколько минут он выплюнул последние крошки.

— Все, теперь надо поберечься, чтоб песок не попал. Давайте еще раз отнесу вас — наденете в будке сандалии.

Она повернулась на спину. На черных ресницах дрожали слезы — было все-таки больно. Она вытерла слезы ладонью и серьезно посмотрела на него:

— Впервые плачу из-за мужчины. — И потянулась к нему.

Бонд поднял ее на руки, но не поцеловал, а понес к бамбуковой будке. В какое отделение? Он зашел в мужское, сдернул со стены одежду и поставил Домино на рубашку. Она так и не сняла рук с его плеч, а он расстегнул ей пуговицу лифчика, тесемки скользнули с плеч...

19

СТИЛЕТТО

Бонд приподнялся на локте и заглянул в красивое лицо: раньше волевое, властное, оно теперь смягчилось, разгладилось, точно оттаяло в ласках, на висках выступили капельки пота. Влажные ресницы распахнулись, и большие карие глаза удивленно уставились на него из своего далека. Она присматривалась к нему, разглядывала, точно впервые видела.

— Зря мы... — сказал Бонд.

Она засмеялась, ямочки на щеках углубились.

— Ты словно девочка после первого раза: боишься, вдруг будет ребенок, тогда маме придется рассказать.

Он наклонился, поцеловал сначала уголки рта, потом прямо в полуоткрытые губы.

— Пойдем поплаваем. — Он поднялся и протянул ей руки.

Она неохотно ухватилась и встала. Прильнула к нему, потерлась, провела рукой по его животу. Он резко прижал ее к себе.

— Перестань, Домино, пойдем. Ты, кстати, не бойся, песок ноге не повредит, это я наврал.

— Я тоже наврала, будто мне с аквалангом из моря не выйти. Нога почти не болела. И колючки вытащить я могла сама, как рыбаки делают. Рассказать?

— Да я знаю, — засмеялся Бонд. — Ну, быстро в море. — Поцеловал ее еще раз, отступил на шаг, полюбовался, запомнил. Разбежался и бросился в воду. Домино пошла следом.

Когда он выплыл, она уже одевалась в будке. Она шутила, смеялась за перегородкой, а Бонд отвечал односложно.

— В чем дело, Джеймс? — почувствовала перемену она. — Что-то случилось?

— Случилось. — Он натянул штаны, и в кармане звякнули мелочь, узкий золотой браслет с пластинкой. — Выходи скорее, нам надо поговорить.

Колючки они вытаскивали слева от будки, и теперь Бонду идти туда не хотелось, он сел справа, сцепил на коленях руки. Вышла и Домино, попыталась заглянуть в глаза, но он не сводил взгляда с моря. Она села рядом.

— Ты сейчас скажешь что-то плохое. Может, ты тоже уезжаешь? Давай, говори, не заплачу.

— Нет, Домино, я хотел поговорить о твоём брате.

Она вздрогнула и спросила сдавленно:

— Что с ним?

Бонд вынул из кармана браслет, молча протянул.

Она взяла, едва взглянула на пластинку и отвернулась.

— Значит, он умер. Как это произошло?

— Я расскажу — история длинная и скверная. Я, видишь ли, здесь вроде как на службе, приехал по тайному заданию. Ты должна помочь мне, иначе погибнут тысячи людей. А чтобы ты мне поверила, я нарушил присягу и показал браслет.

— Так вот почему ты пришел, и вот почему... Надеешься, сделаю теперь, о чем ни попросишь? Ненавижу!

— Я пришел рассказать, что твой брат убит, и что убил его твой друг Ларго, — холодно и ровно произнес Бонд. — А сразу не рассказал, во-первых, потому что ты была так весела, спокойна — захотелось оттянуть тяжелый разговор; а во-вторых... Ты так прекрасна, я не смог удержаться. Хотя должен был... — Он помолчал. — А теперь, ненавишь ты меня или нет, слушай внимательно. Ты поймешь сейчас, что в этой истории мы с тобой — ничтожней песчинки. — И, не дожидаясь ответа, Бонд подробно рассказал все с самого начала, умолчал только о "Манте". — ... Но задержать "Петучью" мы можем, лишь когда бомбы тоднимут на борт, иначе связи ни с потопленным самолетом, ни со

"Спектром" не докажем, поиск сокровищ — прикрытие безупречной. Задержи мы яхту под любым предлогом прямо сейчас — "Спектр" лишь отложит операцию, не более того. Ведь мы так и не знаем, где спрятаны бомбы. И если Ларго на гидросамолете сейчас полетел за ними, он обязательно свяжется с яхтой по радио и, в случае чего, оставит бомбы в прежнем тайнике или перепрячет, потопит где-нибудь на мелководье, а потом, легко отведя все обвинения, вернется за ними. Или же "Спектр" вообще выведет "Летучую" из игры и пошлет за бомбами другое судно, самолет... И все начнется по новой — только на этот раз срока нам дадут, может быть, всего сутки, и условия придется принять. Пока бомбы у них в руках, покоя не жди. Понимаешь?

— Да. И что ты теперь будешь делать? — девушка говорила по-прежнему сдавленно, тихо. Она посмотрела в упор на Бонда и как бы сквозь него, и глаза у нее мрачно сверкнули, прицелились. Для нее не Ларго — умелого конспиратора, мелькнуло у Бонда, а есть — убийца брата.

— Узнаю, когда бомбы поднимут на борт, — ответил он.

— Как узнаешь?

— Например, через тебя.

— Допустим, — сказала она спокойно, почти равнодушно. — Но как узнаю я и как сообщу? Ларго не дурак. Он сглупил только раз — взялся на такое дело любовницы. Жить не может без женщины, его хозяева этого не учли...

— Когда ты едешь на яхту?

— В пять. В Пальмиру придет за мной шлюпка.

Он глянул на часы.

— Сейчас четыре. Вот держи, это счетчик Гейгера, возьмишь его с собой. Если покажет, что бомбы на борту, ты, скажем, зайдешь в каюту и включишь свет. С берега за яхтой наблюдают. Потом сбросишь счетчик в море.

— Нет, это не годится, — сказала она. — Днем в каюте свет зажигают разве что в глупых детективах. Давай так. Если бомбы там, я поднимусь на палубу, и с берега меня заметят. А если их нет — буду сидеть в каюте. Так Ларго ничего не заподозрит.

— Хорошо, будь по-твоему. Но ты твердо решилась?

— Твердо. Только бы сдержаться и не придушить Ларго на месте... Но я ставлю одно условие: его непременно должны убить потом. — Она говорила совершенно спокойно, буднично, словно заказывала билет на поезд.

— Нет, это вряд ли. Скорее, всех приговорят к пожизненному заключению.

— Ладно, пусть так, — подумав, согласилась она. — Пожизненное заключение, пожалуй, похуже смерти. А теперь покажи, как работает счетчик.

Бонд показал. Она внимательно выслушала, а потом тихонько тронула его за плечо и тотчас отняла руку.

— То, что я тогда сказала... что ненавижу тебя... Это неправда. Я просто сначала не поняла, да и откуда мне было? Такая жуткая история — до сих пор не верится. Ларго — преступник, убийца... Мы с ним на

Капри познакомились — красавец, женщины так и льнут, и мне захотелось его отвоевать. Он рассказал про яхту, про сокровища. Все как в сказке! И я, конечно, согласилась. Да кто б отказался? Платить за сказку я была готова... А потом появился ты. — Она отвернулась к морю. — И сегодня, после того, что произошло, я решила, что не поеду с Ларго, а останусь здесь и уеду с тобой. Ты бы взял меня?

— Взял бы. — Бонд потянулся, погладил ее по щеке.

— Но оказывается, я все-таки должна ехать на яхту... И что же теперь? Когда мы увидимся?

Этого-то вопроса Бонд и боялся. Он отсылал ее на яхту, подвергал двойной опасности. Ее мог заподозрить и тут же убить Ларго. С другой стороны, "Летучая" с бомбами сразу снимется с якоря, "Манта" бросится в погоню и, вполне вероятно, потопит яхту торпедой. Самый правдивый ответ был: "Никогда", но Бонд отказывался даже думать так.

— Увидимся, как только все кончится, я тебя сам разыщу. Но ты соглашаешься на очень опасное дело, подумай еще раз.

Она взглянула на часы:

— Сейчас половина пятого, мне пора ехать. Попрощаемся здесь, до машины не провожай. И не волнуйся, на яхте я все сделаю хорошо. Пусть это будет, как стилетто ему в спину. Иди сюда. — Она протянула руки.

Через несколько минут заурчал мотор, и ее машина тронулась. Бонд выждал, пока звук стих вдали, сел в свою и поехал следом.

Вскоре он увидел ворота из белого камня — въезд в Пальмиру; под ними еще клубилась дорожная пыль. Догнать, сказать, что не надо на яхту... Да он с ума сошел! Бонд стиснул зубы и промчал мимо, путь его лежал к мысу Старого Форта — там, из гаража нежилого дома, наблюдают за яхтой.

Один наблюдатель, сидя на складном стуле, читал книжку, а другой, у окна, неотрывно смотрел в установленный на треноге бинокль; окно закрыто занавеской, оставлена лишь щелочка, и с яхты наблюдателя заметить нельзя. На полу стояла переносная рация в чехле цвета хаки. Бонд дал новые указания, потом по рации связался с Харлингом. Тот передал два сообщения от Лейтера: во-первых, в Пальмире он ничего подозрительного не обнаружил, — в эплинге лодка с прозрачным дном и морской велосипед, который, видимо, и оставил следы; а во-вторых, "Манта" прибывает через двадцать минут, и пусть Бонд подходит к причалу Принца Георга.

* * *

Обычные подводные лодки прогонисты и изящны. "Манта" же с виду была неповоротлива, тупорыла, нелепа. Она осторожно приближалась к причалу; ее огромный округлый нос был укутан брезентом — вдруг кто из багамцев подглядит устройство радара — и не верилось, что такая толстобрюхая махина может идти, как утверждал Лейтер, со скоростью в сорок узлов.

— У капитана скорости ни за что не выпытаешь, — говорил он. — Там, на лодке, куда ни плюнь — все кругом засекречено, сколько

толчков в сортире, и то не добьешься. Сам увидишь, морячки на секретности малость двинулись, чихнуть уж боятся.

— А еще что-нибудь ты знаешь о "Манте"? — спросил Бонд.

— Кое-что знаю. Капитану мы, конечно, в этом не признаемся, ни сотрудникам ЦРУ даже о секретных атомных лодках немного рассказывают, — иначе и агенту не растолкуешь, что ему выведывать, и сам его донесений не поймешь. "Манта" весит четыре тысячи тонн, экипаж около ста человек, стоит примерно 100 миллионов долларов. Плыть на ней, сколько душе угодно, пока жратва да топливо не выйдут, — реактор заправляется сразу на 100 тысяч миль. На борту шестнадцать вертикальных пусковых установок — две батареи по восемь — для твердотопливных ракет "Поларис". Дальность полета — тысяча двести миль. Экипаж называет установки Шервудским лесом, потому что выкрашены зеленым, стоят, как деревья. Запускают ракеты прямо из глубины. Лодка на это время останавливается, замирает. По радиопередачам отслеживают ее местоположение, а при помощи специального звездного перископа ориентируются по звездам, — эти сведения автоматически закладываются в ракету. Оператор нажимает на кнопку, и ракета выстреливается сжатым воздухом. При пересечении поверхности воды взрываются ступени с твердым топливом, и ракета летит дальше. Оружие будь здоров!

— А поменьше-то что-нибудь есть? В "Летучую", если придется, чем будут стрелять?

— Есть шесть торпедных установок и наверняка пулеметы. Только согласится ли капитан стрелять в безоружное гражданское судно, да еще по приказу двух штатских, не говоря уж о том, что один из них — англичанин?

Огромная лодка осторожно коснулась бортом причала. Бросили конец, спустили трап, и из сдерживаемой полицейскими толпы приветственно закричали.

— Здравсьте, причаились, — сказал Лейтер. — А нам-то с тобой, Джеймс, и встретить нечем. Шляпу бы бросить — так нету шляпы. Ну, пожалуй, поклонюсь, а ты уж изобрази реверанс.

20

СТАВКА СДЕЛАНА

Они поднялись по трапу на верхнюю палубу, а внутрь лодки спустились уже по настоящей лестнице. Тут было просторно и спокойно: тишина, стены мирно отблескивают бледно-зеленым, лишь под потолком, нарушая почти домашний уют, бегут яркие разноцветные провода. Воздух приятно прохладен. Вслед за дежурным офицером они прошли всю лестницу донизу. Офицер повернул налево и постучал в дверь с табличкой: "Капитан П. Петерсен, ВМФ США".

Капитану было на вид лет сорок. По-скандинавски крупен, короткие седеющие волосы, взгляд живой и мягкий, а подбородок тяжел, упрям. Он сидел за металлическим столом и покуривал трубку. На столе ак-

курятные стопки бумаг, пустая кофейная чашка, блокнот, в котором он только что писал. Капитан поднялся, пожал гостям руки, указал на два стула и обратился к дежурному офицеру:

— Стентон, принесите, пожалуйста, кофе, а эту радиограмму срочно отправьте. — Он вырвал из блокнота верхний листок и отдал офицеру.

— Что ж, господа, рад видеть вас на борту. А вас, капитан Бонд, особо — как представителя английского военно-морского флота. На подводных подках ходили?

— Ходил, — сказал Бонд. — Но только как ценный груз, я служил в разведке ВМФ.

— А-а, понятно, — засмеялся Петерсен. — А вы, мистер Лейтер?

— А я не ходил. Правда, была у меня когда-то собственная, управлялась резиновой грушей и трубкой. Жаль, в ванне было тесновато — так я подку на полную мощность и не испробовал.

— Я свою и в море никак не испробую, только разгонишься как следует — стрелка уже на красной линии. Не дадут нашему брату моряку разгуляться. Ладно, рассказывайте-ка, что тут у вас. Меня забрасывают совершенно секретными и сверхсрочными радиограммами, после Кореи такого не было.

Лейтер принялся рассказывать. Через десять минут Петерсен откинулся в кресле и стал рассеянно выколачивать трубку.

— Ничего себе история. Но, между прочим, я бы в нее поверил даже и без министерских радиограмм, что-то в этом роде просто должно было произойти. Возьмите хоть меня. Я, Питер Петерсен, капитан атомного корабля, и на борту у меня шестнадцать ракет. И взбреди мне в голову — наведу их отсюда, от этого жалкого песчаного островка на Майами, и Соединенные Штаты, как миленькие, заплатят выкуп. Да такими ракетами можно в пыль разнести всю Англию!.. Рисуем мы все-таки страшно с этим атомным оружием. А как подумаешь, что на берегу жена, дети... Но это в сторону. — Он оперся руками о стол. — В вашем плане, господа, есть одна загвоздка. Вы, значит, считаете, что Ларго вот-вот прилетит на яхту, привезет с собой бомбы из тайника — по вашему рассказу похоже, что так оно и будет и девушка нам просигналил. Тогда мы подходим и либо арестуем яхту, либо топим, так? А если бомб все же не привезут? Если сигнала нет?

— Тогда до конца отпущенного срока, то есть еще двадцать четыре часа, будем повсюду следовать за яхтой, — невозмутимо ответил Бонд.

— Это все, что позволяет закон. А выйдет срок, там уж правительства решат, как быть с "Летучей", с "Защитником" и со всем остальным... Правда, может статься, к тому времени неизвестный доставит в моторной подке бомбу к берегам Америки, и Майами взлетит на воздух. Или другой город, в другой стране, ведь отвезти бомбы можно было куда угодно. Что ж, значит, крышка нам, проворонили... А сейчас мы — точно полицейский, что хочет предотвратить убийство, ходит за подозреваемым по пятам и даже не знает наверняка, есть ли у того пистолет. Вот вытащит, прицелится, тогда только полицейский и арестует. Верно, Феликс?

— Верно. Капитан, мы оба уверены, что Ларго связан со "Спектром"

и что бомбу к цели поручено доставить ему. Поэтому мы и вызвали вашу подку. И кстати, бомбу, конечно же, будут перевозить ночью, а завтра истекает срок, и сегодня последняя ночь; вы готовы к выходу? Или еще так сказать, атомные пары разводить?

— Подготовка к выходу — пять минут. Меня тревожит другое, — капитан покачал головой. — Не знаю, сможем ли следовать за "Летучей"...

— То есть как? Неужели не догоните? — Лейтер махнул протезом прямо у капитанского лица и, спохватившись, опустил руку на колени.

— Догнать-то догоним, — улыбнулся Петерсен. — На хорошей трассе. Но вы забываете, что в этом районе полно отмелей. Взгляните-ка сюда. — Он указал на морскую карту на стене. — Видите сколько цифр? В глазах рябит. Это отметки глубин по мелководью. Следовать за яхтой мы сможем, только если она пойдет над глубокими местами — по Атлантическому языку, Северо-западному или Северо-восточному морскому пути. А пойдет по мелководью — тогда, как выражается капитан Бонд, крышка. Там всего-то от трех до десяти морских саженей... Ну допустим, мне надоело служить во флоте, я подкупаю штурмана, выбрасываю эхолот за борт и веду подку над десятью саженями. Так ведь будет ли еще и десять? Карта пятьдесят лет назад составлялась, отмель за это время сдвинулась. А яхте на подводных крыльях, конечно, все равно, у нее осадка едва ли сажень. Так что, господа, если по мелководью — уйдет от нас, и точка. Может связаться с Министерством ВМФ, вызвать прикрепленные к вам истребители-бомбардировщики, пусть они и сопровождают яхту?

Бонд с Лейтером переглянулись.

— Ночью на яхте не зажгут бортовых огней, — сказал Бонд, — и самолеты ее потеряют. Или все-таки вызовем, а, Феликс? Хотя последят за американским берегом. А мы, как только "Летучая" отплывет, пойдем по Северо-западному пути, к Багамской ракетной базе, будем считать, что она и есть цель для атомной бомбы.

Лейтер левой рукой взлохматил белокрытую шевелюру:

— Ах, черт... Ладно, самолеты так самолеты! Давай! Уж "Манту" вызвали, что теперь скромничать. Подумаешь, эскадрилья какая-то... Включилась внутренняя связь:

— Говорит дежурный. Курьер из полиции к капитану Бонду.

Петерсен нажал кнопку на столе и сказал в микрофон:

— Пропустите. Экипажу приготовиться к отплытию. — Он выключил микрофон и повернулся к Бонду: — Как, вы говорите, зовут девушку — Домино? Домино, мы ждем хороших вестей!

Открылась дверь, и вошел капрал. Простучал каблуками по стальному полу и протянул Бонду конверт. Он взял, распечатал, пробежал карандашные каракули Харлинга и как бы равнодушно прочел вслух: "Самолет вернулся в семнадцать тридцать и взят на борт. В семнадцать пятьдесят пять "Летучая" вышла на полной скорости на северо-запад. Девушка не появлялась, повторяю, не появлялась на палубе".

Бонд взял у капитана листок и написал ответ:

"Манта" выходит за яхтой по Северо-западному пути. Через Мини-

стерство ВМФ вызвана эскадрилья истребителей-бомбардировщиков для патрулирования вдоль побережья Флориды. "Манта" будет поддерживать связь по радио с Виндзорским аэродромом. Прошу ознакомиться с этим сообщением губернатора, а по прибытии — контр-адмирала Карлсона и бригадного генерала Фейрчайльда".

Он расписался и дал расписаться капитану и Лейтеру. Вложил листок в конверт и отдал капралу. Тот живо развернулся, простучал каблуками и вышел.

Петерсен включил внутреннюю связь и отдал приказ к отплытию, курс северо-западный, скорость десять узлов, без погружения. Через мгновение все ожило: залился боцманский свисток, по коридору забежали, где-то вдали металлически заскрежетало, и лодка вздрогнула.

— Что ж, господа, вперед! — безмятежно сказал капитан. — Я, правда, человек тихий, гонять очертя голову не люблю, но за вашей "Петучей" — с удовольствием. А теперь давайте напишем запрос в Министерство.

Бонд машинально составлял фразы для запроса, но думал о другом — о комиссарском сообщении, о Домино. Скверно! Видимо, самолет не доставил бомб, и тогда каких же дураков они свалили и с "Мантой", и с бомбардировщиками! Прицепились к "Петучей" — и ведь почти без доказательств — а вдруг она ни при чем, и "Спектр" пока спокойно делает свое дело? Нет, вряд ли — слишком все гладко у этих искателей сокровищ, будто нарочно придумано... Но почему самолет не привез бомб? Или все-таки привез — хоть Домино и не показалась на палубе? И еще: верно ли Бонд определил цель? Ведь "Петучая" идет на запад от Нассау, к Мальковым островам, а там недалеко и Майами. А может, и так: яхта пройдет на запад миль пятьдесят, круто повернет к северу, пройдет по мелководью, где ей не страшна погоня, и окажется на Северо-западном морском пути — и прямо к Большой Багаме, к ракетной базе...

Время покажет, дали они с Лейтером промашку или нет, а пока — они окончательно сделали ставку в этой безумной игре. Поверни яхта уже с бомбами на борту на север, к ракетной базе — и "Манта", пройдя по Северо-западному пути, ее перехватит.

Но если они поставили на верную карту, почему тогда не вышла на палубу Домино? Что с ней?

21

ЖАР И ХОЛОД

"Петучая" мчала, точно торпеда, глубоко вспарывала темные недвижные воды. В просторной каюте Ларго было тихо, лишь приглушенно гудел мотор, да тонко позвякивали бокалы на полке. Иллюминаторы были задраены, но яркого света все равно не зажигали, и под потолком, покачиваясь, тускло горел красный маячный фонарь. В полумраке, за длинным столом сидело двадцать фигур, на лицах плясали кроваво-темные тени, и казалось, что это черти присели посещаться в аду.

Во главе стола — Ларго. В каюте прохладно, но лицо его поблещивает от пота.

— На судне чрезвычайное происшествие, — сдержанно, скрывая тревогу, заговорил он. — Полчаса назад Семнадцатый увидел на кормовой палубе мисс Витали с фотоаппаратом в руках. Когда Семнадцатый подошел ближе, она навела фотоаппарат на Пальмиру, но крышки с объектива не сняла. Семнадцатый заподозрил неладное и доложил обо всем мне. Я спустился за мисс Витали, повел ее в каюту. Она сопротивлялась, вела себя и в самом деле подозрительно. Пришлось применить жесткие меры. Я внимательно осмотрел фотоаппарат: в нем оказался счетчик Гейзера, и стрелка, естественно, показывала 500 миллирентген. Я привел мисс Витали в сознание и потребовал объяснений, но она отказалась отвечать. В свое время она заговорила, а пока я снова оглушил ее и привязал к койке. Второму участнику происшествия я уже доложил. — И Ларго умолк.

За столом возбужденно заговорили.

— И что же сказал Второй? — нетерпеливо спросил Четырнадцатый немец.

— Что пугаться нечего, сейчас все поставлены на ноги, и агенты разведывательных служб замеряют радиацию повсюду. Вероятно, и багамским полицейским было приказано проверить стоящие в гавани суда. Витали подкуплена. Еще он сказал, что нужно только доставить бомбу к цели — и дальше мы в безопасности. Наш радист постоянно прослушивает каналы связи между Нассау и американским берегом, и поток сообщений не увеличился, все тихо. Это значит, что район подозрений не вызывает, иначе бы связь и с Вашингтоном, и с Лондоном заметно оживилась. Таким образом, операция продолжается. Витали мы уберем.

— Но сначала нужно как следует допросить. Хотелось бы точно знать, что после операции за нами не потянется след, — сказал Четырнадцатый.

— Я допрошу ее сразу после нашего совещания. Сдается, что тут не обошлось без этих двоих — Бонда и Паркина, что поднимались вчера на борт. Не агенты ли? У Паркина был фотоаппарат, как будто такой же, как у Витали. Нужно было мне с гостями поосторожнее, но очень уж был у них правдоподобный предлог... По возвращении в Нассау действуем осмотрительнее вдвойне. В полицию сообщим, что Витали утонула, подробности я продумаю. Откроют следствие, но наши показания, уверен, сочтут достаточными. А что до того, где мы были нынешней ночью, — предъявим монеты, будто бы добытые с затонувшего корабля. Ваше мнение, Пятый, можно ли проверить, что они очень долго пролежали в воде?

— Прокурор и суд, то есть неспециалисты, пожалуй, поверят, — рассудительно ответил Пятый, физик Котце. — Мы ведь предъявим настоящие дублионы и реалы начала семнадцатого века, а золото и серебро, как известно, в морской воде почти не корродируют. К тому же я немного обработал их кислотой. Полагаю, что не слишком придирчивую проверку они выдержат. А спросят о месте обнаружения

сокровищ, укажем лишь, что корабль лежит на глубине около десяти морских саженей, рядом с неотмеченным на карте рифом. Подробнее мы имеем право не отвечать. Не вижу, на чем нас можно подловить. Кстати, рядом с рифами часто бывают глубокие провалы, и почему бы мисс Витали не заплывать к такому провалу? Что-то случилось с аквалангом, она стала погружаться, исчезла, а эхолот в этом месте дал целых сто саженей. А как мы ее уговаривали остаться на борту!.. Нет, нырнула, как же — романтика! На больших глубинах часто тонут даже опытные пловцы. — Войдя в роль, Пятый беспомощно развел руками. — Бросились, конечно, искать, но там, на глубине, акулы... Сразу прервали подъем сокровищ и поспешили в Нассау. Такая трагедия... Вот и все. — Он решительно тряхнул головой. — И нечего особенно огорчаться по поводу счетчика. Полагаю, однако, что женщину нужно допросить пристрастно. Грамотного применения электричества человек не выдерживает, могу ли я предложить услуги?.. — И он любезно повернулся к Ларго.

— Благодарю, — не менее любезно отозвался Ларго; они как будто прикидывали, чем же лучше лечить от морской болезни. — У меня человек и без электричества не выдерживает. Но если случай окажется трудным, попробуем и по-вашему. — Ларго взглянул в затененные, с багровыми отблесками, лица собравшихся. — А теперь коротко о последнем этапе операции. Сейчас полночь. С трех до пяти будет светить пана, вот в эти два часа нам и нужно уложиться. "Петучая" движется с юга к западным островам, это обычный морской подход к ним, и, если даже при нашем последующем отклонении в сторону цели, нас засекут радаром с ракетной базы, решат, что мы просто сбились немного с курса. Ровно в три часа мы бросим якорь, и к месту закладки бомбы выйдут пловцы; пятнадцать человек выстраиваются клином, "Торпеда" — прицепом в центре. Все выдерживают строй, ориентируются по нашему фонарю у меня на спине. Потерявшиеся возвращаются на яхту. Этим ясно? Главное, следить, нет ли акул или барракуд. Еще раз напоминаю, что ружья стреляют только шагов на десять, а целить нужно в голову или в позвоночник сразу за головой. Соберитесь стрелять — предупредите соседа, тот, если понадобится, даст дополнительный алп. Но в принципе должно хватить и одного попадания; стрелы отравлены, и в воде яд со стрелы вроде бы не смывается. Не забудьте только снять колпачок с острия, — веско добавил Ларго и хлопнул адонью о стол. — Мы хорошо подготовились, и я верю в успех. Но все же тренировка — одно, а настоящее дело — другое, подводный мир мутит и смельчака. Поэтому будут выданы тонизирующие таблетки, и вы взбодритесь, ощутите прилив сил и мужества. Ничего не бойтесь, пучись неожиданность — не робейте. Вопросы?

Еще в Париже, при подготовке операции Блофельд предупреждал Ларго, что за русскими, бывшими смершевцами, нужно присматривать собо. "Они прирожденные заговорщики, — говорил Блофельд. — Но заговорщик всегда не уверен в соседе, подозрителен. Твоим русским только и будет заботы, как бы кто не сговорился против них самих — друг поручат самую опасную работу, выдадут полиции, убьют, обде-

лят. Они легко напишут донос, оспорят приказ. И вообще, за сам естественным и очевидным приказом они всегда подозревают какую скрытую, враждебную им причину, и в этом их постоянно нужно уверять. Зато когда подозрения развеяны, они выполняют все до точ не щадя себя. Такие люди полезны. Но запомните: при прямом не виновении с их стороны, при открытом сомнении в руководстве действуйте решительно и беспощадно. Семена недоверия всходят быстро, а внутренние дразги разрушают организацию вернее внешнего врага.

Заговорил Десятый, в прошлом знаменитый смершевец Стрелик. Он сидел недалеко от Ларго, по левую руку, но на него не смотрел, обращался ко всем сразу.

— Я вот думаю о том, что рассказал нам Первый, и говорю себе: в хорошо, все идет как по маслу. И еще говорю: операция тонко продумана, вторую бомбу взрывать не придется. У меня есть кое-какие документы, и по этим документам я вижу, что совсем рядом с целью недавно построена большая гостиница, а в округе живут еще и местные. По моим подсчетам от взрыва первой бомбы погибнет примерно две тысячи человек. В моей стране гораздо большее беспокойство вызвало бы разрушение важной ракетной базы, но я учитываю, что на Западе гибель людей оценят очень серьезно, и именно она заставит правительства принять наши условия и, таким образом, спастись от второй бомбы. — Десятый повысил голос. — Всего через двадцать четыре часа закончатся наши труды, и нас ждет богатая награда! И вот тут мне приходит в голову очень неприятная мысль. — Он нервно ухмыльнулся, лицо озарилось алым отблеском и тут же погасло. — Мы долг — поделиться ею с вами, а если я в своей догадке не прав, заранее извиняюсь.

За столом мрачно молчали. Опытные заговорщики, все почуяли. Десятый бросает вызов Ларго. Но что же надумал русский, что скажет? Каждый изготовился — как только тайное станет явным — мгновенно переметнуться к сильнейшему.

— Скоро настанет момент, — продолжал Десятый, цепко вглядываясь в сидящих напротив, — когда пятнадцать из нас будут там, в море далеко от яхты, а пятеро останутся на борту. И в этот самый момент — он хитро сощурился, — почему бы пятерым не сняться с якоря и не бросить остальных? — Между сидящими пробежал ропот, но Десятый жестом попросил тишины. — Нет, это невозможно, думаю я, и, несомненно, все вы. Но каждый из нас имел дело с деньгами и знает, что очень большие деньги делают с человеком. А насколько же больше достанется пятерым, если пятнадцать — как доложат потом Второму — разорвут в море акулы?

— Что же вы предлагаете, Десятый? — мягко спросил Ларго.

Тот впервые взглянул направо, но лицо Ларго то ярко вспыхивало, то затенялось, и выражения он не угадал.

— Я предлагаю, — сказал он твердо, — оставить на борту по одному человеку из каждой тройки. Тогда в море выйдут десять, но зато выйдут спокойно.

— Отвечаю коротко и ясно, Десятый, — не повышая голоса, сказал

Ларго и выбросил вперед ручищу. Сверкнул металлический ствол — и три выстрела подряд — прямо в лицо — почти слились в единую вспышку и едином громе. Десятый нелепо взмахнул руками, вздрогнул всем телом и, ломая ступ, рухнул.

Дулом вверх Ларго поднес пистолет себе к лицу и с наслаждением как тончайший аромат духов, вдохнул запах гари... Потом оглядел молчаливых свидетелей по обе стороны стола и тихо сказал:

— Совещание окончено. Прошу всех разойтись по каютам и еще раз проверить оружие и акваланги. Десятым займутся двое из экипажа. В свободны.

Оставшись один, Ларго встал, потянулся и широко, хищно зевнул. Взял из буфета сигару "Корона", с отвращением закурил. Вытащил холодильника красный коробок с кубиками льда и отправился в каюта Домино Витали.

Вошел, запер за собой дверь. Здесь тоже был полумрак, горел лишь красный маячный фонарь под потолком. Домино лежала растянута точно морская звезда, — руки и ноги привязаны в углах койки к металлической раме. Он поставил на полку коробок со льдом и там же пристроил сигару — аккуратно, чтобы тлеющий кончик не попортил лака.

В глазах Домино плясал злой красный огонек.

— Ну что ж, моя милая, — начал Ларго, — мне было с тобой сладко и хорошо, но оплачу я другой монетой, тебе будет больно, очень больно. Вон видишь — сигара и кубики льда? Надо только знать, куда приложить кончик сигары, а куда лед — тут целая наука, и я, конечно, учен — и человек кричит от боли, а потом говорит, и чистую правду. Итак, кто дал тебе счетчик?

— Ты убил моего брата, а сейчас убьешь и меня, — процедил Домино. — Ну давай, развлекись напоследок, ты ведь и сам уже почти мертвец! Скоро наступит твой черед, и пусть тебе придется в тысячу раз хуже, чем нам, твоим жертвам.

Он коротко хохотнул и придвинулся ближе:

— Тогда приступим, милая. Торопиться нам некуда, и все-то у нас по рукам, и жар, и холод.

Он склонился над ней, завел два пальца за вырез платья и сильно потянул, разорвал сверху донизу. Отбросил в обе стороны обрывки и под мерцающим светом задумчиво оглядел ее. Подошел к полке, взял сигару и коробок со льдом, вернулся и поудобней уселся на краю койки.

Глубоко затянулся, стряхнул на пол пепел и снова склонился...

22

ПОГОНЯ

В штурманской рубке "Манты" было тихо. В поблескивающих алюминием красных кожаных креслах, как летчики в кабине самолета, сидели трое, один держал штурвал, двое щелкали клавишами, поглядывали на приборы. Бонда с Лейтером усадили на складные стулья

подальше, так, чтобы не разглядели показаний приборов. Петерсен стоял рядом с оператором у эхолота, изредка оборачивался к ним, говорил что-то. Наконец, подошел.

— Глубина тридцать саженей, ближайшая отмель — в миле к западу, так что перед нами прямая дорожка к Большой Багаме. Идем быстро, через четыре часа будем на месте. Может, пока перекусим и поспим? На радарном экране теперь долго будут только Мальковые острова. А пройдем их — будем смотреть, не сорвался ли какой островок, не пошел ли, как и мы, на север. Это и будет "Летучая", и мы тотчас погружаемся — вы услышите сигнал тревоги. Тогда и подумаем, что делать дальше. — Капитан направился к лестнице. — Я пойду вперед. Смотрите, не расшибите лбы, тут потолок низкий, трубы.

Они спустились следом за ним по лестнице, прошли коридором и оказались в выкрашенной в нежные розовые и зеленоватые тона столовой. Капитан повел их к дальнему столу, усадил в торце; матросы и офицеры разглядывали их, гражданских, с удивлением.

— Раньше на военных судах все красили серым, а сейчас видите? — Петерсен показал на стены. — Психологи говорят, от одного цвета глаз как бы устают, и настроение снижается, а ведь экипаж по месяцам в море. Без психологов военные теперь шага не ступят, советуются. Мы ж чем только экипаж не развлекаем: и кино, и телевидение, соревнования всякие, игры... Другого помещения нет, так что тут у нас и столовая, и клуб. Но слышите, запахов никаких — ни из кухни, ни из юторного отделения, на лодке работает вытяжная система. — К ним подошел официант с меню. — Мне запеченный окорок с томатным соусом, яблочный пирог, мороженое и кофе со льдом. Как в море выйду, зверский аппетит разыгрывается! Моряку на суше и кусок в горло не лезет.

Бонд заказал яйца в мешочек, гренки и кофе. Есть не хотелось. Капитанская болтовня немного отвлекала, но тревога не унималась. Верно ли они рассчитали, засекут ли радаром "Летучую"? Не попалась ли Домино со счетчиком? Что с ней, жива ли? Зря он ее впутал. Он только выпил стакан воды со льдом, и капитан принялся подробно рассказывать, как дистиллируют морскую воду, замораживают кубиками.

Наконец, Бонд не выдержал.

— Простите, прерву вас... Я измучался: предположим, мы рассчитали верно, и у Большой Багамы нагоним "Летучую" — а что дальше? Зарем на абордаж, подрываем? Как по-вашему?

Петерсен посмотрел недоуменно:

— По-моему? Да ведь операцией командуете вы, а я готов подчиниться — если при этом лодка не подвергается опасности. — Он вынул папку. — Чрезмерной, я имею в виду. Впрочем, есть указание Министерства ВМФ при необходимости пожертвовать и лодкой. На наш прос из Министерства ответили — против погони не возражают, подтверждают ваши права на командование, так что вам и карты в руки. Рассказывайте, что придумали.

Принесли ужин. Бонд поковырялся в тарелке, отодвинул и закурил. — Предположим, — начал он, — сейчас "Летучая" идет по мелководью на север, по ту сторону Мальковых островов — поэтому мы и не видим — а потом повернет к ракетной базе на Большой Бага Яхту, конечно, засекут радаром с базы, но это оживленный морской путь, и подозрений она не вызовет. Дальше на месте Ларго я сделаю так: стал бы на якорь примерно в миле от берега, а бомбу выложил где-нибудь под самым берегом и включил часовой механизм. До течения назначенного "Спектром" срока останется часов двенадцать, ведь бомбу доставят к цели в четыре-пять утра, и за это время Ларго успеет вернуться в Нассау или же вообще уплывет, и очень далеко. Думаю, он вернется в Нассау, расскажет, что ходил за сокровищами и будет ждать очередных приказаний. — Бонд помолчал и отвернул глаза. — Если не разговорит Домино.

— Нет, ее не разговоришь, — уверенно сказал Лейтер. — С крепкий орешек. А даже и выдаст нас — Ларго просто ее приказом бросит за борт, а властям напоеет, что нырнула и подвел акваланг или еще что-нибудь в этом роде придумает. Нет, в Нассау он вернется в любом случае. Чего ему бояться!..

— Это еще посмотрим, каков он смельчак, — перебил Петерсен. Скажите-ка лучше, капитан Бонд, как же именно Ларго доставит бомбу чуть не к самому берегу? На яхте он близко подойти не сможет, тут правы, но и на шлюпке тоже, ведь база охраняется, ходит сторожевой катер.

— На "Летучей" есть подводный люк, вот он и пригодится, думаю, есть и какой-нибудь подводный тягач с прицепом. Несколько пловцов погрузят бомбу и отвезут поближе к берегу. Иначе на что и люк?

— Логично, — помолчав, согласился Петерсен. — Когда же вступит в дело мы?

Бонд посмотрел ему прямо в глаза:

— Когда пловцы выйдут в море. Объявимся раньше — "Летучая" бросится наутек, бомбы за борт, и мы останемся с пустыми руками. А вот встретятся под водой их пловцы с нашими — другое дело. Одну бомбу сразу прихватываем, а если вторая осталась на борту, топим яхту.

Петерсен глянул в тарелку, аккуратно уложил по обе стороны ножа и вилку, поправил десертную ложечку и допил кофе. Поболтал без дела, ледышки звякнули.

— Также логично. В экипаже десять лучших пловцов атомной флотилии, акваланги есть. Хуже с оружием — только кортики. Я вызову добровольцев. — Он помолчал. — А кто поведет?

— Я, — ответил Бонд. — Обожаю подводное плавание! И кое-что о нем понимаю, так что с пловцами я сам поговорю.

— А я, думаешь, буду пока окорок жрать? Ничего подобного, — обиженно пробурчал Лейтер и поднял протез. — Цепляю сюда ласты и попробуй еще меня догони. Руки у меня, может, и нет, зато котелок получше твоего варит. Называется компенсация, понял?

Петерсен улыбнулся и встал:

— Не подеритесь только, герои. Я пошел, мне нужно поговорить с экипажем. Поспать сегодня, видимо, не удастся, я вам пришлою тонирующих. — Он кивнул и вышел из столовой.

— Предатель ты, Джеймс, — не унимался Лейтер. — Сам, видите ли, поплывет, а верного друга побоку! Все вы, англичане, такие...

— Откуда я знал, что ты с ластом извернешься? Я думал, ты плавать не можешь, — смеялся Бонд. — А может, тебе твое железо и обниматься не мешает?

— Даже наоборот, — мрачно ответил Лейтер. — Только коснешься — и девушку просто не узнать. Ну ладно, хватит шуточек. У нас еще куча дел. Как построим пловцов? Как отличать своих под водой? Нельзя ли из кортиков сделать копья? Недодумаем — зря потеряем людей...

По внутренней связи раздался голос Петерсена:

— Внимание, экипаж! Говорит капитан. Сегодня по приказу Министерства ВМФ мы примем участие в операции, равносильной боевой. Операция связана с риском для жизни. То, что я сейчас расскажу, строго секретно и не подлежит разглашению...

* * *

Бонд прикорнул на койке дежурного офицера; и разбудил его сигнал тревоги. По внутренней связи внятно повторяли:

— Приготовиться к погружению, приготовиться к погружению...

И вот койка заметно наклонилась, двигатель загудел по-новому. Бонд встал и пошел в штурманскую рубку. Лейтер был уже там.

Петерсен оторвался от радарного экрана:

— Похоже, вы не ошиблись. Вот яхта — идет на пять миль впереди, то правому борту. Скорость тридцать узлов, бортовые огни потушены. Хотите посмотреть в перископ? Она здорово перелопачивает воду, след светится. Луны, правда, нет, но присмотритесь — заметите белое пятно.

Бонд принял к резиновым окулярам. И через минуту привык к темноте и в мягком колыханье волн различил светлое пятнышко. Он выпрямился:

— Каким курсом яхта идет?

— Тем же, что и мы, — к западной оконечности острова Большая Гагама. Мы погрузились и прибавили обороты, скоро догоним. Ведем по гидролокатору, так что не потеряется. По прогнозу будет слабый ападный ветер, это нам на руку — в штиль при выходе из лодки вода аметно пузырится. А теперь познакомьтесь, это старшина Фаллон, ему поручено готовить группу пловцов. — Капитан обернулся к крепкому еловеку в белых парусиновых штанах. — Все лучшие вызвались добровольцами, и Фаллон отобрал девятих. Я освободил их от других бязанностей. Пойдите познакомьтесь с ними, вам ведь о многом нужно оговориться. Сержант-оружейник заточит кортики и насадит на палки метел — вот и будут копья; только за метлы вам, наверно, придется

расписаться, а то оружейника потом интендант со свету сживет. кажется, все. Понадобится что-нибудь — обращайтесь прямо ко мне — И он снова отвернулся к экрану.

Следом за старшиной Бонд и Лейтер прошли по нижней палубе через моторное отделение, потом через реакторную. Реактор, прирученная атомная бомба, бесстыдным перстом выпирал из общей свинцом палубы.

— Только у нас — сверхмощный и безотказный! Реактор второго типа... — Лейтер шутливо перекрестился.

— Старье, — Бонд непочтительно ткнул в перст носком ботинка. У нас уже третьего...

Потом они оказались в ремонтной мастерской — длинной и низко набитой всяким инструментом. Странно было увидеть тут сбившихся группкой матросов, уже раздетых, в плавках. В дальнем конце двое серых комбинезонах работали за токарными станками, двигались учено, точно роботы; станки были ярко освещены, а вокруг полумрачно и лезвия выбрасывали снопы голубых и рыжих искр. Некоторые плиты уже были с копиями. Фаллон представил Бонда и Лейтера, и Бонд попросил посмотреть копье. Лезвие острейшее, надежно прикручено к длинной и крепкой палке, на самом кончике выточены зубцы, как стрелы. Он попробовал острие пальцем. Отличное оружие! Проткнул даже акулю кожу. Но у противника-то наверняка будут пневматические ружья... Бонд посмотрел на молодых загорелых матросов; золотистый загар сразу засверкает в лунном свете, да и они с Лейтером белокожие, заметные — так их всех издали перестреляют, пока о копье не достают. Он повернулся к Фаллону:

— На борту есть резиновые костюмы?

— Конечно, капитан Бонд, ведь приходится выходить и в холодную воду. Не все же мы под пальмами плаваем.

— Тогда выходим в костюмах. И каждому на спине напишите большой белый или желтый номер, чтоб своих отличать.

— Понял, — отозвался старшина. — Фонда, Джонсон и Бракен!..

Скоро черные костюмы гигантскими летучими мышами распластались по стенам, и Бонд сказал:

— Матросы, мы идем в трудный подводный бой. Будут убитые. Никто не передумал? — В ответ лишь усмехнулись. — Отлично. Плыть на четверть, а может, и половину мили. Будет довольно светло — выйдет луна, дно песчаное, белое. Идем так: я, под первым номером, впереди за мной номер второй — мистер Лейтер, дальше, под третьим номером — старшина Фаллон, а вы расходитесь треугольником, клином, как гуси. Каждый смотрит на номер идущего перед ним, и никто не потеряется. Будьте внимательны, может появиться акула — они как раз выйдут на утреннюю охоту. Если подплывет слишком близко, нападите втроем. Но не торопитесь, сама она вряд ли нападет, ведь мы плывем очень плотно, и нас запросто примут за одну здоровую рыбку, еще и расступаться будут. Осторожнее с копиями, держите крепче прямо под лезвием. И самое главное — не суетитесь, плывите спокойно, бесшумно. Напасть нужно внезапно. У противника пневмати-

ческие ружья, стреляют шагов на десять, но долго перезаряжаются. Нацелились в тебя — съежись, подбери ноги, пусть мишень будет поменьше. А после выстрела мигом бросайся на противника, коли. Таким копьем раз кольнешь — и готово. Раненые заботятся о себе сами, санитаров не будет; стрелу из себя не вытаскивайте, наоборот, зажмите в ране. Отползите назад и ждите конца боя или выплывайте наверх. У старшины Фаллона сигнальная ракета — как начнется бой, он выстрелит, "Манта" всплывет и спустит спасательную шлюпку с вооруженным отрядом и корабельным врачом. Вопросы?

— Что делать, как только выйдем из подки?

— Спускайтесь футов до десяти и занимайте место в строю. Старайтесь выйти потише, поаккуратнее, чтобы на поверхности было поменьше волнения.

— А как переговариваемся под водой, сэр? Ну там, с маской непданое...

— Большой палец вниз — "На помощь", вверх — "Понял" или "Иду", руку вперед — "Акула". Этого хватит. — Бонд улыбнулся. — Ноги вверх — "Каюк".

Матросы засмеялись.

Вдруг включилась внутренняя связь:

— Внимание, пловцам к люку. Повторяю, пловцам к люку. Надеть кваланги, приготовится к выходу. Капитан Бонд, зайдите в штурманскую рубку.

Мотор умерил рев, еще постонал и смолк. Вздвогнув, "Манта" косулась дна.

23

ПОДВОДНАЯ БИТВА

Сжатым воздухом Бонда выбросило из люка. Далеко наверху туго атянутую пелену ртутно рябило, дергало. Значит, волнит, ветер есть! Имо промчался вверх воздушный пузырь, снарядом прорвал сверяющую пелену. Скоро в ушах сильно заболело, и Бонд заработал астами, спустился немного и завис в футах десяти от поверхности. низу угрожающе чернело долгое тело "Манты". А внутри горит свет, тня матросов и офицеров заняты каждый своим делом. У него пошли драшки по коже. Тут из люка по нему как будто выстрелили — оттуда серебристых пузырьках воздуха выбросило Лейтера. Бонд постороился и поплыл вверх. На поверхности, покачиваясь в волнах, он вниательно огляделся. По левую руку, примерно в миле от него, стояла якоря "Летучая"; бортовые огни потушены, на палубе, кажется, ниго. В миле к северу темнеет берег Большой Багамы, и видно, как бегае на пляж мелкая волна. Над островом, с огромных, тающих во ме вышек, помаргивают красные сигнальные огни. Кое-где из воды гглядывают коралловые рифы, и Бонд выбрал один, повыше, как иентир. Нырнул, снова завис на десяти футах, развернулся по выанному ходу, как компасная стрелка, и, слабо перебирая ластами, ил ждае остальных.

Десять минут назад Бонд стоял в штурманской рубке, а, казал всегда невозмутимый Петерсен возбужденно восклицал:

— Все вышло в точности, как вы говорили! Несколько минут на они стали на якорь, и гидролокатор отмечает странные шумы, слы бы в трюме у них кто-то возится. Похоже, и правда собираются ходить из подводного люка! Пожалуй, и вам с ребятами пора выйдете, я выставляю антенну и докладываю в Министерство, предупредят ракетную базу, что, возможно, придется эвакуировать. Потом мы поднимемся футов до двадцати, зарядим две торпеды, будем по перископу следить за яхтой. Старшине Фаллону я прика в самое пекло не лезть и дал ему вторую сигнальную ракету, ее выпустит, если ваши дела будут плохи. Надеюсь, до нее не дойдет все же на всякий случай... После второй ракеты я подойду к я выстрелю раз-другой, возьму ее на abordаж, и тогда они у нас другому запоют, никуда эти бомбы от нас не денутся. — Петер сокрушенно покачал головой, взъерошил короткие жесткие волосы. Положеньице! Будем выкручиваться, капитан Бонд. — И протянул р — Вам пора. Счастливого пути! Думаю, ребята не подведут.

Бонда тронули за плечо. Лейтер. Улыбнулся и выкинул большой палец вверх. Бонд оглянулся — пловцы выстроились неровным нгом, побалтывали ластами. Он кивнул и неторопливо поплыл вперед, одну руку прижал к боку, другую, с копьем, к груди. Отряд дрогну, выравниваясь, потянулся за ним, обратился в огромного черного т угольного ската.

В резиновом костюме было жарко, он лип к телу, кислород то отдавал резиной, но Бонд не обращал внимания, он старался л двигаться ровно, не сбиться с направления.

Далеко внизу, куда не доставал даже пляшущий лунный луч, бел песок, изредка попадались темные пучки морской травы. Вокруг бледно мерцали стены огромного морского зала, тонули в плотн зловещем тумане — вот-вот вынырнет акулища, нацелится на неп шеного гостя... Бонд ничего не мог с собой поделать — было страш Но никто не выныривал, и вот уже ясно вырисовывались кустики дорослей и песочная рябь; пловцы приближались к берегу, море п лело.

Он быстро оглянулся: грозно сверкая масками и лезвиями коп отряд плыл за ним, взмучивая воду ластами. Только бы напасть в зално! Подкрасться и броситься из-за рифа, из тени — никакой пр тивник не устоит! Сердце у него весело забилося, но он тут же вспомн о Домино: вдруг Ларго взял ее с собой, и вдруг именно она попадет п бондовское копьё? Нет, чушь, ерунда! Она на яхте, в безопаснос Закончится бой, и они увидятся.

Впереди показалась низкая коралловая гряда, и он насторожилс вгляделся. Вон еще рифы, между ними снуют стайки рыб, и гибк

коралловые веера переплетаются, колышутся, точно волосы утопленницы. Он замедлил ход, и сзади на него натолкнулся кто-то — Лей или Фаллон. Бонд сделал рукой знак замедлиться и поплыл потихоньку дальше, глядя вверх — сейчас он увидит серебристый плеск волн вокруг выбранного ориентиром рифа... Ага, вон плещет, слева. Вот так Бонд сошел немного с направления. Он подплыл ближе, дал знак остальным остановиться и стал подниматься вдоль рифа. Осторожно высунулся над игривой волной и сразу посмотрел, здесь ли "Летучая". Стоит, теперь ярко высвеченная луной, на палубе по-прежнему пусто. Он медленно повел взглядом по воде, оплыл риф, посмотрел в другую сторону. Ничего. Дрожит лунная дорожка, волны тихо бьют в коралловые гряды; четко виден берег, пляж. Вода между грядами не взбрызгивается, не вспенится, плещет непотревоженно. Ну-ка, а там? В далеком лагуне меж коралловых верхушек вдруг вынырнула голова, сверкнула маской и скрылась.

У Бонда перехватило дыхание, сердце бешено заколотилось. Он вырвал изо рта трубку и судорожно вдохнул. Хорошенько запомнил лагуну, снова крепко закусил трубку и тоже нырнул.

Отряд ждал сигнала, маски бледно мерцали. Бонд несколько раз выкинул палец вверх, и ближние пловцы понимающе ухмыльнулись. Бонд перехватил копьё пониже, выставил вперед и помчал над низкими грядами.

Теперь только плыть поскорее, да ловчее петлять между коралловыми скалами. Отряд рвался вперед, поднимал волну — мелкая рябь бешка так и прыскала в стороны, водоросли заколебались сильнее. Казалось, все море ожило. Через несколько минут Бонд дал знак замедлить ход и выстроиться к атаке и снова осторожно поплыл, до рифа в глазах вглядываясь в серый туман. Вот они! В сумраке бело мелькают один, другой... Бонд махнул рукой и, нацелив копьё, бросился наперез.

Отряд заходил сбоку, и скоро увиделось, что заходят они неверно. Спектровцы плыли быстро, как-то уж очень быстро... Только теперь Бонд приметил у каждого за спиной маленькие пропеллеры пневматических ускорителей. По прямой пловец с таким ускорителем движется в два раза быстрее, чем просто в ластах, и даже сейчас, петляя меж рифов, принаравливаясь к ходу влекомого "Торпедой" прицепа, спектровцы все равно явно опережали преследователей. Ударить их бы в хвост! Лишь бы не заметили раньше, твердил про себя Бонд. Кажется, их много... Он насчитал десять и бросил. И у каждого пневматическое ружье, запасные стрелы. Плохо!

Все ближе и ближе. Бонд оглянулся: прямо за ним идут шестеро, остальные растянулись рваной линией сзади. Но вот он поравнялся с последним рядом, накрыл тенью, и кто-то быстро обернулся, потом еще один. Бонд оттолкнулся ногой от кораллового выступа и ринулся вперед. Защититься обернувшийся не успел, копьё вонзилось в бок и вышвырнуло на соседа. Бонд метнулся следом, резко выдернул копьё, раненый уронил ружье, согнулся пополам. Бонд успел еще раз колотить в гущу тел, но стрелки уже всполошились и, прибавив обороты,

ускорителях, бросились врассыпную. Еще один схватился за лицо и судорожно погреб вверх — видимо, копьем ему раскололо маску. Тут стрела прорвала Бонду костюм на животе, и сразу стало мокро, то ли от воды, то ли от крови. Он увернулся от второй, но на голову ему обрушился приклад, правда, не очень сильно. Все же в глазах на минуту потемнело, и он беспомощно припал к коралловой гряде, помотал головой. Его матросы скользнули мимо, и вдали завязался бой, по воде потянулись черные кровавые облачка.

Бились на просторной площадке, обрамленной коралловыми обломками. В дальнем ее конце Бонд заметил серебристую "Торпеду" с прицепом, на котором лежала огромная обернутая резиной сигара. Рядом — несколько человек, и среди них выделяется мощный, высокий — конечно, Ларго. Бонд перевалил за гряды и почти над самым песком поплыл вокруг площадки. Но тут же увидел стрелка — притаившись за выступом, тот целил в кого-то. В Лейтера — ему вцепился в горло другой спектровец; Лейтер отбивался протезом, но привязанный к руке ласт смягчал удары. Бонд ринулся вперед и с ходу метнул копье. Легкое, деревянное, оно — в самый момент выстрела — лишь слегка задело руку стрелка, но прицел сбила; стрелок развернулся и разъяренно кинулся на Бонда. Копья теперь не достать, и Бонд поднырнул и, как регбист, захватил противнику ноги, дернул. Потом дотянулся до лица, сорвал маску. Ослепленный, стрелок отчаянно поплыл вверх. Бонда тронули за руку. Лейтер — держится за трубку, лицо искажено. Ясно. Бонд обхватил его и мощно заработал ластами, заспешил вверх. Они вместе прорвали сверкающую пелену, и Лейтер выплюнул перекрученную трубку и стал жадно глотать воздух. Надышавшись, он сердито велел оставить его в локое и сию секунду нырять. Бонд поднял палец и повиновался.

Теперь он крадучись пробирался среди коралловых пиков — надо снова найти Ларго. Там и сям боролись, сверкало лезвие, поднимались пузырьки из оружейного ствола; один раз он проплыл под матросом с "Манты" — тот лежал на самой поверхности, раскинувшись, лицом вниз. Волосы развевались в воде, и не было на нем ни маски, ни акваланга, и рот мертво щерился... На дне валялись обрывки черной резины, стрелы. Бонд подобрал две. Он подплывал к краю площадки: прицеп по-прежнему стоял там, рядом — два стрелка с ружьями наготове. Но Ларго нет. Бонд осмотрелся: луна светила теперь слабее, и туманные стены будто приблизились; узорная песочная рябь затоптана, смята борцами, и рыбки в поисках пропитания снуют над взрытым дном, как грачи над пашней. Никого. Борцов разнесло попарно в разные стороны, и чья берет, неизвестно. А что там, на поверхности? Скоро ли придет спасательная шлюпка с "Манты"? И что делать ему, Бонду, остаться здесь и следить за бомбой?

Задача решилась сама. Справа, из тумана вдруг выскочила серебристая "Торпеда". Верхом на ней, в седле, скрючившись за небольшим шпексигласовым щитком, сидел Ларго, в левой руке он сжимал два копья с "Манты", а правую держал на рычаге управления. Ларго подъехал к стрелкам и затормозил. Оба положили ружья, один взялся

за муфту прицепа, а другой стал подтаскивать "Торпеду" за руль. Они собираются увезти бомбу... Бросят на глубоком месте или спрячут где-нибудь. То же и со второй бомбой, которая на борту "Летучей". И все, никаких улик! Ларго скажет, что на них напали во время подхода к затонувшему кораблю. Да, были ружья на случай акул, и его люди отстреливались — откуда было знать, что это матросы с американской подлодки, а не соперники по поиску сокровищ? Снова сокровища, и снова ничего не возразишь!

Спектровцы все еще возились с муфтой, никак не могли прицепиться, и Ларго нетерпеливо оглядывался на них. Бонд прикинул расстояние, сжал в обеих руках по стреле и сильно толкнулся от скалы.

От одной стрелы Ларго успел вернуться, а другая лишь царапнула по аквалангу. Бонд врезался ему в бок, потянулся к лицу, и Ларго выпустил копыя и быстро прикрыл драгоценную дыхательную трубку руками. Правой он случайно задел рычаг управления, и "Торпеда" вдруг рванула вперед и вверх, унося на себе сцепившихся врагов.

Драться по-настоящему было невозможно, и они беспорядочно молотили друг друга, и каждый отчаянно прикусывал резиновый мундштук. Но у Ларго были свободны обе руки, ведь он прочно сидел в седле, а Бонду приходилось еще удерживаться на "Торпеде". Уже несколько раз Ларго локтем бил ему по лицу, и Бонд едва уворачивался, подставлял подбородок, спасал маску. Сам он свободной рукой вколачивал в загорелое мускулистое тело удар за ударом.

"Торпеда" выскочила на поверхность и, сильно задрав нос — Бонд перевешивал — помчала в открытое море. Он оставался наполовину в воде, и вот сейчас Ларго развернется, схватит обеими ручищами... Бонд решился. Оседлал "Торпеду" и стал сползать вниз, к самому рулю. Приподнялся, между ногами просунул руку назад, ухватился за руль и перебросил себя через корму, в воду. Только бы не под винт!.. Винт вращался совсем рядом, в лицо било от него волной, но зато Бонд чувствовал, что "Торпеда" подается под весом, вот-вот станет стоймя. Он рывком вывернул руль направо и разжал пальцы. Чуть не закричал от боли в суставах, а наверху Ларго резко выбило из седла, сбросило в воду...

Кончено... "Торпеда" для спектровцев потеряна, бомбу увезти не удастся. Теперь как-нибудь остаться в живых, уйти от Ларго. Совсем нету сил... Бонд заставил себя нырнуть — спрячется в грядях.

Ларго неспешно нырнул следом, поплыл спокойно, размеренно. Бонд достиг дна и запелтлял между рифами. Белая песчаная полоса под ним скоро разделилась надвое, он подумал и поплыл узким коридорчиком, между двумя коралловыми стенами. Там его и накрыла черная тень. Ларго не стал протискиваться в коридорчик, а поплыл, выжидая, сверху. Бонд посмотрел на него, и тот ухмыльнулся, сверкнул зубами: никуда, мол, не денешься! Бонд сжал ослабевшие пальцы: нет, куда ему против Ларго, мощные жилистые ручищи скрутят его, как куклу...

Внезапно впереди высветилась лагуна, свободная вода, коридор обрывался. Назад не повернешь, слишком тесно, а плыть вперед —

значит лишиться защиты рифов. Ловушка. Он остановился, стал на ноги. Пусть Ларго сам сюда зайдет. Бонд глянул: так и есть, противник скользнул поверху к лагуне и, окутываясь искрящимися воздушными пузырьками, опустился на песок лицом к Бонду, вытянул руки и двинулся навстречу. Шагов за десять вдруг посмотрел на коралловую стену, сдернул с нее что-то и снова вытянул руку — на ней извивалось теперь восемь пальцев. Осьминог! Ларго весело сверкнул зубами, на щеках прорезались ямочки. Свободной рукой он выразительно постучал по маске. Бонд нагнулся и подобрал замшелый камень. Когда залепляют маску осьминогом, очень противно, но и когда разбивают — не сахар. Осьминог — ерунда, только вчера Бонд бродил между сотен; длинные руки Ларго — вот что страшно.

Ларго сделал еще шаг, второй. Бонд попятился, чиркая аквалангом о стены, обдирая костюм. Ларго медленно наступал. Сейчас бросится...

Вдруг позади, в лагуне, мелькнула фигура. Свой? Нет, не в черном костюме, отсвечивает белым. Значит, враг.

Ларго ринулся вперед.

Целя острым камнем в живот, Бонд нырнул у него под рукой, но тот ударил коленом в лицо и тут же шмякнул в маску осьминогом. Потом ухватил обеими руками за шею и поднял перед собой, как ребенка.

Бонд ничего не видел. Скользкие щупальца облепили лицо, обвили мундштук трубки, потянули; кровь стучала в висках, горло сжимали все теснее, он терял сознание...

Он плавно опустился на колени. Как, почему? Неужели его выпустили? Он приоткрыл накрепко зажмуренные глаза и увидел свет. Осьминог, переползший на грудь, тотчас отлепился и перепрыгнул на риф. Впереди лежал и слабо сучил ногами Ларго, из шеи у него торчала стрела. А подле стоял кто-то маленький, в руках пневматическое ружье, длинные волосы развеваются вуалью.

Бонд с трудом встал. Шагнул, но колени подогнулись, в глазах потемнело. Он прислонился к рифу, зубы у него чуть разжались, и в рот засочилась соленая вода. Нет! Держись, приказал он себе.

Его взяли за руку. Но глаза у Домино были равнодушные, пустые. Что с ней? Бонд сразу пришел в себя. Тело у нее в крови, в каких-то пунцовых пятнышках. Надо подниматься, погибнут же оба... Он обнял ее и, через силу, зашевелил ластами; ничего, все-таки ноги слушаются. Еще немного, здесь же неглубоко. Вот и она заработала ластами, помогает.

Они вынырнули, легли распластавшись, и их ласково качнуло волной.

Бледное небо медленно разгоралось; день обещал быть славным.

2

"ОТДЫХАЙТЕ, МИСТЕР БОНД"

Феликс Лейтер зашел в палату — все в ней бело, стерильно чисто — и тихонько прикрыл за собой дверь. Подошел к кровати, где в полудреме лежал Бонд, и спросил:

— Ну как ты, старик?

— Ничего, сплю все время.

— Доктор к тебе не пускает, но ведь надо же рассказать, чем дело кончилось!

— Валяй, — сказал Бонд равнодушно. Не хотел он про это слушать, вот если б ему рассказали про Домино...

— Я быстренько, а то доктор как раз делает обход, того и гляди появится. Значит, так. Мы взяли две бомбы! Котце, физик, выкладываю все, о чем ни спросишь. Спектровцы-то, оказывается, ребята серьезные, боевики — из СМЕРШа, Мафии, Гестапо... Тоже всех взяли, к живой. Вот главарь, Блофельд его зовут, неизвестно где, радио на яхте замолчало, ну и смекнул, наверное. Вообще большая умница — у него в банке уже миллионы лежали, а работают всего пять-шесть лет. После этой операции "Спектр" должны были распустить, и все бы шито-крыто... Цель второй бомбы мы угадали — Майами.

— Что, все счастливы?

— Кроме меня. То прими сообщение, то отправь — от нас с рацией уже пар идет! Тебя, между прочим, тоже хорошая пачка шифровок дожидается. Слава богу, сегодня вечером прилетают чины из ЦРУ вашего Управления, вот пусть и расхлебывают, шевелят мозгами — что сообщить прессе, как быть с преступниками, лордом тебя сделать или лучше герцогом, а меня — Президентом, что ли, выбрать? Ну а нам с тобой не грех и отдохнуть, закатимся куда-нибудь... Слушай, а Домино-то какова! Вот девчонка молодец! Выследили ее со счетчиком, мичили, мерзавцы, — ни словечка не сказала. Потом выбралась через иллюминатор, нашла акваланг, ружье — и в воду. Ларго прикончили, и тебя заодно выручила, вот тебе и "слабая женщина"! — Лейтер вдруг насторожился и мягко шагнул к двери. — Чертов доктор топает. Я исчез — повернул ручку, прислушался и выскользнул в коридор.

— Феликс, подожди! — отчаянно крикнул Бонд, но дверь уже захлопнулась. Свирепая, он уставился в потолок. Лейтер же не сказал главного — что с Домино, где она? Болтал целый час о пустом! А может она... Бонд испугался.

Дверь отворилась, на пороге встал кто-то в белом, и Бонд подскочил на постели:

— Что с Домино? — заорал он. — Скажите, что с ней?

Стенгеля не зря почитали в Нассау — он и в самом деле был хорошим доктором. Ему, еврею, пришлось бежать от Гитлера, а то заведовал бы сейчас солидной клиникой где-нибудь в Дюссельдорфе. Но он заведовал багамской — впрочем, выстроенная богатыми пациентами, она была ничуть не хуже. С миллионеров брал дорого, местных лечил за гроши. Болезни богатой старости, слишком большая доза снотворного — к таким пациентам он привык; и вдруг привозят — со множественными ушибами, страшными рваными ранами, а в ране еще и яд, ну точно со старинного побоища. Приказ губернатора, подписка о неразглашении... И доктор Стенгель не расспрашивал ни о раненых, ни о мертвецах: шестерых с американской подводной лодки и десятых, вклю-

чая самого владельца, с красавицы яхты, так долго и мирно стоявшей в гавани...

— Мисс Витали вне опасности, со временем поправится, — спокойно ответил он Бонду. — Сейчас ей нужен отдых.

— Но что с ней?

— Ей нельзя было спускаться под воду, слишком большая нагрузка.

— Нельзя? Почему?

Доктор взялся за ручку двери.

— Вам тоже необходим отдых, вы переутомлены. Каждые шесть часов вам будут давать вот эти таблетки, договорились? Сон — прекрасное лекарство, мы вас быстро поставим на ноги. Главное — отдыхайте, мистер Бонд.

Где-то он уже слышал эту дурацкую фразу, сговорились все, что ли! Бонд вдруг разъярился, соскочил с постели и, пошатываясь, двинулся к Стенгелю.

— Что вы талдычите — отдыхайте, отдыхайте, черт бы вас всех побрал! Скажете вы мне или нет, что с девушкой?! Где она? В какой палате? — Он орал и даже тряс кулаками, но доктор и бровью не повел, знал, что сейчас подействует сильнейшее снотворное.

Наконец, Бонд уронил руки и тихо попросил:

— Ну скажите же, доктор, пожалуйста. Мне... нужно.

— Извольте, скажу. С мисс Витали обошлись весьма жестоко, у нее множество ожогов, и она очень мучается. А лежит рядом, в четвертой палате, можете зайти к ней, но буквально на минутку. Ей нужно уснуть, и вы тоже вернетесь к себе и ляжете, договорились? — Стенгель открыл дверь.

— Доктор.. Спасибо, доктор. — Бонд вышел в коридор; ноги слушались плохо, кружилась голова. Он толкнул дверь соседней палаты и с нарочитой тщательностью, как пьяный, притворил ее за собой. Стенгель пошел по коридору. Ничего, пусть увидятся, этим двоим как раз и нужен нежный взгляд, ласковое слово.

Палата была совсем крошечная, на окне жалюзи, и всюду лежат узкие полоски света. Бонд подошел к постели и опустился на колени. Домино повернулась к нему, запустила руку ему в волосы и подтянула поближе.

— Ты никуда не уходи, — хрипло попросила она. — Останься, ладно?

Не дождавшись ответа, легонько потрясла его:

— Слышишь, Джеймс? Ты останешься тут.

Она почувствовала, как он дернулся, и разжала пальцы. Бонд соскользнул на коврик подле постели. Она осторожно приподнялась, посмотрела: он уже спал, подложив руку под голову, черная прядь упала на лоб.

С минуту она вглядывалась в резковатое, усталое лицо. Потом передвинула подушку на самый край — захочет, сможет еще посмотреть — и закрыла глаза.

Перевод Т. ТУЛЬЧИНСКОЙ

Часто повторяют:
Пушкин непереводем –
он звучит только по-русски.
Что же в этом плохого?

Почему Пушкин
должен одинаково звучать
для русского человека,
жителя Огненной Земли
или Исландии?

Пушкин – русский поэт.
И однако он звучит для многих,
обитающих далеко
за пределами нашей России.
Одно из доказательств тому
затейное американской
фирмой NATCO

(Северо-американская
торговая компания) и нами
создание совместного
полнометражного
рисованного мультфильма
"Руслан и Людмила".

Рисовать будут наши художники.
Возглавляет дело всем известный
режиссер сериала "Ну, погоди!"
Вячеслав Котеночкин.

Эскизы к фильму
пытаюсь нарисовать я,
Геннадий Новожиллов.

СНИМАЕТСЯ КИНО

Все права на эскизы
к мультфильму "Руслан и Людмила"
принадлежат NATCO, Inc.

Георг
ЛОРДКИПАНИДЗЕ,
12 лет

УРОК МУЗЫКИ

РАССКАЗ

Звенит звонок. Школа сотрясается от шестисот пар ног. Тридцать из этих шестисот принадлежат пятому "А". Пятые "ашки" пробегают по первому этажу, устремляясь к актовому залу, сметая все на своем пути. Наконец, класс врывается в зал и с криками бухается на сразу провалившиеся стулья. Дело в том, что в нашем школьном зале все сиденья, если их немного подтолкнуть, сразу падают. Поэтому дети, только что усевшись, сразу вскакивают и с грохотом поправляют стулья. Одновременно Генесина доводит сидящую перед ней Добрякову: как только Добрякова устанавливает на место сиденье своего стула и собирается сесть, Генесина, с точностью необыкновенной, скидывает сиденье Добряковой на пол. Это продолжалось бы довольно долго, если бы в какой-то момент не раздался громкий вопль учительницы: "Всем из класса! Входить под музыку!"

Никто не обращает на нее внимания, кроме Генесиной, которая с готовностью, забыв о Добряковой, удивленно уставилась на учительницу, как бы говоря: "У кого там прорезался голос?" Учительница еще минут пять покричала, пока все уселись и уставились на нее невинными глазами. Тогда она еще раз произнесла: "Всем – из класса! Войти под музыку!" Все недовольно вышли.

Учительница заиграла какой-то

марш, и пятый "А" вразнобой и не в такт вошел в зал. Снова начали рассаживаться по своим местам. Генесина спокойно пинает стул Добряковой. Грохот в зале перекрывается воплем учительницы: "Все сели!" Генесина успокаивается. "Так вот, если это еще раз повторится, я... Я не знаю, что я сделаю!" Все невинно смотрят на учительницу. "Сначала распоемся. Будем петь "Артишоки". Помните слова? Напоминаю: "Артишо-ки, артишоки и миндаль не растут в Европе, не растут в Европе – очень жаль".

Кто-то кричит: "Растут!" Класс скандирует: "Рас-тут, рас-тут, рас-тут". Учительница старается перекричать класс: "Один – для умных, два – для дураков, три – для невнимательных".

В пятом "А" большинство были дураками. Наконец, класс утихомирился.

– Поем, – учительница садится и начинает распевку. Класс:

*Артишоки, артишоки
и миндаль, и миндаль
не растут на попе...
очень жаль...*

Учительница продолжает играть, текст повторяется, звучит более явственно. Учительница внимательно всматривается в Гришину, которая старательно выводит: "... не растут на попе... очень жаль..."

– Твои родители – хамы, Гри-

шина, – скучным и монотонным голосом говорит учительница. Гришина тупо смотрит перед собой. Вдруг учительница срывается и вопит:

– Быстро дневник! Иди за классным руководителем!

Гришина никуда не идет и дневник не дает. Шум нарастает. Раздаются возгласы, переходящие в скандирование: "Днев-ник, днев-ник, Гри-ши-на, днев-ник!"

Дверь открывается, входит толстый застенчивый мужчина в форме милиционера ГАИ. Класс, предчувствуя веселую беседу с сообщением занятых сведений о жертвах дорожных происшествий, дружно запекает:

*Мы юные помощники,
мы юные помощники,
Мы юные помощники ГАИ...*

С задних рядов доносится "metall". Гаишник несмело начинает:

– Вы, ребята, знаете, что скоро будут каникулы, и многие останутся в городе.

Кто-то критически замечает: "Старая песня".

– Так вот, ребята, – продолжает как ни в чем не бывало гаишник, – надо быть осторожнее. Я вот вам хочу рассказать несколько случаев...

Звенит звонок. Школа сотрясается от топота шестисот пар ног. Тридцать из них принадлежат пятому "А".

**ЗАЧЕМ
ОБЪЕДИНЯЮТСЯ
В СОЮЗ**

ТУС: Ребята, нашего полку прибыло!

Тусовка (хором): Кто такие?

ТУС: Сережа и Володя. Оба – "бомжи" и безработные!

Лера: Как? Уже?!

Сережа: Точнее сказать, не уже, а еще. Дело в том, что я и мой друг – бывшие воспитанники детского дома. Отбыли свой срок и... оказались на улице! Ни жилья, ни прописки! А без них и на работу не берут, и метров не выделяют. Вот так и живем тунеядцами на чердаках и в подвалах. Сначала ходили в комиссию по делам несовершеннолетних в исполком. А там разговор короткий – жилья нет. Что прикажете делать?

Володя: Промышлять, чем придется. Вот мы и промышляем. А развернуться сейчас есть где. Это вам не детдом. В детдоме ведь у нас все одинаковое было. Как говорится, имели только самое необходимое. Карманных денег – ни цента! Вышли за ворота – не знаем, где хлеб-сахар покупается. А главное – на что? Ничего, со временем освоились...

Илья: Выходит, что взрослые сами же толкнули вас на такой образ жизни. А потом... Потом, наверно, за исправление возьмутся. 85 % привлекаемых за нарушение подростков упекают в спецПТУ или спецшколы – это я в "Аргументах и фактах" вычитал. Выходит, посадить подростка плевое дело?

ТУС: Ой ли? А послушать работников милиции – наоборот получается. Прежде чем отправить подростка в спецшколу, с ним сколько душевнспасительных бесед проведут. Только после ряда – слышите, ряда! – нарушений применяются строгие меры. Это что вам – не аргументы и факты?

Илья: А какой толк в этих беседах? Будь пай-мальчиком, не воруй. Поговорили и марш обратно в свой подвал, к крысам...

Сережа: А как только воспитатели нас не обзывали! Чуть что, директриса составляет черные списки, а самых непокорных тут же в "психушку" отправляет. Называется – на лечение в санаторий. В последний раз ребята взбунтовались, написали письмо в Детский фонд, приезжала комиссия. Слава богу, хоть эту начальницу сняли...

Миша: Как подростку защититься от произвола? Вот мы подумали-подумали и учредили Союз подростков в Москве. Есть они уже и в других городах.

СТОП-СТРОКА: КАК ПОДРОСТКУ ЗАЩИТИТЬСЯ ОТ ПРОИЗВОЛА ВЗРОСЛЫХ?

ТУС: А юридический статус у вашего Союза есть?

Валя: Нет, мы еще пока не зарегистрированы. Но среди наших учредителей – инспекция по делам несовершеннолетних при исполкоме Моссовета, они нам помогают пробиваться.

ТУС: А программа?

Валя: Программа у нас простая: защита прав и интересов

подростков, трудоустройство, организация досуга и психологическая помощь. Всего-навсего четыре пункта!

ТУС: И как же вы собираетесь отстаивать свои права? Как – практически?

Валя: Думаем выдвинуть своих кандидатов в Советы. Нет же ребят-борцов за наши интересы, союзников подростков. Например, в Севастопольском районе Москвы баллотируется наш психолог.

Миша: Будем бороться за отмену постановления о комендантском часе для подростков!

Тусовка (хором): Правильно. Тусоваться – так до утра!

ТУС: Вы чего-то, ребята, путаете. Насколько мне известно – а я человек в этом вопросе сведущий – такого постановления в природе нет. Есть инструкция о запрещении находиться подросткам на улице, летом – после десяти, а зимой – после девяти.

Лера: А это что, не одно и то же? Мы девчонки, и то...

ТУС: Но инструкция носит только рекомендательный характер! Кстати, такие же рекомендации имеет полиция во всем мире. И не только полиция... Вот, смотрите.

Сережа и Володя: Ого! Мы же договорились без оружия...

ТУС: Да нет, это не пистолет... Просто карманное издание книги. Всего одна цитата. Слушайте:

"...В зале было совсем мало моих сверстников. По правде сказать, там их и вовсе не было – все больше какие-то расфуфыренные старикашки со своими дамами... Я заказал виски с содовой, но велел не разбавлять – говорил я нарочито быстро, а то, когда мнешься и мямлишь, можно подумать, что ты несовершеннолетний, и тогда тебе спиртного не дадут. И все равно официант стал придирааться:

– Простите, сэр, – говорит, – но нет ли у вас какого-нибудь удостоверения, что вы совершеннолетний? Может быть, у вас при себе шоферские права?

Я посмотрел на него ледяным взглядом, как будто он меня смертельно оскорбил, и говорю:

– Разве я похож на несовершеннолетнего?

– Простите, сэр, но у нас есть распоряжение...

– Ладно, ладно, – говорю, а сам думаю: "Ну его к черту". – Дайте мне кока-колы.

Он стал уходить, но я его позвал:

– Вы не можете подбавить капельку рома? – Я его попросил очень ласково, вежливо. – Как я могу сидеть в таком месте трезвый? Вы не можете подбавить хоть капельку рома?

– Простите, сэр, никак! – и ушел.

Но он не виноват. Он может потерять работу, если подаст спиртное несовершеннолетнему. А я, к несчастью, несовершеннолетний".

Сережа: Да это ведь "Над пропастью во ржи" Сэллинджера!

Валя: Ну если бы наша родная милиция заделалась вдруг

такой культурной! Было бы о чем поговорить при встрече...

ТУС: Хорошо, а если милиционер видит на улице в три часа ночи целую компанию подростков? Парень с девушкой – это еще понятно. Загулялись, то да се. А эти куда идут? Да еще с какой-то сумкой под мышкой... Нет, в этом случае он обязан их задержать...

Валя: А на каком основании?

ТУС: Установление личности. У милиционера есть право задержать человека на три часа. Если подозрения подтверждаются – задержание продлевается до трех суток, пока подозрения не будут сняты.

Сергея: А если меня задержали просто так?

ТУС: Без доказательств? Но задержать тебя можно только на месте правонарушения, с уликами в руках.

Володя: Их можно и выдумать. Особенно если я – "бомж".

ТУС: Ну, на лице у тебя это не написано.

Сергея: А где написано? Вы сами говорили, что если увидите в сумке инструменты, то вам все ясно. Значит, обыск?

ТУС: Милиционер имеет право на досмотр вещей подозреваемого человека.

Володя: Будете рыться в вещах?

ТУС: А не проще ли самому показать?

Володя: Да не хочу я, не хочу!

ТУС: Ну а как быть без досмотра? Или проверки документов? Учтите, что днем вас никто не тронет без видимой причины. А ночью и самого проверяющего могут запросто отправить на тот свет.

Сергея: Давайте лучше вернемся к вашему примеру. Допустим, есть у меня какие-то инструменты, я замок в школе вставлял, возвращаюсь домой. Уже поздно. Меня заподозрили. Как доказать, что я невиновен?

ТУС: Ничего особенного и не нужно. Говоришь: меня зовут так-то. Можете проверить прописку, установить мою личность. В распоряжении милиции три часа. А ты сиди себе, покуривай...

Миша: Можешь. Если возникло подозрение и тебя задерживают, звонишь родителям. Они вызывают адвоката. Разумеется, за плату...

Лера: Я даже не знала, что такое возможно.

Сергея: Эх, хорошо, у кого родители есть!

Илья: А я бы сидел и трое суток, и пятеро. Потом бы еще спасибо сказал, что отпустили.

Валя: А сколько стихов бы насочинял! На десять тусовок хватило бы.

ТУС: Если вы считаете, что с вами обошлись не по закону, существует районный прокурор, районный отклонил жалобу, обращайтесь к городскому. На действия сотрудника милиции вы имеете право подать в суд. За справедливость надо бороться.

СТОП-СТРОКА: ЗА СПРАВЕДЛИВОСТЬ НАДО БОРОТЬСЯ.

Илья: А мне кажется, дело еще вот в чем. Зачастую ребята не осознают всей ответственности за свои поступки. Как узнать об этих мерах, да и о наших правах тоже? Кто из вас видел продаже Уголовный кодекс? Я, например, нет.

ТУС: Но до 14 лет подростки и не привлекаются к уголовной ответственности! Кстати, многие этим пользуются. Есть у меня один знакомый воришка. Представляете, попался в день своего четырнадцатилетия. Об одном просил – протокол оформить накануне своего дня рождения.

Володя: Ну и как, оформили?

ТУС: Ну кто же может отодвинуть рождение человека на целый день?

Лера: А мне этого парня жалко...

Миша: А мне – нет. У меня есть родители, я их люблю. Ничего не стараюсь сам зарабатывать деньги на жизнь – только нормальным, честным путем. Часто ночью где придется, но не потому, что меня гонят, а потому, что хочу чувствовать себя свободным. Не хочу быть послушным винтиком. Понятно?

Илья: Зачем же вы тогда объединяетесь в Союз?

Валя: Объединяемся, чтобы защищаться. В нашем Союзе триста активных борцов.

Лера: В чем же проявляется ваша активность?

Миша: По первому вызову явятся!

Илья: А для чего?

Миша: Мы проводим самые разные акции. Недавно учредили свою биржу труда. А наши факельные шествия видели? Стать бы только нашему Союзу официальным, юридическим лицом. Тогда бы и у подростка появился бы свой "ковчег" в этом мире. Кстати, "Ковчегом" мы и назовем свой клуб. В устройстве его нам обещали помочь наши специалисты-психологи. Здесь можно будет и потусоваться, и переночевать, если некуда идти.

Илья: Не верю я что-то в подобные объединения. Сейчас появляется много неформальных организаций. Все это фарс и игра. Протест ради протеста.

Лера: Объединить может дело.

Володя и Сережа: А где его взять, это дело? Вот мы ходим уже несколько месяцев, просим: дайте работу... Никому мы не нужны. Вот и возвращаемся обратно, в свои подвалы ни с чем.

ТУС: А почему бы нам не устроить тусовку в вашем подвале? И не пригласить на нее некоторых ответственных товарищей из района и города...

Миша: Зачем в подвал? Теперь у нас будет для этого собственное, хоть и небольшое помещение.

ТУС: Что же, оттусовались и – по домам, по подвалам! Всем спасибо – и тем кто был, и тем, кто еще будет!

Ваш ТУС (Ты Узнал Сташкова?)

Для тех, кто заинтересовался личностями "бомжей" из детства (надеюсь, что найдутся и такие), называем фамилии гостей: Сережа Воробьев и Володя Матреничев.

К МУРОВСКОЙ ТУСОВКЕ

*Собрались сегодня мы,
Тусовались до поры,
Это что-то, это вроде
Юридической игры.*

*Пацаненка задержали.
Что тут делать? Как нам быть?
Адвоката приглашали –
Хочет нам полезным быть.*

*Дам совет хороший, ну а вы послушайте:
Манну кашу с молочком вечерами кушайте,
Будет вам Степашка сказочку читать,
Вечерами нечего, нечего гулять.*

*Дядя Саша, опер МУРа, много с нами говорил,
После этого собрания каждый парень счастлив был.
Я скажу вам по секрету, почему же каждый рад.
Да, теперича, ребята, в МУРе есть хороший блат.*

*А еще один чужак
Предложил нам делать так:
На вокзале ночевать
И ночлежки открывать...*

*Я, конечно, не Обломов,
Хоть зовут меня Илья.
Ночевать хочу я дома.
Дома ночевать нельзя?*

*На тусовочке у нас вольная компания:
Хиппи, сыщик, два бомжа, шум и ноль внимания.
А еще, забыл сказать, и "зеленых" куча.
До свидания, друзья! Мы вам не наскучим!*

Поэт Тусовки Илья
Ведущий тусовки – журналист
Наталья ВЕЛИКОДНАЯ

"БИТЛЗ":

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

НЕСКОЛЬКО СЛОВ
ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

"Битлз"... Уже около тридцати лет песни этой группы слушает и поет весь мир. Множество других групп за прошедшие годы кануло в Лету, и песни их умерли, а вот песни "Битлз" живут и не теряют популярности.

Как удалось такое четырем мальчишкам – Джону Леннону, Полу Маккартни, Джорджу Харрисону и Ринго Старру? Даже сейчас трудно ответить на этот вопрос. Ибо для подобного успеха мало таланта композиторов, поэтов и исполнителей,

мало умения общаться с залом, мало дружбы, а нужно еще нечто, что можно назвать интуитивным чувством души человеческой и ощущением времени. В песнях "Битлз" сплелось вечное и сиюминутное, внешнее и глубоко потаенное, веселое и грустное. И все это объединяется одним великим и горячим, молодым чувством, имя которому "любовь".

Я в песни "Битлз" влюбился давно, еще тогда, когда в нашей стране они были фактически запрещены. Поэтому, когда полгода назад в издательстве "Радуга", где готовится к изданию большой том песен "Битлз", мне предложили перевести на свой собственный выбор некоторые из них, я был очень обрадован. Старые переводы многих песен были и формальны, и неточны. Мне же хотелось максимально близко передать на русском языке, ничего от себя не добавляя и ничего не приукрашивая, всю простоту, незатейливость и чистоту песен великолепной четверки...

СЫН МАТЕРИ ЗЕМЛИ MOTHER NATURE'S SON

Выходи на свет, сынок
Матери Земли.

Я весь день здесь песенки пою
А ты внимли.

Сядь у горного ручья,
У прозрачных вод.
Слушай, как и тоненько и чисто
Он поет.

Прячусь я в траве, сынок
Матушки Земли.
Васильки на солнышке поют
Средь конопли.

Выйди, сын Земли.

ЗОЛОТАЯ ПОДЛОДКА YELLOW SUBMARINE

В городке моем родном
капитан когда-то жил.
Как-то раз он рассказал
нам о землях под водой.
Мы поплыли на восток,
светом солнца залитой,
и нашли мы в глубине
край Подлодки Золотой.
Мы живем
на подлодке золотой,
лодке золотой, лодке золотой.
Мы живем
на подлодке золотой,
лодке золотой, лодке золотой.
И друзья – все тоже тут –
на борту ее живут.
И для нас играет джаз...
Мы живем
на подлодке золотой,

подке золотой, подке золотой.
Мы живем
на подлодке золотой,
подке золотой, подке золотой.
Жизнь для нас легка сейчас.
Все, что нужно здесь,
есть у нас –
синь небес, простор морской
на посудине золотой.
Мы живем
на подлодке золотой,
подке золотой, подке золотой.
Мы живем
на подлодке золотой,
подке золотой, подке золотой.
Мы живем
на подлодке золотой,
подке золотой, подке золотой.
Мы живем
на подлодке золотой,
подке золотой.

ДЕНЬ НАЗАД YESTERDAY

День назад
Был я весел, был я жизни рад,
А теперь печалью я объят.
О, как вернуть тот день назад!

За день вдруг
Стал другим я,
стал себе не друг.
Тени темные стоят вокруг,
Беда со мной случилась вдруг.

Она
Вдруг пришла и прочла
Мой резкий взгляд.
Я зло
Крикнул ей.
Нет путей теперь назад.

День назад
Я считал любовь игрой ребят.
У меня с самим собой разлад.
О, как вернуть тот день назад!

Она
Вдруг пришла и прочла
Мой резкий взгляд.
Я зло
Крикнул ей.
Нет путей теперь назад.

День назад я считал любовь
игрой ребят.
У меня с самим собой разлад.
О, как вернуть тот день назад!
Мм мм мм мм мм мм мм

Я УВИДЕЛ ЕЕ I SAW HER STANDING THERE

Семнадцать лет было ей.
Среди прочих фей
Гляделась эта девочка звездой.
Ее я увидел нежданно,
О, в миг, когда плясал с другою.

Я в синь ее глаз
Влюбился тотчас,
Ее нежный взгляд
увел меня с собою.
Любовь нас пронзила нежданно,
О, в миг, когда я был с другою.

Сердцем я дрожал,
Пересек я зал,
Ее руку сжал в своей.
Мы всю ночь были с ней.
Я влюблялся все сильней.
Ее нежный взгляд
увел меня с собою.
Ее повстречал я нежданно,
О, нет, не нужно мне другою!

Сердцем я дрожал,
Пересек я зал,
Ее руку сжал в своей.
Мы всю ночь были с ней,
Я влюблялся все сильнее,
Ее нежный взгляд
увел меня с собой.

Ее повстречал я нежданно,
О, нет, не нужно мне другой,
О, нет, не нужно мне другой,
О, нет, не нужно мне другой!

УЛЕТЕЛА ПТИЧКА
NORWEGIAN WOOD
(THIS BIRD HAD FLOWN)

Я с девушкой был –
Славной такой –
Прежде знаком.
И в дом к ней пришли
Мы как-то раз
В вечерний час.
Она предложила мне сесть
и о чем-то вздохнула,
И тут я заметил,
что в комнате нету ни стула.
Я сел на диван,
Ну а потом
Пил с нею ром.
В два стала она
Вдруг предлагать:
– Нам нужно спать!
– С утра на работу, –
ее я услышал смешок.
– А мне не идти, –
я ответил и в ванной прилег.
Когда я вскочил,
Дом был пустой –
Без птички той.
Я печь затопил
И закурил...
Прав ли я был?

ВОСЕМЬ ДНЕЙ В НЕДЕЛЮ
EIGHT DAYS A WEEK

Плохо мне, малышка,
Без любви твоей.
А тебе, малышка,
Без любви моей.
Дай мне счастье,
Дай мне счастье.
Восемь дней в неделю
Люби меня.
Без тебя мне, крошка,
Не прожить и дня.
Ты все время, крошка,
В сердце у меня.
Дай мне счастье,
Дай мне счастье.
Восемь дней в неделю
Люби меня.
Тебя люблю

восемь дней в неделю,
Но даже их мне не хватает
для любви.

Плохо мне, малышка,
Без любви твоей.
А тебе, малышка,
Без любви моей.
Дай мне счастье,
Дай мне счастье.
Восемь дней в неделю
Люби меня.
Тебя люблю

восемь дней в неделю,
Но даже их мне не хватает
для любви.

Без тебя мне, крошка,
Не прожить и дня.
Ты все время, крошка,
В сердце у меня.
Дай мне счастье,
Дай мне счастье.
Восемь дней в неделю
Люби меня.
Люби меня, люби меня.

Рок-энциклопедия

ВЗРОСЛЫЕ "ДЕТИ"

Недавно фирма "Мелодия" выпустила пластинку ленинградской группы "Дети" – сборник лучших песен ансамбля, первая студийная запись целого этапа творчества музыкантов. Ей предшествовал лишь самопальный магнитоальбом 1987 года "Кесарево сечение". До последнего времени у "Детей" попросту не было денег на фонограммы.

Впрочем, моей целью не является презентация диска. Пластинка стала для меня событием потому, что открыла объемность художественного мирозерцания знакомых артистов.

Не секрет, группа "Дети" очень популярна своими раскрученными телевидением хитами: "Все, я сказал!", "Три аккорда", "Пол Маккартни" и "Осел". Эти песни артисты в основном исполняют и в сборных концертах, где с группой чаще всего доводится встречаться зрителям.

При появлении на свет группа

насторожила намеком на повторение известного, приедающегося имиджа. Ну и что – "Дети"? Экая оригинальность эксплуатировать имитацию детского сознания! Да еще подчеркивать образ бусами из погремушек и коротенькими штанишками. Видели, видели подобный попс-недопанк. Небось, и мысль-то назваться "Детями" пришла музыкантам потому, что Дмитрий Ларионов (тромбон, вокал) и Леонид Терентьев (саксофон, кларнет, вокал) – щупленькие, низкорослые ребята, почти по пояс солисту Петру Струкову (вокал, гитара, балалайка). По контрасту с костюмированным в нечто пляжное Струковым духовой состав очень смешно смотрится в широченных "взрослых" костюмах и не по размеру шляпах, утапливающих головы почти до подбородков.

Однако, когда мы познакомились за кулисами, ребята расположили к себе спокойной доброжелательностью, непри-

вычной нашему времени несуетностью, воистину андеграундовой уверенностью в правоте своего дела, сколь странным или подозрительным оно ни казалось бы окружающим.

С экрана их забойные вещи, приправленные не всегда, на мой взгляд, адекватным видеорядом, могут восприниматься несколько прямолинейными. И все же "Дети" сумели убедить, что никто лучше них не способен рассказать о тупом однообразии бытия — "Все, я сказал!" Подтрунить над своими же собратьями-музыкантами по части возводимого в принцип, наследственного пристрастия к трем аккордам. Разглядеть комичность нынешнего поголовного принятия рока, когда ратующие за него нередко слабо представляют, о чем, собственно, идет речь: "Всего лишь Пол-Маккартни, а почему не целый?" "Дети" могут обыгрывать простенький анекдот или брать бесконечными повторами, но надо прислушаться, чтобы понять, что ни одна из их песен не ограничивается единственным "недокрученным" приемом, как у многих других торопливых коллег по жанру.

В варианте видеоклипа песня "Осел" запомнилась здоровенным кулаком с татуированным на пальцах именем "Миша". Занятно. Однако обратите внимание, пожалуй, никто, кроме "Детей", не сумел показать перестройку в виде такой простой и в то же время неоднозначной картинки: как бы двухэтажного мира, соединенного водосточным люком, куда с обеих сторон

персонажи норовят замести разлетевшийся мусор. Причем "коммуникативная труба" люка заодно еще и преобразует благие пожелания обеих сторон, впрочем, одинаково косноязычные: "там не просто, чтобы хорошо и все, а конкретно то да се".

Пластинка открыла иную ипостась творчества "Детей" — лирическую. Мне особенно нравятся их ранняя песня — "Воздухоплаватели" а из более поздних — "Окоп". Их мудрые философские, ласковые сказки рождаются в горниле трагедии и воспаряют над житейскими бедами.

Впрочем, улыбку "Дети" не теряют никогда, и диск дополняет представление о стебном репертуаре группы. Смех "Детей" замешан на сострадании, и потому не раздражает зубоскальством. Сами музыканты говорят: "Как живем, так и сочиняем, какой уж тут юмор?!" Но пристеб, безусловно, есть, но из тех, что помогает выжить.

Причудливой смесью иронии, отчаяния и теплоты понимания естественной человеческой потребности в оптимизме звучат в песне "Кто это сделал?" заклинания персонажа: "всем уже давно хорошо, лучше не надо". Так и видишь умные, в глубине грустные, но с веселым прищуром глаза музыкантов, заключающих: "Хочется спасибо сказать за эту за жизнь. Кому? Сказать, догнать и снова сказать, а вдруг не понятно кому."

Тексты и музыку в группе сочиняют Струков и Роман Капорин (вокал, саксофон, гитара,

флейты, фортепиано, бас-гитара, балалайка). К моменту аранжировки активно подключается Игорь Рудик (клавишные, вокал). Из состава группы мною пока не был назван только барабанщик Александр Воробьев.

Однако я хочу вернуться к впечатлению от пластинки. Редко приходится встречать диски, которые с удовольствием слушаешь от начала до конца. Обычно ударные хиты выделяются, а что-то воспринимается как "нагрузка", каким бы "избранным" ни был репертуар.

У "Детей" каждая песня ярка и не похожа на другую по ме-

лодии. Разнообразны и решения, и обработки, использующие то фольк-рок, то очень интеллигентные ходы в классической манере, то кабаре-мотивы. Ребята мастерски выстраивают контрасты, так, что каждый штрих песни оказывается метафорой по отношению к другим элементам композиции. Самое простое, скажем, весьма грустную песню "Могилки" преподнести в духе развлекательного фокстрота.

Случай с "Детями" тот редкий, когда о текстах можно говорить как о высокой поэзии. В лирике так и напрашивается

прочертить разветвленные линии в глубь культурной традиции, хотя нет прямых аналогий с классикой.

Именно пластинка убедила меня в истинной интеллигентности "Детей", той, что делает небесным их туповатый сценический имидж. Игра в ущербность не оборачивается естеством, как у некоторых "авангардистов поневоле".

Думаю, немаловажно, что у всех музыкантов группы есть творческое образование, будь то Ленинградский институт культуры, музыкальное училище или джазовая школа.

И еще мне очень импонирует, что они – настоящие артисты, из породы не фиглярничающих в жизни – берегут свой артистизм для сцены. Иной раз они могут показаться даже замкнутыми. Напропалую пьющих, смолящих и прелюбодействующих рокеров могут огорчить в этих вопросах аскетизмом – скорее затеют игру в футбол, настольный теннис или бадминтон. Роман Капорин, с которым я недавно путешествовала по Волге на акции "Рок чистой воды", и вовсе вегетарианец. Зато на трезвую голову и легкий желудок успевает интересоваться всем вокруг и увлекать ребят из других групп возможностью сыграть импровизацию. Надо видеть и слышать, как, тактично начиная игру, Роман вскоре становится эмоциональным лидером действия. Эти обаяние, энергетика, заразительность – венчающий аргумент группы "Дети", неизменно находящей понимание и восторг у зрителей.

ДЕЛО "МАСТЕРА"

Моя последняя встреча с рок-группой "Мастер" состоялась в традиционном месте московских рок-тусовок, ДК имени Горбунова, где на сей раз отечественные металлисты принимали собратов по музыкальным пристрастиям, старейшего лидера австрийского харда, группу "Блайнд Петишн". Что касается "Мастера", он с успехом гастролировал во многих зарубежных странах. А вот нас на родине за последние годы мы повидали, кажется, любых металлистов, кроме, как выяснилось, австрийских. Это пробел взялось восполнить новое совместное предприятие "Red line Moscow" с помощью

неожиданно щедрых и компетентных спонсоров, медицинского НПО "Римэкс" и при активном содействии моего коллеги, музыкального критика Михаила Сигалова. Они организовали обмен визитами групп "Мастер" и "Блайнд Петишн".

Лидер "Мастера" Андрей Большаков категорически не согласился с моим замечанием, будто сегодня все металлюги похожи. "Иные из хард-роке-ров, – наблюдает он, – в погоне за зрительским вниманием облегчают звучание. Поездив по Союзу, я видел тучи просто псевдометаллических групп, которые запрательно плохи. Дискредитируют жанр. Они

НИЧЕГО не играют. Считают, будто металл на одной струне лупить можно".

Другое дело, хард-рок сегодня, пережив период исторической популярности, когда недоброжелатели обвиняли металлистов в погоне за модой, стал жанром традиционным, со своими четкими канонами. И во внешнем прикиде, и в музыке. Нравится – смотри, слушай, нет – не мешай патриотам "железа" беречь и поддерживать свою "классику".

В этом смысле особенно полезны контакты с зарубежными друзьями. Ведь и у них там похожая ситуация. Супераншлаги делают попсеры, а все направ-

ления рока чаще бытуют в интимных клубах. Нормально для жизни жанра. "Никакого кризиса в роке нет," – уверен Большаков. Правда, у нас не развита инфраструктура рока, те самые небольшие сцены в каждом городе.

Вот если фестиваль, это мы еще можем. Как раз только что "Мастер" и "Блайнд Петишн" вернулись с фестиваля "Музыка Эко-96" в Донецке, приуроченного заодно к 50-летию юбилею Джона Леннона. Все было бы хорошо: 40-тысячные аншлаги на стадионе. Но с непривычки к подобным форумам донецкие власти стали к месту действия, кажется, всю милицию Украины. А та, тоже, наверное, по неопытности, перестаралась и лупцевала разгоряченную толпу совсем без необходимости.

В Австрии и ФРГ, куда "Мастер" отправится осенью этого года с ответным визитом, фестивали более принятое явление. В Вене, например, группа выступит на традиционном Дунай-фесте, который проходит в два дня с утра и до поздней ночи на специально насыпанном для этого острове, на 12 огромных сценах, собирающих до 2 миллионов зрителей в зависимости от вкусов, по жанрам. Рок-сцена, где выступают до 25 групп в день, привлекает примерно двадцатитысячную аудиторию.

Там "Мастер" предстанет в своем недавно стабилизировавшемся составе: Андрей Большаков – гитары, Александр Грайворонский – бас, Игорь Мончаков – барабаны, Михаил Серы-

шев – вокал, Сергей Попов – гитара.

В творческом багаже группы пластинка, выпущенная фирмой "Мелодия". Большакову очень не нравится ее качество в смысле производственного исполнения. А по композициям это то, что на Западе называется "грэйтест хитс", значит не альбом, а сборник "песен разных лет". Это – история становления "Мастера". Поэтому некоторые песни напоминают композиции группы "Ария", где раньше сотрудничал Большаков. Работы были написаны еще там, но не игрались, бросать было жалко, потому "Мастер" их и записал.

Сейчас группа подготовила новый альбом – "С петлей на шее", который тоже выпустит "Мелодия". Большаков ценит этот цикл и по музыке, и по текстам. Кажется, более всего его ободрило то, что даже в наше демократическое время с текстами на фирме грамзаписи возникли сложности – худсовет утверждал, что слова будут непонятны слушателям. Одну песню убрали. Об остальных – вам судить.

И все же меня одолевает идея: зачем это наши артисты так вяжутся к зарубежным собратьям? Только ради совместной поддержки жанра? Или хотят во всем уподобиться западным стандартам?

Большаков – ярый поборник НАСТОЯЩЕЙ тяжелой музыки. Он с презрением говорит о тех, кто готов нацепить косоворотки и буденовки, поднять красный флаг, спустить штаны и ная-

ривать "конфетки-бараночки" под балалайку, лишь бы заинтересовать иностранных меломанов.

И в то же время он утверждает, что российский мелодический лад, русская распевность обязательно сохранятся в хорошей музыке, даже хэви. За рубежом ценители подтверждают, что "Мастер" впечатляет непривычной на их слух мелодикой, однако внятно сплавленной с крепким хардом. Иногда такой стиль именуют поп-трэш, хотя Большаков полагает, что в адрес "Мастера" это определение спорно.

Мне же видятся иные аналогии, не обязательно с попсой или российской песенностью. Мне думается, что рок, и в частности металл, впитал в себя интернациональную культуру карнавала, преобразив ее в современном ключе. Международное сходство металлистов явно способствует легкости преодоления их искусством любых разноразличных особенностей восприятия. А что касается нашей отчизны, то здесь всегда любили марши. Глядя на тинэйджеров, сотрясающихся в ритмах металла, вспоминается зазорное ретро: "Соловей, соловей, пташечка, канареечка жалобно поет!" Ну, разве что скорости в течение веков растут, ритмы нагнетаются.

"Здорово! Как ты догадалась, что именно эту песню мы подумываем ввести в свой репертуар?" – удивляется Большаков.

Нина ТИХОНОВА

Фото Евгения МАТВЕЕВА

ЭКИПАЖ
МАШИНЫ
БОЕВОЙ

Вы знаете, что в этом году состоялся фестиваль советского рока? Нет? Тогда попробуйте угадать, в каком городе прошел этот музыкальный праздник. В Ленинграде? В Свердловске? В Москве? Не угадали. Фестиваль этот прошел в маленьком городке Гранд-Курон под Руаном. Да, это во Франции. Вот так.

Наверное, и мы бы ничего не знали про такой фестиваль, но нам о нем сообщили ребята из веселой московской группы "Т-34", непосредственно участвовавшие в этом событии. Надеюсь, вам знаком этот боевой коллектив. Не очень? Ну что ж, придется о нем рассказать.

Поклонники группы называют себя "танкистами" и на музыкальные тусовки ходят в красных свитерах и кепках – таких же, как у солиста группы и клавишника Саши Сорокина –

на снимке он сидит, наверное, потому, что устал – управлять тяжелой машиной непросто. Рядом с ним товарищ с кобурой и в желтой майке – это Сергей Левитин, соло-гитара. Говорят, что он самый умный в группе, поэтому – с пистолетом. А его гитара – в руках у Леши Молодцова, который вообще-то играет на басу, а чужой инструмент схватил впопыхах. К сожалению, на снимке нет четвертого члена экипажа, барабанщика Сергея Шалагина. Правда, в группу он пришел позже других, а с репетиции, после которой была сделана фотография, ушел раньше. Как объяснили ребята, он случайно подорвался на противотанковой мине, стал в результате слишком нефотогеничным и потому ушел домой. Увы, травматизм в искусстве по-прежнему очень велик, особенно в танк-роке – так называется музыкальное направление, возглавляемое группой "Т-34". Честно говоря, другие представители этого течения мне не известны, но это уже неважно.

Как известно, танк Т-34 машина очень старая, была взята на вооружение в годы Великой Отечественной войны, и теперь ее можно увидеть только в кино или на площадке перед Центральным музеем Вооруженных Сил СССР. А вот группа "Т-34" пока еще очень молода – собралась только в сентябре 1988 года. Но уже через три месяца с успехом прогромыхала на втором туре фестиваля "Интершанс-89" в Москве, который ставил целью показ советских музыкальных коллективов

представителям зарубежных фирм. И надо сказать, что западные бизнесмены взяли наших "танкистов" на заметку. И на красивом двойном альбоме, который вышел по итогам "Интершанса-89" во Франции, было аж целых две песни "Т-34". Кстати, почему-то именно французы очень полюбили эту группу и усиленно приглашают к себе на разные фестивали и концерты. Только в мае-июне этого года ребята успели побывать на трех фестивалях в замечательной стране, и сейчас собираются записывать там свою сольную пластинку. Когда ваш папа в очередной раз поедет в Париж, попросите его, пусть привезет вам этот диск.

А если не привезет, придется вам слушать единственный магнитоальбом группы, который она выпустила в конце 89 года в нашей стране. Называется он "Поиск отверстий". Уже само это название свидетельствует, что группа, несмотря на свое грозное название, очень мирная – предпочитает искать уже готовые отверстия, а не проделывать новые с помощью пушки. Вообще в музыке боевого коллектива "Т-34" не слышится лязганье "металла", хотя она достаточно моторная, напористая, замешанная на добротном ритм-энд-блюзе, приправленная хорошей щепоткой панка. Вполне доступны для понимания нашей молодежи и тексты – в меру дурашливые, четкие и вместе с тем не страдающие прямолинейностью. Вообще ребята избегают лобовых атак и сторонятся магистральных, асфальтовых дорог шоу-бизнеса.

Ну что ж, путь к успеху можно, наверное, проложить и через болото – если ехать на гусеничной машине.

Отчасти это объясняет смысл названия группы. У самих ребят спрашивать, почему они назвали ее именно так, а не иначе, бесполезно: у рок-музыкантов есть давняя традиция – в ответ

на подобные вопросы нести самую немыслимую ахинею. Видимо, в детстве наши "танкисты" очень любили кино про войну. Те самые старые фильмы, в которых "тридцатьчетверки" всегда побеждали.

Дмитрий ЛОВКОВСКИЙ
Фото автора

8231

ЦЕНА 1 РУБ. 60 КОП.
ИНДЕКС 70554